

Александр СМЫШЛЯЕВ

ГЕОЛОГИ КАМЧАТКИ (Очерки по истории геологических исследований на Камчатке)

*ПОСВЯЩАЮ тем, кто вглядывался в камень,
в надежде увидеть в нем судьбу Земли,
чьи имена хранят страницы полевых дневников
и геологических отчетов.*

Автор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Б. П. Синченко. СТИРАЮТСЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА
ОТ АВТОРА

1. ИЗ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕН

"Стратиграфический" период
Начало регулярных исследований
Геологи Севера Камчатки
Расцвет геологической отрасли
Эпоха умирания
Миражи, реалии и надежды

2. КОПЫТА ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА

По следам "Желтого дьявола"
Искры золотых копыт

Россыпь ручья Каменистого
Река Гольцовка
Удача на ручье Удачном
Река Быстрая и ее притоки
Россыпи западных рек
Щапинское золото
Россыпи полуострова Камчатского мыса
Сияние золотых копыт

Первый золотой перевал
Открытие Оганчи
Наука Оганчи
Обман Оганчи
На склонах Ичигемского хребта
Лос-Пенжинос
Дикий изгиб
Трагедия на реке Пенжине
Исследования продолжаются
Конец канавного периода
Скоростная проходка
Поселок Ухват, он же Северо-Камчатск
Здесь бродила молодость
Завершающий этап
Оставшиеся загадки Сергеевки
Агинское месторождение
Находка геолога Бабушкина
Вера и настойчивость геолога Абдрахимова
Рекомендации Вахтанга Нодия
Геологическая карта Игоря Петренко (1971-1972)
Звенящие горы
Агинское стало судьбой
Последняя краткая хроника
Аметистовская эпопея
Начало
Ягодка, Чемпион и прочие
Люди решают все
Итоги
В горах Юго-Восточной Камчатки
По следам кварцевых жил
Южно-Камчатская партия
Месторождение Родниковое
Месторождение Асачинское

3. ПЛАТИНА И АЛМАЗЫ КАМЧАТКИ

Трагическое начало
Ода гипербазитам
Неистовый Кутыев и другие
Открытие Большой платины
По следам платины
И снова алмазы

4. ГЕОЛОГИ НА КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВАХ

5. ГЕНЕРАЛЫ КАМЧАТСКОЙ ГЕОЛОГИИ

Список:

Юрий Павлович Рожков

В. Ламин

Михаил Филиппович Шевченко

Евгений Иванович Тухтин

Владимир Алексеевич Аввакумов

Михаил Сергеевич Сергеев

Дмитрий Алексеевич Бубнов

Павел Тимофеевич Усков

Вадим Михайлович Никольский

Рем Александрович Ремизов

Виктор Иванович Лаштабег

Василий Викторович Кноль

Михаил Григорьевич Патока

6. МАРШРУТЫ ОКОНЧЕННЫЕ И ПРЕРВАННЫЕ

Предсмертное открытие геолога Мазурина

Недокуренный "Беломор" Бориса Шапиро

Молчание Парамушира

Корифей геологии Забих Абдрахимов

7. СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

Словарь специальных терминов

Комментарии

СТИРАЮТСЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

Впервые в историографии Камчатки появилась книга о геологических исследованиях на полуострове, вместившая в себя огромный временной период - от С. П. Крашенинникова до конца двадцатого столетия.

Наш необычный, красивый, богатый природными ресурсами, удивительный и загадочный полуостров геологически формировался в течение нескольких сотен миллионов лет и до сих пор хранит в тайне многие вехи своего развития и особенности глубинного строения.

Изучение геологического строения полуострова велось работоспособным коллективом Камчатской территориальной геологической службы совместно с сотрудниками научных организаций страны. Эти самоотверженные люди прокладывали маршруты сквозь непроходимые заросли стлаников, непролазные болота, они пересекали горные хребты и глубокие реки, проникали в самые потаенные уголки полуострова в тяжелых пеших походах, на лошадях, вездеходах, вертолетах, зимой и летом, в непогоду и в экстремальных условиях.

Значение геологии в целом для мирового хозяйства очень велико, ведь 90% промышленного производства на планете так или иначе связано с освоением минерально-сырьевых ресурсов. Однозначно громадна роль этой отрасли и в России.

Сегодня трудно представить, что могло бы случиться с нашей страной, находящейся в глубоком системном кризисе, когда остановлено практически все производство, если бы за прошедшие десятилетия геологами не была создана колоссальная материальная база в виде многочисленных месторождений полезных ископаемых, в первую очередь нефти, газа, цветных металлов, золота и алмазов, каменного угля и других природных кладов, за счет которых страна практически и живет вот уже десяток-другой лет.

Геологи Камчатки также внесли огромный вклад в изучение недр территории области. Картина глубинного устройства нашей вулканической тверди, затерянной среди океанических просторов, стала более понятной, что привело к выявлению многочисленных видов полезных ископаемых, способствующих обеспечению сбалансированного социально-экономического развития Камчатской области.

Сегодня всем ясно, что без комплексного освоения ресурсов региона, требующего, безусловно, строжайшего выполнения всех экологических требований для сохранения экосистемы полуострова, невозможно наладить достойную жизнь населения. А Камчатка, помимо всего прочего, богата и минерально-сырьевыми ресурсами. Здесь открыты месторождения золота, серебра, платины, меди, никеля, кобальта, полиметаллов, ртути, олова, серы, каменного и бурого угля, торфа, природного газа, термальных, минерализованных и пресных вод, разнообразных стройматериалов и многих других полезных ископаемых.

Кто-то из великих людей сказал, что благополучие и могущество любого государства или региона определяется, в первую очередь, имеющимися природными ресурсами и умением населения рационально распорядиться ими.

Особенно актуальны эти слова для Камчатки, экономика которой страдает из-за отсутствия промышленной инфраструктуры. А создать инфраструктуру в сегодняшних рыночных условиях, пожалуй, способна одна отрасль - горнопромышленная.

Возьмем, к примеру, энергетику, из-за дороговизны и нерациональности развития которой вся продукция Камчатской области неконкурентоспособна на внешнем и внутреннем рынках.

И мы вынуждены вывозить за пределы полуострова по самым низким, бросовым ценам сырье, в том числе и основное богатство полуострова - рыбу. А ведь на планете трудно найти второй уголок, столь богатый практически всеми видами источников энергии, но мы до сих пор не можем их освоить и пользуемся дорогостоящими привозными.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О САМОЙ КНИГЕ.

Разумеется, она рассчитана на прочтение от начала до конца, хотя и состоит из серии отдельных очерков. Ведь очерки связаны одной темой и располагаются в строгом логическом порядке. Читатель получит документальное, но в то же время беллетризованное, достаточно красочное повествование о романтиках, производственниках, мечтателях, о буднях тысячной армии мужественных людей, которые бросили городской уют и ушли туда, где тяжело, порою просто голодно, холодно, по-настоящему опасно, но интересно, где решается, если хотите, наше будущее.

Да, автор ограничил тему историей изучения проявлений и месторождений золота, платины и алмазов. Но это сделано только потому, что он не хотел огромный пласт нашей истории рассказывать скороговоркой - сразу обо всем. Общее знакомство со всей эпохой геологических исследований на Камчатке он дает в первом, обзорном очерке.

А раздел книги, посвященный руководителям геологической службы Камчатки, иллюстрирует тезис о роли личности не только в истории, но и в производственной сфере, ее влиянии на формирование направлений деятельности конкретных организаций, что особенно ярко просматривается на примере геологии.

В сборнике, вероятно, много спорных точек зрения на те или иные события, но они так и представлены читателю, как неоднозначные. Само собой разумеется, что автор книги неслучайный человек в геологии - он в свое время посвятил ей почти двадцать лет жизни.

Книга написана, основываясь на убеждении, что многие читатели хотят знать, как же шло изучение недр Камчатки и ее отдельных месторождений. Хотят знать, что это за люди - геологи, посвятившие себя этой отрасли, почему в последнее время развернулось "гонение" на эту сферу созидательной человеческой деятельности. Хотят понять истину, что без изучения геологии Камчатки и увеличения минерально-сырьевой базы полуострова нас ждет незавидное существование, вероятнее всего - переселение в более освоенные регионы. Естественно, хочется обойтись без этого.

**Первый заместитель губернатора Камчатской области,
кандидат экономических наук
Б. П. Синченко**

АВТОРСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Часто можно услышать восхищения уникальностью Камчатки. Но есть и другое мнение: уникальны все уголки Земли, каждый по-своему, не только Камчатка. Может быть, это и так, но Камчатка - ах эта Камчатка! Я тоже из тех, кто повторяет, что она особенно прекрасна, по особенному уникальна.

Мало осталось мест на этом необычном полуострове, где я не был, а потому могу судить о его уникальности достаточно объективно. К тому же могу сравнивать Камчатку с другими самобытными, экзотическими местами на Земле - Аляской, Алтаем и Горной Шорией, Якутией и енисейской тайгой, Японией и Приальпийской Францией. Везде красиво, интересно, своеобразно.

Многие из этих мест я люблю и даже иногда вижу во сне. Но всякий раз, когда думаю о том, что судьба могла бы не свести меня с Камчаткой, сердце начинает биться тревожно и разум противится этой мысли. Нет, нет! Без Камчатки жизнь не была бы полной. Она бы не раскрылась так, как раскрылась здесь.

Почти все приезжие камчатцы чувствуют, что здесь они как бы родились заново, переродились. В душе, сердце, теле открылось что-то новое. Кто занимался творчеством - получил второе, причем более сильное дыхание, кто работал только мускулами - начал работать и головой. Почти у каждого жизнь здесь сложилась. А кто уехал, так и не поняв Камчатки, тот страдал в своей оторванности от нее, а многие возвращались. Возвращались и действительно находили, наконец, душевный покой и подъем чувств. Те же, кто покинул Камчатку, поднявшись именно здесь, продолжали набирать высоту и в иных краях. Она, Камчатка, дала им крепкие, надежные крылья.

"...Пыхтенье глины.
След кострищ и медвежьи следы.
Гул утробный. Из чрева долины
Мощный выброс паров и воды.
На мгновенье становится жутко:
Мир привычный, цивилизный, родной
Далеко. Словно нас на минутку
На планете ссадили иной".

Эти поэтические строчки камчатца Юрия Дружинина как нельзя лучше отражают первооткрывательские чувства человека, понявшего вдруг Камчатку: "Словно нас на минутку на планете ссадили иной...".

Вот именно, Камчатка - это нечто такое, чего нет больше на нашей Земле. Это соседство конусов вулканов с громадиной океана, тайги - с огнем, камня - с горячим паром, человека -

с необъятным простором. Это стада лосося, бьющегося о берега чистых рек. Это корабли в чаше Авачинской бухты. Это сопричастность к истории времен Петра Первого, Беринга и Чирикова! Это гордость за то, что вся твоя страна остается за спиной, а ты первым подставляешь лицо лучам утреннего солнца.

Но такова Камчатка в восприятии ее жителей, а что думает о ней человек, никогда ее не видевший? Какие ассоциации она у него вызывает? Конечно же, эти ассоциации в первую очередь связаны с вулканами и романтикой необжитых просторов - морских и сухопутных. И совсем не случайно сюда ехали по зову сердца именно те, кто бредили этой романтикой, - моряки и геологи. Одним словом - Бродяги!

У Камчатки большая, славная, интересная морская история. О ней знают все. Но, увы, мало кто знает, что у нее не менее интересная и славная история геологическая.

Как-то так получилось, что тысячи людей, несколько поколений участвовали в исследованиях недр Камчатки, оставили сотни жертв, но и сотни открытий, а вот знают об этом совсем не многие. То ли былая секретность виновата, то ли скромность самих геологов... Хотя, скорее всего, виновато то обстоятельство, что после камчатских геологов не появилось рудников, больших приисков, мощных угольных бассейнов. Работали, искали, открывали, но все это было не то, не те масштабы для нашей огромной страны.

"Какими бы распрекрасными патриотами мы ни были, как бы ни расписывали свой героический труд, но Камчатка пока никакого минерального сырья не дает", - с горечью написал автору книги один из бывших руководителей камчатской геологии Вадим Михайлович Никольский. - Увы, но это факт. Конечно, его можно объяснить экономически, но... Многое можно списать на недостаточную геологическую изученность.

Однако ясно и другое: ни одного уникального (а по многим полезным ископаемым и просто крупного) месторождения, которое пошло бы безоговорочно в эксплуатацию, нами на Камчатке еще не открыто. Причем есть мнение, что их (уникальных) может и не быть...".

Конечно, это только частное мнение, хотя и специалиста. Но ведь действительно Камчатка до сих пор так и не поставила к российскому столу ни грамма рудного золота, ни тонны серы, олова, ртути, никеля, других полезных ископаемых, которые у нее имеются.

А может быть, это и к лучшему? Природа как будто бы специально оградила полуостров от судьбы минерально-сырьевой колонии государства. Будь здесь открыто, например, большое золото лет 30 - 40 назад, то давно бы, кроме рваных дыр на теле земли, здесь ничего не осталось. И население не ощутило бы этого золота на своем благосостоянии. А так, все лежит, как в кубышке, ждет своего часа...

Один из моих знакомых шутит: "Камчатка даже по запасам минерального сырья подготовлена Богом для того, чтобы быть суверенным государством". И действительно, если посмотреть на этот вопрос без шутки, то сразу можно увидеть, что на Камчатке есть многое

для нормальной самостоятельной жизни. Для себя, для внутреннего потребления.

В меру, но многое: строительные материалы, питьевая вода, пар, минеральная и горячая вода, рекреации, газ, минеральные добавки, красители. Кое-что найдется и для торговли, и обмена: золото, платина, самоцветы, никель, медь, олово, ртуть, сера. А что еще ждет впереди, какие открытия!..

Впрочем, этот разговор совсем не из области геологии. Это уже геополитика, большие планы, расстановка приоритетов. А геологи, как бы там ни было, и что бы ни отыскалось, делали и продолжают делать свое дело. Они любили и любят Камчатку, ее природу, ее уникальность. Их сердца не менее, если не более, ранимы, чем у тех, кто упрекает геологов в нанесении вреда полуострову. Они никогда не наносили его сознательно, а до определенного периода даже органически вписывались в природу, обладая только лошадью, карандашом и геологическим молотком.

Но изменялся мир, цивилизация настигла и камчадалов. Геолог на лошади просто не выполнил бы тех задач, которые от него требовали новые условия жизни. И его вооружили техникой. Какой техникой вооружили - такой и работал. Машиностроителей, высших руководителей страны, разрабатывающих перспективы, за это никто почему-то не критикует. А вот геолога, который пересел с лошади на технику, которую ему поставили, критикуют. И не только критикуют, но и не дают работать. По меньшей мере, это нечестно.

Но жизнь продолжается, время уходит вперед. И пора ухватить то, что еще помнится. Хотя бы для того, чтобы последующим поколениям людей правильно понять геологов, их помыслы, чаяния, работу и любовь. Они оставили и продолжают оставлять после себя большую, интересную, честную и непростую историю, которая во многом еще не раскрыта для широких масс.

Именно поэтому эта книга не для геологов. И не для историков. Она именно для тех, кто интересуется историей и любит Камчатку, свою страну, хочет знать о них больше.

Геология сугубо специфична, как, впрочем, любая отрасль. А потому мне пришлось познакомить читателя не только с действующими лицами геологических исследований, но и с делом, которым они занимались.

Как можно было рассказать о золоте, платине или алмазах, не затронув хотя бы кратко вопроса о том, почему их искали на Камчатке, почему вообще начали искать здесь. Такой рассказ потребовал применения некоторых геологических терминов и понятий. Именно поэтому я хочу заранее попросить прощения у геологов за то, что понятия эти пришлось упрощать, схематизировать, делать максимально доступными для всех читателей.

И в то же время, прошу прощения у читателей - негеологов за применение геологических терминов иногда и в чистом виде, когда без этого просто нельзя было обойтись. Пояснение таких терминов дается в конце книги.

И второе. Мой труд не претендует на полноту изложения темы, потому что для одного человека это непосильно. Именно поэтому книге дан подзаголовок: "Очерки по истории геологических исследований на Камчатке". Это только отдельные очерки, между которыми еще много, очень много чистых, незаполненных мест, требующих к себе внимания. Даст Бог, может быть, и я еще займусь этими местами.

Третье. Написать книгу было бы невозможно, если бы мне не помогали. Сколько людей откликнулось на мои просьбы о помощи! Присылали письма, фотографии, стихи, наговаривали мне на пленку воспоминания. Всем им я выражаю огромную признательность. И всех я обязан здесь перечислить поименно. Хочу только предупредить, что список сделан в алфавитном порядке, чтобы не создалось ложного впечатления, что степень участия приведенных в списке людей и организаций уменьшается к его концу.

Вот эти люди, предприятия и организации:

Алискеров Азиз Азизович;

Байков Анатолий Иванович;

Безрукова Людмила Александровна;

Бережная Зинаида Павловна;

Бережной Владимир Александрович;

Большаков Николай Михайлович;

Буланый Петр Васильевич;

Вишневецкий Борис Иванович;

Валов Виктор Васильевич, ныне уже покойный;

Ворогушина Татьяна Ивановна;

Газизов Рашид Баянович;

Гаращенко Юрий Алексеевич;

Геворкян Яков Шаваршович;

Гимадеев Шамиль Шарифович;

Гимадеева Людмила Федоровна;

Головин Петр Антонович;

Горяшин Степан Георгиевич;

Государственный архив Камчатской области;

Забродина Маргарита Васильевна;

Зайцев Вениамин Петрович;

ЗАО "Корякгеолдобыча", весь его коллектив и все акционеры;

ЗАО "Тревожное зарево", весь его коллектив и все акционеры;

Зотов Виктор Павлович;

Карякина Диана Константиновна;

Климанов Григорий Николаевич;

Кноль Василий Викторович;

Коваль Сергей Сергеевич;

Коляда Анатолий Андреевич;

Комитет природных ресурсов по Камчатской области и Корякскому автономному округу,

его руководитель

Патока Михаил Григорьевич

и главный геолог

Литвинов Александр Федорович;

Кондрашов Геннадий Александрович;

Кондрашова Елена Анатольевна;

Корнейчук Анатолий Никитович;

Кочкин Николай Николаевич;

Кошелев Виталий Анатольевич;

Кравченко Любовь Ивановна;

Лепшин Леонид Иванович;

Логинов Владимир Александрович;

Марченко Анатолий Федорович;

Марченко Мария Ивановна;

Мелкомуков Владимир Николаевич;

Михайлов Геннадий Иванович;

Неверов Юрий Викторович;

Нехорошев Александр Иванович;

Никольский Вадим Михайлович;

Областная научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, ее руководители и
сотрудники,

персонально - историк Витер Ирина Васильевна;

Озорнин Павел Александрович;

Орлов Александр Алексеевич;

Офицеров Юрий Анатольевич, ныне покойный;

Паламарь Сергей, бард и геолог;

Патока Наталья Юрьевна;

Пелагейченко Иван Николаевич;

Петренко Игорь Диомидович;

Полетаев Владимир Алексеевич;

Полуянов Николай Иванович;

Попович Михаил Михайлович;

Рожков Юрий Павлович;

Романов Виктор Павлович;

Саватеева Зоя Дмитриевна;

Сазонов Владимир Васильевич;

Семенов Ярослав Александрович;

Тараско Олег Анатольевич;

Территориальный геологический фонд Комитета природных ресурсов по Камчатской области и Корякскому автономному округу и его руководитель Федореев Виталий Николаевич;

Уланов Виктор Серафимович;

Фролов Юрий Федорович, ныне покойный;

Хворостов Виктор Петрович;

Эркенов Локман Хусейнович;

Отделы кадров экспедиций и объединения и их руководители:

Нина Александровна Кизюлина,

Татьяна Ивановна Ворогушина,

Галина Алексеевна Балук,

Татьяна Васильевна Архипова.

**С огромным уважением ко всем перечисленным, а также к читателям,
- автор.**

1. ИЗ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕН

Здравствуй! Поле, здравствуй!
Все в загадках - небо в звездах.
Странствуй, Человек! Странствуй!
Позабудь про отдых.
Новое - вот смысл живого -
Допинг мозга.
Но-во-е - не просто слово -
Воздух!
ГЕО - это Гея. ЛОГУС - знать.
Лозунг - как жену, знать Гею!
А над нами Зодиака знак...
Немею
От восторгов, от предчувствий ли?
Мне навстречу вся Земля - лавиной!
Если Человек есть пуп земли,
То геолог, верно, - сердцевина.

Юрий Манухин, геолог, писатель.

"СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ" ПЕРИОД

Как Михаил Васильевич Ломоносов первым из ученых мужей России начал заниматься геологией вообще, так Степан Петрович Крашенинников в своей книге "Описание земли Камчатки", вышедшей в 1755 году, впервые дал некоторые геологические сведения о полуострове Камчатка в частности. Целых две главы своего знаменитого труда он посвятил этой теме: "О горячих ключах" и "О металлах и минералах камчатских".

"Все места, где прежде ключи били, можно по тому узнать, что вокруг их мелкая глина различных цветов находится, которая с водой обыкновенно вымывается изнутри скважин. Находится же там и горячая сера, а особливо по краям тех скважин, из которых один пар идет" (1). Это из главы "О горячих ключах", которая содержит много интересных и полезных сведений об известных Крашенинникову горячих источниках Камчатки. Наверняка эти сведения до сих пор привлекают внимание, особенно геологов и гидрогеологов, давая представление об изменениях режимов указанных водотоков.

Содержание главы "О металлах и минералах камчатских" - это первое краткое описание минеральных богатств полуострова. Крашенинников упоминает в ней о медной руде, найденной в районе Курильского озера, о "песчаном железе" по берегам многих озер и рек, о самородной сере, белом меле, "трипеле и красном карандаше", "пурпуровой краске", "вишневом хрустале", о пемзе и янтаре.

Примечательно обширное замечание С. П. Крашенинникова о том, что недра Камчатки еще

ждут своего часа: " Хотя Камчатской мыс горист, и следовательно не без притчины бы разных там металлов и минералов надлежало надеяться, а особливо нужных к употреблению, как например железа и меди, в которых по всей Сибири великое изобилие, однакож и поныне мало полезного найдено.

Впротчем нельзя утверждать за истину, что на Камчатке никаких руд не находится:

1. для того, что камчадалы не имеют ни малого в том познания,
2. что российские жители на Камчатке и о хлебе мало пекутся, а о сыскании руд и упоминать нечего, особливо же что они нужных к употреблению железных и медных вещей от приезжих получают столько, что не токмо сами ими довольствоваться могут, но и камчадалов и курилов снабдевают не без прибыли, которым они перепродаывают двойною ценою и больше,
3. что трудное заготовление кормов на свое пропитание не допускает ни кого до исследования,
4. что трудные места и инде почти не проходные, так же беспокойные погоды не мало тому препятствуют: ибо ежели бы кто на такое дело отважился, то надлежало ему все потребное к содержанию нести на своей спине, для того, что летом на собаках не ездят, да и ездить для вышепоказанных притчин не можно.

Чего ради с большим основанием думать можно, что есть на Камчатке руды, нежели вовсе о сыскании их отчаяваться" (2).

В принципе, после С. П. Крашенинникова почти столетие никто и не "отчаявался о сыскании руд" на Камчатке. И не только о "сыскании руд", но и вообще об изучении полуострова.

Лишь в 1829 году немецкий путешественник А. Эрман посетил Камчатку с вполне определенной целью: изучить ее географию и геологию. Он пересек полуостров с запада (устье р. Тигиль) на восток и по результатам своих исследований составил его первую геологическую карту (3).

Буквально вскоре, в 1851 году, на Камчатку отправился с научной целью еще один немец, правда, восточный, "дерптский" – Карл фон Дитмар. Ходатайствовал о его путешествии герцог Максимилиан Лейхтенбергский, а потому, чтобы облегчить пребывание фон Дитмара на Камчатке, его определили чиновником для особых поручений по горной части при военном губернаторе полуострова В. С. Завойко.

"Особых научных инструкций для путешествия я не получил, - писал фон Дитмар в своей книге "Поездки и пребывание в Камчатке", - но со стороны Восточно- Сибирской администрации мне было наистрожайше приказано обратить особенное внимание на нахождение металлов, каменного угля и других более ценных продуктов минерального царства" (4).

Пять лет жил на Камчатке фон Дитмар, добрался в своих путешествиях до полуострова Тайгонос и все подробно описал. Его знаменитая книга является теперь бесценным историческим памятником наравне с книгой С. П. Крашенинникова. В ней научно и в то же время увлекательно описаны многие географические объекты Камчатки, в том числе населенные пункты, описаны быт людей и масштабные исторические события, как, например, оборона Петропавловска от англо-французского десанта.

Приведено в книге и много геологического материала - целые страницы посвящены одной геологии. Не чурался фон Дитмар и некоторых выводов, а также прогнозов.

"С транспорта "Иртыш" стали выгружать жернова, привезенные на нем из Аяна, - описывал он, например, одну интересную сцену, которую наблюдал в порту Петропавловска. - Я был очень удивлен, увидев давно знакомый мне финляндский рапакиви - гранит, имеющий такое разнообразное применение в больших монументальных постройках Петербурга. При этом я узнал, что камни действительно привозятся в Аян вокруг света на судах. Это было так наивно глупо, что я просто своим глазам и ушам не хотел верить! Здесь, в стране прекрасных лав и трахитов, превосходящих своею добротностью французские и рейнские жернова, эти породы остаются без употребления, и в то же время сюда привозятся из чрезвычайно отдаленных мест каменные массы, негодные даже для жерновов по своей мягкости" (5).

Вот так! Совершенно созвучно с выводами, сделанными С. П. Крашенинниковым: минеральные богатства Камчатки ждут своего изучения и применения! И это с каждым годом становилось все злободневнее. Ведь не случайно жители Милькова в период с 1774 г. по 1780 г. получали "железо из очень плохой болотной руды и всего добыто 275 пудов, но, так как качество железа было очень неудовлетворительно, то и добывание прекратилось" (6).

Ведь была нужда в металлах! И не только в железе. Камчатская рыба тогда никого не интересовала, в полуострове видели в первую очередь объект для возможной разработки его недр. Посылая фон Дитмара в Камчатку и наказывая ему заниматься в первую очередь минералами, российские чиновники, конечно же, имели в виду золото, медь, олово, самоцветы.

Кроме того, сам фон Дитмар располагал сведениями о том, что на реке Чайбухе имеются выходы угля, а "на Тайгоносской косе, верстах в 90 от Ижигинска, при небольшой бухте у устья ручья Тополовки, у подножия небольшой горы, примыкающей к бухте, были найдены куски плотной киноварной руды, а порода - черный, пластоватый сланец... Приблизительно за 6 верст от этого места, вверх по Тополовке, по правую ее сторону - высокий берег, где встречаются куски богатой медной лазури" (7).

Киновари и лазури фон Дитмар не нашел, хоть и предпринял в описанные места поездку и приложил для поисков определенные усилия. А вот уголь обнаружил и, согласно предписанию губернатора Завойко, отгрузил его в количестве 1500 пудов для опробования в Петропавловске. Описал он и слои бурого угля, найденные в обнаженных берегах реки

Тигиль. Будучи в Палане, он услышал от местного священника рассказ о том, что на севере люди находили красивый горный хрусталь и аметист. Эту информацию фон Дитмар уже не проверил – было поздно, надо было возвращаться в Петропавловск. Не нашел он и золота.

В 1857 году, через два года после отъезда фон Дитмара с Камчатки, горный инженер Аносов открыл "богатое золото" на реке Зее. Таким образом, Дальний Восток становился объектом внимания золотопромышленников России, туда стали посылать экспедиции. В 1865 г. тот же горный инженер Аносов открыл россыпи золота на Амуре, а в 1873 г. он же – на Амгуни.

Этот регион надолго приковал к себе интерес приискателей, и только в 1985 году "по инициативе одного из наиболее видных деятелей горного дела ... К. А. Скальковского была приведена Министерством Земледелия и Государственных Имуществ в исполнение мысль о снаряжении горной экспедиции на побережье Охотского моря" (8). Экспедиция получила официальное название Охотско-Камчатской, а возглавил ее известный российский геолог, действительный член Императорского Русского Географического общества Карл Иванович Богданович.

В своем "Очерке деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895 - 1898 гг." он писал: "Целью экспедиции...было поставлено:

1. геологическое исследование побережья Охотского моря от Николаевска на Амуре до Ольской губы, к востоку от Охотска, и западной части Камчатского полуострова в пределах, по крайней мере, от Тигиля до Большерецка и
2. как результат такого исследования производство поисков золота;

совокупность таких работ имелось в виду пояснить в положительном или отрицательном смысле на обширных пространствах, оставшихся до тех пор вне всяких операций частной предприимчивости по золотому делу.

Экспедиция была задумана и приведена в исполнение широко, в зависимости от вполне достаточных средств, представленных в ее распоряжение. В состав экспедиции вошли кроме меня следующие лица: для производства астрономических и топографических работ корпуса флотских штурманов штабс-капитан Н. Н. Лелякин, в помощь мне для производства разведочных работ горный инженер С. П. Кишенский; в качестве врача и натуралиста экспедиции и в то же время для изучения края в экономическом отношении по особому поручению от Министерства Финансов – врач Н. В. Слюнин" (9).

19 июля 1897 года экспедиция Богдановича высадилась с военного крейсера "Забияка" в устье реки Тигиль. С экспедицией уже не было геолога Кишенского, а потому все исследования Богдановичу предстояло совершать одному. Правда, вскоре к нему присоединился Слюнин, который добирался до Тигиля самостоятельно, проделав многодневный путь вокруг Пенжинского залива. Но, тем не менее, в роли геолога Богданович выступал теперь один. Однако сразу начать исследования на Камчатке

Богдановичу не удалось. Прежде ему пришлось на пароходе "Котик" отправиться в Гижигу, чтобы проверить сведения о находке там золота и киновари.

"Пробы, взятые мною в разных местах, вполне подтвердили факт присутствия золота, - писал К. И. Богданович в своем "Очерке", - что, впрочем, здесь было известно давно, так как лет десять тому назад около Гижиги производились даже разведки на золото и была заявлена одна площадь. Найденные мною знаки, конечно, не позволяют делать никаких предположений о богатстве золотом Гижигинского округа, а развитие вечной мерзлоты и совершенное отсутствие леса в местностях, где встречены были знаки золота, составляют условия, побуждающие тем осторожнее относиться к предположениям о богатстве золотом Гижигинского округа.

Что касается указаний о нахождении рудного золота и киновари, то собранные данные заставили меня признать, что, к сожалению, не имеется никаких оснований говорить об этом в положительном смысле. При устье Гижиги были осмотрены залежи бурого угля, которые по своей обширности и значительному числу слоев могут со временем получить значение" (10).

30 августа 1897 года экспедиция Богдановича вернулась в Тигиль и приступила к изучению Камчатки. При этом Богданович главной задачей для себя поставил исследование Срединного хребта, так как до него ни Эрман, ни Дитмар там не бывали.

"С 4 сентября я прошел горами Срединного хребта от вершин Тигиля до крайних левых вершин Облуковинской реки (более 700 верст), - писал К. И. Богданович. - Убедившись в развитии новейших вулканических пород на всем протяжении хребтов до вершин р. Ичинской, я сосредоточил поиски на золото в вершинах Облуковинской реки, где и были найдены первые знаки золота на Камчатке. До тех пор сведения о нахождении золота на Камчатке ограничивались более чем сомнительной достоверности указаниями на находки, конечно, очень крупных кусков золота, обыкновенно без указания местности и лиц" (11).

Это сколько же надо было терпения и силы воли, чтобы пройти по снежным хребтам Камчатки с отметками от 1000 м. до 3607 м. (вулкан Ича) поздней осенью, при полном снаряжении, чтобы только в конце пути найти долгожданный единичный знак золота в одном из шлихов! Такое могли сделать только энтузиасты, только настоящие геологи! И ведь не пропали зря усилия Богдановича и его спутников: за находку зацепились, начали искать золото по верховьям Кирганика и Облуковины и ведь нашли! Агинское, Золотое, Оганча – это ведь там. Золотопромышленники Камчатки должны памятник Карлу Ивановичу Богдановичу поставить. И выбить надпись: "Первооткрывателю камчатского золота. Октябрь 1897 г."

Кроме всего прочего, К. И. Богданович в этом маршруте провел исследования ледников Белого хребта. После этого он спустился с гор и побережьем Охотского моря вернулся в Тигиль. Но на месте находки золота оставил трех горнорабочих для проходки шурфов.

12 ноября 1897 года Богданович с женой и топографом Лелякиным выехали на семи нартах,

запряженных в собачьи упряжки, в новый маршрут, но опять в те же горы. На этот раз Богданович хотел изучить возможность перехода через перевалы Срединного хребта. На восточный склон хребта экспедиция перешла по Седанкинскому перевалу, обратно же решили перейти по Озерновскому. Местные коряки отказывались проводить исследователей, ссылаясь на гибельность перевала. С большим трудом Богдановичу удалось уговорить их, и, "захватив собачьего корма на десять дней", они отправились в путь. Опасения коряков были не напрасны: на подходе к перевалу экспедицию застигла страшной силы пурга, и все едва не погибли.

Вернувшись в Тигиль, Богданович засобирався на реку Облуковину, поближе к открытому им золоту. Вновь стали нанимать собачьи упряжки для этой поездки. Здесь надо сказать, что кроме получения интересных и полезных научно-прикладных результатов экспедиция Богдановича внесла еще и большой вклад в экономику Камчатки.

Вот как пишет об этом сам К. И. Богданович: "Камчадалы и русские с радостью набивались поставить собачьи нарты хоть в двойном количестве против нужного нам, довольные заработком на чистые деньги (от 1,5 до 2 рублей за нарту в день). С приездом экспедиции, на Камчатке, кажется, впервые увидели деньги; я с удовольствием могу сказать, что благодаря заработку в экспедиции многие семьи по западному берегу получили возможность обеспечить себя на случай неудачного промысла, рассчитавшись за свои долги и получив, таким образом, снова кредит у местных торговцев. Последние косвенным образом выиграли больше всех от работ экспедиции, так как значительнейшая часть денег, заработанных населением, немедленно же собралась в их руках" (12).

"Разведка на золото в вершинах р. Облуковиной была закончена в конце февраля, - пишет далее К. И. Богданович. - Затруднения оказались в том, что по всей долине зимою обнаружались талые ключи, препятствовавшие работе промораживания. Из 21 шурфа знаки золота встречены были в семи; добыто до постели было только восемь, причем в этих шурфах золотоносного пласта не оказалось. После исследования прилегающей части гор летом 1898 года я убедился в полной основательности продолжения поисков золота в Срединном Камчатском хребте, несмотря на незначительные результаты, добытые моей первой разведкой" (13).

Итак, со времен Беринга и до начала 20-го столетия Камчатка изучалась четырьмя значительными по сути и масштабам экспедициями: С. П. Крашенинникова, А. Эрмана, К. Дитмара и К. И. Богдановича. Но уже в самом начале XX века выяснилось, что все отчеты, написанные по результатам экспедиций, даже сведенные вместе, не дают комплексного представления о Камчатке. Не было точной географической карты (не говоря уже о топографической), не было карты геологической, карты флоры и фауны, этнографические наблюдения не систематизированы и т. д. Одним словом, требовалось продолжение этих работ, причем комплексного характера. И такие работы были проведены в 1908 – 1910 годах Камчатской экспедицией Императорского Русского Географического общества на средства Ф. П. Рябушинского. Коротко эту экспедицию именовали Камчатской экспедицией Рябушинского.

Федор Павлович Рябушинский был самым младшим из восьми братьев Рябушинских – российских промышленников и финансистов. Считается, что до революции это была самая богатая семья в России (14). В 1902 году братья открыли в Москве "Банковский дом Рябушинских" с основным капиталом в 1 миллион 50 тысяч рублей, а через 15 лет их капитал вырос до 25 миллионов, да еще на счетах вкладчиков было почти 250 миллионов рублей. Кроме этого, Рябушинские владели множеством предприятий бумажной и льняной промышленности, являлись основными акционерами АМО (ныне ЗИЛ) - Акционерного машиностроительного общества.

Федор Павлович Рябушинский еще с раннего детства увлекся географией, мечтал о путешествиях. Но стать путешественником ему не позволило слабое здоровье, очень рано у него открылся туберкулез, от которого он и умер 25 лет от роду. Когда Федору Павловичу было 20 лет, он пригласил профессора А. А. Ивановского прочесть ему полный университетский курс географии, антропологии и этнографии Сибири и целый год штудировал эти науки. Особенно заинтересовали студента на дому Алтай и Камчатка.

После ранней смерти своего ученика профессор Ивановский вспоминал: "Он был поражен, как мало еще Камчатка изучена; он удивлялся, как может такой обширный край, равный по площади всей Пруссии, край с такой своеобразной природой, - как может он так основательно быть заброшен и забыт" (15).

Видимо, тогда и родилась в голове юного Рябушинского идея отправить на Камчатку научную экспедицию. Он выделил из своего личного капитала 200 тысяч рублей, и организационная работа закипела.

Академик В. Л. Комаров писал: "В апреле 1906 г. ко мне обратились с предложением принять участие в организуемой экспедиции для всестороннего исследования Камчатки. Согласно плану организации этой экспедиции, намечалось шесть более или менее самостоятельных отделов: топографический, геологический, ботанический, зоологический, метеорологический и этнографический, с многочисленным научным персоналом (всего предполагалось тогда 24 представителя различных специальностей, врач и фотограф).

Цель экспедиции была исключительно научная – возможно полное и всестороннее описание Камчатки; никакими другими целями экспедиция не задавалась" (16).

Геологический отдел экспедиции состоял из геологов С. А. Конради и В. М. Козловского, а также топографов Е. В. Круга и Н. Г. Кёлля. По прибытии на Камчатку они разбились на пары, наняли рабочих из местного населения и приступили к исследованиям. "...Нельзя не помянуть добрым словом моего бывшего начальника в экспедиции, если по отношению к нему позволительно так выразиться, С. А. Конради, с которым мы душа в душу проработали 2,5 года на Камчатке, живя большую часть времени в одной палатке и деля все радости и невзгоды. Если чего-нибудь нам и удалось с ним достигнуть, то это в значительной степени благодаря полному товарищескому сотрудничеству и постоянному, ничем не омраченному согласию.

В 1910 г. два летних месяца мы работали вдвоем с В. М. Козловским, который был также прекрасный товарищ, но которому уже я не могу принести благодарность: его уже нет в живых". Эти слова принадлежат автору карты вулканов Камчатки топографу Н. Г. Кёллю (17).

Экспедиция была сложной и очень насыщенной наблюдениями. Ее результаты вылились в многочисленные публикации и книги участников. Этнографы впервые осуществили исследования жизни алеутов с использованием новейших технических достижений того времени – киносъёмочного аппарата и фонографа. Большой и интересный труд написал ботаник В. Л. Комаров, много было публикаций у зоолога П. Ю. Шмидта, камчатские впечатления легли в основу многих сюжетов зоолога В. Л. Бианки. В 1927 году издал свою карту вулканов Камчатки Н. Г. Кёлль.

Но все перечисленные работы не являются официальными отчетами экспедиции, это всего лишь личные научные труды авторов. Похоже, главную негативную роль в этом сыграла ранняя смерть Ф. П. Рябушинского, отнявшая возможность финансирования работ участников экспедиции над отчетами. Недаром все перечисленное было издано много позднее окончания исследований.

Но если топографы, ботаники, зоологи что-то все-таки написали и издали, то геологи почти ничего после себя не оставили. В. М. Козловский рано умер, а С. А. Конради написал лишь краткие предварительные отчеты, которые ничего нового к геологии Камчатки того времени не добавляли.

И все-таки экспедиция оставила значительный след в исследовании Камчатки. "История русского землеведения не знала ни одной снаряженной на частные средства, такой грандиозной, такой богато обставленной, выполненной с участием такого количества специалистов экспедиции, - писал профессор А. А. Ивановский в 1910 г. в своей речи, посвященной памяти Федора Павловича Рябушинского, не дождавшегося окончания работ на Камчатке. – И этой заслуги Федора Павловича никогда не забудет русская наука.

Но я имею основание думать, что русская наука понесла в лице Федора Павловича гораздо большую потерю, чем организатора научной экспедиции на Камчатку... Как часто Федор Павлович, когда он был еще совершенно здоров и когда заходила у нас речь о малой изученности Сибири... мечтал о том, чтобы, жертвуя ежегодно по 100 тысяч рублей, покрыть Сибирь сетью экспедиций, подобных той, которую он снарядил на Камчатку... Но этой мечте не суждено сбыться – она погребена вместе с носителем ее в могиле. Такова уж, должно быть, печальная судьба русской науки: часто слышать о мечтах похороненных и редко – об осуществленных" (18).

Таким образом, геологические исследования на Камчатке продолжали носить пока еще академический, описательный характер. Эпоха накопления информации затягивалась. Но каждый последующий исследователь приезжал на Камчатку с все более и более открытыми глазами: ее главные геологические формации, а также косвенные и некоторые прямые

признаки нахождения в ее недрах тех или иных полезных ископаемых были уже известны.

Пожалуй, последним исследователем геологии Камчатки в описываемом ряду был П. В. Чурин, возглавивший в 1912 году Пенжинскую геологическую экспедицию Геологического комитета при Министерстве торговли и промышленности России (19). 8 мая 1912 года он вместе с коллектором С. Ф. Машковцевым и топографом Я. Ф. Андреевым высадился с парохода на Корфскую косу, с которой и начался их длительный геологический маршрут по северной Камчатке. Чурин первым из российских геологов осмотрел Корфское месторождение бурого угля, но не заинтересовался им, оставив в дневнике лишь беглое, поверхностное описание угольных пластов на месте разведочной штольни, пройденной американцами девятью годами ранее.

Изучив обнажения морского берега и частично берегов рек Тилички, Вывенка и Култушная, П. В. Чурин направился на запад с целью пересечь полуостров и выйти к Рекинникской губе. Экспедиция наняла в селении Тилички вьючных лошадей, что позволяло Чурину и Машковцеву идти налегке и вести достаточно подробные наблюдения.

Выйдя к Рекинникской губе и обследовав ее, Чурин повернул обратно и несколько другим, параллельным, путем вернулся на реку Вывенку. По долине реки экспедиция поднялась до селения Хаилино, в окрестностях которого Чурин предпринял ряд геологических маршрутов. После этого он вновь спустился вниз по реке Вывенке и берегом моря пришел в село Тилички.

Маршрут Чурина носил чисто описательный характер и никакого прикладного значения не имел. Результаты наблюдений в маршруте были опубликованы только в 1931 году, уже после смерти исследователя, когда бассейн реки Вывенки и побережье бухты Корфа были достаточно подробно изучены геологом И. А. Преображенским, а потому П. В. Чурин остался в истории геологических исследований Камчатки только как последний из энциклопедистов (20).

Таким образом, в 1912 году закончилась "стратиграфическая фаза изучения Камчатки" (А. Н. Криштофович) и началась следующая - заявочная. Правда, еще целый десяток лет, до 1921 года, в геологических работах на полуострове наблюдалось затишье. Сначала это была некая естественная пауза, а затем началась первая мировая война, следом – революция. России было некогда заниматься не только наукой, но и хозяйством. Россия воевала, бузила, перестраивалась.

НАЧАЛО РЕГУЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В 1921 году камчатские охотники Трухин, Воронов и Скурихин нашли выход нефти на восточном побережье Камчатки, в долине реки Богачевки. Самый предприимчивый из охотников, Т. С. Трухин, сделал заявку на это открытие, чем надолго привлек внимание

геологов к теме камчатской нефти. В 1923 году Богачевку исследовал геолог П. И. Полевой, который подтвердил наличие там выхода нефти и взял ее на анализ. В 1927 году первооткрывателю Т. С. Трухину и Торговому дому "Братья Люри" Богачевское месторождение было отдано в трехгодичную концессию, и они в том же году поспешили отправить на Богачевку экспедицию под руководством инженера Б. М. Штемпеля. Так начались "богачевская", а за ней "воямпольская" нефтяные эпопеи, параллельно с которыми шли эпопеи угольная и пемзовая.

Экспедиция за экспедицией, партия за партией исследовали Камчатку на предмет поисков и изучения нефти, угля и пемзы. Работы проводились такими известными впоследствии геологами, как Л. А. Гречишкин, М. Ф. Двали, Б. Ф. Дьяков, Г. А. Дягилев, И. Б. Плешаков, Д. С. Гантман, и многими другими.

Не было карт, не было подходящего оборудования и полевого снаряжения, но работы на Камчатке велись постоянно, без перерывов. Это и был тот самый "заявочный" период, когда геологи откликались на заявки любых предприятий и организаций, имевших интерес к минеральному сырью и способных оплатить работы. Длился этот период до начала второй мировой войны. К 1940 году, по данным главного геолога спецконторы "Камчатнефтегазразведка" Кирилла Ивановича Гнедина, белые пятна на геологической карте полуострова составляли только 10,5%, остальная территория в той или иной степени была исследована (21).

В 1940-е годы на полуостров стали снаряжаться отдельные экспедиции за государственные деньги. В это же время в Воямпольке и Богачевке началось структурно-картировочное бурение скважин государственным производственным объединением "Дальнефть", находившимся в подчинении "Главнефтегеологии". Именно на базе Богачевской нефтегазразведочной экспедиции и Воямпольской роторной партии в 1949 году на Камчатке впервые было образовано региональное геологоразведочное предприятие, с которого, собственно, и началась геологическая отрасль полуострова.

Произошло это так: 28 января 1949 года вышло постановление Совета Министров СССР №323 об организации в городе Петропавловске-Камчатском геологоразведочной конторы "Камчатнефтегеология". Цель создания конторы трактовалась следующим образом: "Для усиления геологоразведочных работ на нефть и координации действий всех геологоразведочных, геофизических и поисковых партий и групп, работающих от различных институтов и Дальневосточного геологического управления (ДВГУ)". Начальник Богачевской экспедиции В. Ламин был назначен управляющим конторой "Камчатнефтегеология", и 28 марта 1949 г. контора начала свою деятельность.

Именно эта дата считается официальной датой рождения геологоразведочной службы на Камчатке (22). Именно с этого времени начинается новый, третий этап в истории геологических исследований полуострова – этап регулярных, государственных работ.

На Базарной площади Петропавловска (где сейчас расположен драмтеатр), на самом берегу

Култучного озера В. Ламин купил небольшой частный дом, который в первые годы был административным зданием новой конторы "Камчатнефтегеология". В состав конторы вошли:

1. Богачевская нефтеразведочная экспедиция;
2. Воямпольская роторная партия (возобновившая свою работу в 1948 г. еще в составе объединения "Дальнефть");
3. Владивостокская перевалочная база;
4. Петропавловская перевалочная база.

В книге воспоминаний геолога Кима Михайловича Севостьянова, который приехал на работу в контору "Камчатнефтегеология" в июне 1950 года, хорошо описаны те трудности, сопровождавшие первые шаги в деятельности этого предприятия: "Поехал в контору Камчатнефтегеология, она в незаконченном строительстве здания, в котором разместился весь аппарат. Беспорядки в конторе аховые - вот уже месяц, а то и более люди ждут отправления в Воямпольскую и Богачевскую экспедиции и не могут дождаться. Спят они на полу, досках и т. д. Денег не дают, в общем, - весело. В то время как во Владивостоке на базе полно одеял, матрацев. Одновременно и в экспедициях скопилось полно людей, которые тоже живут в палатках, жилищное строительство ведется плохо" (23). Кстати, К. М. Севостьянов был свидетелем смены руководства конторой, когда вместо арестованного в июне 1950 г. В. Ламина управляющим назначили М. Ф. Шевченко.

Кроме конторы "Камчатнефтегеология" на полуострове работали две партии и один отряд Дальневосточного геологического управления, а также две экспедиции Московского центрального союзного геофизического треста (МЦСГТ) - Восточно-Камчатская и Западно-Камчатская. Но "Камчатнефтегеология" была единственным, "своим" камчатским предприятием. Правда, уже в 1950 году, после окончания полевого сезона, Дальневосточное управление оставило свои партии на Камчатке, объединив их в Камчатскую геологическую экспедицию №6.

Руководил экспедицией геолог Виктор Андреевич Ярмолюк. Именно он в том же году выбрал местом базирования своей экспедиции пустующий склон Мишенной сопки на окраине Петропавловска. Ныне здесь расположен городской микрорайон "Геолог". "Когда мы с Виктором Андреевичем Ярмолюком, выбирая место для геологической базы и поселка, пришли сюда, здесь был живописный склон горы с зелеными лужайками, небольшими кустарниковыми рощами, - читаем мы в книге геолога Георгия Михайловича Власова "Избранные страницы". - Солнышко хорошо пригревало, бабочки летали, перед глазами раскинулась величественная картина Авачинской губы, а за нею возвышались снежноголовые вулканы. Место нам понравилось, особенно когда мы увидели в морском обрыве выход источника чистой пресной воды. Решили: "Строим здесь" (24).

В мае следующего, 1951 года постановлением Совета Министров СССР от 26. 04. 1951 г. контора "Камчатнефтегеология" была преобразована в Камчатское государственное геологическое управление. Одновременно в его подчинение была передана и экспедиция №6, возглавляемая Ярмолюком и подчиняющаяся ДВГУ. Первым начальником Камчатского

управления стал Евгений Иванович Тухтин, приехавший из Горького. Главным геологом назначили Владимира Алексеевича Аввакумова, а главным инженером – бывшего управляющего конторой "Камчатнефтегеология" Михаила Филипповича Шевченко.

В структуру КГУ вошли следующие производственные и вспомогательные подразделения:

- Камчатская геологическая экспедиция (вышедшая из состава ДВГУ) с партиями №№ 341, 342, 343;
- Богачевская геологоразведочная экспедиция (ГРЭ);
- Корякская (Воямпольская) ГРЭ;
- Геолого-съёмочная экспедиция (которая позже соединится с Камчатской геологической экспедицией и получит единое название Камчатская центральная экспедиция №3);
- Крутогоровская геологоразведочная партия (ГРП);
- Тигильская ГРП;
- Транспортная база;
- Перевалочная база (которая в июле соединится с транспортной базой и получит общее название транспортно-перевалочной базы);
- Перевалочная база в Находке;
- Строительное управление;
- Механическая мастерская (с 1 августа).

В таком виде Камчатское государственное геологическое управление просуществовало до конца 1954 года, когда вышло постановление Совета Министров СССР №2297 от 13. 11. 1954 г., а после него приказ Министерства нефтяной промышленности СССР №858 от 3. 12. 1954 г. и приказ КГУ №441 от 31. 12. 1954 г. о ликвидации Камчатского геологического управления.

Были ликвидированы практически все экспедиции и партии управления, лишь Корякская (Воямпольская) экспедиция была перебазирована в Петропавловск- Камчатский, и на ее базе с 1 января 1955 г. создана Камчатская комплексная геологоразведочная экспедиция (ККГРЭ), которая подчинялась тресту "Востсибнефтегеология", находящемуся в Иркутске. Геологическая съёмка, поиски и разведка всех видов полезных ископаемых, кроме нефти, перешли Дальневосточному управлению. Таким образом, специалисты, работающие на Камчатке, разделились на два коллектива - "иркутян" и "хабаровчан" - и отныне были вынуждены ездить для решения производственных вопросов в эти города.

В таком виде камчатская геология просуществовала до ноября 1957 года, пока не было создано Камчатское районное геологоразведочное управление - райГРУ, подчиняющееся Северо-Восточному геологическому управлению в Магадане. Начальником Камчатского райГРУ назначили Дмитрия Алексеевича Бубнова.

В состав райГРУ вошли:

1. Геолого-поисковая экспедиция, преобразованная из Геолого-съёмочной экспедиции ДВГУ;
2. Богачевская ГРП;
3. Паратунская ГРП;
4. Паужетская ГРП;
5. Контора подсобных предприятий.

Основной упор был сделан на продолжение поисков и разведки нефти и государственное геологическое картирование. Затем шли гидрогеология и прочие работы.

Работы на нефть и газ в основном традиционно продолжались на Богачевской площади. О расширении этих работ говорит тот факт, что уже в 1958 году на базе Богачевской партии была создана Нефтяная экспедиция, ассигнования которой составляли одну треть от общих ассигнований райГРУ (25). В том же, 1958 году в Петропавловске провела работу специальная комиссия Мингео СССР, которая дала высокую оценку нефтяным перспективам недр Камчатки и рекомендовала камчатским геологам ряд дальнейших направлений в проведении поисково-разведочных работ.

Перспективный план, составленный на основе этих рекомендаций, был одобрен на совещаниях в Мингео СССР и Главгеологии РСФСР. Планом предусматривалось выполнение большого объема геологоразведочных работ на нефть и газ: сейсморазведки - 5600 погонных километров профилей, структурно-поискового, профильного и параметрического бурения - 250 000 метров, глубокого разведочного бурения - 65 000 метров. В первую очередь исследования намечалось провести в пределах Большерецкой впадины на западном побережье и в Кроноцком районе на восточном побережье полуострова (26).

В 1959 году в Камчатском райГРУ была организована специализированная Гидрогеологическая экспедиция, что позволило приступить к геологоразведочным работам на Паужетском месторождении природного пара и оценке Паратунского, Нальчевского и Большебанного месторождений термальных вод. Вскоре на Паужетском месторождении были разведаны необходимые запасы перегретых вод для строительства первой в СССР геотермальной электростанции.

Но самым крупным подразделением райГРУ была Геолого-поисковая экспедиция, партии и отряды которой вели различные геологические исследования почти на всей территории Камчатки. Так, Анавгайская поисково-разведочная партия провела предварительную разведку ртутного месторождения "Чемпура", геологи Ю. В. Жегалов и В. П. Вдовенко в 1958 году начали геологическую съемку масштаба 1:200 000 на Командорских островах, в 1958-59 годах Оганчинская партия под руководством Я. Ш. Геворкяна при геолого-съёмочных работах в районе медного месторождения Сухое озеро выявила перспективы золотооруденения и оконтуривала участок с несколькими кварцевыми и кварц-карбонатными жилами, две из которых имели видимое золото.

В 1960 году геологи Я. Ш. Геворкян, А. И. Байков и старший техник-геолог В. В. Радченко в

составе Верхне-Кирганикской партии продолжили работы на перспективной площади, в результате чего стал очевидным факт, что на Камчатке выявлено, наконец, первое золоторудное месторождение - Оганчинское.

В 1961 году были проведены поисково-разведочные работы на Крутогорском каменноугольном месторождении (В. А. Самойлов и В. В. Ардашов) и участке №4 Корфского бурогоугольного месторождения (В. П. Соловьев, В. Н. Шиш и А. П. Бойко). В конце 50-х годов Л. Ф. Тыщенко и Г. П. Декин детально изучили Паужетское месторождение парогидротерм, а в начале 60-х годов Ц. Э. Ахиезер и А. Д. Евтухов - Средне-Паратунское месторождение термальных вод.

Но, как пишет П. А. Головин в своей записке "Об истории развития геологоразведочных работ на Камчатке", "... оглядываясь назад, с позиций сегодняшнего дня, следует сказать, что проблема развития геологоразведочных работ на Камчатке с созданием райГРУ была решена лишь частично. И только 1 января 1964 г. организационная структура геологической службы Камчатки была приведена в порядок путем создания... Камчатского территориального геологического управления" (27).

ГЕОЛОГИ СЕВЕРА КАМЧАТКИ

Итак, я дошел в своем повествовании до рождения Камчатского территориального геологического управления, которому суждено было сыграть очень важную роль в создании современной минерально-сырьевой базы Камчатки. Но, прежде чем приступить к рассказу об этом управлении, я должен вернуться несколько назад и познакомить читателя с организацией геологоразведочных работ на севере полуострова, потому что там она шла отдельно и параллельно организационным течениям в центре и на юге Камчатки, так как осуществлялась из Магадана.

Как пишет один из корифеев северо-камчатской геологии Юрий Павлович Рожков, "в декабре 1946 года бывшим геологоразведочным управлением Дальстроя МВД СССР (г. Магадан) была организована Пенжинская геолого-поисковая экспедиция... В то время Пенжинский и Олюторский районы Корякского автономного округа Камчатской области представляли белое пятно на геологической карте Советского Союза... Местом базирования было определено село Кушка, расположенное в устье реки Гижиги. Площадь исследуемой территории составляла 240 тысяч квадратных километров - нынешние Пенжинский и Олюторский районы Камчатской области и бассейн реки Гижиги с полуостровом Тайгонос.

Первым начальником и главным геологом экспедиции был назначен Владимир Алексеевич Титов. Ассигнования составляли около 500 тысяч рублей (в ценах до 1991 года). За зиму 1946-47 гг. были проведены организация и укомплектование полевых партий кадрами. Уже в апреле 1947 г. вышли на полевые работы партии... под руководством М. Н. Кожемяко, И. П. Васецкого, Н. С. Чугунова, В. С. Смолича, П. Г. Туганова, А. П. Шпетного" (28).

Александр Петрович Шпетный возглавил в тот первый полевой год работы экспедиции Шайбовеемскую геолого-рекогносцировочную партию, в которой состояли прораб-поисковик Б. Н. Введенский, топограф А. П. Сазонов, курсант-коллектор Б. Н. Чумак, промывальщик Г. А. Пантелеев и пятеро рабочих. В задачу партии входило полумиллионное геологическое картирование и шлиховое опробование речных систем. На основе этих работ требовалось оценить перспективы района на наличие различных полезных ископаемых и наметить основные геологические структуры.

Организация партии проходила в Магадане, где были получены необходимые грузы и снаряжение, доставленные в марте самолетами в село Верхне-Пенжино. Заброска грузов к месту "весновки" партии производилась на оленях. Но удалось нанять только 15 упряжек, к тому же олени были сильно уставшими, так как их пригнали издалека - с Омолонских пастбищ. В результате грузы завозили целый месяц, к тому же завезли только на расстояние в 60 километров, а не 90, как планировалось.

Непосредственные работы начались только 20 июня, когда тундра полностью очистилась от снега. За лето геологи прошли 630 километров геологических маршрутов и взяли 452 шлиховые пробы. Это было несколько выше задания, но, как пишет А. П. Шпетный в отчете, "значительная площадь, подлежащая исследованию, осталась незакартированной.

Это объясняется не соображениями геологического характера, а исключительно транспортными затруднениями. Наличие двух лошадей вместо предусмотренных шести, и только пятнадцати вьючных оленей, сделало выполнение объемного задания физически невозможным. К этому следует добавить обилие дождливых дней (с 15 июня по 12 августа свыше половины всех дней), а также отсутствие на базе партии продуктов питания на сентябрь, не заброшенных весной вследствие транспортных затруднений. К тому же предстоящий сплав по реке Пенжине на расстояние свыше 500 км, необходимость поделки лодок, вывоза коллекций и прочего обусловило ранний срок окончания работ. И это несмотря на хорошую погоду, державшуюся в течение всего сентября" (29).

24 сентября 1947 года сотрудники партии загрузились в две лодки и отплыли вниз по реке Пенжине от села Верхне-Пенжино. Через два дня на одном из перекаатов обе лодки опрокинулись и затонули вместе с находящимися в них грузом и образцами горных пород. Двое суток понадобились геологам, чтобы поднять лодки и достать образцы и часть имущества. После этого поплыли дальше. Вскоре встретили лодки Аянкинской партии, также сплавлявшейся вниз по реке.

На подходе к устью Оклана началась пурга, реку сковал тонкий, но почти сплошной лед. Физическими усилиями почти 25 человек удалось проплыть по шуге 30 километров, но затем лед окончательно сковал Пенжину. 12 октября доверху навьюченные скарбом люди пешком отправились в село Каменское. Через месяц, 12 ноября, А. П. Шпетный, промывальщик партии Г. А. Пантелеев и начальник Аянкинской партии И. П. Васецкий на собачьих упряжках выехали из Каменского в Кушку, куда прибыли 30 ноября. Остальные сотрудники прибыли на базу экспедиции только в канун Новогодних праздников.

По результатам своих работ А. П. Шпетный дал отрицательное заключение о наличии в исследуемом районе россыпей золота и олова. "Единичные мельчайшие значки золота, установленные в нескольких пробах, не могут изменить общей отрицательной оценки района в смысле его возможной золотоносности" (30).

Напротив, другой геолог, М. Н. Кожемяко, возглавлявший в том же году Лево- Пенжинскую партию, дал положительные перспективы верховьев реки Пенжины на многие полезные ископаемые, и прежде всего, на россыпное золото, уголь и известняки. Кожемяко был первым из геологов, исследовавшим этот район и, надо сказать, провел работы с большим энтузиазмом. Вместе с ним работали техник- геолог А. В. Боржевский, топограф И. Г. Белоусов, промывальщик К. М. Нерубенко, рабочие К. Ф. Дубин, Ф. Е. Крупский, Г. Катышев, А. Д. Шепелев, С. Кудинов.

Партию также преследовали различные неудачи - вьючные олени оказались необученными, погода была дождливой, заброска продовольствия в нужном количестве не получилась, но задачи свои люди выполнили, закончив сезон 1 октября (31).

Исключительно положительные результаты получила и другая партия 1947 года - Коллымакская, которую возглавлял Н. К. Гулария. Партия работала в бассейнах рек Коллымак, Авекова и Пилгын, которые до этого исследовали геологи Бацевич (1910 - 12 гг.), Е. С. Бобин (1932 г.), А. В. Горельшев (1939 г.) и С. И. Федотов (1940 г.). Они последовательно довели поиски до определенных перспективных результатов, и Гуларии нужно было несколько детализировать работы на двух известных участках, отдаленных друг от друга на 65 км.

В этой партии также не обошлось без неудач, причем серьезных. Трактор, на котором везли буровой станок "Эмпайр", сломался в пути, в результате чего от бурения скважин пришлось отказаться. Кроме того, прораб Б. А. Голионко, сопровождавший трактор, остался с ним и, таким образом, не смог принять участия в проведении работ. Но, тем не менее, работы были сделаны, причем с положительными результатами.

"Данный район заслуживает серьезного внимания, - писал в своем отчете Гулария. - Совершенно необходимо вести хорошо организованную поисково-разведочную шурфовку, выделив в первую очередь два участка (устьевая часть реки Пилгын и участок района ключа Врезанного) с общим объемом проходки шурфов около 2000 пог. метров. Автор уверен, что с проведением грамотной, хорошо организованной поисковой разведки, безусловно, выделятся участки с промышленной концентрацией золота" (32).

Пенжинская экспедиция находилась в системе государственного треста "Дальстрой", который был создан в ноябре 1931 года для интенсивного освоения северо-востока страны. Это была "суперорганизация, которой правительство делегировало колоссальные властные полномочия. Они касались не только проблем промышленного строительства и развития золотодобычи в регионе, но и административного управления огромной территорией.

В 1941 году площадь территории "Дальстроя" составляла 2266 тысяч квадратных километров - это 10% всей площади СССР по состоянию на 1940 г. В 1951 году за Дальстроем была закреплена территория на восток от Лены и Алдана, а в районе Охотского побережья - от Аяна и далее вплоть до побережья Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова морей". (33).

"Пенжинская экспедиция принадлежала Дальстрою МВД СССР, а значит, была военизированным предприятием, - вспоминает один из старейших геологов севера Камчатки Анатолий Андреевич Коляда. - Геологи носили военную форму, были в погонах. Обращались друг к другу по званиям: "Товарищ лейтенант, товарищ капитан...". Работали и вольнонаемные, но костяк составляли военные. В качестве рабочих были вольнопоселенцы.

Поселок Кушка располагался в устье реки Гижиги. Это был довольно большой населенный пункт - рыбокооп, школа, даже был свой судья. Единственно добротное строение - дом погранзаставы, в котором была и камералка геологов. А так - обыкновенные одноэтажные домики на 1-2 квартиры и два больших барака. Один барак - общежитие спецпоселенцев, второй - для вольных и инженерно-технических работников, которых, в общем-то, можно было по пальцам пересчитать. У спецпоселенцев дневальный дежурил, печь топил, кухня была. У вольных печи были в каждой комнате, питались сами".

В 1956 году приехала в Кушку после окончания Канского геологоразведочного техникума Галина Алексеевна Лобосова. Она вспоминает: "Долетели "Аннушкой" до Чайбухи, затем на лошадях поехали в Кушку. Подъезжая, всё поглядывали, когда будет поселок. Но вместо домов - сплошные сугробы, а к домам ведут траншеи. Только камералка возвышается на бугре. И очень много собак, которые свободно разгуливали по поселку. Приехали нас тогда три Веры, Нина и я. Перед этим из Магадана тоже приехало много молодежи, так что скучать было некогда. Свободное время пролетало незаметно, были вечера молодежи, самодеятельность..." (34).

"Нынешнему поколению геологов трудно представить условия работы в те годы, - продолжает свои записки Юрий Павлович Рожков. - Вместо топографических карт использовались весьма приблизительные схемы орографии (речной сети. - А. См.), на которых даже такие крупные реки, как Гижига, Пенжина, Оклан, Вывенка, Пахача в средних и верхних течениях, были показаны пунктиром. Транспорт для заброски партий в районы работ служили олени и собачьи упряжки. Геологи искали свои районы работ по рассказам пастухов-оленьеводов, а способ возвращения с полевых работ целиком зависел от их инициативы и смекалки. Радиосвязи не было. О внутреннем транспорте и не мечтали. Выручали рюкзак да крепкие плечи и ноги" (35).

По этому поводу Анатолий Андреевич Коляда также вспоминает следующее: "Были в партиях топографы, но занимались примитивной глазомерной съемкой, замеряли направления речек, и мы ходили по этим схемам, промеряя расстояния шагами. Больше этим занимались, нежели геологической работой. Причем у каждой партии были свои схемы. Одна и та же речка у одних текла в одну сторону, у других - в обратную. Спорили, сбивали.

Только в 1952-53 годах военные топографы закончили топосъемку, да и то еще долго их карт не было...".

"Состояли партии из 7 - 10 человек, - пишет далее Ю. П. Рожков. - А площади исследований измерялись многими тысячами квадратных километров (как правило, по 5 000 кв. км). Несмотря на все трудности, к декабрю все возвращались на базу экспедиции. К апрелю успевали написать отчет, проект новых работ и снова выбирались в исследуемые районы.

Но бывали исключения, об одном из которых хочу рассказать. В 1949 году Ичигемская геолого-рекогносцировочная партия масштаба 1:500000 производила геологическую съемку на своей проектной территории. 1 марта топограф партии П. С. Опарин выехал на оленях из поселка Кушка в поселок Усть-Пенжино для получения продуктов и подготовки их к отправке к месту работы (от п. Кушка до п. Усть-Пенжино - 500 км). 3 апреля на оленях выехал туда же техник-геолог Т. В. Тарасенко. 15 апреля они выехали с грузом на 40 нартах из Усть-Пенжино к месту работы. Прибыли туда 7 мая. К работе приступили 22 июня в составе техника-геолога Т. В. Тарасенко, топографа П. С. Опарина и рабочего А. Ф. Чепура. Остальные сотрудники партии - прораб-поисковик В. П. Семенов, младший коллектор В. С. Садосюк, промывальщик Т. Маметов и рабочий Прищепа - пришли на базу пешком только 8 августа.

Начальника партии не было. Численность партии по проекту составляла 14 человек, фактически же, как видим, - 7 человек. С трудом съемку закончили 25 сентября. Через два дня 4 человека во главе с прорабом ушли в село Оклан за оленьим транспортом, а 13 декабря, так и не дождавшись их, ушли в село Аянку (130 км) все оставшиеся. Пришли они туда 20 декабря, а 31 декабря на оленях прибыли в Усть-Пенжино. Тем временем Опарин 27 декабря прибыл на оленьих упряжках на базу партии и, никого там не застав, также поехал в Усть-Пенжино, куда добрался только 20 января 1950 года. Через неделю вся партия выехала в Кушку, куда и прибыла 20 февраля. А топограф Опарин с грузом приехал только 17 марта".

Данный рассказ Ю. П. Рожкова еще раз подтверждает описанные выше трудности, сопровождавшие работу геологов.

"В первые же годы существования Пенжинской экспедиции геологами В. С. Смоlichem и Н. И. Гулария (1947 г.), П. Г. Тугановым (1948 г.), С. И. Родько и Г. С. Киселевым (1948-1949 гг.) были установлены на полуострове Тайгонос в аллювии рек Пилгын, Авекова, а также на мысе Валижген (руч. Веселый) промышленные содержания россыпного золота. Это послужило основанием для организации в 1950 году Пилгынского разведрайона, который в 1950 - 52 гг. произвел разведку россыпей в бассейнах рек Авекова, Пилгын, Горелая и ручья Веселый, - читаем дальше в записках Ю. П. Рожкова. - В 1950 году в связи с увеличением ассигнований на разведку экспедиция была переименована в Пенжинское районное геологическое управление (Пенжинское райГРУ), которое просуществовало до 1955 года, когда в связи с укрупнением геологических организаций райГРУ было ликвидировано и организована Пенжинская геологоразведочная экспедиция с подчинением

Приморской комплексной геолого-геофизической экспедиции.

База Пенжинской экспедиции из Кушки была перенесена в поселок Хасын Магаданской области. В связи с организацией в 1958 г. разведки на Ляпганайском месторождении ртути начался постепенный перевод складского хозяйства и основного оборудования в поселок Усть-Пенжино (Пенжинский район Камчатской области). К тому времени Приморская комплексная геолого-геофизическая экспедиция представляла собой некий конгломерат из Хасынской геолого-геофизической, Омсукчанской, Пенжинской и Чукотской геологоразведочных экспедиций. Но зуд укрупнения закончился, началась следующая стадия - разукрупнение и приближение экспедиций к местам работ.

В апреле 1959 года Пенжинская экспедиция была выделена из состава Приморской в самостоятельную с подчинением напрямую Северо-Восточному геологическому управлению в Магадане. В мае 1959 года начальником Пенжинской ГРЭ в целях, как тогда говорили, укрепления кадров, был назначен Юрий Павлович Рожков" (36).

"Хасын зимой 1959-60 гг. пораил нас своей тишиной, - вспоминает приезд в экспедицию жена Рожкова геолог Валентина Кузьминична Рожкова. - Особенно красивыми были деревья, убранные сказочно пушистым инеем. Поселили нас в бараке, называемом "За речкой". На семью в 6 человек выделили две маленькие комнатки. Особым комфортом жилье не отличалось - зимой углы промерзали, но тем не менее никто не болел. Удивительный факт, но, приехав в Хасын 20 лет спустя, в гости к сыновьям, мы увидели тот же барак "За речкой", который стоял как реликт далекой жизни" (37).

Через жизнь в Хасыне прошли такие известные впоследствии геологи Камчатки, как З. А. Абдрахимов, С. А. Мельникова, Л. А. Анкудинов, В. С. Бабайцев, Ю. Г. Егоров, И. Ф. Мороз, Т. Ф. Мороз, В. В. Караман, И. А. Шорохов, Б. В. Лопатин, А. А. Коляда, Г. И. Агальцов, Ф. П. Баев, А. Г. Погожев, С. И. Родько, Т. В. Тарасенко, В. П. Похиалайнен, Б. М. Молодцов, Р. А. Бикмаев, Н. И. Мерзляков, М. Н. Руфанов и многие другие.

А в мае 1959 года начальник Северо-Восточного геологического управления Израиль Ефимович Драпкин поставил перед новым начальником Пенжинской экспедиции Ю. П. Рожковым задачу: "В течение года подобрать для базы экспедиции место на севере Камчатки, отстроить ее и в 1960 году вывезти геологов и их семьи из поселка Хасын на новую базу". Так что Юрию Павловичу пришлось в первый же год своей новой работы заниматься несколькими важными делами одновременно: геологов в поле вывозить, обеспечивать их всем необходимым и подыскивать новое место для базы экспедиции.

"Состояние экспедиции было сложным, - пишет Ю. П. Рожков, вспоминая то время. - Геофонд, спецчасть, аппаратура, семьи геологов находились в п. Хасын, а часть транспорта (тракторы, катера, другое оборудование), службы экспедиции (бухгалтерия, экономист, нормировщик, механики, складское хозяйство) - в поселке Усть-Пенжино. Даже в Кушке еще оставалось кое-какое оборудование. В конце мая - начале июня из Магадана на аэродром села Каменское были вывезены коллективы партий (Эуленской, Право-Вывенской, Еметской,

Олюторской, Лево-Кимлинской, Пусторецкой, Хатырской и других), которые жили в палаточном городке на аэродроме в ожидании заброски к местам полевых работ. Короче, проблем было много" (38).

Все это время (конец мая - начало июня 1959 г.) Юрий Павлович Рожков обследовал места для строительства поселка своей экспедиции. Прошел от Усть-Пенжино через Первую речку, Вторую Речку, Манилы, Три Юрты, Каменское до Тиличиков. Выбор пал на относительно высокую правую террасу в приустьевой части Первой речки, что и определило в дальнейшем название поселка - Первореченск.

"В течение лета 1959 года поступило на Первую речку 20 комплектов домиков размерами 5х6 метров, - вспоминает далее Ю. П. Рожков. - Была организована бригада для сбора по берегам Пенжинской губы леса-плавника, пригодного для строительства. Кроме того, был организован лесосплав лиственницы из верховьев реки Пенжины, что составляло расстояние около 500 километров. Также организовали заготовку и сплав строевого тополя из долины реки Белой (250 км).

К июлю на месте будущего поселка работали две строительные бригады под руководством М. М. Чайко и М. Н. Потапова. Они и заложили фундаменты первых домиков. Большую лепту в строительство внесли плотники А. А. Лобосов, Н. П. Ермаков, И. П. Князев, Н. С. Леошко, Ф. И. Бабюк, пилорамщик В. Е. Калинин, электрик А. Г. Рейнгардт. Руководил работами инженер-строитель В. П. Цимбалюк. К осени 1960 года была построена, правда, без штукатурки и кирпичных печей, 41 квартира (915 кв. м) и общежитие на 528 кв. м. Кроме того, в 1960 году поставили срубы камерального здания (40х12 м), лаборатории (6х8 м), складов взрывчатых веществ и средств взрывания, построили гараж на 3 бокса, баню, продовольственный склад (36х10 м) и электростанцию.

К осени из поселка Хасын вывезли баржами семьи геологов, а по окончании полевого сезона и самих геологов привезли уже в Первореченск. Сразу же все инженерно-технические работники и рабочие были мобилизованы на строительство и оборудование жилья, камерального здания и бытовых помещений" (39).

"Весной 1960 г. я вылетела в свое первое поле, - пишет В. К. Рожкова. - Мы летели на Ан-2. Под крылом самолета простиралась тундра, поразившая меня своей безбрежностью. Возвращались с полевых работ мы уже в Первореченск, куда летом перебазировалась экспедиция и были привезены все семьи. Полевики активно включились в строительство поселка: конопатили стены домов, штукатурили, клали печи, белили и красили. Строители подводили под крышу камералку" (40).

"1959 и 1960 годы были переломными и в направлении геологических исследований, - продолжает Ю. П. Рожков. - К 1960 году Министерством геологии СССР была окончательно определена масштабность государственных геологических карт. Были приняты масштабы 1:1 000 000, 1:200 000, 1:50 000, поэтому съёмки масштаба 1:100 000 были прекращены и с 1960 года начаты съёмки масштаба 1:200 000. В связи с этим резко возросло качество

полевых исследований, стали выявляться новые рудопроявления различных полезных ископаемых, таких, как ртуть, золото, олово, серебро, сера, хром, асбест, уголь и другие. Съёмками нового масштаба были открыты Малетойваямское месторождение серы, Айнаветкинское и Резниковское месторождения олова, определены перспективные площади для поисков россыпей золота.

С 1958 по 1962 год велась разведка Ляпганайского и Нептунского месторождений ртути. За год проходили от 200 до 600 погонных метров подземных горных выработок и бурили от 400 до 800 метров скважин. Бурение велось станками КАМ-300. С точки на точку станок переносили на себе в разобранном виде. В 1960 - 1963 годах была проведена поисковая разведка участка Веселый Олюторского ртутного месторождения, расположенного на берегу бухты Сомнения в Олюторском заливе. Для обеспечения партии материалами, буровыми станками, горюче-смазочными материалами был организован необычный для того времени грузовой санно-тракторный рейс.

3 мая 1960 года из Первореченска вышли трактор и бульдозер С-100 с гружеными прицепными санями. Тракторы вели И. П. Ершов, Н. Н. Кузьмин, Н. И. Дорофеев и Д. В. Щукин. Руководил колонной и прокладывал путь по карте техник-геолог, молодой специалист В. М. Сидоренко. За 16 дней колонна прошла более 500 километров через Корякское нагорье и хребет Малиновского до берега Тихого океана. Благодаря этому в июле партия приступила к разведочному бурению скважин. Большой вклад в разведку внесли геологи В. М. Чередниченко, В. М. Сидоренко, П. Т. Яровой, взрывник П. И. Воробьев.

В первой половине 60-х годов значительно укрепилась материально-техническая база Пенжинской экспедиции. Рядом с Первореченском был отстроен зимний аэродром, на который приземлялись не только самолеты Ан-2 и Ли-2, но и такие "лайнеры" того времени, как Ан-8 и Ан-12. Кстати, эти самолеты в то время могли принимать на Камчатке только два аэродрома - в Елизово и Первореченске.

Продолжалось строительство и благоустройство самого поселка. Были построены магазин, почта, столовая, пекарня, дробильный цех, помещение для геофонда, радиостанция, детсад, начальная школа. Начала работать первая в Пенжинском районе котельная. Открылся клуб, в котором регулярно показывали фильмы, активно действовала художественная самодеятельность, многие годы занимавшая первые места на районных смотрах. В 1961 году геологами была оборудована спортивная площадка, на которой зимой заливался каток. Здесь проходили хоккейные бои между командами "Ревматик" и "Радикулит". В честь праздника 8 Марта комплектовались и играли команды "Холостяк" и "Женатик". Увлечение спортом, и особенно коньками, было тогда всеобщим. Помимо взрослых были и детские команды. В общем, жизнь в Первореченске была ключом. Это помогло создать сплоченный, дружный и энергичный коллектив со своими традициями, способный решать многие сложные задачи" (41).

РАСЦВЕТ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

В начале 1960-х годов на Камчатке были открыты промышленные россыпные месторождения золота (ручей Каменистый, река Гольцовка, другие) и крупные месторождения ртути. Это потребовало иного, качественно более высокого уровня организации геологоразведочных работ. Стоял вопрос о создании на полуострове своей горнодобывающей промышленности. Исходя из этих задач приказом начальника Главгеологии РСФСР №2 от 4 января 1964 года было создано Камчатское территориальное геологическое управление (КТГУ). Создание произошло путем слияния двух крупных геологических предприятий - Камчатского райГРУ и Пенжинской геологоразведочной экспедиции.

Территория деятельности нового управления включила в себя весь полуостров Камчатка, Корякское нагорье и Пенжинский хребет. Площадь территории составила 472 тысячи квадратных километров. На баланс КТГУ было поставлено 28 разведанных месторождений полезных ископаемых: ртути - 2; золота - 3; серы - 1; угля - 3; термальных вод - 1; известняков - 1; перлитов - 1; заполнителей бетонов - 10; кирпичных глин - 5; минеральных пигментов - 1.

В состав КТГУ изначально вошли следующие предприятия:

1. Пенжинская геологическая экспедиция (п. Первореченск);
2. Гидрогеологическая экспедиция;
3. Геофизическая экспедиция (п. Усть-Хайрюзово);
4. Геолого-съёмочная экспедиция;
5. Корякская ГРП;
6. Богачевская ГРП;
7. Западно-Камчатская ГПП;
8. Козыревская ГРП;
9. Контора подсобных предприятий.

Вскоре встал вопрос и об организации на территории Камчатки Территориального геологического фонда (ТГФ). Приказом по КТГУ такой фонд был создан 1 октября 1964 года. Руководителем ТГФ назначили Марию Борисовну Белову - известного камчатского геолога, прошедшую большую школу разведочных работ на Богачевке. В январе 1965 года в составе КТГУ была создана Центральная лаборатория (приказ по Госгеолкому № 36 от 22. 01. 1965 г.). Тогда же в Елизово организовалась отдельная экспедиция по поискам и разведке россыпного золота - Южно-Камчатская, в состав которой вошли:

1. Корякская ГРП;
2. Гольцовская ГРП;
3. Степановская ГРП;
4. Елизовская партия по строительным материалам.

В феврале 1965 года контора подсобных предприятий была преобразована в базу

материально-технического снабжения - БМТС (приказ КТГУ № 25-к от 2. 04. 1965 г.).

После такого структурного переформления Камчатское территориальное геологическое управление занялось непосредственно геологическими исследованиями полуострова. Геологами В. Л. Смирновым и И. В. Бабенко проводятся поиски угля в Паланском районе, гидрогеологи ведут предварительную разведку Большебанного месторождения перегретых вод, геологи Пенжинской экспедиции работают на Малетойваямском и Ветроваямском месторождениях серы, проводят геологическую съемку, в том числе в районе Корфского бурогоугольного месторождения.

В 1965-66 годах геологи Я. Ш. Геворкян, В. В. Радченко, В. П. Зотов, В. Ф. Лисина проводят поисковые работы в районе Оганчинского перевала. Геворкян находит рудные кварц-карбонатные жилы, содержание золота в которых достигает 661 г/т. Становится ясно, что открыто первое на Камчатке золоторудное месторождение. В 1966 году на Оганче разворачиваются работы по изучению этого месторождения.

Но организация на отдаленной территории страны нового геологического управления была далеко не таким простым делом, как это может показаться. В сентябре 1966 года начальником КТГУ был назначен Вадим Михайлович Никольский. Он вспоминает: "Самым плохим для меня в этом назначении было плачевное состояние дел в управлении. Было провалено всё: планы производства, прибыли и снижения стоимости работ, труда и зарплаты. Работали, не считая трех-четырёх небольших отрядов на россыпное золото, всего три разведочных объекта - Паратунская и Большебанная гидрогеологические партии и Оганчинская ГРП на рудное золото. Причем последняя была совершенно не подготовлена к проведению работ в зимних условиях.

Ну а северная Пенжинская экспедиция занималась исключительно сезонными съемочными работами и базировалась по чьей-то злой воле в совершенно не приспособленном для жизни поселке Первореченске, где даже воду доставляли в бочках. Сообщение с ним было в основном авиационное, очень дорогостоящее, что крайне затрудняло ее снабжение и сильно удорожало работы.

В общем, создание КТГУ к тому времени было в основном на бумаге. В отделах и управлениях Мингео РСФСР мне сразу же было заявлено: "Мы были против создания вашего крохотного управления и считаем, что Камчатку напрасно отделили от гиганта Магадана. Не выживите вы самостоятельно".

Поэтому первое, что мы сделали с М. А. Орловым (Михаил Анатольевич Орлов - в те годы был 1-м секретарем Камчатского обкома КПСС), - поставили ребром вопрос перед министерствами геологии СССР и РСФСР: Камчаткой надо заниматься всерьез, т. е. возобновить работы на нефть и газ, усилить работы на золото, в том числе рудное, провести предварительную разведку Малетойваямского серного месторождения, Олюторского и Чемпуринского ртутных месторождений, Елизовского месторождения пресных вод, Халактырского месторождения титаномагнетитовых песков и др. Управление не может

существовать на мелких, сезонных объектах.

В 1967 году коллегия Мингео РСФСР оценила работу КТГУ за 1966 год как неудовлетворительную и согласилась с нашими предложениями. Уже в 1967 году заработали круглогодичные разведочные партии: Малетойваямская (сера), Олюторская и Чемпуринская (ртуть), Елизовская (пресная вода для снабжения г. Петропавловска-Камчатского), Ичинская (нефть и газ). Последняя приступила к заводу оборудования и строительству первой глубокой скважины на нефть и газ в Ичинском прогибе.

Структура КТГУ была совершенно ненормальной. Из пяти экспедиций - четыре (!) базировались в Петропавловске-Камчатском и Елизово, т. е. вдали от своих основных объектов. Аппаратчики жили в благоустроенных квартирах, и "выгнать" их в поле было очень трудно. Съемщики же (наиболее квалифицированные кадры КТГУ) вообще выезжали в поле на 2-3 месяца, а на уговоры перейти работать в круглогодичные партии не поддавались, за очень редким исключением. Это затрудняло работу.

Тем не менее удалось создать три новые экспедиции: Западно-Камчатскую нефтеразведочную, Северо-Камчатскую и Центрально-Камчатскую геологоразведочные с базированием соответственно в поселках Ича, Корф и Мильково. Но первый приказ, который я привез из Москвы, был приказом о создании строительного управления КТГУ с 1 января 1967 года. Резко был увеличен объем работы и для базы материально-технического снабжения.

Громадную помощь получало КТГУ от всесильного в области обкома КПСС, особенно от его третьего секретаря Николая Лукьяновича Фролова, дотошно вникавшего в работу каждой разведочной партии и оперативно решавшего наши текущие трудные вопросы со строителями, транспортниками, снабженцами и другими. Дважды в месяц я докладывал о наших делах 1-му секретарю обкома Михаилу Анатольевичу Орлову".

В 1967 году геологи 2-й Чалбугчанской партии Пенжинской геологической экспедиции Ю. Н. Сергеев, Г. П. Преображенский, Ш. Ш. Гимадеев, Н. Н. Булдышкин, А. Б. Кравцев при проведении геологической съёмки масштаба 1:200 000 в верховьях реки Пенжины выделяют группу золото-полиметаллических проявлений в виде серии жил. В штучных пробах, отобранных из этих жил, пробирным анализом было определено повышенное содержание золота и серебра. В 1968 году 3-й Чалбугчанской партией (Г. П. Преображенский) и в 1969 году Сергеевской партией (Ш. Ш. Гимадеев и Л. Ф. Гимадеева) здесь было выделено Сергеевское рудное поле, на котором вскоре было открыто Сергеевское золотосеребряное месторождение.

В 1966 году, как пишет и В. М. Никольский, начинается разведка участка Верность Олюторского ртутного месторождения. А в октябре 1968 года разведки Малетойваямского серного и Олюторского ртутного месторождений выделяются из состава Пенжинской экспедиции в самостоятельную Малетойваямскую партию, которая через несколько месяцев после этого получает название Олюторской геологоразведочной экспедиции и

перебазируется в поселок Корф. Руководит экспедицией Юрий Павлович Рожков, которому опять приходится создавать и отстраивать базу на новом месте, с нуля.

"В Корфе был приобретен у частного лица жилой домик, - пишет Юрий Павлович. - В нем разместились бухгалтерия, отдел кадров, радиостанция. Материалы из Петропавловска поступали в Корф или в село Вывенка, где были организованы механическая служба и небольшое складское хозяйство. Не хватало жилья, производственных помещений, техники, материалов, транспорта. Не хватало специалистов. В 1969 году началось строительство первых двухэтажных зданий - конторы и жилого дома. Приобретались жилые дома и у частных лиц" (42).

"Ведущее место в будущей горнодобывающей промышленности Камчатской области будет принадлежать таким видам минерального сырья, как нефть и газ, сера и ртуть, термальные воды и золото, - писал в 1968 году в газетной статье главный инженер Камчатского ТГУ Л. Кратковский. - Общий объем нефтепоисковых работ возрастет более чем на 27 процентов. Боевой задачей геофизической экспедиции является создание в Ичинском районе фонда геологически подготовленных нефтеперспективных структур для последующего ввода их в глубокое поисково-разведочное бурение... Особое значение для решения проблемы промышленной нефтеносности Ичинского района имеет проводка глубокой параметрической скважины на Верхне-Низконской площади. Бурение скважины намечено начать в июне этого года, а к концу года ее глубина должна достигнуть 2-2,5 тысячи метров" (43).

Строительство буровой вышки на скважине № 1-ГП для изучения Верхне-Низконской структуры было делом чести многих производственных и технических служб управления. Скважин глубиной 3 500 метров на Камчатке еще не бурили. Контроль за строительством вышки был возложен на начальника производственно-технического отдела КТГУ Василия Алексеевича Кащенко. Руководил буровой бригадой мастер А. М. Агафонов. Больше года велись подготовительные работы! В тундру завезли 8 тысяч тонн различного оборудования и материалов. 3 августа 1968 года бригада начала бурение. Для всего управления это стало событием № 1.

Не меньшим событием для камчатских геологов стало Второе научное совещание по развитию производительных сил Камчатской области, прошедшее в Петропавловске 12 - 14 июня 1968 года. В работе совещания приняли участие представители всех областных организаций Камчатки, видные ученые нашей страны, партийные и советские работники области и Дальневосточного экономического района. В секции геологии и минерально-сырьевых ресурсов было прочитано множество докладов. Их основная часть была составлена работниками Камчатского территориального геологического управления. По ведущим полезным ископаемым Камчатки были представлены доклады научных работников ВНИГРИ, ЦНИГРИ, МГУ, СВ КНИИ, ГИГХС и других институтов. (44).

Главный, обобщающий доклад для этого совещания был подготовлен начальником КТГУ В. М. Никольским и главным геологом КТГУ Т. В. Тарасенко. Он назывался "Минерально-сырьевые ресурсы Камчатской области и перспективы их использования". Открывался

доклад следующими словами:

"Горнодобывающая промышленность в Камчатской области только нарождается. В удельном весе промышленного производства Камчатки она пока не превышает 0,5% и представлена небольшим золотым прииском "Камчатским" на юге полуострова, полукустарным Корфским угледобывающим предприятием на севере области и семью карьерами строительных материалов вблизи г. Петропавловска-Камчатского. Это определяет и характерную особенность экономических связей области с другими районами страны - резкое превышение ввоза над вывозом. На каждую тонну рыбной продукции, вывозимой из области, приходится 5 - 7 тонн ввозимых различных грузов. Причем более 80% из них составляет минеральное сырье, и прежде всего нефтепродукты и уголь.

Между тем Камчатка наделена не только чудесной природой, но и сложным геологическим строением, богатым комплексом полезных ископаемых. В ее недрах обнаружены проявления нефти, газа, угля, серы, золота, ртути, меди, никеля, олова и многочисленных строительных материалов.

Отсутствие к настоящему времени разведанных месторождений важнейших видов минерального сырья обусловлено, прежде всего, слабой геологической изученностью Камчатской области и поисковым характером проводимых до последнего времени здесь геологических исследований. Около половины территории области, например, все еще покрыто геологическими съемками 1:500 000 и 1:1 000 000 масштабов на глазомерной основе и без использования аэроматериалов.

Камчатское территориальное геологическое управление самое молодое на Дальнем Востоке. Оно создано в 1964 году и только приступает к разведочным работам. 28 мая 1966 года Министерством геологии СССР была принята первая "Геологическая пятилетка" Камчатки на 1966 - 70 годы, по которой объемы геологоразведочных работ должны возрасти к 1970 году в два раза. Профилирующими полезными ископаемыми Камчатской области признаны нефть и газ, сера, золото, ртуть и термальные воды" (45).

Далее в докладе последовательно описаны "нефтеперспективы, промышленные месторождения золота, сера, ртутные месторождения, уголь, торфяные месторождения, термальные и минеральные источники, титаномагнетитовые пляжевые пески, стройматериалы. В заключении доклада говорится:

"Значительное влияние на развитие экономики Камчатской области, и в целом Дальневосточного экономического района, может оказать открытие промышленной нефти на Камчатке и освоение ее серных месторождений. В перспективе Камчатская область представляется как новый индустриальный район Дальнего Востока с высокоразвитой нефтедобывающей, горно-химической (сера), цветной (ртуть, золото) и угледобывающей промышленностью, широко использующей местные строительные материалы и термальные источники для целей энерго- и теплоснабжения населенных пунктов и промышленных предприятий" (46).

Совершенно уникальным по своему содержанию, размаху задач было постановление этого научного совещания по развитию производительных сил Камчатской области. Нельзя не привести его полностью, хотя оно достаточно объемное.

"1. Для промышленной оценки многочисленных проявлений рудного и россыпного золота, серы, ртути, олова, меди, никеля, выяснения общих закономерностей размещения полезных ископаемых считать необходимым резкое усиление геолого-поисковых работ масштаба 1:50 000 и завершение к 1975 году геологической съемки масштаба 1:200 000 территории Камчатской области.

2. Камчатка - один из самых перспективных возможно нефтегазоносных регионов СССР. Общая площадь нефтеперспективных земель составляет около 200 тыс. квадратных километров, из них более половины относятся к землям с высокой плотностью прогнозных запасов. Прогнозные запасы нефти на Камчатке оцениваются в 1,5 миллиарда тонн.

Для скорейшего открытия промышленных месторождений нефти и газа необходимо:

- усилить в 1968 - 70 годах геолого-геофизические работы в пределах Западно-Камчатского нефтегазоносного бассейна и обеспечить выполнение к 1970 году сейсморазведочных работ МОВ - 1 500 п. км, глубокого бурения - 9 тыс. п. м;
- с целью сравнительной оценки нефтегазоносных бассейнов расширить в 1971 - 75 годах региональные и детальные сейсморазведочные работы, глубокое параметрическое и поисково-разведочное бурение выполнить в объеме 85 тыс. п. м; считать целесообразным одновременное проведение нефтепоисковых работ в Западно-Камчатском и Восточно-Камчатском (Кроноцкий район) нефтегазоносных бассейнах;
- осуществить в 1976 - 80 годах поисково-разведочное бурение в объеме 140 тыс. п. м с целью открытия новых промышленных месторождений нефти и газа;
- просить Госплан СССР и Госплан РСФСР, Министерство геологии СССР и Министерство геологии РСФСР рассмотреть состояние нефтепоисковых работ в Камчатской области; обеспечить проведение их в 1971 - 75 годах в объеме 95 млн. рублей, в 1976 - 80 годах - 120 млн. рублей. Довести к 1975 году выполнение глубокого бурения до 25 тыс. п. м в год.

3. Геологическое строение Камчатской области и выявленные за последние годы промышленные россыпи и рудопроявления золота дают основания считать реальным создание здесь в ближайшие годы устойчивой сырьевой базы для развития золотодобывающей промышленности. На период 1971 - 75 годов необходимо увеличить ассигнования на геологоразведочные работы по золоту до 20 - 25 млн. рублей на пятилетку. Для создания фронта работ необходимо уже в 1969 году увеличить ассигнования до 2,3 млн. рублей и в 1970 году до 2,5 млн. рублей. Повысить темпы поисково-разведочных работ в бассейнах рек Авачи, Ольховой, Облуковины, Пустой, Ушканьи.

Осуществить мероприятия по завершению к 1971 году промышленной оценки Оганчинского золоторудного месторождения и проведению поисков новых золотоносных площадей в пределах этой зоны; закончить в 1969-70 годах промышленную оценку бассейнов рек Ольховой и Облуковины. Организовать поисково-разведочные работы на других золоторудных проявлениях, и в первую очередь на участках, тяготеющих к действующему прииску по ручью Каменистому (верховья ручьев Каменистого, Удачного, Китхой), а также на площади Кетачан - Сухарики.

4. Для удовлетворения потребностей Дальневосточного экономического района в серном сырье считать необходимым:

- обеспечить завершение в 1968-69 годах детальной разведки Центрального участка Малетойваямского серного месторождения с утверждением запасов в IV квартале 1969 года в объемах 6 млн тонн и провести предварительную разведку участка Юбилейный;
- завершить в 1968-69 годах технологические исследования серных руд с целью разработки наиболее эффективных способов извлечения серы; предусмотреть начало строительства на Камчатке в 1971 году Малетойваямского горно-химического комбината с пуском первой очереди комбината в 1974 году производительностью 100 - 150 тыс. тонн и с последующим увеличением добычи серы в 1979 году до 250 - 300 тыс. тонн в год; к проведению изыскательских работ приступить в 1970 году; решить вопрос о проектировании и строительстве опытного цеха на базе Приморского комбината для полупромышленных испытаний вулканических серных руд месторождений Дальнего Востока;
- ускорить издание в 1969 году коллективной монографии "Вулканические серные месторождения и некоторые проблемы гидротермального рудообразования".

5. Усилить поисковые и разведочные работы на ртуть с целью промышленной оценки слабоизученных, но перспективных ртутных рудопроявлений опалитового и листовитового типов, а также экранированных рудных залежей среди наземных вулканогенных образований. Завершить в 1968-69 годах промышленную оценку Олюторского, а к 1970 году Чемпуринского ртутных месторождений. Считать необходимым:

- создание в Камчатской области эксплуатационных предприятий на базе мелких и средних месторождений богатых ртутных руд (Олюторского - к 1970 году, Чемпуринского - к 1979 году, Ляпганайского - к 1973 году);
- доведение добычи ртути к 1975 году до 250 тонн, к 1978 году - до 400 тонн в год.

6. Просить Министерство геологии СССР и Министерство геологии РСФСР выделить необходимые ассигнования для проведения специализированных поисковых работ на олово и промышленной оценки выявленного оловянного оруденения в юго-западной части Корякского нагорья (бассейн р. Уннейваям). Усилить поисковые работы на хром, никель,

платину и асбест в пределах гипербазитовых поясов.

7. Завершить в 1968 году разведку Халактырского месторождения титаномагнетитовых песков с утверждением запасов в 1969 году.

8. Считать необходимым проведение поисково-разведочных работ на термальные воды в объемах, обеспечивающих потребности развивающейся энергетической промышленности, сельского хозяйства и теплофикации г. Петропавловска и населенных пунктов Елизовского района.

9. Камчатскому территориальному геологическому управлению разработать и согласовать с Камчатским облисполкомом перспективный план расширения минерально-сырьевой базы строительных материалов на 1969 - 75 годы с учетом удовлетворения местных потребностей и возможного вывоза их в смежные области.

10. С целью повышения эффективности поисково-разведочных работ Камчатскому геологическому управлению необходимо построить Центральную лабораторию в г.Петропавловске-Камчатском и усилить лабораторную базу в экспедициях, а также укреплять геологическое управление транспортными средствами.

11. В области научных исследований:

- для повышения эффективности геолого-поисковых и разведочных работ считать необходимым широкое привлечение научно-исследовательских институтов АН СССР, ЦНИГРИ, ВНИГРИ, НИИГА для решения проблемных вопросов геологии и закономерности размещения полезных ископаемых в Корякско-Камчатской складчатой области;
- создать на основных типах действующих вулканов комплексные полигоны для изучения динамики изменения физических полей, теплового потока, деформаций земной коры и т. д., работы на которых обеспечат, в конечном итоге, возможность прогноза вулканических извержений;
- одобрить представленный Институтом вулканологии в отделение наук о Земле в АН СССР проект глубокого бурения на гидротермальных полях и в зоне магматических тел и считать необходимым его проведение в ближайшее пятилетие;
- считать необходимым постановку Институтом вулканологии, Сибирским отделением АН СССР и Камчатским геологоуправлением темы "Современные гидротермы Камчатки", предусматривающей изучение (в том числе с проведением оценочного бурения) основных типов существующих месторождений термальных вод;
- продолжить разработки по оценке возможностей технологического извлечения из современных гидротерм бора и редких металлов.

12. С целью должного разворота научно-исследовательских работ считать необходимым в 1970 году завершить строительство комплекса зданий Института вулканологии и научно-исследовательского судна "Вулканолог", а также комплектацию их современным оборудованием.

13. Для обеспечения безопасности строящихся объектов рекомендовать проведение работ по вулканическому и сейсмическому районированию.

14. В целях охраны уникальных явлений природы рекомендовать создание на Камчатке национальных парков" (47).

Глядя с высоты прошедшего времени, видишь, что многое из постановления было впоследствии выполнено. И основная заслуга в этом - неутомимых камчатских геологов.

Интересный факт, подтверждающий мощный подъем геологии на Камчатке в то время: именно в 1968 году в Камчатском территориальном геологическом управлении родилась своя газета. Настоящая, не настенная, форматом А-3. Называлась она "Геолог Камчатки" и выходила раз в месяц и к праздничным датам. Печаталась газета в Петропавловской типографии областного управления по печати. Редакторами ее были главный инженер КТГУ Леонид Кратковский, затем - профессиональный журналист Анна Васильевна Кузьма.

Идея издания своей газеты принадлежала начальнику геологического управления Вадиму Михайловичу Никольскому. В Хабаровске еще в 1965 году начали выпуск газеты "Геолог Приамурья", которая очень нравилась Никольскому. Став начальником управления, он замыслил и у себя издавать такую газету. На то, чтобы пробить реализацию идеи в обкоме партии, ушло 1,5 года. Но когда разрешение было все же получено, геологи взялись за подготовку газетных номеров с огромным энтузиазмом.

Первый номер "Геолога Камчатки" вышел в пятницу, 5 апреля 1968 года, как раз к Дню геолога и к 50-летию советской геологии (тогда в стране истории "досоветского периода", т. е. до 1917 года, не существовало). "Старшая сестра" - газета "Камчатская правда", прислала в редакцию новой газеты поздравление.

"Желаем "Геологу Камчатки" больших успехов, - писалось в нем. - Выражаем уверенность, что газета будет боевым помощником партийной организации в деле мобилизации коллектива на выполнение XXIII съезда КПСС, в борьбе геологов за скорейшее раскрытие подземных кладов нашего полуострова. В добрый путь, "Геолог Камчатки"!

Поздравление "Камчатского комсомольца" было интереснее - по возрасту:

"...Будь отважен, наш друг, и спокоен, не ищи проторенных путей!.. Ура! Нашего полку прибыло! Последняя сенсация: в центре Петропавловска найден газетный самородок! Желаем, верим: "Вы и в жизни (читай - в газете) руду золотую отличите от породы пустой".

Но самым интересным, самым лиричным поздравлением газете были стихи геолога Евгения

Брылова:

Привет, привет "Геологу Камчатки",
Выходящему в первый маршрут!
Пусть прочтут его в каждой палатке,
Пусть любимым его назовут!
Невелик он, по правде, форматом,
Но уверен - малыш подрастет.
Пусть он будет вам другом и братом,
Напишите ему - он поймет.
С каждой партии, знаю, поэты,
Может быть, лишь себе на уме,
Напишите, поэты, в газету,
Может, слава придет - реноме.
И прозаики держат под спудом
Впечатлений своих целый воз:
Кто, зачем, почему и откуда?
И, возможно, про шелест берез.
Цифры - тоже великая сила,
Наш фундамент, железобетон,
И куда б нас судьба ни носила,
А они задают в жизни тон.
Так читайте, пишите, считайте,
Тем и фактов у вас - океан,
Что волнует вас - все присылайте.
Но поместится только... роман.

Газете повезло с деятельными редакторами. Повезло с художником - ее замечательно рисовал начальник геолотдела управления Альфред Шарга. Оформлял газету, рисовал ее "шапку", т. е. заголовок картограф-оформитель Вениамин Визгунов. Повезло с авторами, которыми были многие и многие сотрудники экспедиций и партий. Сегодня "Геолог Камчатки" - кладезь интереснейшей информации именно по истории геологических исследований на полуострове. Просто невозможно не обратиться к некоторым статьям газеты.

Заместитель начальника КТГУ Юрий Вернидуб в номере за май 1968 года написал заметку "Счастливого плавания!":

"В нашем управлении имеется небольшой флот: два теплохода, морские буксирные катера и плашкоуты. Задача флота - доставка материалов и оборудования, необходимых для проведения геологоразведочных работ в партиях и экспедициях, из Петропавловска и других портов Дальнего Востока.

Моряки управления вносят свой вклад в дело изучения недр Камчатки. В прошедшем 1967

году они выполнили план грузоперевозок и теперь, по окончании ремонтных работ, готовы к новой навигации. Судам флота предстоит трудная и почетная задача - доставка грузов для Малетойваямской и Олюторской партий Пенжинской экспедиции, Ичинской партии Геофизической экспедиции, ликвидации Воямпольской и Богачевской разведок.

Успешная работа флота во многом будет зависеть от оперативной погрузки и выгрузки судов, концентрации грузов на БМТС и в местах погрузки на побережье. Руководству БМТС необходимо спланировать работу флота так, чтобы избежать длительных простоев судов в ожидании грузов, а руководители экспедиций должны обеспечить оперативную разгрузку в местах приема груза.

Желаю нашим морякам успешно выполнить свои социалистические обязательства и провести навигацию 1968 года еще лучше, чем в 1967 году".

Или другая публикация - интервью А. Морковиной с главным инженером строительного управления КТГУ Юрием Погорелко (август 1968 г.).

"1 июля нам исполнилось ровно полтора года, - говорит Ю. Н. Погорелко. - Это не такой уж большой срок для нашего предприятия, в котором насчитывается 260 человек. В нашем ведении находятся гараж, ремонтно-механическая мастерская, а функции состоят в строительстве постоянных и временных зданий и сооружений и управлении коммунальным хозяйством.

Первые организационные трудности уже позади. Они не помешали в юбилейном году Советской власти выполнить большой объем работ. Введены в строй автозаправочная станция, котельная. Сдан в эксплуатацию 48-квартирный дом, капитально отремонтировано здание геологического управления".

Здесь же - репортаж с улицы Пограничной в Петропавловске, где построен крупнопанельный 60-квартирный дом для геологов: "Второй месяц комплексная бригада коммунистического труда Владимира Рогожника ведет благоустройство территории. Вокруг нового дома вырастут деревья, появится детская площадка, застучат каблучки по асфальту. Особая удача выпадет на долю тех, у кого есть дети. Стоит перейти дорогу - и перед вами прекрасный парк для ребят, единственный, кстати, в городе.

Геологический дом числится у строителей под номером 6. Четыре брата-дома выросли в этом районе раньше. Ключи от новеньких квартир получили тогда рыбаки, медики, учителя, журналисты. И вот счастье пришло к геологам. 60 квартир - не так уж мало для нашего управления".

В марте 1969 года газета опубликовала сокращенный доклад начальника КТГУ В. М. Никольского на партийно-хозяйственном активе управления. В докладе, в частности, говорилось:

"Прошедший 1968 год был важной вехой в истории геологической службы Камчатской области. КТГУ приступило к разведке важнейших для области и всего Дальневосточного экономического района полезных ископаемых. Кроме месторождений золота и термальных вод в орбиту разведки были вовлечены месторождения серы, ртути, железа, пресных вод. Началось долгожданное глубокое бурение на нефть и газ. Трижды представлялись в ГКЗ отчеты с подсчетом запасов. Собраны материалы для составления ТЭДов по использованию серы, железа, ртути. Получены новые интересные данные по геологии и полезным ископаемым Камчатки и Корякского нагорья.

КТГУ располагает целой "армией" ИТР, но расстановка и размещение их желает много лучшего. На первое января 1969 г. в управлении работали 929 инженерно-технических работников, в том числе специалистов с высшим образованием - 381, со средним техническим - 373, практиков, занимающих инженерно-технические должности, - 211.

Из 929 ИТР управления 703 (75%) проживают в г. Петропавловске и п. Елизово, выезжая лишь на сезонные полевые работы, и только 226 ИТР работают в круглогодичных разведочных партиях. Это сложилось исторически, в связи с проводимым ранее курсом на поисково-съёмочные работы в области. Большинство опытных ИТР сосредоточено в геологосъёмочной экспедиции, центральной лаборатории и аппарате КТГУ. Из 123 специалистов со стажем работы на Камчатке свыше 10 лет в разведке работают только 8 человек.

Текучесть кадров в 1968 году, так же, как и в 1967 г., была недопустимо высокой: принято на работу 1 299 человек, уволено 1 369 (105%). Почему же уходят с наших объектов люди? Причем не только рабочие, но и ИТР? Главная причина - отсутствие нормальных жилищно-бытовых и производственных условий в круглогодичных партиях. На текучесть кадров влияют, по-видимому, и низкие заработки, отсутствие четкой организации труда, слабая политико-воспитательная работа в коллективах. Выход один - резко улучшить условия труда и быта на наших первостепенных объектах, создавать на них крепкие семейные коллективы, окруженные заботой геологов всего управления, районных советских и партийных организаций. Другого пути у нас нет".

Все приведенное выше говорит о том, что КТГУ вставало на ноги. Трудно, но вставало, набиралось сил, начинало осваивать территорию полуострова, изучать его недра. Именно в конце 1960-х - начале 1970-х годов на Камчатке были открыты месторождения рудного золота: Сергеевское, Агинское, Аметистовое, которые на долгие годы стали одними из основных объектов КТГУ. Шли детальные поисковые работы на Айнаветкинском оловорудном поле, поиски россыпного золота в Центральной Камчатке, оценка медно-никелевых рудопроявлений Кирганик и Шануч и т. д. Геологические задачи управления усложнялись, расширялись виды геологических исследований. Из года в год увеличивались ассигнования на геологоразведочные работы. Так, в 1973 году они возросли сразу в 3 раза по сравнению с предыдущим годом.

Вводилась в работу все более сложная геологоразведочная техника, увеличивалось ее количество. Инженеры, техники, рабочие успешно осваивали новую технику и

совершенствовали методы производства работ. Взамен устаревших конструкций буровых станков типа КАМ-300, КАМ-500, ЗИВ-75, ЗИВ-150 пришли станки новых конструкций ЗИФ, СБА, "Уралмаш", БУ, позволяющие производить бурение в сложных геологических и климатических условиях с высокой производительностью. Значительно улучшился баланс рабочего времени буровых станков (48).

В эти годы на Камчатке появилась своя горнопроходческая школа. Все большее количество объектов начинало разведываться штольнями и глубокими шурфами с рассечками. Это требовало умения, навыков, наличия соответствующего оборудования. Партии и экспедиции стали получать компрессоры, перфораторы, погрузочные машины, электровозы, вентиляторы и т. д. Для работы на Камчатке приезжали опытные горнопроходчики из других регионов страны. Набирались опыта и местные кадры.

Возросла энерговооруженность геологов. В 1973 году КТГУ располагало 67 электростанциями суммарной мощностью 3 560 киловатт. Повсеместно геологи пересаживались с лошадей на машины и гусеничные вездеходы, обзаводились тракторами и бульдозерами. В 1973 году в КТГУ было уже три грузовых теплохода - "Академик Обручев" и "Академик Карпинский" водоизмещением по 340 тонн и "Южно-Сахалинск" водоизмещением 1200 тонн. Из базовых поселков на участки работ геологи забрасывались вертолетами. В том же, 1973 году налет геологов Камчатки составил 7 000 часов (49).

"Когда я в 1967 году создавал Ичинскую нефтеразведочную партию, то на первых порах подчинил ее Геофизической экспедиции, которая готовила для Ичи структуры для бурения, - вспоминает те годы бывший начальник КТГУ Вадим Михайлович Никольский. - В последующем к этим работам были подключены специализированная геофизическая партия Восточно-Сибирского геофизического треста (г. Иркутск), тематические партии КТГУ, МГУ и "Зарубежгеологии" (Москва), ВНИГРИ (Ленинград). Их ведущие работники докладывали мне постоянно о результатах своих работ. Были опробованы все известные методы поисков и подготовки структур: морфологические, геохимические, геофизические (сейсморазведка, электроразведка, гравика), структурное колонковое бурение.

Пришлось принять от камчатских рыбаков (Каленов В. К.) брошенный ими поселок Ича, в котором проживали около тысячи человек. Торговались мы с начальником "Главкамчатрыбпрома" чуть ли не за каждое здание-развалюху до упаду, до криков и взаимных оскорблений. Приняли...

В 1968 году на Иче была забурена на Верхне-Низконской структуре первая скважина глубокого бурения, а в 1973 году на Лиманской структуре (вблизи Ичи) было открыто первое газоконденсатное месторождение. Кстати, и Крутогоровская структура, где было открыто более крупное Кшукское месторождение газоконденсата, начала готовиться еще в те годы. Я побывал там с рекогносцировкой на вездеходе в феврале 1973 года. Уже тогда мы возобновили структурное бурение в Тигильском районе и ставили вопрос о нефтепоисковых работах в Усть-Большерецком районе, в долине реки Камчатки и на севере области. А также в Богачевке".

Подъем отрасли продолжался примерно до середины 1970-х годов. Затем наступила некая стабилизация. В принципе, эти годы (1974 - 1982) вообще вошли в историю нашей страны (тогда - СССР) как "период застоя". Похожий застой, то есть стабильность, наблюдался и в геологии. Исследователи недр могли полностью отдаваться любимому делу. И отдавались.

Вот некоторая хроника геологических исследований до начала 1980-х годов, которую можно проследить по названиям геологических отчетов.

Хворостов В. П., Зайцев В. П., Афанасьева Л. Б. Отчет по детальным поискам на участках Интересный, Мазуринский, Рудный и общим поискам на участках Акрополь, Омега, Спрут Ичигинской рудной зоны. (Рудная 1, Рудная 2, Рудная 3 ГПП, 1977 - 1982 гг.;

Валов В. В. и др. Отчет о результатах детальныx поисков золоторудных тел на площади Верхне-Паратунского рудного поля (Вилучинская поисковая партия 1977 - 80 гг.);

Кравченко Л. И., Пузанов В. Н., Вильданова Е. Ю. Отчет о результатах общих и детальныx поисков в Валижгенском золотоносном районе за 1977 - 79 гг. (Валижгенская ГПП. 1980 г.);

Волков Ю. Ф. и др. Отчет о результатах поисково-оценочных работ на золото, проведенных на Балхачском рудном поле Бараньевского месторождения в 1977 - 81 гг.;

Деревянко Т. И. Отчет о детальныx поисковых работах на флангах участка Аметистового Тклаваямского рудного поля (2 Аметистовая партия, 1977 - 79 гг.), СККГРЭ;

Бондарь В. А. Отчет о предварительной разведке рудных тел Южно-Агинского участка Агинского золоторудного месторождения за 1978 - 84 гг. ЦКГРЭ;

Дворецкий Б. В. Отчет о детальной разведке россыпей в долинах рек Ушканья-2 и Правая Кондырева (верхняя часть) за 1978 - 82 гг. с подсчетом запасов по состоянию на 31.12.1982. (Кондыревская ГРП, 1982.);

Большаков Н. М. Отчет о результатах детальныx поисковых работ на площади Асачинского рудного поля, проведенных в 1978 - 81 гг. (Асачинская поисковая партия);

Белков Е. Е. и др. Отчет о результатах общих поисковых работ на древние морские россыпи в Западно-Камчатском золотоносном районе (Хомутинская и Брюмкинская площади), проведенных Охотской партией в 1979 - 82 гг.;

Игнатьев Е. К. Отчет по поисково-оценочным работам, проведенным в пределах Шанучского рудного поля в 1977 - 79 гг. (Центральная Камчатка), ЦКГРЭ;

Игнатов А. П. Отчет о результатах детальныx поисковых работ на участках Родниковом и Карбонатном и поисково-оценочных работ на жильной зоне Родниковой, проведенных в

1979 - 82 гг.;

Конечно, виден уклон к золоту. Но тогда развивались и гидрогеологические исследования. Именно золото и гидрогеология (особенно разведка термальных и перегретых вод) были в этот период основными объектами внимания камчатских геологов.

ЭПОХА УМИРАНИЯ

Кризис в геологическую отрасль пришел на плечах общих кризисных явлений в стране. После смерти в ноябре 1982 года Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева его место занял Юрий Андропов, который начал железной рукой наводить порядок в "прогнившем, застойном" обществе. Начались "андроповские реформы", которые потрясли привычные устои страны жесткостью. После Андропова у власти некоторое время был немощный Черненко, а затем пост Генсека достался Михаилу Горбачеву, объявившему курс на перестройку. Так и пошло - поехало до самых ельцинских времен, когда экономика страны (уже только России) была окончательно разгромлена...

Но все по порядку. Именно при Андропове, в 1983 году, ПГО "Камчатгеология" лишилось такого объекта работ, как Мутновское месторождение парогидротерм. Его отдали ПГО "Сахалингеология", которое тут же приступило к строительству своей новой Камчатской гидрогеологической экспедиции. Причем строили в поселке Термальном, рядом с Паратунской гидрогеологической экспедицией ПГО "Камчатгеология".

Это воспринималось как насмешка над камчатскими геологами. Увы, но руководители камчатской геологии не смогли (или не захотели) лечь костью, но отстоять парогидротермы. Ведь было совершенно очевидно, что у сахалинцев кроме станков нефтяного ряда нет для этого ничего - ни специалистов, ни базы данных, ни опыта, наконец. Хотя, конечно, внешне передача выглядела вполне логично, ведь камчатцы несколько лет не справлялись на Мутновке с объемами буровых работ, разведка месторождения затягивалась. Сроки постоянно переносились, но до тех пор, пока у власти не встал жесткий Андропов, заставивший жестко работать всех, в том числе Мингео СССР.

У сахалинцев на Камчатке уже существовала нефтеразведочная экспедиция, которой немногим ранее передали все работы на нефть и газ, отняв их у камчатцев. Тогда это объяснялось специализацией сахалинских геологов на нефти и газе и концентрацией этих работ в одних руках. Теперь формулировка была серьезней: передать, потому что не справились. Мне думается, что кое-кто этому радовался: "баба с возу...". Но, по большому счету, эта тайная радость была явным предательством.

Гидрогеолог В. Г. Охапкин в интервью газете "Камчатская правда" в августе 1988 года объяснял: "Мы и половины объемов не выполнили. Скважин было мало, качество плохое - мы ведь тогда только учились справляться с паром. Геологоразведочные станки, которыми

мы тогда пользовались, оказались маломощными, мы только-только начали ставить вопрос о переходе на более тяжелые станки нефтяного ряда. В итоге нашего безнадежного провала, видимо, в качестве наказания для "Камчатгеологии" работы на Мутновке передали ПГО "Сахалингеология".

У них тоже не было опыта работы на парогидротермах, но были станки нефтяного ряда, более широкие материальные возможности, а также побольше организованности и порядка. Они сразу же стали работать привычным им вахтовым методом, сначала возили рабочих с Сахалина, потом временно привезли к нам целый учебно-производственный комбинат и организовали подготовку на месте. Они повторили все наши ошибки. У них точно так же лопались трубы, у них точно так же рушились стенки.

Квалификация буровиков росла не от того, что в УПК они переучились на глубокие станки. Они просто постепенно познавали месторождение. Настоящие сахалинцы постепенно поуезжали, остались наши, кто здесь работал и работал".

Случай с Мутновкой красноречиво показывал, что в эти годы ПГО "Камчатгеология" стало уже далеко не тем предприятием, каким было десять - пятнадцать лет назад, нося имя КТГУ.

"История развития геологии на Камчатке хотя и длительная, но очень сложная, "кривая", с большими спадами и подъемами производства, постоянными реорганизациями геологической службы, нередко непродуманными и вредными для развития минерально-сырьевой базы области, - пишет Вадим Михайлович Никольский. - Отчего и не имеем мы пока ничего серьезного там. К сожалению. Другими словами, результаты работ геологов до сих пор не соответствуют крупным и, очевидно, обоснованным научным прогнозам".

Никольский совершенно прав, говоря о частых реорганизациях геологической службы на Камчатке. Он руководил КТГУ, которое до него было сначала КГУ, затем райГРУ, а после него, с августа 1980 года стало производственным геологическим объединением "Камчатгеология". Очередную попытку реорганизации сделали сами руководители ПГО "Камчатгеология" во главе с генеральным директором В. И. Лаштабегом. В 1987 году у них появилась идея создания единой геологической структуры на полуострове. Тогда на Камчатке работали следующие геологические предприятия: ПГО "Камчатгеология", ПГО "Сахалингеология" (нефтегазоразведка, гидрогеология), управление "Камчатбургеотермия" (Мингазпром), 2-я аэрогеологическая экспедиция ВПО "Аэрогеология" (Москва), Камчатская партия ВПО "Союзкварцсамоцветы".

Все это мыслилось объединить в одно предприятие "Камчатнедра". Причем планировалось создание в его рамках еще и добывающего управления со следующими подразделениями: "Камчатгидротермия", "Камчатстройматериалы", "Камчатзолото", "Камчатуголь". Обком КПСС поддерживал эту идею и в ноябре 1987 года отправил этот проект в Верховный Совет СССР и Совет Министров. А на Камчатке тем временем разворачивалась борьба за главенство в будущем огромном предприятии. Сахалинцы и руководители "Камчатбургеотермия" понимали, что у них просто хотят отобрать их функции, и боролись за прежнюю схему.

23 декабря 1987 года специально по этому вопросу в Петропавловск прилетал заместитель министра геологии СССР Пельменев. Но он привез несколько иную схему, которая не возвеличивала "Камчатгеологию", а наоборот принижала. Он объявил, что будет создаваться большое государственное геологическое объединение (ГПГО), в которое войдут три предприятия: ПГО "Камчатгеология", ПГО "Севвостокгеология" и НИИ геологии в Магадане. Главным будет ПГО "Севвостокгеология".

Это означало, что Камчатка подчинится Магадану. Естественно, камчатцам это не понравилось. Активно против выступил В. И. Лаштабег, его поддерживали в обкоме. Во все инстанции полетели письма. Дело дошло до того, что Лаштабега за непослушание хотели снять, но обком сумел заступиться, и Лаштабега не тронули. Но и большого "магаданского" объединения не создали. Камчатцы вздохнули с облегчением, ведь чуть было сами не сунули шею в петлю.

11 февраля 1988 года в Петропавловске собралась конференция трудовых коллективов ПГО "Камчатгеология". Решали, как дальше жить. Это было злободневно, так как объединение испытывало определенный прессинг со стороны Москвы, а генеральный директор стал считаться опальным.

Критики в адрес В. И. Лаштабега было много. Критиковали "генерала" начальник ГСЭ А. Е. Конов, начальник ПГГЭ В. Б. Звягинцев, старший геолог ЦКТЭ В. Д. Дмитриев, начальник СКГРЭ Ю. В. Неверов и парторг этой же экспедиции Ю. П. Рожков. Критиковали и в то же время высказывали убеждения, что только та экспедиция, в которой работал выступавший, способна "вытащить объединение из прорыва". Альфред Конов призвал объединить под крышей геолого-съемочной экспедиции все съемочные партии, всех специалистов-съемщиков, вывезти их из отдаленных экспедиций в Петропавловск, дать квартиры.

Юрий Неверов убеждал присутствующих, что помогут объединению лишь два объекта - Ага и Аметистовая. Главный геолог ПГО Виктор Хворостов поддержал и того, и другого, при этом добавил, что необходимо к Северо-Камчатской ГРЭ присоединить Пенжинскую экспедицию. С ним не согласился начальник Пенжинской экспедиции Шамиль Гимадеев. Коллектив поручил ему сказать, что пенжинцы хотят остаться самостоятельными, хотят заняться не только россыпями золота, но и платины, что даст им возможность выжить в это трудное время. "Не нужна нам Пенжинская экспедиция, - рассердился на предложение Хворостова Юрий Неверов. - И съемщиков своих мы Конову не отдадим. Чего ради? Наша экспедиция - самая старшая по возрасту на Камчатке, кадры опытные, прижившиеся. И вообще, мы лучше всех".

Надо сказать, что в это время стал популярным лозунг "Вся власть Советам!". Исполдволь слышалась критика в адрес коммунистической партии, все громче говорили о сталинских репрессиях, высказывались предложения о создании в стране демократической партии. Потому и хотели настоящей власти, настоящих Советов. А не компартии. Все шло к тому, чтобы всех начальников не назначали, а выбирали в коллективах. Именно этим духом была пропитана та конференция трудовых коллективов. Но главное ее решение состояло в том,

чтобы начать поиски наиболее эффективной формы управления, новых условий оплаты труда. Как формулу от всех бед называли слово "хозрасчет".

Что такое хозрасчет в понимании тех лет? Вот цитата из статьи министра геологии СССР Е. Козловского в "Экономической газете (1988 г.): "С начала 1989 года все предприятия и организации отрасли будут работать по второй модели хозрасчета. Она обеспечивает заработанность средств, делает выгодными работу меньшим числом и экономия всех видов ресурсов, поскольку фонд оплаты труда образуется как остаточный. Основная форма низового хозрасчета в организациях министерства - бригадный подряд, который внедряется с 1980 года, и с переходом на полный хозрасчет наполнился новым содержанием".

Получалось, что, перейдя на хозрасчет, каждая бригада должна была четко понимать его механизм. Если бригада не понимала, не ориентировалась в нем, то могла попасть в "долговую яму". А это - угроза выполнению работ и материальному благополучию членов коллектива.

Ох уж этот хозрасчет. Ох уж этот бригадный подряд, который, как говорит министр, начал внедряться в геологии с 1980 года. Чего только о нем тогда не говорили, чего только не городили на практике. Некоторые предприятия даже вводили у себя "внутренние" деньги, т. е. такие бумажки с печатью предприятия, на которых проставлялась сумма в рублях. Например, если начальник партии заказывал в механическую мастерскую нарезку резьбы на обсадные трубы, то расплачивался за работу таким чеком. Были и другие схемы. Но толком никто так и не познал сути и уж тем более плюсов или минусов бригадного подряда.

У меня сохранилась вырезка из газеты "Камчатская правда" за 1985 год с интервью знаменитого на Камчатке бригадира горнопроходческой бригады Агинской партии Федора Барановского.

Корреспондент газеты М. Чайковская спрашивает бригадира:

- Федор Ильич, в вашем коллективе бригадный подряд себя оправдал, прижился, дает высокий экономический эффект. Чем это объясняется? Какие преимущества несет в себе эта форма организации труда именно для горнопроходчиков?

Барановский отвечает:

- Вы немного преувеличиваете: подряд у нас находится пока не на том уровне, на каком хотелось бы. Существует еще много проблем, но, думаю, залог нашего успеха в том, что мы их не боимся. Вопрос о коллективном подряде в геологии еще недавно вызывал споры, многие не верили, что его можно внедрить. Это связано со спецификой нашей работы - с зависимостью ее от метеоусловий, с изменчивостью задач, с некоторыми трудностями учета. Но возможность все это упорядочить есть. И, если она достигнута, подряд сразу дает о себе знать.

Прежде всего, улучшилось качество снабжения. В любой момент, опираясь на договор с администрацией, мы можем потребовать недостающие материалы, транспорт, оборудование.

Второе - привлечение вплотную к заботам бригады обслуживающего персонала штольни, без которого мы - никто. Это горные и путевые рабочие, слесари и сварщики, а также взрывники. Теперь и у них появилась заинтересованность в конечном результате нашей работы, в наших метрах.

И еще один момент, для руководства партии, может быть, важнейший. Темпы проходки постоянно ускоряются, и именно это способствует выполнению одного из важнейших положений бригадного подряда - снижению себестоимости геологических работ. Наша бригада постоянно снижает этот показатель. Мало того, внедрение подряда заставляет задуматься над укрупнением бригады. Поскольку на штольне № 17 проходка ведется ускоренными темпами, фронт работ позволяет взять лишних проходчиков. Это выгодно с экономической точки зрения".

Конечно, с точки зрения экономиста-рыночника, не признающего распределительной экономики социализма, знатный бригадир ошибался. Какая может быть выгода от лишних сотни погонных метров проходки, если эти лишние метры догружались лишними рабочими, а следовательно, и лишними работниками попутной инфраструктуры? И вообще инфраструктура геологических работ была тяжелой. Чего только стоили строительство и содержание геологических поселков! Тех же поселков Вьюн и Агинский, где проживали разведчики Агинской партии и Федор Барановский в том числе.

Можно увидеть в интервью и другое: вспомогательных рабочих-повременщиков "привязывали" к сдельщикам. Таким образом, они помогали своим трудом выполнять сдельную работу, но пая от этой работы не имели, так как все равно получали деньги за повременный труд, чем бы ни занимались. Это настоящий "разврат" бригадного подряда, настоящее рабство ради увеличения показателей.

Кроме того, все в геологии тех лет было подчинено его величеству плану. Метры, кубические метры, километры - вот был бог управленцев, а значит, технологов, инженеров, техников, руководителей. Геологам приходилось бороться с этим богом, но борьба была безуспешной. Мало того, геологов самих вовлекали в выполнение физических планов. У молодых геологов даже появлялось ложное представление о смысле их работы - план. Только позже, с опытом, они начинали понимать, что смысл их работы совсем иной.

Хозрасчета в низовых предприятиях тоже не понимали. Опять же обращусь к газетной статье. Она называется "Легко ли быть геологом?", автор - Леонид Болдырев, "Камчатская правда" за 6 января 1989 г. "В новом году коллектив Пенжинской экспедиции должен перейти на хозрасчет. Но понятие о нем у рабочих весьма смутное.

- Мы спрашиваем у начальства, что такое хозрасчет? - рассказывает тракторист Н. И. Козицын, - а нам отвечают: получать меньше будете".

Или другой пример, уже из моего личного наблюдения на глубокой буровой скважине,

которая была смонтирована на Кеткинской площади одной из бригад Паратунской гидрогеологической экспедиции.

- Для строительства и монтажа завозили сюда все подряд - что надо и чего не надо, - рассказывали буровики. - Здесь уже сами разбирались, что оставлять, а что отправлять назад. Неужели на базе экспедиции, в Термальном, нельзя было толково комплектовать грузы? А кто в условиях хозрасчета за такие привозы будет расплачиваться?

Я ухватился за тему хозрасчета. Интересно было узнать, как буровики его понимают применительно к их бригаде. Оказалось, что никак. С комплексными расценками новых работ их ознакомили. А вот принципам хозрасчета не обучали. Собирал их начальник партии однажды, что-то рассказывал, но ни один из присутствующих ничего толком не понял. По срокам хозрасчет вроде бы уже и наступил, но увидеть его, потрогать руками, ощутить на себе пока не получается.

От буровиков я ушел в теплую столовую, где заседала комиссия по приему буровой установки в эксплуатацию. Оказалось, там тоже шел разговор о хозрасчете.

- Я хозрасчет понимаю конкретно, - говорил главный инженер экспедиции Петр Николаевич Евдокимов. - Будем проводить в бригаде предпусковую конференцию - вот на ней людям прямо в цифрах все и расскажем. А сейчас зачем об этом говорить? И как? На пальцах? И потом - хозрасчет можно начинать только тогда, когда здесь, на буровой, будет лежать все необходимое для бесперебойной работы. Иначе бригада договор на подряд с нами не подпишет.

Одним словом, хозрасчету мешала неповоротливая система управления. А вот ее-то никто никогда в истории геологии, да и вообще СССР и России, не менял. Менялись вывески, подчиненность, количество структурных предприятий, но экономике это не помогало. Геологии это приносило двойной вред, так как не работало и на результат. Брали не умением, а числом. Но брали.

К концу 1980-х выяснилось, что наоткрывали чересчур много, пора было остепениться. Именно так и звучало: передохните. А что значит передохнуть? Не работать? А как же люди? Их квалификация? Как же передовые наработки методик и технологий? И т. д. Об этом думали меньше всего.

К тому же окончательно в жизнь врывалась демократия, выборы. Врывалось и невиданное до того времени по размаху, по агрессивности экологическое движение. И главенствовал курс на хозрасчет. Причем не только на уровне бригад, цехов, заводов и других производственных предприятий. Его переносили и на поселки, города, районы и области. Камчатская область тоже искала себя в хозрасчете. Лучшие умы Камчатки думали, как жить области самостоятельно. Только своей рыбой? Или к рыбной промышленности требуется добавлять что-то еще? Что?

"Практически моноотраслевая специализация области создала определенные проблемы для дальнейшего развития ее экономики, - писали в газете "Камчатская правда" в мае 1988 года главный геолог ПГО "Камчатгеология" Виктор Хворостов и главный гидрогеолог Паратунской ГГЭ Юрий Манухин. ("Использовать потенциал недр", газета "Камчатская правда", 9. 05. 1988 г.). - Дело в том, что, достигнув предельной нагрузки на сырьевую базу моря, рыбная область не может обеспечить необходимого сегодня ускоренного экономического роста, комплексного развития народного хозяйства полуострова.

Сейчас на каждую тонну производимой в области продукции ввозится от пяти до семи тонн топлива, промышленных товаров, сырья, материалов, многих продуктов питания. В то же время у нас имеются хорошие возможности для развития стройиндустрии, агропромышленного комплекса, индустрии туризма. Геологи Камчатки подтвердили значительный потенциал минерально-сырьевых ресурсов, которые могут полностью удовлетворить потребность в топливно-энергетическом сырье, строительных материалах, сформировать развитую горнодобывающую промышленность.

Поэтому в Программе комплексного развития производительных сил Дальневосточного района на период до 2000 года указано, что перспективы Камчатской области связаны с интенсификацией использования природно-сырьевых ресурсов, важное место среди которых, кроме рыбных и лесных, принадлежит минерально-сырьевым. Предусматривается опережающее развитие топливно-энергетического комплекса, стройиндустрии, сельского хозяйства.

Особенно важное значение приобретает решение топливно-энергетических проблем. Без этого практически невозможны реконструкция, расширение рыбообрабатывающей, судоремонтной промышленности, стройиндустрии и других отраслей. В настоящее время вся Камчатка живет за счет ввозимого угля, мазута, моторного топлива. И проблемы, связанные с этим, будут обостряться, так как к 2000 году валовое энергопотребление должно возрасти в 1,5 раза, электропотребление - в 1,8, транспортная работа - в 1,5.

Энергетика и топливная промышленность полуострова должны развиваться на базе местных ресурсов. Прежде всего имеется в виду активное использование термальных вод. Альтернативы этому нет. Нам сегодня отчетливо ясны пути, которыми должна идти камчатская геотермия. Известны объекты, на которые можно рассчитывать, чтобы при интенсивных методах поисков и разведки к концу века вытеснить 1,5-2 миллиона тонн условного топлива из топливно-энергетического баланса области.

Направлены во всевозможные инстанции исходные данные для разработки технико-экономического доклада, в Мингео СССР - программы геологоразведочных работ на термальные воды в Камчатской области на двенадцатую и тринадцатую пятилетки.

Если выполнить предложенную программу, то к концу нынешнего тысячелетия Камчатская область может иметь геотермальные электростанции суммарной мощностью 550 Мегаватт, теплично-овощных комбинатов общей площадью 40 гектаров и тепла для теплоснабжения

городов и поселков не менее чем 240 гигакалорий в час. Но для этого нужны крупные вложения. Только геологоразведочные работы, включая бурение разведочно-эксплуатационных скважин, обойдутся в 670 миллионов рублей. Нужно решить множество проблем технического, технологического и методического плана. И не только в геологоразведке, но и в энергетике. Словом, нужно многое".

Казалось, что в период поисков альтернатив рыбе для развития экономики области будет дана зеленая улица минерально-сырьевым ресурсам. Геологи очень надеялись на это, активно работали в этом направлении. Могла сбыться мечта многих поколений их коллег, исследовавших недра Камчатки. Жизнь геологической отрасли могла круто пойти вверх, к интенсивной разведке месторождений полезных ископаемых, а затем - к созданию горнодобывающей промышленности, что еще более возвысило бы геологию.

Но тут в дело вступила неожиданная для многих третья сила - экологическая общественность. Нет, не профессиональные экологи, не чиновники от природоохраны, а именно так называемые общественники. Это были просто любители природы, журналисты, "официальные" общественники из добровольного общества по охране природы и еще те, кто понял, что на этом можно заработать деньги и бесплатные поездки за рубеж.

Главным объектом внимания общественных экологов стала деятельность геологов, уже начавших открыто ратовать за разработки отдельных месторождений полезных ископаемых полуострова, и в первую очередь золоторудных, угольных и паро- гидротермальных. "За золото рудное мы будем расплачиваться другим золотом Камчатки - лососем", - твердили "зеленые" (именно так стали называть общественников от экологии).

"Зачем расплачиваться? Давайте так работать, чтобы были и золото, и лосось", - предлагали в ответ геологи.

Но это не входило в планы "зеленых". В этом случае они никому не были бы нужны. Они боролись за свое место в неожиданно ставшей свободной стране. Свободной до такой степени, что самые большие деньги можно было зарабатывать, именно изменяя интересам этой страны.

Для начала против геологов было поднято общественное мнение области. Они-то и нарушители природы, они-то и браконьеры, они-то и главные враги Камчатки прекрасной, и т. д. Геологов заставили объясняться, оправдываться.

"Основа нашей позиции - желание внести наиболее весомый вклад в развитие области, - говорил главный геолог ПГО "Камчатгеология" Виктор Хворостов в одном из газетных интервью в 1989 году. - Чтобы нам здесь лучше жилось, в хороших благоустроенных домах, чтобы имели мы возможность и отдыхать, и плодотворно работать, пользоваться всеми благами, многими из которых камчатцы сегодня обделены. Для этого у области есть все возможности, если она включит в свою экономику использование минерально-сырьевых ресурсов.

Пока Камчатка развивается очень однобоко, используя только биологические, точнее сказать рыбные и лесные ресурсы. Поэтому свою основную задачу мы видим в том, чтобы ввести в сферу активной деятельности и ее минерально-сырьевой потенциал. Для человека. Для Камчатки".

Корреспондент спрашивает его: "То есть Вы считаете развитие горнодобывающей промышленности у нас неизбежным, необходимым или желательным?"

На это Виктор Хворостов отвечает: "И неизбежным, и необходимым. Особенно в свете перехода на территориальный хозрасчет. Все должны четко представлять: жить в долг больше уже не получится. Без использования минерально-сырьевых ресурсов Камчатка на хозрасчет перейти не сумеет" (50).

Конечно, тогда еще никто не знал, в том числе и Хворостов, что в конечном итоге на хозрасчет не удалось перейти даже всей стране. СССР через несколько лет после описываемых событий не стало, а Россия была вся распродана доброхотами за полущку табака, за бесплатные поездки в Америку, Израиль, куда угодно. Всяк продавал что мог. По самому крупному счету продавали крупные чиновники, людишки продавали за мелочь. В результате не осталось ничего.

Через десять лет "зеленые" уже даже о лососе перестанут говорить, потому что массовое уничтожение лосося станет нормой. Причем отнюдь не геологами, а теми, кто берет лицензии на его добычу.

Через десять лет Камчатка испытает страшные, глубокие энергетические кризисы, потому что будет продолжать завозить для своих ТЭЦ топочный мазут, так и не построив мощных ГЭС и ГеоТЭС, о которых твердили геологи.

Но тогда этого еще не знали, о таких масштабах предательства даже думать не могли. А потому боролись за свое, например, за геологию, за право заниматься ею ради самой Камчатки. Доказывали, стучались в умы и сердца людей.

"В 1988 году на Камчатку завезли около 730 тысяч тонн угля, полтора миллиона тонн жидкого топлива, - говорил Виктор Хворостов в том же интервью. - Все это и сегодня обходится очень дорого: среднеотраслевая цена тонны угля - 26 рублей 27 копеек, плюс транспортные расходы до Петропавловска 46 рублей. Доставка тонны угля в Пенжинский район обходится уже в 187 рублей. Потребность района примерно 50 тысяч тонн. Вот и считайте. А с 1 января 1990 года цены на топливно- энергетические ресурсы должны возрасти в 1,5-2 раза. Возрастут и наши потребности: в облизполкоме мне дали такую цифру по углю на будущий год - 850 тысяч тонн. Все это рыба одна не вытянет...".

Никто не хотел Хворостова слушать. И не только Хворостова.

А хозрасчет тем временем наступал. В региональном плане он не приживался, страна еще не бросала регионы на произвол судьбы, на выживаемость. А вот предприятия бросила. И бросила даже целые отрасли, в том числе и геологическую. Расти в сторону разработки своих разведанных месторождений геологам не давали "зеленые", а развиваться внутри своей отрасли не позволял хозрасчет, а вскоре и полное прекращение финансирования со стороны государства. Все это убивало геологию. Прямо на глазах у простых людей и на глазах региональной власти, которая бездействовала.

В 1990 году резко сократился объем финансирования геологоразведочных работ.

В 1991 году он сократился еще.

В 1992 году начался повальный отъезд специалистов из камчатской геологии.

В 1993 году государственного финансирования практически не было. Некоторые экспедиции прекратили свое существование, или оставили минимум своей жизнедеятельности.

В 1994 году не приступила к работе ни одна геологическая партия на Камчатке. Ни одна, не считая единичных, которые были взяты под крышу тех или иных заинтересованных предприятий. Но это означало, что у геологии начался новый этап жизни, новый этап ее истории - капиталистический.

МИРАЖИ, РЕАЛИИ И НАДЕЖДЫ

19 октября 1991 года Камчатский областной Совет народных депутатов на своей 7-й сессии принял Постановление о развитии в области золотодобывающей промышленности, которое положило конец бесконечным спорам на эту тему. Золота на Камчатке было разведано или почти разведано много - и рудного, и россыпного, но добывалось оно лишь в Пенжинском районе, где работала старательская артель "Камчатка". Да еще на Агинском золоторудном месторождении Карамкенский ГОК (Магаданская область) отбирал большую технологическую пробу с попутным промышленным извлечением золота (было извлечено около тонны). Вот и все. Остальные месторождения ждали своего часа.

Как известно, в начале 1992 года не стало СССР. Россия же еще не имела необходимых рычагов для регулирования процессов жизнедеятельности, в том числе развития промышленности. Начался управленческий хаос, время "мутной воды", в которой ловили рыбу дельцы и проходимцы, не побрезгавшие гибелью страны. Не было регуляторов и в использовании природных ресурсов.

У меня сохранилась часть стенограммы заседания Камчатской областной комиссии по созданию схемы управления природными ресурсами Камчатской области. Руководили комиссией со стороны администрации области Борис Синченко (1-й зам. главы администрации), со стороны областного Совета народных депутатов Виктор Хворостов (председатель экономического комитета). Заседание состоялось 22 января 1991 года. Свою схему только что доложил Виктор Хворостов. Ему поступил вопрос от депутата Юрия Стефанова: "У меня есть информация, что сейчас идет хищническая отработка Агинского

месторождения. Выбирают руды с содержанием 100 граммов на тонну и более, потрошат наиболее ценные бонанцы. Как будут охраняться недра?"

Виктор Хворостов отвечает:

- Есть там моменты, я с Вами согласен. Департамент природных ресурсов и будет вести контроль над запасами, правильным использованием недр. Я ведь тоже знаю, что сейчас с острова Беринга бесконтрольно вывозятся поделочные камни, организуются фирмы по использованию ресурсов, никто за ними не следит. Все это незаконно. Увы, нет органа, который все это замкнул бы на себя, вел лицензирование, квотирование...

Я напомнил этот эпизод для того, чтобы подчеркнуть, что в Российской Федерации отсутствовал регулятор использования природных ресурсов, в том числе минерально-сырьевых. Всяк действовал как ему заблагорассудится.

И вот в том же, 1992 году страна приступила к строительству своего государственного управления. Вместо бывших министерств геологии СССР и РСФСР был образован государственный комитет по использованию и охране недр - Роскомнедра. Его первым председателем был Федоров, которого вскоре заменил Виктор Орлов.

Тогда же в России был принят Закон о недрах, перевернувший все наши сложившиеся представления о порядке пользования недрами. Главное, что определял закон, - плата за недра. Отныне все, кто использовал их в любых целях, обязан был за это платить государству. Кроме того, закон определил структуру геологической службы страны. В регионах начали создаваться комитеты по геологии и использованию недр, на которые возлагались функции основных заказчиков по изучению и использованию недр, а также задачи по лицензированию деятельности предприятий, использующих недра. Государственные геологические объединения уже не отвечали за геологию, они могли лишь на равных с любым, самым маленьким частным предприятием, участвовать в конкурсах за право получить заказ на работу, а затем выполнять ее. Экспедиции, входившие в структуру объединений, старались обходиться без этих головных надстроек, и становились хозяйствующими, юридическими субъектами. Одним словом, в стране начался очередной виток реформаторства, в том числе отрасли геологии.

О создании комитета по геологии и использованию недр на Камчатке рассказывает его председатель Михаил Григорьевич Патока:

"В июле 1992 года я еще был главным геологом объединения "Камчатгеология". Генеральный директор объединения Виктор Иванович Лаштабег уже в это время увольнялся, собираясь переезжать в Москву, где ему предложили должность директора геологоразведочного техникума. Мне позвонил из Москвы Виктор Петрович Орлов и неожиданно спросил, знакомился ли я с Законом о недрах. Я ответил, что знакомился. После недолгого разговора он предложил мне возглавить камчатский комитет по геологии. В конце разговора добавил:

- Для окончательного решения дела я приглашаю Вас приехать в Москву. Лучше - в августе,

до сентября...

Вскоре я поехал. 27 августа Орлов подписал приказ о моем назначении председателем. На это было согласие администраций Камчатской области и Корякского округа.

Вернулся я после этого на Камчатку и приступил к своей новой работе. Ничего у меня не было - ни помещения, ни сотрудников. Кабинетом служил мой бывший кабинет главного геолога объединения, потому что другого главного геолога уже не назначали. Около двух недель я был в одиночестве. Затем принял на работу двух заместителей - по экономике Анатолия Степановича Фисюка и по геологии Александра Федоровича Литвинова. Втроем мы начали формировать комитет. Время не ждало, впереди была уйма дел".

В 1992 году камчатские геологи могли только мечтать, чтобы получить инвестиции на свою деятельность откуда-нибудь еще, кроме государства. А государство профинансировало их уже только на 70 - 80 процентов. Мысль об использовании готовых к эксплуатации месторождений уже требовала реализации. К тому же на Камчатку зачастили гости из-за рубежа, которые присматривались, изучали, прощупывали. С 1990 года "пасла" полуостров канадская фирма "ТЭК Корпорэйшн".

В феврале 1992 года ее представители Рон Шердаун, Джемми Мак Грегори и Саша Карпова в третий раз прилетели в Петропавловск. Их конкретно интересовало Агинское золоторудное месторождение. Тогда американо-канадцы (часть представителей были из США, в том числе юрист и горный инженер Саша Карпова) сделали тактическую ошибку - привезли с собой директора одного из ГОКов "Северовостокзолота" Михаила Казиминова, который давно работал вместе с "ТЭК Корпорэйшн". Камчатские "зеленые" перенервничали, узнав об этом (Карамкенский ГОК того же "Северовостокзолота" уже стоял у них костью в горле), а потому не захотели всерьез разговаривать с представителями. Американо-канадцы были обескуражены и уехали ни с чем. Российские реалии все-таки сбили их с ног после трехлетнего ухаживания за Камчаткой.

Также одним из первых, в конце 1992 года, прибыл на полуостров американец Макс Флакман - президент компании из Нью-Джерси "Грайнберг Рисорсез Инкорпорейшн". В первую очередь его интересовали никелевые руды месторождения Шануч, но он не прочь был узнать подробности и о золоте, нефти и газе.

Этот бизнесмен оказался настойчивее и крепче. Заместитель главы администрации области Борис Синченко спросил гостя, не беспокоит ли его нынешняя нестабильная политическая и экономическая ситуация в России. На это Макс Флакман ответил:

- О, не волнуйтесь! Мы, конечно, думаем об этом, но я оптимист.

С собой в Америку Макс Флакман увез на экскурсию председателя областного Совета Петра Премьяка, начальника отдела минерально-сырьевых ресурсов администрации Юрия Гарщенко и генерального директора ГПП "Камчатгеология" Василия Кноля. Контакты и поездки забили ключом. Камчатка только успевала встречать и провожать гостей. В

основном они были из трех стран - Америки, Канады и Австралии. Я не буду описывать их всех, не буду описывать страсти вокруг камчатского золота и конкретных месторождений, ибо это тема для отдельной большой работы, скажу только, что у камчатцев тогда обильно текла слюна, каждый, кто хоть что-то понимал в геологии, стремился создать себе фирму и "породниться" с кем-либо из иностранцев. Дело шло к конкурсам за получение лицензий на разработку месторождений.

"К конкурсам мы готовились целый год, - продолжает свой рассказ об организации комитета по геологии и использованию недр Камчатской области Михаил Патока. - Дело было новое и совершенно не отработанное. На каждом шагу мы наталкивались на какие-либо недоработки, которые нужно было или решать, или обходить. Одними из первых конкурсов были на Мутновское месторождение парогидротерм и россыпь платины на ручье Лебяном. Дальше лицензирование пошло почти не прерываясь".

Огромное внимание камчатской общественности было привлечено летом 1993 года к конкурсу за обладание одной из рудных жильных зон месторождения Золотого на границе Быстринского и Мильковского районов. На месторождении были проведены лишь поисково-оценочные работы, а потому лицензия выдавалась на условиях предпринимательского риска. Видимо, поэтому получить ее пожелала только одна фирма - АО "Камчатское золото".

Фирма эта была организована несколькими учредителями:

1. Центрально-Камчатская ГРЭ ГПП "Камчатгеология" (с. Мильково, Камчатка);
2. Администрации Мильковского и Быстринского районов Камчатки;
3. ТОО "Мечта" (частные учредители, Камчатка);
4. Ассоциация "Век" (частные учредители, Санкт-Петербург).

Главную финансовую скрипку в "Камчатском золоте" играла ассоциация "Век". В конце лета конкурс был проведен, и "Камчатское золото" получило лицензию.

"В наш адрес тогда очень много было нареканий со стороны так называемой "зеленой общественности", - рассказывает Михаил Патока. - Но хорошо действовать по закону, тогда ничего не страшно. А я с первого дня поставил перед коллегами по комитету одно условие: действовать строго по закону. Тогда мы будем неязвимы".

Через год был объявлен конкурс на месторождения золота Асачинское и Родниковое в Южно-Камчатском золоторудном районе. В конкурсе уже приняли участие несколько претендентов:

1. АО "Тревожное зарево" (учредители АО "Согжой", корпорация "Великий океан", АО "Сириус-МИК", Русская горнорудная корпорация);
2. Российская корпорация "Алмаззолото" (Москва);
3. СП "Каминко Венчур Голд" (Камчатка - Австралия).

Вскоре от участия в конкурсе отказалась корпорация "Алмаззолото". Двое других продолжали борьбу. В результате лицензию получило предприятие "Тревожное зарево", председателем совета директоров которого стал известный на Камчатке предприниматель Анатолий Коваленков.

В августе состоялся конкурс по Агинскому золоторудному месторождению. Участники конкурса:

1. Агинская золоторудная компания ("ТЭК Корпорэйшн" и "Северовостокзолото");
2. АОЗТ "Камголд" ("Асарко, инк.", "Грайнберг Рисорсез, инк.", АООТ "Камгео");
3. СП "Сентрал Камчатка Майнинг" ("Нью Крест Майнинг", ЦКГРЭ, Камчатка);
4. Российский союз артелей старателей.

Победителем стало акционерное общество "Камголд" с исполнительным директором Василием Кнолем.

Кроме того, что я перечислил выше, в период 1993 - 95 годов были выданы лицензии на многие другие месторождения, проявления и даже рудные поля Камчатки. Среди них, например, были следующие:

- россыпи нескольких рек и ручьев в Пенжинском районе - Безымянный, Удачный, Горелая, Гривна, Крест, Дмитрич, Изосимыч, Рустам, Манон (артель старателей "Камчатка"), Малютка, Перспективный, Прижимный (ЗАО "Корякгеолдобыча"), Гриф (Горнорудная компания "Корякия");
- Гореловское месторождение каменного угля (Горнорудная компания "Корякия");
- Корфское угольное месторождение (АО "Камчатлестопром");
- россыпь ручья Смятого (ТОО "Неогей");
- россыпь ручья Кичаваям (ТОО "Вектор Плюс");
- Озерновское рудное поле (ЗАО "Паламос") и другие месторождения.

Как развивались работы у держателей лицензий на их объектах - рассказ отдельный и печальный. А здесь мне хотелось все же вести повествование о тех геологах, которые остались вне упомянутых горнорудных и прочих добычных предприятий. Ведь продолжали существовать Камчатская поисково-съёмочная экспедиция, Пенжинская экспедиция и Северо-Камчатское горно-геологическое предприятие (бывшая СКГРЭ), в которых работали люди. Этим-то предприятиям как жилось в труднейшие 1993 и 94-й годы? Плохо жилось. Пришлось ужаться до критического состояния. Но - выжили.

Рассказывает главный геолог Северо-Камчатского ГПП Борис Николаевич Вишневецкий: "1993 год нам еще удалось отработать, а затем начался распад. Финансы не поступали, люди начали уезжать, переходить в другие предприятия. Уехали Лутченко, Евглевский, ушел Шелудченко. Такие ребята, как Амелин, Кудрин, Разумный, ушли в отпуск без

содержания. Всё ждали, что дадут деньги, но их не дали, и они перешли работать в "Корякгеолдобычу". Другие ушли, потому что не верили в состоятельность экспедиции, в возможность нормально работать и зарабатывать. На меня до сих пор обижаются, но я так и говорю, что ушли, потому что не были патриотами экспедиции. Но, как бы то ни было, всё как-то постепенно рассосалось, разбежалось, ушло, и от экспедиции осталось очень мало.

Из геологов сейчас работают Любовь Ивановна Кравченко, Ярослав Александрович Семенов, Игорь Васильевич Матюшкин, Игорь Владимирович Гринкевич, Людмила Степановна Шелудченко, Дмитрий Бондаренко, Борис Викторович Коноплев, Елена Синюкова, другие. Этот коллектив уже устоялся. В работе были Ичвьямское и Чернореченское месторождения углей, уже заканчиваем отчеты, запасы подсчитали, может быть, они будут выставляться на конкурс. Кроме этого, закончили и защитили легенду Олюторской серии листов - первой легенды на Камчатке. В работе легенды Корякской серии листов и Говенской.

К тому же ведем поиски платины и золота на трех объектах в верховья реки Вывенки и ручья Хаинконкалав. Есть еще Ветроваямская партия под началом Гринкевича. Она тоже занимается поисками золота. Следующий объект - Куюльский, где в пределах Куюльского массива занимаемся поисками платины. Готовим проект на Тайгоносскую площадь. Одним словом, работы много, и вся она - госзаказ от Камчатгеолкома, согласно программе.

Увы, деньги на эти работы мы каждый год получаем только в конце сезона. А в начале, когда надо набирать рабочих, закупать продукты, снаряжение, выезжать, денег нет. Поэтому приходится брать кредиты под коммерческие проценты. А вот возвращать их нам разрешают лишь по ставкам Центробанка, а они гораздо меньше. Этот разрыв - наши убытки, которые могли быть прибылью, зарплатой, премиями. Увы... От того и партии усечены, и не можем вызывать специалистов.

Был у нас в Корфе министр природных ресурсов Виктор Петрович Орлов. Походил он по кабинетам "Корякгеолдобычи", по нашим кабинетам, сравнил и сделал вывод, что мы не нужны. У них компьютеры, деньги. У нас убогость. Правда, он к нам в экспедицию заходил во время обеденного перерыва, ни с кем из геологов даже не переговорил, но вывод сделал. А я считаю, что мы нужны. Разрушить просто, а как потом, если понадобится, создавать? У нас и база, и гараж, и дробилка, и химическая лаборатория. Да и потенциал специалистов высокий. Лучше им давать зарплату, чем кому-то за пределами округа, а то и вообще Камчатки".

Рядом с Северо-Камчатским ГПП, практически в одном здании, размещается контора ЗАО "Корякгеолдобыча". Здесь живут на собственные деньги, заработанные добычей платины и золота. На собственные деньги, а также от ставок на воспроизводство минерально-сырьевых ресурсов ведут геологические исследования. В последние годы много работают на поиски коренной платины в пределах Сейнавского и Гальмознанского массивов, на поиски россыпей золота. Заказывают геологам предприятия "Камгео" работы по изучению Эруваямского золоторудного узла. В "Корякгеолдобыче" свой геологический отдел и несколько партий. Специалистами геологического профиля на предприятии работают:

Коляда Анатолий Андреевич, заслуженный геолог России, начальник геологического отдела;

Бережная Зинаида Павловна - техник-геолог;

Вильданова Елена Юрьевна - ведущий геолог по подсчету запасов;

Глушченко Татьяна Владимировна - техник-геолог;

Зайченко Геннадий Федорович - геофизик;

Кондрашова Елена Анатольевна - картограф;

Козлова Ирина Ивановна - техник-геолог;

Кудрин Александр Сергеевич - ведущий геоморфолог;

Ворогушин Николай Тихонович - начальник партии;

Белый Алексей Викторович - техник-геолог;

Вывдюк Олег Валентинович - техник-геолог;

Науменко Сергей Николаевич - начальник отряда;

Федосеева Мария Егоровна - старший геолог;

Разумный Алексей Васильевич - начальник партии;

Амелин Сергей Анатольевич - старший геолог;

Клюкин Игорь Сергеевич - геолог;

Мазур Марина Ивановна - геолог;

Шелудченко Станислав Демьянович - начальник отряда;

Кизюлин Николай Васильевич - начальник отряда;

Зима Сергей Леонидович - техник-геолог;

Крутяков Александр Иванович - старший геолог;

Москвин Евгений Федорович - техник-геолог;

Марченко Владимир Николаевич - техник-геолог;

Терещенко Василий Дмитриевич - геолог;

Тарасов Александр Юрьевич - геолог;

Глушченко Сергей Георгиевич - горный мастер;

Слободчук Сергей Иванович - техник-геолог;

Лепшин Леонид Иванович - начальник добычного участка;

Климанов Григорий Николаевич - геолог;

Бережной Владимир Александрович - заместитель начальника Буровой партии.

Директор по геологии ЗАО "Корякгеолдобыча" Вениамин Петрович Зайцев рассказывает: "Согласно существующему законодательству, 7,8% от стоимости добытой платины используются на геологоразведочные работы. Это так называемый налог на воспроизводство минерально-сырьевой базы. Эти деньги по согласованию с Камчатгеолкомом и Министерством природных ресурсов остаются в нашем распоряжении, и мы на них ведем достаточно широкие геологоразведочные работы на севере Камчатки. По объемам выполняемых работ мы имеем ранг экспедиции. У нас порядка 15 объектов - начиная от региональных исследований и заканчивая поисками".

Выжила и начинает вставать на ноги другая экспедиция Камчатки - поисково-съёмочная,

базирующаяся в Петропавловске. Ее возглавляет талантливый, энергичный организатор Сергей Семенович Шевченко. Экспедиция сегодня является основным исполнителем заказов Камчатского комитета природных ресурсов (так сейчас называется "Камчатгеолком"). В экспедиции успешно работает одно из ее подразделений - Центральная лаборатория, о которой тоже хочется коротко здесь рассказать, потому что ее путь в трудные годы очень поучителен. Это путь истинной предприимчивости и адаптации к новым, жестким условиям экономики.

Сегодня эта лаборатория - самая титулованная на Дальнем Востоке, если не во всей Сибири. В ней делают любые анализы - от минерального сырья до пищевых продуктов и всевозможных изделий. Она имеет аттестат аккредитации Госстандарта России как технически компетентная и независимая испытательная лаборатория. Она аккредитована в системе сертификации производственных объектов на соответствие требованиям по охране труда. Кроме того, она единственная на Камчатке имеет лицензию Госстандарта, выданную ей на 5 лет, что само по себе необычно, так как лицензии выдаются лишь на год, максимум - на 3 года.

Лаборатория имеет лицензию на деятельность, связанную с возбудителями инфекционных заболеваний человека. С 1990 года она является арбитражной на Дальнем Востоке по минеральному сырью и воде, в том числе термальной, питьевой и бальнеологической. Лаборатория оснащена всеми необходимыми приборами и оборудованием, многие из которых уникальны. Коллектив лаборатории состоит из специалистов высочайшего класса с многолетним опытом работы.

У начальника химической лаборатории (это одно из подразделений всей Центральной лаборатории) Татьяны Доброскок листаю регистрационный журнал. Какое в нем разнообразие испытаний и заказчиков! Среди заказчиков - известные камчатские предприятия "Самотлор", "Шамса", "Холодок", "Камакфест", Камчатская продовольственная компания, "Старкам", "Аквапром", "Камчатский хлеб", много частных. О работе с каждым в лаборатории могут рассказывать сколько угодно и очень интересно.

"Вот "Аквапром", - показывает запись в журнале Татьяна Доброскок. - Вы знаете, с ними работать нам просто интересно. Они нам ставят трудные и интересные задачи, а мы их решаем. Недавно принесли панцирь морского ежа. Говорят, очень хорошо применять как удобрение. Попросили сделать спектральный анализ. Или икра морских ежей. Это биологически активный продукт. Проверяем на содержание йода. То же - в морской капусте. Интересно работать.

Вот видите записи? Это проверяли мыло туалетное, вату, распашонки, детские игрушки, сервизы чайные, порошки стиральные. А вот делали анализ шкурки. Специально сделали для этого приспособление. Мы не технологи, но аналитические исследования - это наше дело. На основании наших анализов любой технолог сделает заключение. Так, еще на стадии разработки технологии помогли предприятию "Согжой". Работали с елизовчанами, выпускающими керамические изделия. Этому заказчику помогли установить причину

появления свинца в посуде и избавиться от него. Нам очень интересно участвовать в технологическом процессе. Предпринимателям тяжело и накладно организовывать у себя службу ОТК, а нас можно привлекать к этой работе. И нам это интересно".

История Центральной лаборатории началась в 1952 году. До сих пор сотрудники пользуются книгами, на которых стоит подпись Валентины Семеновны Цыганковой – первого начальника ЦЛ. Тогда лаборатория занимала подвальное помещение, отапливалась печью, была совсем небольшой, делала анализы классическими химическими методами. В 1975 году она переселилась в просторное, специализированное помещение по адресу улица Мишенная, дом 106, где располагается и сейчас. С тех пор лаборатория буквально расцветала. Сохранив классические методы, сотрудники освоили и современные, комплексные методы анализа. Геологическая лаборатория всегда была гордостью Камчатки, входила в десятку лучших в бывшем СССР. Здесь делали то, чего не делали нигде.

Но общий кризис геологической отрасли не обошел и ЦЛ. В 1993 году, когда объемы геологоразведочных работ сошли почти на нет, лаборатория осталась без заказов, а значит, без денег. Многие специалисты ушли на пенсию, многие перешли на другую работу. Оставшихся отправили в неоплачиваемый отпуск. Руководство искало пути спасения.

Тогда и было решено расширить сферу деятельности, заниматься помимо анализов минерального сырья еще и пищевыми продуктами. Вышли на аккредитацию в Госстандарте, получили ее. Как раз в стране начался бум по завозу импортных продуктов, и лаборатория обрела второе дыхание, смогла встать на ноги, буквально возродиться.

Когда появился опыт, Камчатский центр стандартизации попросил еще расширить свою сферу деятельности. И лаборатория расширилась до такой степени, что стала анализировать обувь, игрушки, меховые шкурки и т. д. Стали делать все, что только можно. Сейчас ЦЛ занимается следующими видами анализов:

- анализ питьевых вод на соответствие СанПИНа и ГОСТа;
- анализ термальных вод по бальнеологической схеме;
- анализ поверхностных вод согласно требованиям экологии и Рыбвода;
- анализ сточных вод по полной программе;
- анализ горных пород и полиметаллических руд;
- определение золота, серебра, теллура, селена, ртути в рудах и горных породах;
- анализ почв по экологическим требованиям и по схеме ПИСХа.

Лаборатория аккредитовалась в системе ГОСТ Р, а в этом году область аккредитации еще более расширилась. Лаборатория выполняет:

- микробиологические исследования пищевых продуктов, воды;
- исследование пищевых продуктов по всем показателям согласно требованиям ГОСТ Р, применяя методы атомной абсорбции, газовой

хроматографии, спектрофотометрии;

- анализ ликероводочных изделий по всем показателям с применением газохроматографического метода;
- исследования продукции легкой промышленности (игрушки, посуда, одежда, обувь).

ЦЛ - единственная на Камчатке испытательная лаборатория, имеющая в своем составе группу контроля качества. Контролю подлежат все виды испытаний всех групп продовольствия, промышленных товаров, минерального сырья, воды. Группа контроля качества обладает большой коллекцией государственных стандартных образцов состава полиметаллических, золотосодержащих руд, почв, различных горных пород, солевых остатков минеральных вод, пищевых продуктов (около 200 образцов), которые используются как для градуировки приборов, так и для контроля качества выполненных анализов.

Надо сказать, что в ЦЛ действительно работают настоящие подвижники своего дела. Когда иностранные горные компании пришли работать на Камчатку, они некоторое время с недоверием относились к местным аналитикам. Но вскоре поняли, что такого отношения лаборатория не заслуживает. А все началось с того, что они отправили 277 рудных проб с Агинского золоторудного месторождения на проверку в Америку. Сходимость результатов оказалась высочайшей - 99,8%. Удивлению и восхищению американцев не было предела. Ведь речь шла о пробирных анализах, и вдруг такая сходимость, такая точность!

А вообще, у лаборатории еще ни разу не было рекламаций. Здесь все делают самым тщательным образом. Вся лаборатория в буквальном смысле слова завалена стандартными образцами. Есть такие образцы и пищевых продуктов. Они хранятся в специальных холодильниках. "Мы понимаем, что иначе качественно работать нельзя, - говорит Вера Пахомова. - Мы все делаем как положено. Сами участвуем в разработке и аттестации стандартных образцов. В этом году мы очень много сделали для Тулы и Караганды по золоту. В прошлом году по платине делали. И делали бесплатно. Они в знак благодарности присылают нам эти стандартные аттестованные образцы".

Очень сильно помогли лаборатории работы с зарубежными заказчиками и предприятием "Корякгеолдобыча". В лаборатории разработана своя методика пробирно-спектрального анализа элементов платиновой группы с повышенной чувствительностью. Только здесь на всем Дальнем Востоке и Сибири делают такие анализы. Сейчас этим методом анализируются несколько тысяч проб "Корякгеолдобычи".

Вообще, пробирно-спектральная лаборатория ЦЛ уникальна. Ею руководит специалист с большим стажем работы и высокой квалификации Тамара Плахова. Ни одно золотое месторождение Камчатки не было сдано без результатов пробирного анализа, выполненного в ЦЛ. Эта лаборатория – единственная на Дальнем Востоке. Здесь выполняются спектральные анализы на более чем 40 элементов, пробирный и спектрозолотометрический анализы на золото и серебро, пробирно-спектральный на элементы платиновой группы. В

лаборатории проводится аксессуарное выделение минералов (алмазы и т.п.). Правда, в последние годы таких заказов нет.

"Возродить эти работы нам ничего не стоит, - продолжает рассказ Вера Пахомова. - Специалисты и оборудование сохранились. Мы сумели сохранить и лабораторию нерудного сырья. Она аккредитована, проводит испытания песчано-гравийных смесей и камня, керамзито-перлитовые исследования, анализирует глины и грунты. Проводит весь комплекс, требуемый ГОСТами, для оценки месторождений строительного камня, щебня, гравия, песка, пемзы, шлаков. Шлифовальная мастерская выполняет работы по изготовлению шлифов, аншлифов, полировку камня. В лаборатории имеются прессы, муфельные печи, сито "Ротап", камнерезные, полировальные станки. Имеется прибор для определения прочности образцов горных пород неправильной формы на деформацию, растяжение, одноосное сжатие".

Кроме всего прочего в ЦЛ плодотворно работает биостратиграфическая лаборатория, возглавляемая Светланой Горяевой. Здесь производятся анализы комплексов ископаемых оболочек спор, пыльцы, остатков панцирей диатомовых водорослей для целей стратиграфии, палеографических и других реконструкций.

Микрофаунистическая группа производит анализы комплексов ископаемых фораминифер, которые являются ценными показателями возраста горных пород при всех видах геологических исследований.

Всем большим, беспокойным хозяйством Центральной лаборатории много лет успешно руководит Лидия Петровна Труш. При ней лаборатория не только живет, работает, но и продолжает наращивать свой потенциал, сохраняет специалистов, оборудование, работает над новыми методами анализов и испытаний, расширяет сферу своей деятельности.

Да, тяжело, но в геологической отрасли Камчатки начался некоторый подъем. Все как бы утряслось, начало вставать на свои места. В 1998 году было положено начало второму этапу конкурсов, когда к лицензированию предъявляются не месторождения, а перспективные площади с тем, чтобы их можно было исследовать и после получения положительных результатов - добывать полезные ископаемые. Два таких конкурса уже проведены. Впереди - другие.

"Интенсивность геологических исследований в регионе можно узнать по работе радиостанций во время полевого сезона, - сказал мне главный геолог предприятия "Камгео" Рашид Газизов. - Последние пять лет эфир был практически пустым. В 1997 году он вновь наполнился голосами. Это хороший признак. Значит, заработали инвестиции.

Конечно, теперь геология будет другой. Той численности, какая была в прежние годы, в структуре ПГО "Камчатгеология" уже не будет. Были тысячи людей. Сейчас в горно-геологических компаниях по 100 - 150 человек. Но работать они должны с той же, если не выше, эффективностью. Геология стала более практичной, рыночной".

Да, это так. И все-таки жаль тех времен, пока еще не далеких, когда геология была целым государством в государстве. Когда существовали целые геологические династии. Существовали прекрасные поселки со своим микроклиматом отношений, культуры, производства. Когда существовала романтика и в геологи шли по зову сердца. Когда работали и не могли насытиться своей геологической работой. Э-эх...

Наверное, из-за этой ностальгии я и взялся за настоящую книгу. Ведь и я отработал в геологии 18 лучших, молодых своих лет, был геологом, начальником участков Северо-Камчатской ГРЭ, заместителем начальника Пенжинской экспедиции. Конечно, книга эта - не цельное повествование о геологии Камчатки. В ней много пропусков, много беглых мест и много белых мест. Я всего лишь писал о том, что становилось известно мне, что находил нужным писать. Не найдете в книге рассказа о той же Пенжинской экспедиции 1980-х - 1990-х годов, хотя казалось бы, именно об этом я должен был обязательно написать, потому как лично принимал участие в той эпопее. Не найдете повествования о россыпях Олюторского района. Нет рассказа об Озерновском золоторудном месторождении, Мутновском, Банном месторождениях, Эруваямском рудном узле, Золотом поле, многих других объектах. Наверное, расскажу об этом позже.

А пока представляю читателям то, что у меня получилось. И начну с золота - наиболее близкого мне по роду моей прошлой геологической деятельности.

И еще. Наверняка кто-то спросит, закончив читать этот очерк: ну и что? К чему привела многолетняя история геологических исследований Камчатки? Каковы ее результаты? Где отдача? Если результатов и отдачи нет, то в чем причина? Зачем нужны были жертвы - и моральные, и физические? Зачем нужна была жизнь, полная лишений, дискомфорта? И т. д.

Действительно, ну и что? К чему мы в итоге пришли? Отрасли нет, а кадры, накопившие огромные знания по геологии региона, высококвалифицированные технические кадры в большинстве своем разъехались, лишившись работы. Разведанные месторождения в эксплуатацию не вовлечены, за исключением 1-й, небольшой очереди Кшукского газоконденсата, россыпной платины и россыпного золота в Корякском округе. А такие гиганты в камчатском масштабе, как Аметистовое месторождение, Агинское, Асачинское, Родниковое, Мутновское - лежат в туне.

Ну и что?

А ничего. Просто это совсем другая история. К геологам она отношения не имеет. Геологи искали и нашли. Разведали, принесли на блюдечке. Ценою жертв, дискомфорта, лишений. Но по любви - огромной, романтической, зачастую фанатичной любви к своей работе.

2. КОПЫТА ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА

Золото (латинское *Aurum*), Au, химический элемент 1 группы периодической системы Менделеева, атомный № 79, атомная масса 196,9665. Благородный металл желтого цвета, ковкий; плотность 19,32 г/см³, температура плавления 1064,43о С. Химически весьма инертен, на воздухе не изменяется даже при нагревании. Первый из открытых человеком металлов.

"Советский энциклопедический словарь", М.,
"Советская энциклопедия", 1987 г.

Давно - свидетельствуют чукчи -
На Север, мертвый и пустой,
Каким-то божеством могучим
Олень низвергнут золотой.
Упал от Лены до Аляски.
Тяжелым торсом на закат.
И подтверждая эту сказку,
Уж многим улыбнулся фарт...

Геннадий Юров. "Борискин ключ", поэма.

ПО СЛЕДАМ "ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА"

1.

Мифический Золотой телец (бык, олень - как хотите) спрятан в земле именно на Северо-Востоке. Согласно легенде, его голова лежит на Аляске, туловище - на Колыме и Чукотке, а копыта отброшены на Камчатку.

Казалось бы, какая малость досталась Камчатке - всего лишь копыта. Но они золотые, а потому полуострову выпала судьба быть в числе регионов Золотого тельца. Быть - и этим многое сказано...

Кто-то из моих знакомых геологов заметил в беседе, что латинское название золота - аурум - переводится как "желтый дьявол". Это не так, но такой перевод мне понравился. Он точно отражает характер взаимоотношений золота и человека. Взаимоотношений, выработанных веками. Человеку всегда казалось, что это он ищет золото, делает из него слитки, чеканит монеты и отливают украшения, то есть заставляет служить себе. Но на самом деле это золото ищет человека, находит его, подчиняет и лепит затем судьбу и характер. Согласитесь, дьявольское свойство. А примеров - тысячи, если не миллионы...

Мир знает золото издавна. Еще во времена Геродота (400 лет до н. э.) греки добывали этот драгоценный металл на островах Сифнос и Фасос. Геродот писал, что "сифнийцы были богатейшими из островитян, их рудники столь изобиловали золотом, что на одну десятую доходов с них была пожертвована Дельфам сокровищница, одна из богатейших. Ежегодные доходы сифнийцы делили между собой" (51).

В России промышленная добыча золота началась в период между 1714 - 1718 годами, когда его стали извлекать попутно из руд "золотистого серебра", залежи которых были открыты в Нерчинском крае (Забайкалье), в долинах рек Большой и Малый Култук. Через несколько лет после этого Акинфий Никитич Демидов, основавший в Алтае Колывано- Воскресенский завод, начал выплавлять золото и серебро попутно с медью. Но до настоящей, массовой добычи золота в России было тогда еще далеко. Она началась в начале девятнадцатого столетия после открытия в 1814 году рудознатцем Л. И. Брусницыным уральских золотых россыпей, давших в казну только за первые 10 лет 150 тонн чистого золота. (52).

Тогда и появились в России первые золотопромышленники. Они отправляли в разные концы страны экспедицию за экспедицией в надежде отыскать "песошного и каменного злата". В 1826 году сибирский купец Андрей Яковлевич Попов подал Министру финансов письмо с просьбой предоставить ему право собственным его капиталом "отыскать золотосодержащие пески и руды, а равно и все другие металлы, и производить разработку их во всех сибирских местах".

Такое разрешение им было получено, и в 1827 году Попов послал первые экспедиции с пятью промывальщиками во главе с унтер-штейгером Исаковым. Через год ими были открыты в разных местах Томской губернии золотые россыпи, давшие впоследствии богатейшую Западно-Сибирскую золотоносную провинцию. В 1838 - 40 годах были открыты россыпи в Енисейском крае, в 1846 - 63 годах - Ленские, в 1866 - 75 - Амурские, в конце века - Приохотские. Россия по производству золота стала занимать 4 место в мире, уступая США, Австралии и Южной Африке.

На Камчатке золото было обнаружено только в 1897 году горным инженером Карлом Богдановичем. "С 4 сентября я прошел горами Срединного хребта от вершин Тигиля до крайних левых вершин Облуковинской реки (более 700 верст), - писал К. И. Богданович в своей книге "Очерк деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895-1898 гг.". - Убедившись в развитии новейших вулканических пород на всем протяжении хребтов до вершин р. Ичинской, я сосредоточил поиски на золото в вершинах Облуковинской реки, где и были найдены первые знаки золота на Камчатке. До тех пор сведения о нахождении золота на Камчатке ограничивались более чем сомнительной достоверности указаниями на находки, конечно, очень крупных кусков золота, обыкновенно без указания местности и лиц".

А в 1912 году началась настоящая золотая лихорадка совсем близко от Камчатки - в Приохотье. В 1923 году студент-геолог В. В. Купер-Конин был свидетелем этого и писал: "Было обнаружено, что многочисленные ключи, впадающие в реки Бухтуй и Гусинку,

золотоносны. Золотоносность затем была обнаружена в гидрографической сети реки Марекана. На прииск наехала масса народу, бедные - с целью накопить больше золота, богатые - занять лучшую золотоносную площадь. Началась золотая и столбопромышленная горячка, которыми увлекались и местные жители. Занимались без разбора все ключи площадями под россыпное золото, т. е. узкими лентами вдоль течения ключа, не сообразуясь с геологическим строением местности, пропуская массу интересных участков. И только в 1922 году отводы и заявки инженера Пюрингтона шли планомерно, на научных основаниях.

Открытые прииски до сих пор работают исключительно старателями. И хотя наиболее богатые и доступные участки выхвачены копачами, но до сих пор прииски дают населению заработка больше, чем все прочие работы вместе" (53).

Люди, которых Купер-Конин называет "копачами", были и на Камчатке. Всегда и везде найдутся фартовые ребята, которые обязательно попробуют копнуть там и тут. И ведь улыбалось им счастье. Правда, работали они тайно, без официальных разрешений, чтобы не выдавать своего промысла. Следы их деятельности иногда находят современные геологи, как, например, на ручье Темном - одном из притоков реки Правой Щапиной. Там были найдены выработки и горный инструмент, изготовленный, предположительно, в Америке. На месте работ "копачей" геологи выявили промышленную россыпь золота. Так что не зря ребята залезли в это потайное место, совсем не зря. Вот ведь как точны были их самодеятельные поиски!

Есть данные и о том, что в верховьях реки Кихчик в начале XX века старатели из некоего "Золотопромышленного общества" искали россыпное золото с использованием шурфов.

Но наибольшее количество следов деятельности свободных старателей находили на севере Камчатки - в Пенжинском районе и на прилегающей к нему территории Магаданской области. Именно в устье Пенжины и селе Каменском в 1920-30-х годах геологи и другие исследователи Камчатки слышали рассказы о счастливых находках золота: "Шлиховое золото - в реках полуострова Тайгоноса... На горе Шаман было добыто двумя рабочими в 1914 году некоторое количество золота... По реке Мургаль в 1914 году двумя рабочими было намыто 1400 граммов золота..." (54).

Да что там богатый, влекущий к себе Север, если золото искали прямо в Петропавловске! Было это в 1920-х годах. Некий предприниматель Балинский отчуждал в концессию среднее и верхнее течение ручья Поганки, который тогда находился за чертой Петропавловска, а сейчас на его берегах построены знаменитая, элитарная улица Морская и штаб военно-морской флотилии. В этом ручье выходят кварцевые жилы, которые и вскрывал Балинский шурфами глубиной до 5 сажень (до 10,5 м). О находках там золота не сообщается, но шурфов было пройдено несколько, что потребовало, конечно же, немалых затрат времени и средств.

Впрочем, район города едва не стал вновь объектом внимания геологов в 1960-х годах, когда одна из жительниц обнаружила в желудке зарезанной курицы довольно-таки большой

кусочек золота. Пошла в обком, показала этот кусочек высоким партийным чиновникам. Те находкой заинтересовались, обратились за разъяснениями к геологам. Говорят, геологи некоторое время были в недоумении, а затем посоветовали сходить в КГБ. Вскоре выяснилось, что курица за короткую свою жизнь дальше улицы, на которой проживала хозяйка, нигде не бывала. А улица была обыкновенной, если не считать того факта, что ее пересекал небольшой ручей, бегущий со склонов Петровской сопки. Обследование ручья ничего обнадеживающего не принесло. И тут кто-то из соседей вспомнил, что на месте курятника некогда стоял домишка, в котором проживали корейцы. Навели справки и выяснили, что те иногда продавали золотые самodelки, то есть занимались отливками. После этого о "городском" золоте больше не вспоминали, хотя наличие медной минерализации в породах, залегающих в берегах Раковой бухты, оставляет любителям форта определенный шанс.

И все-таки первое промышленное камчатское золото нашли действительно недалеко от Петропавловска - в одном из притоков реки Авачи. И это не было случайностью. находка логически завершила цепочку событий, направленных именно на получение такого результата. Хотя в начале этой цепочки были другие стимулы, другие задачи. Ведь, по большому счету, геологи не просто ищут какие-то конкретные полезные ископаемые, они изучают Землю. В нашем случае геологи изучали геологическую судьбу и строение Камчатки. Только такое, глобальное, знание помогает раскрывать все карты территории, и тогда действительно хватает одного точного взгляда, чтобы понять, где есть что.

Такой взгляд на Камчатку бросил в 1946 году академик Сергей Сергеевич Смирнов, первый отечественный металлогенист. Исходя из своих представлений о наличии кольца золотосеребряных месторождений вокруг Тихоокеанского рудного пояса он написал: "Вполне вероятно, что такие месторождения будут обнаружены и на Камчатке".

По следам камчатского золота шли долго. Как говорилось выше, в разное время и в разных местах люди обнаруживали эти следы, но самого золота, которое можно было бы добыть, превратить в слиток, не было. В 1951 году житель Камчатки, некто Карелин, сделал заявку на открытие золота в реке Быстрой. В 1952 году на это место ушла партия геолога Б. Т. Тишкова и действительно установила знаковую (не промышленную) золотоносность реки, а в одном из шурфов 3 пробы показали даже промышленное содержание россыпного золота - от 9 до 13,5 г/м³. Но на основании всего лишь этих трех проб положительных выводов геологи делать не стали, отложив это на потом.

В 1953 году геолог В. Т. Дьяченко обнаружил золото в шлихах, намывных из рек Сухая, Русакова и Тылговаям в Карагинском районе. Но это была находка под стать той, что сделал когда-то Богданович: всего-то 5 мельчайших золотинок. Но и они легли в копилку маленьких находок, предшествующих большому открытию.

И вот в 1957 году талантливый геолог Виктор Андреевич Ярмолук на основании анализа разрозненных находок камчатского золота, в том числе и своих, вывел теорию его происхождения. К тому времени он достаточно много походил по Камчатке и хорошо изучил

ее недра. Он пришел к выводу, что все золото, которое когда-либо находили на полуострове, связано с низкотемпературными минералами, характерными для молодой вулканической страны - Камчатки. Такая связь, по убеждению Ярмолюка, "является обнадеживающим признаком вероятного присутствия промышленных месторождений золота как россыпного, так и, особенно, рудного".

Геологи приняли эту теорию, и геологическая молодость Камчатки перестала их смущать. Тогда всерьез и заговорили о копытах мифического Золотого тельца.

В том же, 1957 году руководить камчатской геологией направили из Магадана Дмитрия Алексеевича Бубнова. Вспомните: Магадан - столица золотой Колымы, там все геологи занимались в основном золотом. Вот и Бубнов был главным инженером Средне-Колымского районного геологоразведочного управления (райГРУ), а значит, занимался россыпями.

Вслед за Бубновым по его приглашению приехали с Колымы на Камчатку геологи И. Н. Карбивничий, С. З. Горбачев, И. М. Мишенин, другие, которые также были россыпниками. После этого и начались на полуострове активные поиски золота, в первую очередь россыпного, которые вскоре сосредоточились вокруг так называемого "древнего темени Камчатки", сложенного измененными породами ядра Камчатского Срединного хребта. В нем могли быть древние месторождения золота, и они могли быть размыты и переотложены в реках и в море. Геологические партии ушли на реки Авачу, Быструю, Плотникову, Кихчик. Начались действительно целенаправленные, планомерные поиски золота на Камчатке. И вновь пошли разрозненные находки, не дающие основания выделить тот или иной район. Среди этих находок особенно выделялась одна: геолог Я. Ш. Геворкян привез с верховьев реки Облуковиной (места работы Богдановича!) пробы из рудных кварцевых жил с высоким содержанием золота - 108 г/т. Это укладывалось в теорию Ярмолюка и придавало геологам уверенности.

В 1961 г. главный геолог Камчатского райГРУ Иван Нестерович Карбивничий обобщил и проанализировал результаты всех ранее произведенных поисковых и разведочных работ на золото и сделал окончательный вывод о безусловной перспективности камчатской территории для обнаружения его промышленных рудных и россыпных месторождений. Чуть позже главный специалист по золоту в Советском Союзе, ведущий сотрудник Министерства геологии СССР Георгий Павлович Воларович дал совершенно сногшибательные прогнозы для Камчатки, назвав ее "второй Колымой".

Но и это была еще только теория. Все ждали от нее практической отдачи. Вот-вот она должна была произойти. Но когда? Где? Кто станет первым счастливым?

2.

Все сошлось - нашли там, где искали. Первые камчатские промышленные россыпи золота были открыты именно на склонах "древнего темени Камчатки". Но произошло это не где-нибудь в заснеженных хребтах, а совсем близко от Петропавловска, в каких-то 70

километрах от него, почти на обочине дороги.

Посмотрите на карту Камчатки. Вот автотрасса побежала из Петропавловска в Мильково. На пути - село Коряки. Оно расположено прямо в устье реки Вахтолки, впадающей здесь в реку Авачу. Если переехать по мосту через Вахтолку, то вскоре попадаешь в село Северные Коряки. Здесь и находился в 1960 - 70-х годах прииск "Камчатский", отрабатывающий россыпи ручья Каменистого. Первые золотые россыпи Камчатки.

Сам ручей Каменистый - это правый приток Вахтолки. Правда, Вахтолку тогда называли проще - Перевозной. Именно по ней ездили на собачьих упряжках из Петропавловска в Мильково. Поднимались на Бараний перевал и спускались в долину реки Быстрой. А там и река Камчатка недалеко. Ездили век за веком. Многие из ездоков были нормальными бродягами-авантюристами, конечно же, подумывающими о золотишке. И не знали они, что всякий раз, поднимаясь по долине Перевозной, проезжают мимо заветной мечты.

И геологам не сразу удалось поймать вожаделенные россыпи. Карл Иванович Богданович здесь не проходил. В 1936 году по реке Правой Перевозной, то есть как раз по нартовой дороге, прошел маршрутом геолог С. Д. Харкевич, но шлиховых проб, похоже, не брал, поэтому ничего о золоте не поведал. В 1951 году Виктор Алексеевич Ярмолук проводил в Ганальских хребтах геологическую съемку миллионного масштаба. С ним были промывальщики, в шлихах которых иногда попадались отдельные значки золота. Но масштаб работ Ярмолука (миллионный!) не позволял производить детализацию отдельных мелких находок, и они остались неизученными. В 1954 году весь бассейн реки Авачи был затронут комплексной геолого-гидрогеологической съемкой полумиллионного масштаба. Работу проводил геолог Н. Е. Соловьев из специального 5-го управления. Ему местное золото вовсе не открылось.

И только в 1957 году геолог М. М. Лебедев, проводя государственную геологическую съемку более детального, двухсоттысячного масштаба, обратил внимание на то, что вся река Правая Перевозная "золотит".

Опираясь на эти выводы, в 1959 году Ганальская поисково-съёмочная партия под руководством Г. И. Новосёлова провела на Правой Перевозной специальные работы. Но вновь не удалось "подцепить" здесь золото. Из-за сильного притока воды и крупных валунов многие шурфы не удалось пройти на всю необходимую глубину, и, сделав заключение о бесперспективности исследуемых рек на выявление промышленного золота, Новоселов не учел это обстоятельство (55).

Поставили точку в этих поисках геологи С. Е. Апрельков и Ф. Г. Андриевский. В 1962 году партия Апрелькова проводила в Елизовском районе геолого-съёмочные работы и в шлихах из ручья Каменистого установила весовое содержание золота (до 22 г/м³). Непосредственным открывателем был Федор Андриевский - шлиховальщик божьей милостью, как о нем говорили и говорят до сих пор. Он специально отклонился от маршрута, чтобы помыть в Каменистом пробы, и его инициатива была вознаграждена открытием.

Вот он, первый счастливчик, державший на ладони первое весовое золото Камчатки, Федор Андриевский!

На Камчатке начался золотой бум. Позже будут и другие золотые бумы - рудный, добычной, но этот был первым - россыпной. Длился он десять лет.

ИСКРЫ ЗОЛОТЫХ КОПЫТ

Россыпь ручья Каменистого

Для того чтобы не отвлекать партию Апделкова от основного дела (геолого-съёмочные работы), на ручей Каменистый в то же лето 1962 года был послан специально созданный для этого Ново-Корякский отряд геолога Ивана Максимовича Мишенина. Отряд не только подтвердил открытие золота, но и переопробовал ручей Правый Каменистый, где Андриевскому золото не попало, и установил здесь высокую золотоносность (в отдельных проходках до 98,7 г/м куб.).

Надо сказать, что Мишенин был опытным геологом-россыпником, прошедшим большую колымскую школу. Всю осень, а затем и зиму отряд занимался шурфовкой долины ручья Каменистого и его притоков - Правого и Левого Каменистого. Было пройдено 49 шурфов и 5 канав и расчисток, что позволило выявить в пойменной части и террасах двух - пятиметрового уровня промышленную россыпь золота. Для детализации работ весной 1963 года на базе отряда была создана Корякская поисково-разведочная партия Камчатского райГРУ. Руководил партией геолог Анатолий Иванович Шиш. Это был известный геолог, отличающийся небывалым "фартом" (приискательским везением, помноженным на опыт), про которого позже говорили: "Был Шиш - было золото, а сейчас ни золота, ни Шиша".

Азиз Азизович Алискеров работал в партии начальником горного отряда. Он вспоминает, что прибыл на участок работ ранней весной. На базе партии стояли два или три жилых балка. Буровой отряд под руководством Роберта Набатова базировался выше - на террасе ручья, в районе 44-й разведочной линии. Горный отряд - на 34-й линии.

"Я и техник промывки Лёня Марьин жили в одном балке, который служил и камералкой, - рассказывает А. А. Алискеров. - Мы с Марьиным находились на участке постоянно, остальные же к нам только наезжали. Балок был проходным, и все шли в камералку через нас. Тогда мы решили перестроить его. Перегородили и сделали вход посередине: в одну сторону - жилье, в другую - камералка. Эта планировка понравилась, и стройцех управления стал выпускать именно такие балки.

Когда старший геолог партии Александр Павлович Дронов впервые повел меня на шурфы, я увидел, с каким трудом они даются. Горнорабочие кричат: "Александр Павлович, не добиваются, кругом скала". Оплата за проходку зависит от старшего геолога - примет он ее,

или нет, вот они и жаловались. Он им отвечал: "Да, ребята, шурфы копать - это не масло сливочное кушать". Рабочие рассчитывали на то, что здесь будет добываться легко, а оказалось все гораздо сложнее. Им надо было перестраиваться, а перестраиваться не очень хотелось. Когда я приходил на линию, и они жаловались на то, что шурфы не добиваются, то я делал так: спускался в шурф и брал проходку. То есть личным примером показывал.

Но одно дело было проходить шурфы на стадии поисков, и совсем другое - при разведке, когда требовалось делать подсчет запасов. Ведь недобитый шурф не принимается в блок подсчета, поэтому приходилось добывать абсолютно все шурфы. А это было очень трудной задачей, проходка сильно осложнялась большим водопритоком. Если шурф стоит в воде, то при проходке происходит пробурка породы и золото садится. Таким образом, его просто невозможно поднять. Что мы предпринимали? Если водоприток небольшой, то в углу забоя шурфа копали небольшой зумпф глубиной до следующей проходки. Из зумпфа вычерпывали воду, после чего как можно быстро бралась осушенная проходка. Но если приток большой, то этот способ не подходил. Мы тогда долго ломали голову над этой проблемой. Пробовали вместо шурфа проходить куст скважин ударно-механического бурения, но и это не получалось, золото не поднималось. И тогда придумали методику депрессионной воронки. Бурилась скважина заведомо большей глубины, ставился мощный насос (специально были выписаны "Андижанцы" с большой производительностью), в процессе проходки вода откачивалась, создавалась депрессионная воронка. Шурфы шли посуху. Метод хороший, но очень дорогой, в несколько раз, если не в десятки раз дороже обычного".

Рассказ А. А. Алискерова лишний раз подтверждает, что камчатские геологи не имели тогда достаточной школы разведочных работ при исследовании россыпей. За редким исключением на разведке задействовались геологи-съемщики. Не было и опытного технического персонала. Школа нарабатывалась на ходу, методом проб и ошибок, рационализаторских предложений и энтузиазмом.

Но разведка первых камчатских россыпей золота шла. В ручье Каменистом россыпь представляла собой узкую струю, связанную с современной поймой. Вниз по течению ширина россыпи увеличивалась от 20 до 50 метров вместе с расширением поймы. Кроме того, на левой террасе ручья была выявлена еще одна россыпь протяженностью 200 метров при ширине 20 метров. К концу 1963 года запас шлихового золота в ручье Каменистом составлял 723 килограмма.

В ручье Правом Каменистом также была разведана пойменная россыпь протяженностью полтора километра со средней шириной 15 метров. Среднее содержание в ней золота составляло 2,89 г/м куб. На левой террасе находилась еще одна небольшая россыпь длиной 200 метров с тем же средним содержанием драгоценного металла. Золото в россыпях этого ручья было необычайно крупным, многие самородки были крупнее 5 миллиметров, иногда превышали 1 сантиметр, а однажды был вымыт самородок в 309 граммов. Часто наблюдались сростки золота с прозрачным или чуть замутненным кварцем. Некоторые золотины содержали мелкие включения магнетита. Всего в ручье насчитывали 200 килограммов золота (56).

Естественно, руководители Камчатского райГРУ были довольны: появилась база для создания на Камчатке горнодобывающего предприятия, а прикладная отдача от работы всегда радует. Не терпелось начать добычу золота и партийному руководству Камчатской области. Вскоре Дальневосточный совнархоз попросил представить ему геологические результаты разведки ручья Каменистого для решения вопроса о возможной организации Камчатского прииска.

В связи с этим в Камчатском райГРУ был издан приказ о подсчете запасов золота на Каменистом по состоянию на 1 января 1964 года, то есть задолго до окончания разведки. Выполнение этой работы поручили геологу Виктору Дмитриевичу Бубнову - сыну Дмитрия Алексеевича Бубнова, которого в то время уже не было в живых. Кроме того, в составлении отчета приняли участие геологи А. И. Шиш, А. В. Куркин, частично - И. М. Мишенин и С. З. Горбачев. Вскоре отчет был готов. Запасы шлихового золота в ручьях Каменистом и Правом Каменистом составили 940 килограммов, прогнозные - 2 тонны. Дальсовнархоз принял решение о создании на Камчатке прииска. А Министерство геологии СССР приняло решение об организации на полуострове самостоятельного территориального геологического управления, так как действующее районное управление было структурной единицей Северо-Восточного ГУ (Магадан).

За организацию Камчатского прииска взялось Иманское приисковое управление треста "Приморзолото" Дальневосточного совета народного хозяйства (ДВСНХ). Задолго до весны 1964 года на Каменистый был завезен металл, и прямо на месте будущих работ началась сборка малолитражной драги. У нижней границы россыпи началось строительство рабочего поселка Каменистый (другое название - Пионер). В поселке построили жилые дома, мехмастерскую, дизельную электростанцию, магазин, столовую, клуб, медпункт, начальную школу.

Летом прииск начал работу. Нижнюю часть россыпи брали драгой, верхние части размывали водой, подаваемой с верховьев ручья под естественным напором.

Тем временем камчатские геологи продолжали на выявленных россыпях разведочные работы. Кроме того, главный геолог прииска В. П. Белоногов решил собственными силами провести поиски на мелких притоках ручья Каменистого - Узком, Августовском, Дrajном, Дунькином, Каменушке, Левом Каменистом и других. Для этого в 1965 году прииском была организована геологоразведочная партия, которой руководили до июля 1965 г. - В. М. Томилов, с июля - Л. Н. Ермаков. В партии работали старший техник-геолог А. А. Шумилова, техник по промывке Н. И. Сакаш и младший техник Н. Ф. Игнатенок. За 3 года работы партия выполнила большой объем шурфовочных работ и бурения комплектом "Эмпайр". В результате на правом склоне долины ручья Каменистого, в среднем его течении, была выявлена россыпь погребенного тальвега. В поперечном разрезе россыпь представляла собой глубоко врезанное в коренные породы древнее ложе долины небольшого ручья. От современной долины древний тальвег был отделен гребнем коренных пород высотой до 5 метров. Золотоносный пласт представлял собой узкую струю вдоль наиболее углубленной части тальвега. Количество золота в струе определялось в 90 килограммов (57).

Река Гольцовка

Прииск Камчатский работал, но россыпи ручья Каменистого были далеко не бесконечны, поэтому геологам необходимо было постоянно подготавливать для старателей новые запасы золота. "В 1964 году меня вызвал к себе начальник управления Павел Тимофеевич Усков, - вспоминает А. А. Алискеров, работавший тогда геологом Корякской партии. - У него уже сидели геологи Горбачев и Куркин. "Давайте думать, где искать новые россыпи", - сказал нам Усков. Стали думать. Выделили три места..."

Да, к тому времени на геологической карте Камчатки наиболее ярко "светились" для обнаружения россыпного золота три района - верховья реки Облуковины до ручья Капитанского, река Быстрая между впадением в нее Ключевки и Камешковой и река Гольцовка со всеми притоками. Именно эти три района и были выделены для поисков. В результате вскоре появился приказ о создании трех новых партий - Гольцовской, Степановской и Облуковинской.

История открытия россыпного золота в реке Гольцовке опять-таки связана с именем геолога Анатолия Ивановича Шиша. В 1959 году его партия, которая так и называлась Гольцовской поисково-съемочной партией, проводила работы в масштабе 1:50 000 в бассейнах рек Быстрой, Начиловой и Утки. Целью работ, собственно, и были поиски россыпного и рудного золота. Шлиховым опробованием была установлена практически повсеместная золотоносность левобережья и, частично, правобережья реки Быстрой. Наиболее перспективные россыпи были обнаружены в долинах левых притоков Быстрой - реках Камешковой (прогнозные запасы 0,7 тонны), Половинчике (0,2 т) и Гольцовке (0,3 т).

В 1961 году специально созданная Нижне-Гольцовская ГСП под руководством Г. И. Новоселова проводила на Гольцовке и ее притоках поиски россыпного золота. Проходились шурфы, каналы и расчистки в бортах смешанных террас. Прошли 4 шурфовочные линии в долине реки Дальней Гольцовки и 1 линию в долине Средней Гольцовки. Содержания шлихового золота составили от 0,6 до 3,6 г/м куб., но промышленных перспектив Новоселов не увидел.

В ноябре 1964 года, как говорилось выше, в составе Южно-Камчатской экспедиции была образована Гольцовская геологоразведочная партия, которая должна была провести работы в междуречье рек Плотниковой и Быстрой к югу от Срединного Камчатского хребта, то есть как раз в бассейне реки Гольцовки и ее многочисленных притоков. Целью работ партии были поиски и разведка россыпных месторождений золота.

Начальником партии назначили Роберта Леоновича Набатова, старшим геологом Азиза Азизовича Алискерова, которого позже заменил приехавший на Камчатку Михаил Михайлович Задорнов. Кроме того, в партии работали техники-геологи Б. А. Некрасов, В. И. Лямцев, В. Т. Горшкова и И. Л. Ткачук, маркшейдер Ю. В. Кучмасов, топограф М. В. Арыщев,

горные мастера А. И. Сафонов и В. М. Белов, механик А. М. Марченко. Рабочих было нанято 55 человек, в том числе 12 промывальщиков и 16 проходчиков шурфов.

Реки исследуемого района берут начало на юго-западных склонах Срединного Камчатского хребта. Это горные реки, но после слияния Дальней и Средней Гольцовок, которые образуют реку Гольцовку, долина резко расширяется, и течение реки становится спокойным, появляется широкая пойма. Именно в низменной части и вблизи нее в результате эрозионной деятельности и образовались террасовые и пойменные россыпи рек Дальней и Средней Гольцовок.

Террасовая россыпь реки Дальней Гольцовки была прослежена в 1965 году на 13 километров. Средняя ширина ее составила 60 метров, среднее содержание золота - 0,52 г/м куб. Пойменная россыпь этой реки была разведана отдельными отрезками и имела ширину в среднем около 30 метров. Среднее содержание золота - 0,65 г/м куб.

Террасовая и пойменная россыпи реки Средней Гольцовки оказались примерно похожими на предыдущие. Золото было везде мелким и средним, самородков почти не было. Подсчет запасов на разведанных участках всех четырех россыпей показал наличие 1128 килограммов шлихового золота.

Именно в том, 1965 году впервые на Камчатке при разведке россыпей применили проходку траншей. Причем - механизированным способом, при помощи экскаватора и бульдозера. Траншеи проходились через 400 метров друг от друга и опробовались десятиметровыми секциями. Именно траншеи оказались эффективными в обводненных местах.

Здесь, на Гольцовках, зарекомендовал себя как хороший специалист Михаил Михайлович Задорнов. После ухода из партии старшего геолога Алискерова он занял его место, а в 1966 году возглавил партию. Разведка россыпей продолжалась до конца 1967 года. В декабре 1967 года россыпи были переданы по акту прииску Камчатский треста "Приморзолото" с общими запасами 1495,3 кг химически чистого золота (58).

Удача на ручье Удачном

Пока вновь созданные Гольцовская, Степановская и Облуковинская партии занимались поисками и разведкой россыпного золота в отведенных им районах, Корякская партия продолжала исследовать с той же целью бассейн реки Авачи. Начали с ближних к Елизову речек - Среднего ручья, Правой Быстрой, Половинки, Гаванки, Тополовой. Знаки золота здесь были повсюду, но не более того.

Затем опоиисковали водотоки на площади, прилегающей к действующему прииску Камчатскому - Правую и Левую Вахтолки (Перевозные), притоки Левого Авачи, ручей Перевозчик. Здесь повсюду были мощные поверхностные отложения и сильная

обводненность, поэтому работы, кроме трудностей, ничего не принесли. Золото присутствовало везде, но его было мало. По многим речкам вообще нельзя было сделать каких-либо выводов из-за некачественной проходки шурфов. Горняки работали на износ, из всех шурфов приходилось постоянно откачивать воду, часто перекреплять стенки, но на глубине 10 - 15 метров проходку все-таки бросали. И так - шурф за шурфом. Левая Авача геологам-россыпникам не давалась...

И вдруг, как говорится, блеснуло. На ручье Удачном (это тоже правый приток реки Лево́й Авачи) наметилась интересная россыпь. Золото здесь выявил Б. М. Кайгородов в 1963 году. И вот через два года геологам удалось по-настоящему зацепиться.

Проходка шурфов давалась так же тяжело, как и везде, но все-таки удалось пройти 20 разведочных линий. Длина промышленной части россыпи составила 3 километра. Золото было мелким, но это было золото. Подсчет запасов показал, что его в ручье 212 килограммов (59).

Река Быстрая и ее притоки

С самого начала поисков россыпей золота геологи предполагали их связь с магматическими породами периода Миоцена, которые занимали большую площадь многих горных хребтов Камчатки, в том числе и Ганальского. Со временем эта связь стала еще более очевидной, а потому, найдя россыпи на западном склоне хребта, в бассейне реки Авачи, их стали искать на восточном, в бассейне реки Быстрой. Тем более что работы В. А. Ярмолюка еще в 1951 году показали наличие во всех местных реках знаков золота.

Выше уже говорилось, что в конце 1964 года в Южно-Камчатской экспедиции Камчатского райГРУ были созданы специализированные партии для поисков и разведки россыпей. В их числе была Степановская партия, которая проводила работы на реке Быстрой.

Это была целая поисково-разведочная эпопея, длившаяся долгие восемь лет. Раскройте карту, посмотрите на то место, где дорога на Мильково пробегает мимо поселка Малки и идет вдоль реки Быстрой. Все речушки, которые здесь пересекает дорога, - Тратич, Поперечная, Иудумич, Асхачич, Вактан Малкинский и другие - были тщательно опоискованы геологами. И не только эти речки, но и те, что впадают в Быструю с другой стороны - Немтик, Пеница, Дукук, Ажица, Степанова, Хлебная, тоже были опоискованы. Впрочем, ниже Малок есть другие притоки - Половинчик, Обещановка и Камешкова, которые были исследованы в первую очередь как самые перспективные. И геологи не ошиблись. После трех лет тяжелой работы в обводненных горных выработках в этих речках были оконтурены промышленные россыпи золота с общими запасами более тонны. Основную массу драгоценного металла содержала в себе россыпь ручья Камешкова, длина которой составляла 8 километров. В 1969 году россыпи были переданы для отработки прииску Камчатскому. В производстве геологических исследований принимали участие в различные

годы геологи А. И. Шиш, В. В. Караман, Л. Т. Наумов, Р. А. Бикмаев, В. И. Шапошников, И. Д. Петренко, Т. В. Козовая, техники-геологи В. Г. Братулин, Н. Ф. Мигунова, Г. В. Шапошникова, маркшейдер В. К. Белов.

На реке Степановой с ее притоками Кувалорогом, Кихчинской и Утинской работы были проведены в период 1966-67 годов. В Утинской была выявлена неплохая россыпь золота, которую так же, как и предыдущие, взял в разработку прииск Камчатский. В те же годы небольшие россыпи были найдены в реках Ажице и Дальней.

И все-таки наиболее тяжело дался геологам ручей Иудумич. Степановской партией руководил тогда Рауф Аминович Бикмаев, старшим геологом был Сергей Сергеевич Коваль, прорабом горных работ - Б. А. Некрасов, а горным мастером - Альберт Валерьевич Русаков. Именно на их плечи легла ответственность за добычу шурфов до коренных пород. На их плечи да на руки проходчиков, чьим непосильным трудом разведывалась эта очень сложная россыпь. Дело в том, что продуктивный пласт залегал на глубине от 20 до 35 метров. Это очень глубоко, в таких местах проходятся шурфы большого сечения - 2х2 метра, а это требовало больших физических усилий, дополнительных материалов для крепления постоянно оползающих, мокрых стенок. Проходчики работали, стоя по колено в воде, а те, кто был наверху, не отходили от насосов, в основном, ручных. Заменить шурфы бурением было невозможно, так как проходка буровых скважин не давала представительного опробования, а это для подсчета запасов золота очень важно.

Именно тогда и предложил Сергей Сергеевич Коваль проходить сначала траншеи, а уже из них - шурфы. Попробовали, получилось. На проходке траншеи работал бульдозер, так что повысилась производительность труда, выросла скорость проходки. И все-таки оставалось очень много мест, где совершенно невозможно было производить горные работы даже из траншей, - не давал сильнейший водоприток. В таких случаях применяли бурение, "нащупывали" золотоносные струи скважинами, но в подсчет запасов включать их не могли.

Россыпь буквально измучила весь персонал партии. В результате в ней было насчитано более 600 килограммов золота (60).

Россыпи западных рек

К северу от Усть-Большерецка в Охотское море одна за другой впадают реки Утка, Хомутина и Кихчик. В истоках Кихчика золото искали еще в 1907 году, но не известно, было ли там что-то обнаружено.

В 1929 году промывальщик из партии АКО, работавшей на западном побережье Камчатки под руководством А. П. Трошина, взял пробу черного песка прямо на прибойной полосе морского пляжа, недалеко от устья реки Утки. К общему удивлению, в отмытом шлихе оказалось золото в количестве 51 миллиграмма. Слух о необычной находке быстро облетел

окрестности, и случай этот был описан в нескольких геологических отчетах того времени.

В 1966 году эта находка подтвердилась. Между реками Кихчик и Большая работала Охотский поисково-разведочный отряд геолога Г. Ю. Черепанова, который на морских пляжах выявил участки с промышленным содержанием золота. Участки располагались в устьях рек Митоги, Утки и Хомутиной. Это говорило о том, что реки несут золото.

На следующий год в верховья Кихчика была направлена Порожистая геолого-поисковая партия под руководством Ю. А. Шарова, открывшая россыпь золота в ручье Юбилейном. Работы требовали продолжения, и в 1968 году в бассейн Кихчика вновь отправилась та же партия, в которой помимо Ю. А. Шарова были геолог В. А. Ермоленко и геоморфолог И. А. Цапаева.

Лето оказалось относительно сухим, благоприятным для ведения маршрутных работ, но ничуть не облегчило проходку шурфов - приток в выработки грунтовых и поверхностных вод был очень обильным. Из-за этого партия практически не исследовала поймы Левого Порожистого, Подкидыша, Правого Порожистого и Кумжи. Геологам пришлось здесь обходиться только промывкой шлиховых проб.

В результате проведенных работ был выявлен перспективный золотоносный район, охватывающий бассейны рек Кихчик, Хомутина и Утка. Наибольшие перспективы геологи видели в отложениях реки Левого Хомутиной, где рекомендовали провести поисковую разведку.

Щапинское золото.

Геологические исследования на реке Щапиной поведали о том, что золото на Камчатке начали добывать задолго до работ на россыпях ручья Каменистого. Следы горных выработок неведомых старателей, а также их инструмент, предположительно американский, были найдены в 1965 году на ручье Темном - правом притоке реки Правой Щапиной. Наткнулись на эту интересную находку геологи партии В. А. Грецкого, проводившие государственную геологическую съемку масштаба 1:200 000. Кто мыл, когда? Неужели еще до революции?

Шлиховое опробование, проведенное партией Грецкого, показало золотоносность почти всех водотоков бассейна Щапиной, а в ручье Темном - промышленное содержание золота (до 10,95 г/м куб). Кроме того, в береговых обнажениях ручья Темного была обнаружена зона брекчирования горных пород с многочисленными кварцевыми прожилками. Знали бородатые мужички, где прячется золотишко! Мыли тихо, прячась от глаз начальства. Потому и молчит история об этом, что не осталось от старательства жителей Камчатки никаких документов. Только скромные следы по таежным закоулкам.

Грецкий прошел в долине ручья Темного 6 шурфовочных линий. Промышленное содержание

золота подтвердилось. Кроме того, в шлихах из ручья Белого им был найден единичный знак самородного серебра, а в Правой Щапине - знак платины (61).

В 1966 году для работы на реке Правой Щапиной в Южно-Камчатской геологоразведочной экспедиции был создан Щапинский поисково-разведочный отряд. Руководил отрядом Б. Д. Бабак. Также в состав отряда входили геолог Г. Д. Кашко (до конца 1966 г.), геолог В. И. Морозов (с февраля 1967 г.), техник-геолог В. Н. Щербатых и топограф М. С. Анциферов. Главным объектом отряда был ручей Темный, где планировалось выявить запасы россыпного золота в количестве 850 килограммов. Такая узкая нацеленность не позволила геологам исследовать весь район.

Шурфовка давалась отряду очень тяжело. Многие шурфы не добивались до необходимой глубины из-за большого водопритока. Воду приходилось постоянно вычерпывать бадьями или же откачивать ручными насосами. К тому же многие шурфы были очень глубокими (до 20 и даже 21,6 м). Опробование шурфов проводилось специальной промывочной бригадой во главе с техником по промывке. Отряд детально изучил ручей Темный и провел поиски на ручьях Дальнем, Узком, Двойном, Озерном, Ипуин, Первом Левом и на самой реке Правой Щапиной.

Золотоносность в ручье Темном присутствовала на всех террасах, но промышленная россыпь была обнаружена только в пойме. По размеру золото было средним, наиболее крупная золотина весила 33 грамма. Длина россыпи составила 1500 метров при средней ширине 20 метров. Запасы составили 58,2 килограмма химически чистого золота.

В остальных ручьях россыпей обнаружено не было, хотя все они повсеместно "золотили".

После окончания полевых работ геологи Щапинского отряда перешли в Оганчинскую партию, которая начала исследования первого рудного месторождения золота на Камчатке. Отчет по Щапинской площади писать было некому. Тогда предложили этого сделать Б. Д. Бабаку и С. С. Ковалю, не отрывая их от текущей работы на Оганче. В результате Научно-технический совет (НТС) Камчатского территориального геологического управления во главе с начальником управления В. М. Никольским отчет не принял. Формулировка была следующей: "Перспективы района на россыпное золото остались невыясненными... Рассмотрение отчета на техсовете экспедиции проведено формально, к его содержанию и оформлению не предъявлено должных требований. Отчет даже не откорректирован. Разведочные работы по ручью Темному считать незавершенными. Разведанные запасы золота... в количестве 58,2 кг считать забалансовыми. Отчет возвратить на доработку..." (62).

И все-таки отчет о работах Щапинского отряда Южно-Камчатской экспедиции хранится в ТГФ в изначальном виде. Причина может быть и такой - закрутила геологов ЮКГРЭ начавшаяся эпопея с Оганчей. И не до Щапиной им стало...

Россыпи полуострова Камчатского мыса

Этот полуостров обособленный, он и на теле Камчатки смотрится некой чужеродной бородавкой. И этому есть объяснение. Мало того, что когда-то он был островом, он еще и находится, если можно так сказать, прямо в гуще современных геологических событий, потому что расположен на месте стыка двух крупных геологических структур - Камчатки и Алеутской гряды. А этот стык характеризуется высокой тектонической активностью. Примерно посредине полуострова выходит на дневную поверхность мощное каменное тело - интрузия гипербазитов. Это очень непростое образование, которое давно не дает геологам покоя.

История геологических исследований на территории полуострова Камчатского мыса (нынешнее его название Камчатский полуостров) начинается с 1925 года, когда изучали упомянутое гипербазитовое тело студенты-геологи Г. А. Дягилев и А. Н. Трошин. Тогда они и установили присутствие шлихового золота в реках полуострова - Рыборазводной, Белой, Таловой и Первой Ольховой. В одном из шурфов ими был даже найден небольшой самородок размером, как они отмечали, "с булавочную головку".

После них в 1931 году то же самое тело изучал геолог К. Л. Неловицкий. Он искал связь с ним россыпей платины, но пришел к выводу об отсутствии на полуострове платины. При этом также отметил наличие знаков золота в двух шурфах по реке Белой.

В 1953 году на полуострове работала Усть-Камчатская геолого-геоморфологическая партия, выяснявшая перспективы алмазности. Геологи партии достаточно детально изучили геоморфологию полуострова, выделив на нем 13 типов прибрежно-морских и речных террас вплоть до уровня 1100 метров. Выводы о возможном наличии россыпей золота и платины были сделаны отрицательные.

И только Усть-Камчатская партия М. Ю. Хотина, проводившая в 1964 - 66 годах на полуострове геологическую съемку масштаба 1:200 000, вновь оценила район как перспективный на обнаружение россыпного золота. Небольшим количеством шурфов начальник поискового отряда Ю. М. Стефанов установил принципиальную золотоносность всех террасовых уровней местных водотоков.

По - настоящему сенсационным для камчатских геологов стал 1966 год, когда В. А. Нодия насчитал в реке Первой Ольховой прогнозные запасы золота в 3 тонны. Он же указал на наличие россыпей в ручьях Беспутном, Стланиковом и Бабушкином, в которых прогнозировал наличие 350 килограммов золота. Такие перспективы очень обрадовали руководителей Усть-Камчатского района, ведь у них появилась возможность организации горнодобывающего предприятия, что явилось бы хорошей добавкой в экономику района.

Но радость была преждевременной. В 1967-68 годах Ольховская партия провела работы на перспективных участках, выделенных Нодией, и получила совершенно иные результаты. Так, оказались бесперспективными ручьи Бабушкин, Стланиковый, Беспутный и Второй

Ольховый. В Первой Ольховой было выделено 4 россыпи, но с гораздо меньшими запасами золота. Кроме того, были разведаны небольшие россыпи в ручье Банном (правый приток Первой Ольховой) и ручье Сун. Общие запасы золота составили 736 килограммов. Кроме золота в шлихах из Первой Ольховой отмечались хромит (до 20% состава шлиха), ильменит, гранат, пирит и осмистый иридий (63).

В 1969 году россыпи реки Первой Ольховой и ручья Банного были переданы прииску Камчатский для промышленной отработки.

Надо сказать, что Ольховская партия применяла для разведки механизированную проходку траншей, то есть продолжила этот вид работ, впервые опробованный на Гольцовке. Кроме того, бурили комплектом "Эмпайр" и станком БУ-20-2М. Традиционно проходили шурфы.

Состав Ольховской партии в 1968 году был следующим: начальник партии М. М. Задорнов, начальник отряда И. Е. Скоблин, геологи И. Д. Петренко и И. А. Сивогорлый, старшие техники-геологи И. Н. Ваняев и А. М. Шварцман, техники-геологи М. И. Сивогорлая, А. Л. Сергеенко, Р. В. Задорнова, А. Я. Петренко, технический руководитель Р. Л. Набатов, горные мастера В. И. Лямцев и А. Г. Зверев, прораб буровых работ Б. П. Томко, топографы Г. К. Стефанович и К. Ф. Бондарь.

Добыть на полуострове разведанное золото не получилось. Старатели начали добычу, но золота почему-то не обнаружили. До сих пор специалисты гадают, чья это была ошибка - геологов или же старателей...

Хотя интерес к полуострову не остыл. Ведь в россыпях присутствовал осмистый иридий - металл из группы платиноидов. Но это, как вы понимаете, другая история, описание которой ищите в той части книги, в которой рассказывается о платине.

СИЯНИЕ ЗОЛОТЫХ КОПЫТ

До 1968 года на Камчатке было разведано и частично находилось в стадии исследований 13 россыпей золота. Кроме того, было выявлено более 120 рудных проявлений, среди которых одно заслуживало особого внимания. Это было проявление, найденное на горном перевале Оганчи, в Камчатском Срединном хребте.

В 1968-м году коллективом некоторых ведущих геологов Камчатки были подготовлены "Прогнозная оценка важнейших видов минерального сырья Камчатской области и планируемые затраты на разведку в 1968 - 2000 годах". Раздел "Золото" в этой работе был составлен И. Н. Карбивничим. Касаясь россыпей, он отмечал, что "россыпная золотоносность современных, средне- и древнечетвертичных аллювиальных, озерных и морских отложений пользуется широким распространением и отмечена в большом количестве водотоков. В пространственном отношении подавляющее большинство золотоносных ореолов

сгруппированы в золотоносные районы, отличающиеся между собой геологическим строением, особенностями экзогенных процессов, происходивших на их территории после инверсии геосинклинали, а также условиями формирования золотоносных россыпей". Какие же золотоносные районы выделил Иван Нестерович Карбивничий?

1. Ганальский район, в котором к тому времени были уже известны две промышленные россыпи - ручьев Каменистого и Удачного;
2. Район Срединного Камчатского выступа с россыпями Дальняя Гольцовка, Средняя Гольцовка, Ближняя Гольцовка, Камешковая, Утинская. Кроме того, была установлена золотоносность многих рек на западном склоне Срединного выступа - Кихчик, Ветвистый со своим притоком ручьем Дальним, река Капитанская, где ожидали получить 600-800 килограммов золота, ручьи Эврика и Юбилейный.
3. Западно-Камчатский район, где наблюдалась устойчивая знаковая золотоносность всех речных долин;
4. Усть-Камчатский золотоносный район с россыпями реки Первая Ольховая и ручьев Беспутный и Стланиковый;
5. Пенжинский золотоносный район с очень перспективными россыпями реки Ушканья Вторая и ручьев Горный и Морось;
6. Таловско-Майнская зона, золотоносность которой была изучена еще слабо, но уже проглядывала перспектива рек Бухтовой, Горелой, Пустой и ручьев Смятый, Нежданный, Гриф.

Прогнозные запасы россыпного золота в указанных шести районах оценивались в 100 тонн (64).

Да, перспективы были обнадеживающими, но рентабельность золота, добытого прииском Камчатским, из года в год снижалась. Уж очень большими были затраты на поиски и разведку. Да и сама добыча была недешевой, особенно когда участки прииска ушли далеко от базы, в нежилые, труднодоступные места. К тому же вскоре стали всерьез говорить о другом золоте - рудном. В 1966 году началась поисковая разведка на Оганчинском золоторудном месторождении, что заставило геологов во многом пересмотреть взгляды на перспективы камчатских недр. В 1968 году И. Н. Карбивничий выделял четыре благоприятных и решающих фактора для постановки на Камчатке работ на рудное золото:

1. Камчатка находится в пределах Тихоокеанского металлогенического пояса, в котором развиты и широко известны золотые и золото-серебряные месторождения Японии, Филиппин, Новой Гвинеи, Новой Зеландии, островов Фиджи;
2. На Камчатке имеются необходимые геологические условия: большое разнообразие горных пород с широкими полями их температурных изменений, с дайками и

жилами;

3. Наличие промышленных россыпей сравнительно молодого возраста, что позволяет ожидать сохранение от эрозионного размыва их коренных источников;
4. Наличие уже выявленных, но еще слабо изученных 120 золоторудных проявлений, которые говорят сами за себя.

Какие же проявления имелись тогда на Камчатке и сколько ожидали в ее недрах рудного золота? Вот список главных проявлений:

- Оганчинское рудное поле; прогнозные запасы - 10 - 15 тонн;
- Проявление Лазурное;
- Козыревская группа проявлений;
- Кеточанская группа;
- Сухариковская группа;
- Проявление ручья Гранитного;
- Проявление ручья Дождливого;
- Южно-Камчатский золоторудный район в пределах рек Плотниковой, Паратунки и Карымчины;
- Китхойское проявление;
- Южно-Корякский рудный район в пределах южной части Корякского нагорья;
- Ичигинская группа проявлений;
- Территория Южно-Чукотского вулканогенного пояса и правобережье реки Пенжины;
- Северная группа на реке Хиузной.

Прогнозные запасы по рудному золоту давались в 500 тонн. Предполагаемая добыча золота прогнозировалась по пятилетиям в следующих количествах: к 1970 году - россыпного 0,5 тонны; к 1975 году - россыпного 1,5 тонны; к 1980 году - россыпного 1,5 тонны и рудного 2 тонны; к 1985 - россыпного 2,5 тонны, рудного 5 тонн; к 2000 году - россыпного 5 тонн; рудного 10 тонн. (65).

Правда, прошло два-три года, и стало очевидно, что с планом добычи поспешили. Особенно с тем, который касался россыпного золота. "Было понятно, что это бесперспективный путь, - говорит сегодня известный камчатский геолог, специалист по золоту Игорь Диомидович Петренко. - Ведь Камчатка - молодая страна. Какие уж там большие россыпи? Я и тогда это говорил...".

В середине 1972 года Камчатское управление сократило работы на россыпное золото, а в конце того же года ликвидировало поисково-разведочные россыпные партии. Так закончился первый золотой бум - с россыпями Центральной Камчатки. Но всюю уже шел другой бум - золоторудный. Сияли уже не искры, выбитые золотыми копытами, сияли сами копыта.

ПЕРВЫЙ ЗОЛОТОЙ ПЕРЕВАЛ

ОТКРЫТИЕ ОГАНЧИ

Перевал Оганчи, пожалуй, один из самых удобных на всем протяжении Срединного Камчатского хребта. Недаром именно через него проходит тракторная дорога из долины реки Камчатки на западное побережье полуострова. Но, тем не менее, не такой он простой, этот перевал. Поднявшись вверх по Правому Кирганику, дорога здесь пересекает голую, каменистую тундру водораздела и сразу начинает круто спускаться в узкую долину рекилевой Богдановской. Вокруг нависают скалы с остатками снежников на теневой стороне, а над вершинами и вдоль всего перевала дуют ветры - вечные холодные ветры. Того и гляди, закружит, запуржит, закроет дорогу...

Здесь, поблизости, Карл Богданович в 1897 году обнаружил в шлихе первый малюсенький значок золота - первого золота Камчатки. В память о том событии речку назвали именем Богдановича. Большею удаче Карлу Ивановичу добиться не удалось, и след его единственной находки долго одиноко сиял небольшим красным кружочком на геологической карте Камчатки. Сиял, притягивая взгляды последующих поколений геологов.

Только в 1951 году Виктор Андреевич Ярмолук, взявшийся составить первую рабочую, а не академическую геологическую карту Камчатки миллионного масштаба, вновь обнаружил здесь шлиховое золото. Это подтверждало, что находка Богдановича не была случайной.

А через шесть лет, благодаря работам геологов из партий Ю. В. Макарова и И. Н. Ильченко, о районе заговорили как о перспективном на медные руды. Но золото со счетов не сбрасывали, потому что "золотило", в принципе, везде. Не хватало лишь конкретной находки перспективного рудного материала. И в 1959 году такая находка произошла. Сделал ее начальник Озерновской партии Яков Шаваршович Геворкян, проводивший поисково-съёмочные работы масштаба 1:25 000 в верховьях рек Озерновской и Правого Кирганика. Он рассказывает:

"Наши палатки стояли в верховье реки Озерновской, рядом с минеральными источниками типа Малкинских. Кстати, очень вкусная, качественная вода, мы ее с удовольствием пили. Во время одного из маршрутов я вышел прямо на Оганчинский перевал. А там, в северном направлении, тянется мощная зона вторичных кварцитов. Я начал колотить их и в одном из кусков увидел минерализацию, похожую на золото. Кислоты с собой не было, поэтому я решил проверить ее в лагере. Когда проверил, то убедился, что это действительно рудное золото. Буквально сразу же мы собрали накопившиеся пробы и отправили на лошадях в город. К нашему возвращению с полевых работ некоторые анализы были сделаны, в том числе и по моим оганчинским кварцитам. Они показали хорошие содержания золота - до 108

граммов на тонну. Вскоре я с этими данными и несколькими пробами вылетел в Магадан, в управление. Там сделали анализы, которые подтвердили высокие содержания золота".

30 декабря 1959 года состоялось заседание технического совета Камчатского райГРУ, на котором рассматривали готовый к этому времени геологический отчет Озерновской партии. На заседание пришли члены технического совета - начальник Камчатского райГРУ М. Д. Чернов, начальник ГПЭ Ю. В. Жегалов, старший геолог М. Б. Белова, а также приглашенные - доктор геолого-минералогических наук Г. М. Власов, геологи Ю. А. Шаров, А. И. Байков, В. И. Лукьянов, А. Д. Зубко. Докладывал начальник Озерновской партии Яков Шаваршович Геворкян.

Защиты этого отчета ждали, всем было известно, что Геворкян нашел в верховьях реки Озерновской, на перевале Оганчи, несколько кварцевых жил и вторичные кварциты с видимым золотом, содержание которого достигает 108 граммов на тонну. Кроме того, у него были неплохие результаты по ртути. Теперь, рассматривая отчет, надо было окончательно понять, насколько район, в пределах которого уже было известно рудопоявление меди, еще и перспективен для открытия россыпных и рудных месторождений золота и ртути.

В принципе, отчет Геворкяна был обычным. Но перспективные находки делали его одним из самых заметных на Камчатке. После недолгого обсуждения резюме присутствующих было единодушным: район требует к себе более пристального внимания. (66).

В следующем, 1960 году Геворкян руководил Верхне-Кирганикской поисково-разведочной партией, проводившей работы на медном месторождении Сухое озеро. В работе партии приняли участие геологи А. И. Байков и В. В. Радченко, а также геофизики Б. К. Потапчук, В. В. Ардашов и А. И. Шелегеда. От месторождения Сухое озеро до перевала Оганчи было около 40 километров. Геологи уже конкретно установили там несколько рудных жил суммарной длиной 8 000 метров. Мощность жил менялась от 0,4 до 12 метров. По результатам пробирного анализа бороздовых проб содержание золота достигало 37 г/т, штуфных проб - 110 г/т. Кроме этого, геологами подтверждалось главное: весь район в геологическом смысле представлял собой интересную и весьма привлекательную площадь. Это было отражено Геворкяном в отчете, когда он написал: "В верховьях реки Кирганик выявлен рудный узел, представляющий большой практический интерес в отношении меди, золота, серебра и полиметаллов" (67).

Но работы в этом перспективном районе по ряду причин больше не велись. Только в 1965 году, после образования на Камчатке своего территориального геологического управления, в Геолого-съёмочной экспедиции была создана Оганчинская поисково-разведочная партия для поисков и опробования коренных рудопоявлений золота и серебра на Оганчинском перевале. Руководил партией опять же Яков Шаваршович Геворкян. В партии работали начальник поискового отряда В. В. Радченко, старший техник-геолог В. П. Зотов, техник-минералог В. Ф. Лисина и несколько студентов из различных вузов страны.

Вот тогда и были открыты и изучены с поверхности первые рудные кварцевые жилы Оганчи.

Их было много - №№ 1, 2, 3, 6, "Главная", "Удачная" и апофиза жилы "Главной". Это позволило выделить на исследуемой территории рудное поле, которое получило название Оганчинского золоторудного месторождения. Площадь месторождения составила 1 квадратный километр, перспективная же площадь была гораздо обширнее - 19 квадратных километров.

Геолог Виктор Павлович Зотов вспоминает: "Вскрывали рудные тела в основном канавами. Золото было, но слабое. Тогда решили прямо по жиле №2 пробить глубокий шурф. Для проходчиков это был тяжелейший труд. Шпуры для закладки взрывчатки бурили вручную, прямо в кварце. Целый день мужики колотятся, выбурят четыре мелких шпурика, зарядят, взорвут, а в результате вылетают всего два камня. И опять все сначала...

И все-таки метров на десять углубились. С глубиной видимого золота стало гораздо больше".

Действительно, в дальнейшем по результатам анализов проб, отобранных в этом и других шурфах, было установлено, что содержание золота с глубиной увеличивается от 2,6 до 661 грамма на тонну. Такой результат не мог не поразить воображение геологов. Именно это позволило им предположить, что прогнозные запасы золота Оганчинского месторождения составляют 120 тонн, а запасы перспективных участков - еще 52,6 тонны. "Таким образом, - писал Я. Ш. Геворкян в своем отчете в 1966 году, - перспективная металлогеническая обстановка и общее благоприятное экономическое положение рудного района в целом ставят Оганчинское рудное поле в ряд первостепенных объектов для продолжения геолого-поисковых работ с целью предварительной оценки рудного поля и подготовки наиболее перспективных участков для разведки на глубину" (68).

Да, это было открытие. Первое открытие на Камчатке месторождения рудного золота.

НАУКА ОГАНЧИ

Работать на Оганче опять предложили Геворкяну. Старшим геологом назначили Геннадия Михайловича Хабалова. Задача перед геологической партией Геворкяна стояла конкретная: проследить по простиранию рудные тела и провести их представительное опробование.

Пробы руд с Оганчи минералогическая лаборатория КГУ анализировала тут же, без очереди. Результаты анализов были весьма и весьма впечатляющими. Осенью 1966 года Министерство геологии СССР разрешило Камчатскому геологическому управлению организовать Оганчинскую геологоразведочную партию в составе Южно-Камчатской экспедиции (г. Елизово), которая уже в зиму должна была начать предварительную разведку месторождения.

База партии располагалась в верховьях ручья Быстрого, под Оганчинским перевалом. А почти на самом перевале, метрах в 300-х от него, на месте будущих детальнейших работ, было

решено поставить два деревянных домика. Как вспоминает геолог Виктор Павлович Романов, "в ноябре взрывами выбили котлованы, в них поставили срубы из тополя и опять присыпали грунтом. Получилось относительно тепло, иначе зимой, в условиях вечных ветров, жить было бы невозможно. Интерес к месторождению был большой, а потому задачу поставили жестко: раскрутить его в короткие сроки".

Сам Виктор Павлович Романов начал работать на Оганчинском месторождении с первых чисел января 1967 года. Тогда он только что прибыл на Камчатку после окончания Ленинградского горного института. Правда, лето 1966 года он работал на практике в Пенжинской экспедиции, а потому полуостров был ему знаком. После практики он защитил диплом и вернулся на Камчатку уже специалистом-геологом. Его определили на работу в Южно-Камчатскую экспедицию, откуда направили геологом в Оганчинскую партию.

Прибыл он туда, когда домики на перевале утопали в снегу. В одном - жили проходчики шурфов, другой - служил камералкой, конторой и жилищем геологов. В этом домике и поселился Виктор Романов.

"Работа на месторождении была построена на нетребовательности русского человека, - говорит он. - И еще - на большом желании людей работать, на энтузиазме. По крайней мере рабочие, в данном случае горняки, с удовольствием перешли с сезонной работы на круглогодичную, разведочную. Зачастую о сезонниках в геологии презрительно отзываются, как о бичах. Ну не удалось человеку построить личную жизнь, но ведь он работал, а многие - от зари до зари. Вот на их нетребовательности к быту да на молодом энтузиазме геологов вся работа и строилась".

Зима стояла суровая. На участке Центральном горняки проходили шурфы глубиной до 20 метров с десятиметровыми рассечками. Породы отличались высокой крепостью, категория доходила до 9 и даже 12. Но проходка поначалу шла вручную, с помощью долот и тяжелых, пятикилограммовых кувалд. За месяц горняки проходили по 6 - 8, некоторые 9 метров. "Особенно тяжело было идти по кварцевым жилам, - рассказывает В. П. Романов. - Но люди относились к этому, как к работе, не роптали. Более того, у них интерес был к месторождению, они не просто механически работали, чтобы только заработать деньги. Например, с интересом работал старейший проходчик Дмитрий Петрович Бурилин, участник Великой Отечественной войны. У него под сердцем был осколок, он получил его в Чехословакии. Но человек работал, ему было интересно.

А данные по шурфам действительно получались интересными. Оруденение прослеживалось на всю глубину шурфов, причем наметились особенности распределения золота в рудных телах. В частности, была замечена такая закономерность, что там, где вмещающие породы были среднего состава, эффузивно-пирокластические, - больше золота, а ниже, в Хайрюзовской свите и рудоконтролирующем Озерновском массиве гранодиоритов, золота мало. Было ясно видно, что нужны поиски в прилегающих районах, что территория очень перспективная. Позже я докладывал на уровне главного геолога управления ситуацию на месторождении и говорил, что проходку шурфов надо остановить и продолжить поиски. Но

меня не послушали, молодой был, тяжелые работы продолжили, позже перешли на штольни, из-за чего, может быть, затянули с открытием Агинского месторождения, которое было рядом".

Шурфовочные работы, которыми занимался всю зиму Виктор Романов, велись без проекта, в счет будущего финансирования. А проект на поисково-разведочные работы на Оганчинском рудном поле писали этой же зимой старший геолог партии Г. М. Хабалов и геолог А. В. Куркин. Целевым назначением работ являлись оценка общих перспектив золотоносности Оганчинского поля и месторождения, а также изучение оруденения рудного тела "Апофиза" и жилы № 2 на глубину.

Летом проходчики начали, опять же вручную, проходить канавы. Объем проходки в 1967 году был очень большим и составил в результате более 20 000 кубических метров. В это же время на базе экспедиции в Елизово шла подготовка к проходке на Оганче штольни. Централизованные поставки горнопроходческого оборудования и материалов для этой штольни не были заявлены, так как заявочные кампании обычно проводятся загодя, а разворот работ на Оганче начался неожиданно. Поэтому все доставать пришлось самим. Эту работу поручили заместителю начальника Южно-Камчатской экспедиции Владимиру Никифоровичу Цюпко.

Об этом человеке геологи говорят буквально с восхищением. В геологию он пришел из торговли, был крайне контактным, энергичным и предприимчивым. Свои снабженческие операции он разрабатывал как боевые. И вот Цюпко узнал, что в один из совхозов для молочно-товарной фермы привезли рельсы, но здание фермы еще не готово, и рельсы понадобятся не скоро. Зато совхозу срочно нужен шифер, который имеется в Радыгино, а Радыгино ищет трубы для водопровода. Цюпко составляет свой план операции: экспедиция дает Радыгино трубы, получает шифер, отвозит его в совхоз и забирает рельсы. И так было со всеми материалами. В результате в августе 1967 года можно было начинать врезку штольни № 1 на участке Центральном.

Устье будущей штольни находилось на левом склоне верховья ручья Быстрого на отметке 1274 м. Одним из главных действующих лиц на ее зарезке был горный мастер Михаил Третьяков, у которого до этого уже был опыт проходки подземных горных выработок в Бурятии. Проходческая бригада формировалась из наиболее дисциплинированных, продуктивных проходчиков поверхностных горных выработок, то есть была неквалифицированной, людей всему предстояло научить. В эту бригаду включили канавщика Анатолия Алексеевича Дворяка - будущего знаменитого проходчика Камчатки, получившего в 1974 году (всего-то через 7 лет после этого!) орден Трудового Красного Знамени за скоростные проходки на Сергеевском золоторудном месторождении. Дворяк был человеком большой физической силы и трудолюбия. В одиночку, работая от зари до зари, он за месяц проходил вручную до 800 кубических метров канав, как мини-экскаватор.

Но учились не только горняки, учились и геологи. Инспектор горнотехнической инспекции Павел Всеволодович Мухин, приехавший вскоре на Оганчу, приостановил проходку штольни

из-за многочисленных недоработок. То сечение, то уклон не выдерживались, то бумаги не так оформлялись, или документация не правильно велась. Собственно, благодаря настойчивости и принципиальности Мухина, опыту мастера М. В. Третьякова да энтузиазму проходчиков работы постепенно приводились в порядок, вставали на нужный качественный уровень. А главной ошибкой оганчинцев было то, что они, не сделав рудного двора в устье штольни, сразу пошли вперед. Мухин это дело пресек.

"По приказу управления на ликвидацию ошибок приехал главный инженер экспедиции Александр Тихонович Гриднев, - рассказывает В. П. Романов. - Человек он был въедливый, непростой. Забывает проходчик последний костыль в шпалу, а Гриднев наблюдает, молчит. Когда костыль забит, он говорит проходчику: "Если бы ты был настоящим проходчиком, то не так бы сделал - на стыке рельсов не одна шпала кладется, а две". Проходчик матюгнулся: "Вы ж здесь были, не могли сказать? Теперь переделывать. Это ж такой труд...". Гриднев: "Я хотел, чтоб ты научился".

По технологии наши проходческие работы были комбинацией ручного и механизированного труда. Бурили перфораторами, откатывали вагонетки вручную. Выручало то, что горняки почувствовали вкус к настоящей, серьезной работе. Здорово выручал мастер Третьяков. Он и на погрузмашине, он и бурит, он и крепит, короче - везде. И народ возле него обучается. Так и нарабатывался костяк настоящих проходчиков и специалистов. Значительная часть из них позже работала на подземке в Олюторской партии, затем на Сергеевке, Аге".

Когда штольня № 1 достигла отметки 17 метров, на месторождение прилетел профессор Г. П. Воларович, который, осмотрев участок и выработки, рекомендовал прекратить проходку этой штольни и начать другую, на более низком горизонте. К рекомендации прислушались, протоколом НТС управления направление работ было изменено.

Штольня № 3 была врезана на высотной отметке 1211 метров, то есть на 63 метра ниже первой. Ее проходка пошла также вручную, с прежними темпами. Правда, технических ошибок было уже значительно меньше. До конца 1967 года штольня продвинулась до 30 метров.

В том же году Виктор Павлович Романов сел за отчет партии по работам 1966 года. По рудным телам, вскрытым и изученным к тому времени на участке Центральном, он посчитал запасы золота и серебра. В подсчет запасов вошли рудное тело "Апофиза", жильная зона № 2, рудное тело "А", рудное тело "В", жильная зона "Главная", жильная зона № 3, рудное тело "Удачное" и рудное тело, вскрытое в канаве № 97. Запасы у Романова получились отнюдь не похожими на цифру 120 тонн, как прогнозировалось на первых стадиях работы. Запасы были такими: золота - 4,32 тонны, серебра - 2,54 тонны.

Похоже, после этого к Оганче несколько охладели. Из геологического персонала на зиму на участке остались только Виктор Романов и его однокашник по институту Василий Морозов. Они были предоставлены сами себе. Вся их жизнь, в сущности, состояла из работы. Оба и отдавались ей полностью. Виктор Павлович Романов вспоминает:

"Василий был дотошный, интересный парень. Жили мы вдвоем в нашем домике, вместе камералили, на штольню по очереди бегали. Бывало, придет Василий со штольни и сразу садится дорабатывать документацию. Сидит, разбирается. Потом говорит:

- Слушай, Виктор, у меня получается, что карбонатный прожилок сечет кварцевую жилу. Не может ведь такого быть?

Я подключаюсь. Начинаем думать, разбираться в ситуации. Василий решает сбежать на штольню, посмотреть, может быть, что-то пропустил, что-то не так понял. Рассуждает вслух:

- Я уходил, проходчики откатку делали. Значит, сейчас отбурили, палить будут. Хотя нет, еще не отбурили, успею до отпалки...

Подхватывается и бежит, чтобы еще раз успеть посмотреть забой. То есть, мы с ним творчески к работе подходили, с интересом, дотошно разбирались в вопросах геологии. Правда, мы в институте и подготовлены были соответственно, ведь наш Ленинградский горный готовит именно горных инженеров-геологов. А здесь нам дали свободу, самостоятельность. С января до весны на участке, кроме нас, не было ни одного геолога или начальника. Мы приустиали даже, ведь вся жизнь, вся геология замкнута пятачком вокруг штольни и домиков. А хочется шире работать. И потом - проходка шла все же примитивно. Несерьезно это все было, не чувствовалось накала большой работы. Такое чувство, что сидим в снегах, никому не нужные вместе со своей геологией и своим месторождением. И проходчики так же себя стали чувствовать, участились пьянки, мы не успевали проследить. Василий говорит:

- Давай напишем начальнику управления Никольскому. Ну что это за разведка? Пусть вмешается.

И стали мы сочинять письмо. Начинаем писать, много пишем, умно, но получается, что все кругом дураки, а мы самые прозорливые, самые умные. Бракуем текст. Пишем снова, уже кратко. Но вскоре обнаруживаем, что непонятно, чего мы хотим. Никак не получается. А потом меня осенило, и я предложил Васе написать так:

"Начальнику КТГУ Никольскому В. М. от геологов Романова и Морозова. Извините за конкретность, но херня это, а не разведка Оганчинского месторождения...".

В таком ключе и написали, и передали письмо Никольскому через нашу однокашницу, ныне кандидата геолого-минералогических наук в Институте вулканологии Лидию Павловну Тавергасову. Чтобы не перехватили.

И точно, прилетает со свитой Никольский. Мы с Василием были на документации, поэтому они зашли в домик и посмотрели альбомы, планы, документацию нашу без нас. Потом по объектам пошли. А вечером собрались. Первым стал говорить Никольский. Рассказал о геологических результатах в управлении, как проходят работы, где хорошо, где плохо. И

чувствую, что начинает он себя взвинчивать и в таком состоянии доходит до нашего письма. Все смотрят на нас с жалостью. Геворкян даже реплику подал: "Вадим Михайлович, ребята молодые, надо это учитывать".

- Да нет, уже не молодые, - отвечает Никольский. - Мы же смотрели документацию. У нас такой документации нет. Она же сразу дает направление дальнейшим работам. Надо работать именно так!

Тут уже наше начальство головами завертело. Короче, все наоборот обернулось - Никольский поддержал именно нас, дал указание собрать в управлении НТС и рассмотреть ход работ на Оганче. А меня после этого официально назначили старшим геологом партии вместо ушедшего Хабалова".

Справедливости ради надо отметить, что комиссия во главе с начальником управления В. М. Никольским прилетала на Оганчу не только из-за письма молодых геологов. Хотя оно сыграло важную роль. Прилетали еще и по письму начальника партии Я. Ш. Геворкяна в обком партии, в котором он жаловался на снижение интереса к месторождению и, как следствие, финансирования. Одним словом, стук с двух сторон помог, начальство прилетело и посмотрело, как идут дела на объекте.

Результатом этого визита стало дополнение к проекту работ и продление сроков поисковой разведки до 1971 года. Написанием дополнения занялся старший геолог Сергей Сергеевич Коваль, который закончил работу в начале 1969 года. Еще была надежда, что Оганча раскроется.

ОБМАН ОГАНЧИ

Ближе к лету 1968 года уволился из экспедиции и уехал в родную Армению начальник Оганчинской партии Яков Шаваршович Геворкян. На его место назначили П. Л. Кручинина, который, кстати, поработал совсем ничего и в том же году уступил должность Щукину. Этот начальник тоже поработал совсем мало - история не сохранила даже его инициалов - и в 1969 году начальником стал А. С. Деркач, которого вскоре перевели в техруки, и назначили руководителем Б. М. Овчинникова. Он уже доработал до самого закрытия партии в конце 1971 года.

"Когда Геворкян ушел, началась чехарда с начальством, - рассказывает В. П. Романов. - Приглашали пришлых. Был, например, хороший специалист из Якутии. Приезжает сюда, а здесь - никакой, потому что условия совсем другие. Следующего берут, и так далее. Дисциплина стала падать, пьянки все чаще. Доходило до того, что меня, при живом начальнике, рабочие просили подействовать на загулявшего хлебопека, потому что партия сидела без хлеба. Поговорил я с пекарем, бражку повыливал, и все пошло нормально. Но мне это надоело. А тут предложили поехать в бухту Сомнения на ртутное месторождение, и я

согласился. Тем более что и дипломную работу писал по ртути. В начале 1969 года из партии я ушел".

В том же, 1969 году новый старший геолог Оганчинской партии Джамиль Хасанович Уразуметов написал отчет по итогам работ по основному проекту. Отчет получился компактным, отразившим всю информацию, полученную партией, хотя сам Уразуметов в тот период еще не работал. Подсчет запасов, сделанный автором, дал еще меньшие результаты, чем они были у Романова, - золота 2,35 тонны, серебра - 1,73 тонны (69).

Однако работы еще продолжались. В объемах они выразились следующим образом:

- 1969 год: пройдено по штольне № 3 со штреками и рассечками - 284 метра, проходка шурфов - 3 метра, канав бульдозером и с применением взрывов - 5 457 кубических метров;
- 1970 год: штольня со штреками и рассечками - 609 метров, канав - 6 300 кубов, подземное бурение станком ГП-1 - 147 метров;
- 1971 год: штольня со штреками и рассечками - 237 метров, подземное бурение - 200 метров (70).

Но 25 февраля 1971 года Министерство геологии РСФСР письмом № СТ-6/21-675 все же остановило дальнейшие работы на Оганчинском месторождении в связи с отрицательными результатами, а также потому, что Мингео СССР уже не включило Оганчу в титул работ на 1972 год. Чтобы еще раз убедиться в неперспективности месторождения и необходимости проведения на нем необходимого минимума завершающих работ, в апреле 1971 года в Оганчинскую партию вылетела специальная комиссия. В ее составе были куратор Мингео РСФСР по Камчатскому управлению С. А. Маркова, главный геолог КТГУ Т. В. Тарасенко, старший геолог геологического отдела КТГУ А. Р. Шарга, главный геолог ЮКГРЭ Ю. И. Харченко. Комиссия предложила для завершения исследований проследить штреком северо-восточный фланг жильной зоны № 2 на протяжении 74 метров, а также эту же зону - двумя рассечками и тремя скважинами из этого штрека. Рекомендации утвердил куратор Мингео РСФСР по рудному золоту Г. П. Воларович на специальном совещании в министерстве 28 мая 1971 года. В течение лета 1971 года рекомендации были выполнены, но положительных результатов так и не дали. Тогда решением НТС Камчатского управления от 6 июля того же года дальнейшее проведение поисково-разведочных работ на Оганчинском месторождении было прекращено (71).

В итоге штольня № 3 была остановлена на отметке 589 метров от устья, вскрыв на полную мощность жильные зоны "Удачная", № 3, "Апофиза", "Главная" и № 2. Увы, итоги многолетних работ на месторождении выразились всего в нескольких строчках отчета: "На данном этапе Оганчинское месторождение следует считать не имеющим самостоятельного промышленного значения..." (72).

НА СКЛОНАХ ИЧИГЕМСКОГО ХРЕБТА

ЛОС-ПЕНЖИНОС

Пенжина - река знаменитая, овеянная первопроходческой романтикой с давних пор. В XVII и XVIII веках русские казаки, приходившие на Камчатку с севера, шли из Анадыря в Пенжину, а уже по ней спускались к Охотскому морю.

Сегодня Пенжина - единственная река, более или менее заселенная людьми на всем огромном пространстве от Пенжинского залива до Чукотки. На ее берегах стоят поселки Манилы, Каменское, Слаутное, Аянка. Но выше Аянки уже никого и ничего нет, кроме Верхне-Пенжинской метеостанции с тремя-четырьмя служащими да коряков-оленеводов, кочующих со своими стадами. Но попробуй, найди их на обширных пространствах тундры...

Начинается река Пенжина на Колымском нагорье. На запад стекают притоки Омолона, на восток - Пенжины. Омолон бежит в Ледовитый океан, Пенжина - в Охотское море. Ее путь к морю мог быть короче, если бы не уперлась река в Ичигемский хребет. Пришлось воде его обходить, обегать сотнями лишних километров, делая большой крюк. На этом пути Пенжина набрала сил, стала большой, полноводной, забрала себе все речки, бегущие с окрестных гор.

Привольные здесь места, но суровые. Лето начинается поздно - в середине июня, заканчивается в середине августа. Летняя температура высокой не бывает, хотя в иные годы жарит под тридцать. Комаров - тьма, неба не видно. Бедных оленей они заедают настолько, что те теряют аппетит и из последних сил стремятся уйти в высокогорье. Отдушиной являются белые ночи: комаров нет, светло, прохладно - самое время для жизни, а людям еще и для работы.

Полно в тундре всякой ягоды, главным образом голубики, брусники, шикши. Грибов - видимо - невидимо. В иных местах, где, кроме карликовой березки и ягеля, ничего не растет, грибы - самые высокие и видные растения. Но, кроме всего прочего, славится Пенжина и своими лиственничными лесами. А в долинах многих ее притоков растет красавец-тополь, из стволов которого построены многие местные поселки.

Зима сюда приходит рано. В октябре Пенжина укрывается панцирем льда. Морозы достигают пятидесяти. В долине, где ветры дуют, как в трубе, такой мороз пережить непросто. Холодно, неуютно. Но в солнечные, тихие дни и зима здесь кажется прекрасной. По следам на снегу хорошо видно, сколь богаты эти края различной живностью: лисами, соболем, горностаем, зайцами, куропатками. Именно здесь, по берегам Пенжины, обитает самый крупный лось Евразии, который так и зовется - пенжинским. Его рога-лопаты человеку с

трудом удастся поднять. Много здесь медведя, в последние годы все чаще стали встречаться волки.

Сочетание гор, лиственничного редколесья, обширных всхолмленных тундр с множеством озер, рек и их многочисленных проток создает в Пенжинской тундре своеобразный, незабываемый, удивительно красивый ландшафт. Раз увидишь - забыть уже невозможно. Сколько людских поколений носят в сердцах и памяти эти ландшафты! Сколько среди них геологов! Богатую, романтическую историю освоения этих краев оставили они. Одну из этих историй и собираюсь я здесь поведать своим читателям.

В 1961 году молодой паренек Шамиль Гимадеев поступил учиться на геолога в Казанский государственный университет. Все летние месяцы, начиная с первого курса, работал в геологических предприятиях: два года на Полярном Урале, а последние два - на Колыме, в Берелёхской экспедиции. Здесь он стал своим, его хорошо знали, а потому после окончания университета планировал Шамиль приехать на работу именно сюда. Но судьба распорядилась иначе. На Колыму распределений не оказалось, из самых дальних регионов была только Камчатка. Он записался туда. Вместе с ним выбрали Камчатку Юра Воеводин и Толя Чуйко.

Чуйко после защиты дипломного проекта решил жениться и пригласил друзей на свадьбу, которую устраивал в родительском доме во Фрунзе. В конце апреля 1966 года Шамиль полетел туда.

Путь его лежал через Ташкент, где надо было делать пересадку. Между самолетами оказалась целая ночь, и Шамиль устроился отдыхать в кресле. Его разбудил сильнейший гул, который исходил, казалось, со стороны летного поля. Похоже, там разом взлетала целая эскадрилья самолетов. Но тут же ходуном заходило все здание аэровокзала, послышался чей-то истошный вопль.

- Землетрясение!..

Началась паника, люди спешно покидали здание. Сделать это было непросто, так как невидимое волнение в земной коре сбивало с ног. Пассажиры падали, хватаясь за свои вещи.

Не успели добежать до выхода, как все стихло. Тут же начал успокаивать какой-то мужчина, объясняя, что он строитель, строил это здание и гарантирует, что оно выдержит любое землетрясение.

Через некоторое время в аэропорт стали прибывать испуганные жители Ташкента, намереваясь покинуть город. Они рассказывали, что Ташкент лежит в руинах, очень много жертв.

Но самолеты продолжали летать, и вскоре Шамиль был во Фрунзе. Так, случайно, он оказался свидетелем известного катастрофического ташкентского землетрясения 1966 года. Судьба как будто бы предвещала ему нелегкую жизнь в стране вулканов - Камчатке.

Свадьбу другу он справил и вернулся в Казань. Оттуда полетел на Камчатку. В Петропавловске нашел геологическое управление и пришел представляться к главному геологу Тихону Васильевичу Тарасенко. Тот начал расписывать прелести работы на серном месторождении Малетойваям, где шла разведка. Но Шамиль хотел попасть только на поиски золота, о чем и просил Тарасенко. Тот поморщился, предложил подумать. Раздумья затянулись на две недели, так как один настаивал, другой упрямо не соглашался. В конце концов оба пошли на компромисс - Тарасенко предложил молодому геологу ртуть, заметив при этом:

- Там есть и ртуть, и сера. Займешься ртутью.

Гимадеев согласился. Тем более что партия, в которую его отправляли, находилась в составе самой северной экспедиции - Пенжинской, а это близко к любимой Колыме.

Итак, впереди его ждал Первореченск - малюсенький поселок геологов в устье реки Пенжины, на самом северном краю Охотского моря. Лететь туда надо было самолетом Ли-2, который могли выпустить в рейс только при условии, что погода будет благоприятствовать на всем пути полета и будут открыты как минимум три запасных аэродрома. Такого совпадения погодных условий пришлось ждать 21 день. Причем каждое утро Шамиль приезжал в аэропорт, весь день ждал вылета, а ближе к вечеру объявлялось о том, что рейс переносится на завтра. И так - три недели.

Наконец, полет состоялся. Через иллюминатор Шамиль разглядывал землю, на которой ему предстояло теперь жить и работать. Это были горы и леса, хребты и конусы вулканов. Севернее началась тундра с многочисленными блюдцами озер. Вскоре под самолетом засверкала солнечными бликами вода реки Пенжины. Прилетели в Каменское.

На краю взлетной полосы стоял вертолет Ми-4. Шамиль подошел. В вертолет грузили почту. Командовала погрузкой молодая женщина.

- Куда летите?
- В Усть-Пенжино. А тебе куда надо?
- На Первую речку.
- Тогда садись.

"Значит, по пути", - подумал Шамиль, забираясь в вертолет и усаживаясь на посылочные ящики. Вскоре взлетели. Низко-низко Ми-4 пошел над тундрой, вдоль реки. Все ближе становилась Пенжинская губа, все шире разворачивалось море на горизонте. Пролетели село Манилы, зависли над малюсеньким поселком из двух-трех десятков деревянных домов, стоящих в три ряда на высокой террасе. Посадочной площадкой для вертолета служил дощатый настил, сооруженный под террасой - между водой губы и домами поселка.

- А как отсюда до Первой речки добираться? - спросил Шамиль.

Женщина засмеялась:

- Это она и есть. Мы ее по привычке Усть-Пенжино зовем.

Представьте себе три ряда небольших деревянных домов, стоящих безо всяких заборов, без деревьев под окнами прямо на кочковатой, голой тундре. За поселком - всхолмленность Окланского плато, перед поселком - мутные воды Пенжинской губы. Летом вокруг желтые травы, зелень карликовых берез и кедрового стланика. Зимой - только снег и стылый, насквозь пронизывающий ветер. Унылый, однообразный вид. Не всякий человек мог выдержать здесь даже полгода.

Чтобы как-то разнообразить и скрасить жизнь, население Первореченска вынуждено было вести активную общественную, культурную, спортивную, творческую и даже научную работу. Благо что интеллектуальный потенциал первореченцев позволял это делать, ведь здесь были собраны люди в основном из крупнейших городов страны, окончившие институты, университеты, техникумы. Здесь жили романтики и поэты, умники и эстеты, из которых ключом била энергия. Она искала выхода. И находила во многих интересных и полезных делах. Небольшой по размерам клуб Первореченска был настоящим культурным центром, в котором люди собирались ежевечерне. Если не танцевали, то репетировали очередной спектакль, если не вели споры о геологии или прочитанных книгах, то просто пели, общались. Здесь же сыгрывались музыканты инструментального ансамбля "Лос-Пенжинос" во главе с геологом А. В. Исаковым. Здесь же создавалась стенная газета Пенжинской экспедиции "Разлом", над которой опять же работал коллектив во главе с тем же Исаковым.

Знаменит был Первореченск и хоккейными баталиями. Пожалуй, первореченцы одними из первых на Камчатке стали играть в хоккей на льду. Для этого в экспедиции были созданы две команды - "Радикулит" и "Ревматик". Играли на хорошем льду, залитом в специально построенной хоккейной коробке стандартного размера. Над коробкой висел деревянный щит с надписью "Стадион Цистерна имени Петра Павловича Трибунского". Название было дано в честь главного механика Пенжинской экспедиции, так как он один распоряжался единственным в поселке трактором, на котором можно было возить воду в цистерне. А вода была нужна, естественно, для заливки льда.

Заливка была целой эпопеей. Собирались команды, брали у Трибунского трактор и сани с цистерной и ехали на Первую речку, в устье которой и стоял поселок Первореченск. Во льду пробивали полынью и начинали ведрами носить в цистерну воду, так как насоса не было. Двое черпали и передавали ведра по цепочке. Затем их меняли другие. Пятикубовую цистерну заполняли за 5 - 8 минут. Рекорд Первореченска - 5,5 минуты. Для заливки коробки требовалось 50 - 55 цистерн, возили воду несколько дней. После этого приступали к полировке льда. Для этого требовалась горячая вода. И опять это выливалось в настоящую эпопею. После каждой пурги, а они довольно часты в тех краях, да и снег набивают плотно, как бетон, коробки тщательно чистились. Для этого снег приходилось нарезать на кубы бензопилой, а кубы вывозить на лошади, запряженной в сани. Это тоже было эпопеей.

Причем часто коробку опять задувало доверху на следующий же день после уборки снега. И все приходилось начинать сначала. Зато играли всласть - никакая пурга не могла сорвать матч. Игры проходили строго по графику - два раза в неделю. Тренировки были почти каждый день. Болеть приходил весь поселок. Игра шла по всем правилам.

В честь праздника 8 Марта играли команды холостяков и женатиков. В День Советской Армии играли офицеры запаса с рядовыми. В день Победы игру посвящали ветеранам войны.

Играть хотелось всем. Те, кто не умел стоять на коньках, старались научиться. Для этого им приходилось идти на каток вечером, в темноте (зимой в Пенжинской тундре световой день короткий - в декабре чуть более 2-х часов, в другие месяцы 3 - 5 часов). Катались при фонариках, осваивали бег, сложные фигуры. Но основной мужской контингент поселка катался почти профессионально. Броски шайбы клюшкой тоже многие выполняли профессионально, а для тренировок устраивали "стрельбы" в цель.

Другим увлечением пенжинцев была стенная газета "Разлом". Ее редактором долгие годы состоял Исаков. Вместе с ним над газетой работали Ананий Поздеев, Евгений Татаржицкий, Игорь Сазанский, позже - Маргарита Забродина, Александр Кравцев, а вообще старались принять участие все. "Исаков просто замечательно, свободно рисовал, легко рифмовал, - рассказывает геолог Маргарита Васильевна Забродина. - Он мог в газете обыграть любую ситуацию, любой факт. Нам всем очень нравилась газета. Мы регулярно отправляли ее на конкурс в Петропавловск, в управление".

"Редколлегия была настолько зубастой и мощной, что люди, которые приезжали к нам из управления, вели себя очень осторожно, - вспоминает Шамиль Гимадеев. - Однажды начальник управления Никольский чего-то наговорил и сразу попал в газету. Ему донесли во всех подробностях. И он на техсовете как-то сказал, что в этой экспедиции надо очень аккуратно говорить. Газеты были очень злые".

Но не только умели развлекаться и интересно отдыхать геологи Пенжинской экспедиции. Умели и работать. Каждый был интересной личностью, приезжал в экспедицию с определенной геологической школой, поэтому всю зиму в камералке шли словесные баталии по поводу различных научных течений. У тех, кто занимался серой, были разные взгляды на генезис руд Малетойваямского месторождения. Их споры друг с другом доходили иногда до грубостей, до полного презрения друг друга как специалистов. Впрочем, это не мешало им дружить в быту, вне работы. Геоморфологи с поисковым уклоном в специализации делились на два течения - саратовцы и воронежцы. Саратовцев возглавлял Игорь Сазанский, окончивший в 1962 году Саратовский университет, а воронежцев - Леонид Шевырёв и Юрий Сергеев, которые прибыли в Первореченск после окончания Воронежского университета. Кроме того, как на дрожжах среди геологов росли различные школы металлогенистов. Спорили по поводу и без повода, доказывали свою правоту, фыркали на высказывания оппонентов.

Когда геологи съезжались в поселок после полевого сезона, все с нетерпением ждали начала защиты полевых материалов. Здесь-то и оттачивались теории различных геологических школ, здесь же и сводились счёты с оппонентами. "В кабинет, где проходила защита, набивались зрители и участники, - делится воспоминанием об этом Маргарита Забродина. - Такие были зажигательные диспуты! Молодые геологи удивлялись: как можно так жаростно спорить из-за каких-нибудь мелочей, деталей, незначительных разночтений? Но оппоненты спорили, в спор вовлекались присутствующие, и пошло-поехало. После этих баталий начиналась собственно защита. Это было обильное русское застолье. Притаскивали из дому все, что только было можно, варили-парили, конечно - водочка. И заседали долго-долго, и все геологические вопросы решались именно за этим столом".

Самобытной была здесь и защита геологических отчетов. Каждый геолог знал, что его отчета с нетерпением ждут оппоненты. Когда отчет был готов, оппоненты напрашивались у начальства в рецензенты. Это означало, что будет много замечаний и, может быть, отчет вообще признают неграмотным и никчемным. "На защите отчетов редко кому ставили оценку 4, а уж пятерок вообще никогда не было, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Очень принципиально подходили. В рецензиях изгалялись как могли. Многие защиты отчетов заканчивались элементарными потасовками. Даже когда оценки за отчет стали влиять на премии, все равно в Пенжинской никого не щадили".

Вот сюда, в Пенжинскую экспедицию, в поселок Первореченск, и прибыл в начале лета 1966 года молодой, начинающий геолог Шамиль Гимадеев. Надо сказать, что тот, 1966 год был особым для пенжинцев. Тогда сюда прислали более тридцати молодых специалистов. Плюс к тому приехало несколько опытных геологов, например, Юрий Сергеевич Турчинович, который до этого много работал на геологической съемке в арктической части Якутии. Его сразу поставили руководить Игуновоямской партией, в которую определили геологом и Гимадеева. Из Петропавловска перевелся Альфред Евгеньевич Конов, которого тут же определили в начальники Усовской геолого-съёмочной партии. Приехал из Тувы опытный техник-геофизик Валентин Александрович Плюснин.

Немногим раньше Гимадеева в Первореченск прибыли супруги Сергеевы - Юрий и Лидия. В 1965 году Юрий Сергеев окончил Воронежский университет, женился и весной 1966 года прибыл с молодой женой на север. Их определили в Чалбугчанскую геолого-съёмочную партию, которая занималась составлением листа геологической карты к северу от Пенжинской губы.

Тогда же приехали на работу в Первореченск Леонид Шевырёв из Воронежского госуниверситета, Владимир Улевич после окончания Благовещенского политехникума, Евгений Буриков и Людмила Соколова из Московского университета, геолог Георгий Преображенский после окончания Ленинградского университета, Юрий Цвиркунов из Ленинградского горного института и еще многие другие. Первореченск зазвенел молодыми голосами, заиграл юношеским задором.

Весь свой первый полевой сезон Шамиль Гимадеев провел на поисках киновари. Работал

самостоятельно, быстро вошел в курс дела. Побывал у него в отряде начальник партии Юрий Сергеевич Турчинович. Как-то разговорились о жизни, и Шамиль рассказал начальнику, что в студенчестве играл на ударной установке в университетском джазовом ансамбле. Это было его хобби. Турчинович проговорился об этом по рации Исакову, а тот, будучи руководителем инструментального ансамбля "Лос-Пенжинос", намотал это себе на усы. В ансамбле как раз не было ударника, и ему не хватало ритма.

"После полевого сезона сижу в камералке, как вдруг заходит зубастый такой, очень колоритный на вид Исаков, - рассказывает о дальнейшем Шамиль Гимадеев. - Спрашивает: "Где этот студент, который играет на ударном"? Я поднимаюсь: "Наверное, я". Исаков меня осмотрел и приказным тоном: "Так, сегодня в 18 часов быть в клубе. И никаких гвоздей". Прихожу в клуб. Ударная установка очень примитивная. Но когда заиграли, ритма от моей игры действительно прибавилось. Ансамбль стал более оживленным, полным. Исаков был доволен. Так я стал играть в "Лос-Пенжиносе".

"В связи с активными работами по вулканогенной сере решили мы писать оперу "Зарницы над кальдерами", - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Авторство общее: я, Кравцев, Ляшенко, Сазанский и, конечно, Исаков. Все там у нас было: арии, хор бичей, хор бичевков... Боря Михайлов играл и пел партию начальника экспедиции Юрия Павловича Рожкова. Так он здорово его изобразил, что тот потом не подписал Боре заявление на отпуск. Без нашего "Лос-Пенжиноса" в поселке не обходилось.

Весной 1967 года мы участвовали в смотре художественной самодеятельности Пенжинского района. Приехали в Каменское на гусеничном вездеходе ГАЗ-47. Это был год 50-летия советской власти, смотр был юбилейный, капитальный. Мы забили всех. До сих пор храню аккордеон, полученный за этот смотр".

Но это было не все. Видя, что Гимадеев очень подвижный и ловкий, ему предложили стать вратарем хоккейной команды "Радикулит". Отказываться было неудобно, хотя в хоккей Гимадеев играть не умел. Пришлось учиться.

"Принесли мне нагрудник, одежду, - рассказывает он. - Ключку выдали. Маски не было. На тренировке перед первой же игрой шайба соскользнула с моей рукавицы и зафинтилила мне под глаз. С тех пор без фингалов я не ходил. А первую игру благодаря мне наша команда продула.

Конов очень плохо стоял на коньках - у него небольшой размер ноги, а масса тела 110 килограммов. Из-за этого он плохо поворачивал. Юра Касабов этим пользовался: падал ему под ноги, а тот сразу заваливался. Так Юра защищал ворота.

А вообще, большая часть ребят здорово каталась. И броски были сильные, точные. Я отыграл где-то 12 сезонов, из них первые 4 - без маски. Ох и попадало. На мне и на Лева Анкудинове - вратаре из "Ревматика", были только танковые шлемы. Потом я себе из отпуска пластмассовую маску привез, но она годилась лишь для детских игр. Вышли из

положения тем, что сварили нам из тонкого металлического прутка сетки, мы крепили их на свои шлемы, и так играть стало безопасней. Вратарю доставалось много. Особенно во время пурги. И так ничего не видно, а тут еще шайба летает. Смотришь, есть! Прилетела. Но это была настоящая жизнь!".

ДИКИЙ ИЗГИБ

В январе 1967 года уволился из экспедиции начальник Чалбугчанской партии Леонид Карпасов, и вскоре на его место назначили Юрия Сергеева. Туда же перевели геологом Шамиля Гимадеева. Партия стала молодежной, в ней работали теперь только молодые специалисты, включая начальника: Гимадеев, Георгий Преображенский (старший геолог), Николай Булдышкин, Александр Кравцев (приехал летом 1967 г.), Алексей Баженов, Лидия Сергеева.

Зимой сотрудники партии писали отчет за прошедшее лето, а с наступлением нового полевого сезона отправились на участки работ. Партия занималась геологической съемкой и поисками полезных ископаемых в масштабе 1: 200 000 в средней части листа карты Р-58-IV (верховья реки Пенжины). Основанием для постановки этих работ послужила прогнозная перспективность территории на золото (В. М. Завадовский, 1956 г.) и ее общая слабая геологическая изученность. Именно тем летом, в 1967 году Шамиль Гимадеев и его будущая жена, студентка-практикантка Люся Борисова, нашли в бассейне реки Кубавеем развалы золотосодержащей кварцевой жилы. В дальнейшем эта находка и привела к открытию Сергеевского золоторудного месторождения, но тогда это была всего лишь интересная, перспективная точка.

"Красивая территория, - с удовольствием вспоминает то время и те места Шамиль Гимадеев. - Это как раз Ичигемский хребет - Первомайский перевал, высота 1503. С этой высоты многие топографы начинали строить свои ходы и сетки. Тихон Васильевич Тарасенко рассказывал, что свою геологическую деятельность начинал с нее. Стоял он там с топографом - далеко видно! И они разбивали азимуты, намечали кроки своих будущих маршрутов. А леса, какие там красивейшие леса! Это же северные сосновые леса!

База партии стояла на реке Холоховчан. С базы отправлялись по разным участкам отряды. Поисковый отряд, которым я руководил, работал в небольшом составе: я, моя жена Люся и два промывальщика. Мы отправились на реку Кубавеем, это в 35 - 40 километрах от базы. Свою первую стоянку организовали на правом берегу ручья Ухват (в 1 км ниже будущего поселка Северо-Камчатск). Ходили в маршруты, стаскивали сюда образцы и пробы".

Уже осенью, в конце сезона, были найдены развалы кварца жильного типа. На первый взгляд кварц был совсем пустой, без каких-либо признаков рудных включений. Такие кварцевые развалы были найдены в четырех местах на реке Кубавеем и в нескольких - наверху, над рекой, на перевале Нипхин. Проб с таким кварцем набрали много, лошади с

трудом перевезли их на базу. Здесь старший техник-геолог Николай Булдышкин размолот в ступе несколько штуфов этого кварца и под биноклем увидел тонкодисперсное золото.

"Когда прилетел вертолет, чтобы вывозить нас домой, на Первую Речку, я попросил командира сделать несколько посадок возле этих развалов, чтобы допробовать их, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Таким образом, каменного материала у нас было достаточно не только для изучения в лаборатории в Петропавловске, но и для изготовления протолочек в Первореченске. Во всех наших протолочках под биноклем обнаруживалось тонкое золото. Когда получили первые результаты анализов из города, то увидели, что в этом кварце не просто имеется золото, а еще и с высоким содержанием - до сотни и даже более граммов на тонну".

К находке четы Гимадеевых в партии, а затем и в экспедиции отнеслись с большим интересом, тем более что в том же году подобную кварцевую руду бессульфидного типа нашли соседи-магаданцы на Карамкене и в других местах. В промежуточном годовом отчете геологи Чалбугчанской партии писали: "Шлиховым опробованием в аллювии рек Кубавеем, Нибарчен, Безымянная установлено единично-знаковое содержание золота. В отдельных шлихах из аллювия реки Безымянной, ручьев Сухой и Ветвистый найдены единичные знаки киновари, монацита, минералов меди, молибдена и др. За два года работы на территории листа Р-58-IV по неполным данным (не обработаны результаты 1 года) обнаружено 24 проявления золота, 25 проявлений молибдена, 7 проявлений полиметаллов, 6 проявлений меди, 2 проявления ртути. Большая часть этих проявлений образует рудную зону северо-восточного простирания, приуроченную к осевой части Ичигемского хребта. В пределах этой рудной зоны авторы отчета предлагают поставить специализированные геолого-поисковые работы масштаба 1:50 000" (73).

Наиболее перспективный участок с развалами золотосодержащего кварца был назван Гимадеевым Диким изгибом. Он рассказывает:

"В этом месте река Кубавеем делает большой изгиб, потому я и назвал участок Диким изгибом. Но тот год был годом 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, поэтому названия открытиям давали соответствующие - Революционный, Октябрьский и т. д. Альфред Евгеньевич Конов, который тогда стал главным геологом экспедиции, пришел и говорит: "Никаких Диких изгибов. Вы что, с ума сошли? Переименуйте". Но мы всей партией ему ответили: "Это наш участок, как хотим, так и назовем". Это была первая находка в Пенжинском секторе Охотско-Чукотского пояса, где появилась новая формация золотосеребряных месторождений эпипермального, близповерхностного типа. Кругом вулканы, сверху лежит палеоген, под ним туфогенная толща мела среднего состава, а потому считалось, что искать там нечего. Но вдруг появились эти жилы. Мы этим страшно гордились. А потому оставили романтическое название - Дикий изгиб. Я готовился в следующем году поработать там как следует".

ТРАГЕДИЯ НА РЕКЕ ПЕНЖИНЕ

Весной 1968 года Шамиль Гимадеев и Юрий Сергеев улетели в отпуск. Гимадеев женился, а Сергеев отвез в Воронеж беременную жену и ждал ее родов. Дождаться, правда, не пришлось - закончился отпуск. Так случилось, что оба отпускника, вернувшись на Камчатку, встретились в Петропавловском аэропорту. Юрий Сергеев сиял: его догнала телеграмма о рождении сына. "Договорились назвать его Сергеем. Будет Сергей Юрьевич Сергеев". Если бы он знал, что не суждено ему увидеть своего Сережку, а тому не суждено увидеть отца...

"Поехали мы с ним в поселок Геолог, - вспоминает тот день Шамиль Гимадеев. - В поселке тогда кое-где еще стояли 20-местные палатки. Общежитие было там, где сейчас столоярка. Набрали алкоголя, сосисок. Сварили сосиски в огромном чайнике, отметили рождение маленького Сергея Сергеева".

Полевой сезон 1968 года Чалбугчанская партия начала в первые дни июня. К этому времени состав партии пополнился новыми, и, опять же, молодыми сотрудниками: геологом Людмилой Прокофьевой и техником-геофизиком Ольгой Ревякиной. Прокофьева год назад окончила МГУ, а Ревякина только-только - Магаданский геологоразведочный техникум. Это была очень красивая двадцатилетняя девушка с точеной фигуркой, изумительно правильными чертами лица и длинными, роскошными, темными волосами. Экспедиционные холостяки сразу же взяли ее себе на заметку.

Надо сказать, что необычную, яркую красоту Ольги Ревякиной отмечают не только мужчины, но и женщины, которым довелось ее видеть. Маргарита Васильевна Забродина, которая приехала работать в Первореченск в том же, 1967 году, рассказывает, что добиралась из Петропавловска до экспедиции пароходом, и вместе с ней плыла Оля Ревякина. "Очень симпатичная была девочка", - говорит Маргарита Васильевна.

На участок полевых работ Чалбугчанская партия вылетела на вертолете Ми-4, командиром которого был знаменитый в те годы опытный камчатский летчик Вячеслав Петрович Кудрявцев.

Сначала прилетели на место основной базы на реке Холоховчан. Здесь разгрузились, а затем вчетвером - Сергеев, Гимадеев, Преображенский и Прокофьева, взяв с собой карты и продукты, полетели в верховья реки, чтобы оттуда прийти на основную базу своим ходом для общего ознакомления с геологией района работ. Геологи делают это для того, чтобы, вместе осматривая район, договориться, как называть те или иные горные породы, и затем, когда каждый начнет ходить в маршруты обособленно, не толковать по-разному одни и те же геологические объекты. Это дает возможность увязывать маршруты разных геологов между собой.

Вертолет приземлился у реки, на небольшой поляне, рядом с зарослями кедрового стланика. Командир заглушил двигатель и спустился из кабины на землю, чтобы попрощаться с ребятами до осени - больше никто к ним не прилетит, разве что при чрезвычайной ситуации.

Геологи выгрузили свой скарб на поляну, распрощались с летчиками и, обхватив рюкзаки руками, присели на корточки, чтобы дожидаться взлета машины. Командир запустил двигатель, из сопла с ревом вырвалось пламя, и геологи увидели, как тут же под вертолетом вспыхнула сухая тундра, и огонь моментально охватил всю машину. Лопасты вертолета продолжали раскручиваться, и вскоре вокруг него образовался сплошной огненный вихрь. Машина силилась оторваться от земли, выскочить из стены пламени, но это ей никак не удавалось. Помочь летчикам было невозможно, оставалось только со стороны со страхом наблюдать за борьбой экипажа со стихией. Но вскоре огонь накинута и на геологов, и они, загораясь от него руками, пытались спастись сами и спасти свои вещи. Наконец машина устремилась ввысь и, отлетев в сторону на сотню-другую метров, вновь приземлилась. Из нее выскочили испуганные летчики, стали бегать вокруг, осматривая корпус, который из зеленого превратился в черный.

Увидев, что вертолетчики невредимы, геологи принялись тушить неожиданный тундровый пожар, но сделать это было уже трудно. К ним присоединился экипаж, и они вместе начали сбивать огонь и заливать его речной водой. Это заняло несколько часов.

Когда пожар вроде бы ликвидировали, собрались возле закопченного вертолета, чтобы перевести дух. Вячеслав Петрович Кудрявцев выглядел расстроенным. Да и остальные члены экипажа были крайне раздосадованными случившимся происшествием.

- Надо же, Петрович, как по-фраерски мы здесь залетели, - чертыхнулся второй пилот Виталий и пнул в сердцах закопченный бок вертолета сапогом. В обгоревшем металле тут же появилась дырка. И без того взвинченный командир замахал на Виталия руками, заматерился. Затем завел его в вертолет и уж там отвел душу резкими и грубыми словами...

Но время не ждало, клонило к вечеру, экипажу нужно было возвращаться.

- Что вам привезти из продуктов? - мрачно спросил Кудрявцев у геологов, столпившихся возле машины.

Те отмахнулись.

- Ну что ты нам привезешь, Петрович? Лети уж. Мы тут как-нибудь сами...

Вертолет улетел в Первореченск, а геологи обнаружили, что пожар затушен не до конца. Еще два дня они боролись с огнем, который вспыхивал то тут, то там, пробираясь к новым местам сухой тундры низом, под слоем торфа. Так начался тот полевой сезон 1968 года...

Июнь прошел в напряженной работе, в ежедневных геологических маршрутах, которые давали все больше и больше интересного фактического материала, позволявшего надеяться, что район работ партии совершенно необычен и перспективен на золото. Где-то Александр Кравцев гнал к ним из Первореченска вьючных лошадей, но снег на перевалах не давал ему возможности сделать это в намеченные сроки. При отсутствии лошадей геологи перемещались по участку работ на плотах, вязать которые и управляться с ними они научились быстро.

В первые дни июля площадь вокруг базового поселка в 300 квадратных километров была исследована, и встала необходимость переезда в другое место.

Шамиль Гимадеев занимался в партии поисковыми работами, его отряду надо было отработать на участке Бивень еще дня два-три, чтобы тоже быть готовым к переезду. Но Юрий Сергеев ждать не стал. Дни стояли сухие, теплые, к тому же было время белых ночей, когда можно работать хоть круглые сутки. Он сказал Гимадееву, чтобы тот спокойно доделывал свою работу, а затем приходил на базу. "Если застанешь нас еще там - вместе будем переезжать, не застанешь - дождись Кравцева с лошадьми и перебирайтесь к нам на новую базу", - дал указание Сергеев. Он ушел с техниками-геофизиками Ольгой Ревякиной и Климом Румыновым. Преображенский и Прокофьева ушли раньше, чтобы вылететь в Первореченск. Преображенский впервые собрался в отпуск в летнее время, а Прокофьевой необходимо было изучать под микроскопом шлифы и аншлифы собранных горных пород и руд.

"Мне так хотелось, чтобы мы вместе поплыли, чтобы Сергеев дождался нас, - вспоминает Шамиль Гимадеев. - Но Сергеев ждать не мог. Не хотел он брать с собой и Ревякину, отправлял ее раньше с Преображенским и Прокофьевой, чтобы она к его приходу уже там была, но она чуть ли не расплакалась: хочу на плоту. Тогда Сергеев повесил на нее свою полевую сумку с картами, фотоаппарат, еще что-то и, смеясь, сказал: "Если придется спасать, то буду спасать один объект...". Так они и уплыли. А мы через два дня закончили работу на Бивне, тоже связали два плота и отправились следом за ними".

Прибыв на базу, Гимадеев и его отряд нашли ее пустой. Это означало, что ждать больше некого и можно отправляться на новую базу. Даже если Кравцев пригонит сюда лошадей, то сам с ними пойдет дальше.

Отряд поставил палатки, и все легли спать. А утром 5 июля прибежал испуганный Клим Румынов и сообщил, что Сергеев и Ревякина утонули...

"Я тут же связался с Первореченском и вызвал вертолет, - продолжает рассказ Шамиль Гимадеев. - Пока ждали вертолет, пришел Саша Кравцев с лошадьми. Вертолет прилетел быстро, и мы, человек пять, полетели на место происшествия. Это случилось чуть выше устья ручья Шумного, на Пенжине. Они втроем плыли на плоту и наткнулись на завал из деревьев, перегораживающий часть реки. Если посмотреть на этот завал и на речку, то не укладывается в голове, как можно там утонуть - обычное, не самое страшное место. Тем более что у нас был опыт вождения плотов. От завала можно было или просто оттолкнуться или встать на него ногами, как это сделал Клим. По-моему, все дело было в Ольге. Она от толчка упала в воду, закричала, и Юра Сергеев бросился ее спасать. При этом он, видимо, ударился о бревна головой. Клим прыгнул на завал, а затем побежал за ними берегом, но оказалось, что находится на острове, замешкался с переправой. Он видел, что кто-то еще плыл через протоку, но потом потерял его из виду. Когда переправился, побежал вдоль берега, но никого уже не нашел. Бегал, звал, искал, но все было безуспешным. Тогда побежал к нам на базу... Ольгу мы нашли уже бездыханной в полутора-двух километрах, ее

выбросило на песчаную косу. Ее смоляно-черные волосы стали наполовину седыми... А Юру так и не нашли, хотя тщательно искали все лето. Непонятным образом он пропал вообще. Мы его искали, спускаясь по реке до Аянки. Причем спускались дважды. Но так и не нашли".

Тогда была версия, что Юрий Сергеев просто испугался гибели Ольги Ревякиной и потери секретных карт, а потому спрятался, чтобы уйти от ответственности. Поэтому Гимадеев кричал и звал его, стрелял из ружья. Увы, ответом был только шум реки и деревьев. Тело Юрия Сергеева до сих пор хранит где-то в своих намывах далекая северная река Пенжина. Было тогда Юрию Николаевичу 28 лет, он справил день рождения 23 июня, за 12 дней до гибели...

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Так и не попал молодой начальник Чалбугчанской партии Юрий Сергеев на перспективную точку с названием Дикий изгиб, где чета Гимадеевых нашла куски золотой руды. Не ему суждено было искать там рудные тела, открывать месторождение. И вообще, гибель Юрия Сергеева и Ольги Ревякиной не дала возможности в том году качественно завершить геолого-съёмочные и поисковые работы - много времени заняли поиски тела Сергеева, затем долго продолжались разборки этого трагического случая.

Но общие результаты работ партии были обнадеживающими. Особое значение придавалось участку Дикий изгиб, который по инициативе его первооткрывателя Шамиля Гимадеева назвали участком "Имени Ю. Н. Сергеева", а затем просто стали звать Сергеевским. При защите сводного отчета Чалбугчанской партии, которая состоялась 27 июня 1969 года, член техсовета Пенжинской экспедиции Ананий Иванович Поздеев, выступая перед собравшимися геологами, говорил:

- Хочу обратить внимание на тот факт, что трехлетняя работа партии проходила с большими организационными трудностями в отношении руководящих кадров партии. Как известно, в первый год начальником партии был Л. М. Карпасов, ко второму году в партии не стало как Карпасова, так и других ответственных геологов, начальником стал Ю. Н. Сергеев. А к третьему году после трагической гибели Ю. Н. Сергеева почти в середине сезона был вызван Г. П. Преображенский. И тем более отрадно видеть теперь составленный сводный отчет по листу Р-58-IV - одному из первых листов этого района, подготовленному силами Пенжинской экспедиции. Авторами разработана обоснованная стратиграфическая схема, использующая все имеющиеся материалы последних лет по этой части Охотско-Чукотского пояса, выявлен ряд перспективных проявлений полезных ископаемых.

Председатель техсовета, начальник Пенжинской экспедиции М. Н. Руфанов поддержал Поздеева, сказав при этом, что рудопроявление имени Ю. Н. Сергеева представляет большой промышленный интерес (74).

Рецензировали сводный отчет Чалбугчанской партии кандидат геолого-минералогических наук С. Е. Апрельков и геологи Ю. М. Слепов и Н. П. Митрофанов. В рецензии они, в частности, писали: "Жемчужиной партии является рудопроявление золота № 23 (жила № 1) на участке им. Ю. Н. Сергеева. Установленная адуляр-кварцевая жила протяженностью 1 000 м, средней мощностью 1,5 м, с содержанием золота до 136 г/т, может быть гордостью не только сотрудников партии, но и всего Камчатского управления... Благоприятная геологическая обстановка, большое количество подобных жил на окружающей территории, широкий ореол рассеяния золота вокруг рудопроявления - все это делает район участка им. Ю. Н. Сергеева весьма реальным объектом для открытия крупного месторождения золота эпитермального типа и предопределяет постановку здесь безотлагательных поисково-разведочных работ" (75).

Безотлагательные работы на Сергеевском участке в 1969 году проводить было поздно, так как не было проекта, а следовательно, финансирования.

"Но из положения вышли - провели работы за счет средств Маметчинской партии, которой руководил Виктор Николаевич Полуниин - надежный, молчаливый человек, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Всю первую половину лета 1969 года я на Кубавееме отработал, а затем был начальником отряда у Полунина, на его территории.

Когда прилетел на Кубавеем, сразу пошел на свою первую стоянку на ручье Ухват. Помнил, что возле палатки у меня лежала куча образцов, которые там так и остались. Вот тогда я увидел, что они буквально пропитаны видимым золотом. Просто глаз тогда не был набит, и мы не видели этого. А тут я стал его находить всюду. После этого мы начали видеть золото на всей территории Сергеевского участка. В жилах оно концентрировалось там, где располагались темные участки сульфосолей серебра. Там же были мономинеральные прожилки размерами до пяти миллиметров. Были и всякие необычные формы золота, например, в виде мха с отростками высотой до 2-3 сантиметров. Одна такая золотая елочка до сих пор лежит где-то там, где стояла палатка. Я ее уронил, она откололась и потерялась.

В том году мы прошли вручную 300 кубов канав, всё опробовали, подтвердили содержания золота. В экспедиции стали создавать партию для дальнейших работ на этом участке. Я предложил назвать ее Сергеевской, но начальство не соглашалось. Ведь Сергеева считали чуть ли не преступником, из-за которого погибла Ревякина, погиб он сам. Нам даже было предложено назвать партию Сергиевской, а не Сергеевской, раз уж мы так хотели. Но мы были молодыми, настойчивыми и настояли на своем".

В 1970 году, перед началом полевого сезона в Первореченск окончательно приехала жена Шамиля Гимадеева - Людмила. Она завершила учебу в Казанском университете, получила диплом геолога и прибыла на работу. В поле Гимадеевы вылетели вместе. Шамиль - в качестве начальника партии, Людмила - геолога. С ними были студент из Ростова-на-Дону, техник-геолог Николай Галактионов, четверо проходчиков канав и взрывник Трокай. Транспорта в партии не было, взрывчатку носили на себе, шпурь бурили вручную.

"На документацию одной канавы у меня уходил целый день, - рассказывает Людмила Федоровна Гимадеева. - Но проходчики терпели и даже старались в чем-нибудь помочь. Мы тогда вскрыли все основные жилы месторождения".

"Я до сих пор живо помню каждую канаву и ее номер, - добавляет Шамиль Шарифович. - Если посмотреть с северо-запада на юго-восток, то это канавы №№ 1, 24, 3, 119, 109, 103... Горняки пахали как буйволы. Ну и мы с Людмилой не отставали, документация шла будь здоров".

В результате работ было выявлено более сорока золотоносных адуляр-кварцевых жил. Их объединили в несколько групп.

Центральная группа жил находилась в истоках реки Ухват. В эту группу были включены жилы №1, 31 и Ржавая. "Кварц в этой жиле очень обохренным был", - объяснил название жилы Шамиль Гимадеев.

Жилы этой группы залежали в туфах и андезитах. Жила №1 оказалась наиболее изученной и перспективной. Она была вскрыта 13-ю канавами через 20 - 80 метров. Ее длина составила 750 метров, а мощность от 1-2 до 4 - 6 метров. Простираение было не выдержанным. Золотая минерализация обнаруживалась визуально. Золото присутствовало в самородном состоянии в виде тонкораспыленной, иногда мелкой вкрапленности. В отдельных случаях отмечались густые скопления золота в виде пятен и гнезд размером до 2-3 сантиметров. По анализам, сделанным позже, содержание золота колебалось от первых граммов до 623,2 грамма на тонну (76).

Жила Ржавая располагалась к востоку от жилы №1. Она залежала среди андезитов и была вскрыта двумя канавами. Простираение ее субширотное, длина 200 метров, мощность 0,6-1 метр. Золото визуальное, образует мелкую вкрапленность. Содержание 71,9 г/т, серебра - 102,7 г/т (77).

Жила №31 была прослежена лишь в развалах и опробована в одной точке. Содержание золота в ней оказалось низким, не промышленным (78).

Левобережная группа жил была вскрыта на водоразделе ручья Бас. В коренном залегании были изучены и опробованы только жилы Алтынчеч (золотоволосая) и № 6. Еще несколько жил были прослежены по свалам. Мощность Алтынчеч - 0,9 метра, содержание золота в ней 25,7 г/т, серебра 149,8 г/т (79).

Участок Конек с жилой Аметистой находился на левом водоразделе верхнего течения реки Ухват. Мощность жилы - 4 метра, длина 280 метров, содержания золота высокие (80).

Восточная группа жил вскрывалась на водоразделе ручья Шумного и реки Ухват. Золотоносность жил оказалась убогой (81).

Западная группа жил вскрылась в верхнем течении реки Ухват. Там было 5 жил.

Юго-западная группа жил была на водоразделе рек Ухват и Мурка. Это были четыре жилы - Хлоритовая, 2, 34, 36.

Северо-Восточная группа жил вскрыта в верхнем течении ручья Шумного. Там оказались жилы Шумная, 25 и 26. (82).

Несмотря на такой объем работ и полученную в их результате геологическую информацию, выводы геологи Гимадеевы сделали следующие: "Изученность жил остается слабой. Большинство из них вскрыты единичными канавами. В связи с этим целесообразность дальнейших поисковых и поисково-разведочных работ очевидна. Об этом свидетельствуют также значительные параметры рудных тел и высокие содержания металла, причем в семи жилах (общей протяженностью 3800 м) обнаружена видимая минерализация" (83).

"Самой красивой была жила Аметистовая, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Аметист в ней был очень яркий, сочный. Благодаря ему мы очень много тогда летали внутри участка. Каждый экипаж вертолета, прилетая к нам, не мог не соблазниться этой красотой и не попросить у нас образцы. Я говорил: "Везете нас туда-то, выбрасываете людей, а затем садимся на Аметистовой, и вы выберете себе несколько камней".

Ближе к концу лета на Сергеевку прибыл главный геолог Камчатского территориального геологического управления Тихон Васильевич Тарасенко. "Он дал нам указание, чтобы мы подготовили 10 - 12 комплектов типов руд, - вспоминает этот визит Людмила Федоровна Гимадеева. - Мы замучились их готовить. Ведь надо было подбирать разные типы, ровненько колоть образцы молотком. Потом эти коллекции были отправлены в Москву и Ленинград. А Тарасенко, видя наш энтузиазм, наше старание, любовь к месторождению, решил сделать нам приятное - послал меня после полевого сезона на курсы повышения квалификации в Москву. Только после университета, и сразу - на курсы. Это было в чистом виде поощрение".

Но закончился тот результативный, насыщенный работой полевой сезон чрезвычайной ситуацией. Зима упала ранняя, снежная, морозная, с пургами. Авиация не летала, продукты в партиях заканчивались, геологи голодали. В конце октября из базы поискового отряда Верхне-Уннэйваямской геолого-съёмочной партии вышли на базу этой партии начальник отряда Юрий Михайлович Резник, геолог Алимфа Кузьминична Зайцева и техник-геолог Гавриил Григорьевич Прокопьев. В пути их застала пурга, они заплутали и замерзли. Это было чрезвычайным происшествием для всей Олюторской геологоразведочной экспедиции (с 1970 по 1975 годы Пенжинская экспедиция в ранге группы партий входила в состав Олюторской экспедиции с базой в Корфе). После этого происшествия геологам был передан по рации строгий приказ не покидать свои базы и стойко ждать летной погоды.

"А мы тогда 40 дней питались одним горохом. Причем не было жиров, готовили без них, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Сидели в палатках, занимались только заготовкой дров, а затем топили печи. Светового времени уже оставалось по 4 часа, поэтому только и успевали,

что заготовить дрова. И вдруг - вертолет. Командир кричит: "Начальник, бросай все, вас надо срочно вывозить в Аянку. Окно выдалось, мы прилетели, поэтому надо быстро". А как же все бросишь? А спецчасть, рация, полевые материалы? В спешке начали собираться. Тогда я и потерял "золотую елочку". Снимал рацию, образец с ней упал, и веточка отломилась. В спешке не нашел. Так и лежит где-то там, где стояла палатка".

"Вывезли нас в Аянку, - продолжает рассказ мужа Людмила Федоровна Гимадеева. - Нашли мы председателя оленеводческого совхоза, он дал нам ключи от какого-то дома, и мы там жили, пока нас окончательно не вывезли в Первореченск. Так закончился тот полевой сезон".

Из-за гибели Ю. М. Резника и его товарищей, не получился у Сергеевской партии следующий полевой сезон. Гимадеева послали в Верхне-Уннэиваямскую партию доделывать работу Резника. Затем по этим работам писали отчет. Поэтому 1971 год был не рабочим для Сергеевки. А на следующий, 1972 год туда вылетела уже большая партия для постановки поисково-разведочной стадии работ.

Начальником Сергеевской партии назначили Георгия Поликарповича Шипицына. Он приехал на работу в Первореченск в январе 1971 года из Слюдянки Иркутской области, где отработывал свои 3 года, положенные молодому специалисту. В Первореченске его назначили сначала техником-геологом Тылхойской партии, а затем ее начальником. И вот в апреле 1972 года перевели на работу начальником Сергеевской ГРП. Шамиль Гимадеев был начальником поискового отряда, геологами партии - Людмила Федоровна Гимадеева, Николай Федорович Макаренко и Нелли Михайловна Шипицына, старшим техником-геологом - Виталий Пантелеймонович Березкин. Кроме того, с ними были радист Аркадий Никодимович Кузнецов и 25 человек рабочих, среди которых известный уже тогда на севере Камчатки проходчик канав и шурфов Николай Иванович Бобряшов.

Сначала к месту работ вылетели на самолете Ан-2 Николай Федорович Макаренко и несколько рабочих. Они привезли продукты и снаряжение, взрывчатые материалы, разбили лагерь на берегу Ухвата, начали строительство временного склада ВМ. После этого на Сергеевку прилетели остальные.

В задачи партии входило изучение основных рудоносных кварц-адуляровых жил, чтобы обосновать в будущем постановку здесь предварительной разведки. Для этого был запроектирован большой объем поверхностных горных выработок - 15 000 кубических метров.

В июле партию посетили главный геолог Камчатского геологического управления Т. В. Тарасенко и главный геолог Олюторской экспедиции Ю. П. Рожков. Они детально ознакомились с месторождением, обошли много канав и затем внесли коррективы в направление работ, что повышало их эффективность и должно было ускорить получение необходимых результатов.

После их отлета в партию прилетели научные сотрудники ЦНИГРИ во главе с Юрием Щепотьевым. Они тоже осмотрели месторождение и увезли с собой на минералогические исследования образцы руд из различных жил.

О Сергеевском месторождении заговорили. В августе в Якутске состоялось выездное совещание коллегии Мингео СССР во главе с министром, на котором докладывали и о Сергеевке. Выслушав докладчиков и посмотрев образцы руд, министр тут же дал указание выделить на этот объект дополнительные ассигнования на завершение посковой разведки и начало предварительной.

"Деньги поступили в экспедицию осенью, в конце сезона, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Начальство дает нам радиogramму, чтобы мы бросили все силы для освоения дополнительных объемов проходки канав. А какая проходка, если уже снег ложится? И тут мы решили продолжить проходку зимой. Такого опыта на Камчатке еще не было, горняки к предложению отнеслись скептически, стали отказываться. "Не получится, - говорили они, - рукавицы заледенеют, лопата и лом будут крутиться, скользить". Но я решил попробовать, стал их уговаривать. Согласились только несколько человек - Виктор Голиков, Бобряшов, Юра Арапов, Хаджимурат Машуков, Кудряшов... Первый месяц я с вместе с ними пропадал на канавах, подбадривал, подсказывал. При этом дал им возможность заработать. Они поняли, что зимой тоже можно работать и зарабатывать. К тому же ввели зимний коэффициент 1,25. И дело пошло. Они мне кричат: "Начальник, вот так! Курить некогда - холодно, а потому знай - работай!"

Дополнительно привезли нам из Первореченска 20 солдат, которых мы тоже бросили на канавы. Трудно было лишь документировать и опробовать, но и здесь мы приноровились. Сделали себе под размер рюкзаков ящики с ячейками, заранее писали номера проб, клали этикетки в ячейки, а на канаве только опускали пробы туда, чтобы не мучиться с мешочками. А документацию вели на магнитофон "Легенда" - у него встроенный микрофон был, как у современных диктофонов. В камералке, в тепле, это все обрабатывали".

В отчете по этим работам Г. П. Шипицын и Ш. Ш. Гимадеев писали: "Значительно расширены перспективы рудного поля. Список золотоносных адуляр-кварцевых жил достиг 84. Из них жилы № 1 и Ржавая изучены с поверхности с детальностью, достаточной для обоснования предварительной разведки жил на глубину. Прогнозные запасы золота и серебра по этим жилам составляет 209 тонн и 760 тонн соответственно. К числу высокоперспективных рудных тел, на которых необходима постановка поисково-разведочных работ, относятся жила № 5, Аметистовая, жилы участков Алтынчеч и Ревякинского...

Глубина распространения оруденения на основании приведенных сведений и аналогии Сергеевского месторождения с Карамкенским и другими месторождениями Союза ССР ожидается в пределах 300 - 500 метров. Исходя из значительной протяженности рудных тел по простиранию (до 1 500 - 1 600 метров) и падению, и сравнительно высокого коэффициента рудоносности, рекомендуется вскрыть месторождение горными выработками через 100 метров на одном-двух эксплуатационных горизонтах и буровыми скважинами

через 200 метров по простиранию и 100 метров по падению. Рельеф местности и условия залегания жилы № 1 позволяют вскрыть ее непосредственно по простиранию. Для вскрытия жилы Ржавой, на втором эксплуатационном горизонте (+800 м) необходима проходка подходной штольни длиной 150 метров" (84).

КОНЕЦ КАНАВНОГО ПЕРИОДА

В то время, когда сергеевцы бились на морозе, в снегах, проходя и документируя канавы, немногим южнее их, в Хаилино, шла разведка угольного месторождения. Уголь понадобился срочно, чтобы обеспечить им оставшиеся на зиму без достаточного количества топлива окрестные поселки. Руководил работами геолог Виктор Павлович Романов.

На Камчатке он работал с 1966 года, когда, будучи еще студентом-дипломником Ленинградского горного института, проходил практику в Бельской партии Пенжинской экспедиции. Начальником партии был Герман Константинович Мазурин. С января 1967 года Виктор Романов уже работал геологом на Оганчинском золоторудном месторождении, где прошел большую школу поисковых и разведочных работ, в том числе подземных. В 1969 году он перевелся в Олюторскую партию, которая вела разведку ртути. Здесь он тоже хлебнул школы, документируя забои штольни и организуя разведку. Когда в Хаилино потребовалось сделать срочную и ответственную работу, то сразу вспомнили о Романове.

Он вообще отличался жесткостью и умением организовать дело. При этом авторитетов для него практически не существовало, он не останавливался ни перед чем. На Оганче, например, он вместе со своим товарищем - геологом Василием Морозовым, написал и отправил письмо начальнику управления Никольскому, в котором кратко, но понятно изложил свои взгляды на происходящее. "Херня это все, а не разведка Оганчинского месторождения, - писали молодые геологи. - С бардаком пора кончать...". А дальше кратко излагали свои предложения. На Оганчу прилетело начальство, стало смотреть, вникать, поправлять ход работ.

В Олюторской партии Виктор Романов тоже "отличился". Когда в бухту Сомнения, недалеко от которой партия вела работы, прибыл теплоход с грузом, Романова назначили ответственным за разгрузку. Помимо всего прочего теплоход привез взрывчатку, которую и взялись первым делом снимать на берег и вывозить на склад партии. В это время прилетел вертолет с двумя проверяющими технику безопасности из управления. Они тут же накинулись на Романова:

- Почему загружаете тракторные сани сверх нормы? Где предупреждающие знаки на тракторах, красные флажки? Где предохранительная обшивка на тракторах? Вы что себе позволяете?

Романов сначала разводил руками. Было необычно слышать здесь, на краю тундры, вдали от жилья прописные истины, годящиеся для цивилизованных мест. Проверяющие как будто бы

не понимали, где находятся. А разгрузку надо было делать быстро, иначе теплоход выставил бы счет за простой. Не начинать же обшивать трактора огнебезопасным покрытием, изготавливать флажки и так далее? Проверяющие мешали работе, начали людей раздражать. И тут Виктор Павлович заметил, что они оба курят, находясь в непосредственной близости от мешков с взрывчаткой.

- Почему вы курите, дорогие товарищи? - грозно спросил он. А затем буквально рявкнул: - А ну, марш отсюда! Вон трактор, садитесь в кабину и поезжайте на базу партии. Не толкайтесь под ногами! Не мешайте разгрузке!

Проверяющих как ветром с берега сдуло. И даже разборок с Романовым они не затеяли.

И вот этот самый Виктор Павлович Романов руководил теперь угольной разведкой в Хаилино. Да еще так руководил, что партия была занесена на доску почета управления. А в это время в самом управлении решался вопрос с Сергеевским месторождением. С 1973 года на нем нужно было приступить к предварительной разведке, поэтому партия нуждалась в укреплении опытными разведчиками - как геологами и "технарями", так и руководителями.

Начальник партии Шипицын был поисковиком, хорошим геологом, знал геологию месторождения, поэтому его перевели в старшие геологи партии. Теперь думали, кого поставить вместо него начальником партии. Предлагалось несколько кандидатур, но ни с одной не согласился начальник управления Вадим Михайлович Никольский. И тут прозвучала фамилия Романова. Никольский сразу вспомнил и записку с Оганчи, и доску почета. И утвердительно хлопнул ладонью по столу:

- Романов!

Виктора Павловича вызвали в Петропавловск, где он прошел процедуру утверждения на должность в обкоме партии. После этого, уже в декабре 1972 года, вылетел в Первореченск, на базу Пенжинской группы партий.

В это время в Корфе уже второй месяц жил геолог Вениамин Зайцев, направленный в Олюторскую экспедицию для работы на Сергеевке. Он в 1970 году окончил тот же, что и Романов, Ленинградский горный институт, отслужил два года командиром взвода на зенитном комплексе и, демобилизовавшись, попросился на Камчатку. В управлении ему предложили Сергеевку. Правда, предупредили, что это очень далеко на север и очень холодно. Но именно эти слова все и решили: Вениамин тут же согласился.

И вот он жил в Корфе, изучал отчеты по Сергеевскому месторождению, готовился к вылету на объект. Сразу после новогодних праздников, 2 января 1973 года, на вертолете Ми-4 он полетел в Первореченск.

Через несколько дней Зайцев и Романов уже вылетали в Сергеевскую партию. "День был очень морозный, - рассказывает Вениамин Петрович Зайцев. - Летели, а я все смотрел в окно - настолько красивые там места. Особенно, когда перелетаешь через Ичигемский хребет и начинаются лиственничники. Мороз был градусов за 45, все было в дымке. База

партии была небольшой: несколько палаток и два маленьких домика. Все это утопало в глубоком снегу. Мы приземлились на расчищенной площадке. Этим же вертолетом улетал в Первореченск Шамиль Шарифович Гимадеев, который все последнее время руководил здесь работами и занимался геологией. Он летел писать проект на поисково-оценочные работы в окрестностях месторождения. Вертолет улетел, а мы остались. Так для меня началась Сергеевка, и вообще геологическая работа на Камчатке".

В тот же день прилетевшие новый начальник и геолог партии провели с рабочими небольшое собрание. Романов рассказал им о предстоящей разведке, о том, чем она отличается от предыдущих работ. Те, первые канавщики Сергеевки, потом еще долго работали на камчатском севере. Практически нет геолога бывших Северо-Камчатской и Пенжинской экспедиций, который не знал бы Виктора Голикова, Николая Ивановича Бобряшова, Николая Владимировича Кудряшова, Алексея Егоровича Анохина, Хаджимурата Батербековича Машукова, Тулкуна Рахимова, Михаила Ивановича Татаренко. Именно они составляли первую рабочую гвардию Сергеевки. Здесь же был известный на севере радист Аркадий Никодимович Кузнецов.

"Вскоре Романов вернулся на Первую речку заниматься организацией снабжения партии, подготовкой к проходке штольни, а я остался на Сергеевке, - продолжает Вениамин Зайцев. - Партия должна была резко разворачивать разведочные работы, хлопот было много, а на меня ложилась вся полевая часть геологии. Канавщики работали несколькими спарками, проходка шла быстро, я еле успевал справляться с документацией и опробованием готовых канав. В это время мы изучали с поверхности юго-восточное окончание самой продуктивной жилы № 1".

"Зарезка первой штольни должна была по плану начаться осенью, а мы решили делать ее весной. Январь, февраль и март я готовил эти работы, - вспоминает Виктор Павлович Романов. - Кроме того, сразу решил, что надо строить базу партии. Не прозябать как попало в палатках, а строить нормальные домики. Тем более что лес был. Для этого сразу же оформил лесобилет, мне выделили лесосеку. В окрестных совхозах нашел две пилорамы, забросил их на Сергеевку. Сами рабочие просили, чтобы быт был устроен. Манилы и Первореченск были у них как кость в горле - пьянки, неустроенность. Они оттуда возвращались в Сергеевку, как в дом родной. Отходили морально и физически и принимались за работу. Поэтому рады были вообще не вылетать, лишь бы были нормальное жилье, нормальный быт. К тому же в партии я сразу объявил сухой закон".

В конце марта и начале апреля 1973 года в партию прибыли молодые специалисты - выпускники Осинниковского горного техникума техники-геологи Виктор Ильич Харлов, Виктор Георгиевич Сухарев, Фаина Григорьевна Шадрина. Из Благовещенска после окончания техникума приехала техник-геолог Людмила Павловна Белова. Это была большая помощь Вениамину Зайцеву и Николаю Федоровичу Макаренко, которые вдвоем тащили всю геологическую работу. Тем более это было вовремя, что в партии шла подготовка к бурению и проходке штольни.

Для организации бурения из Корфа прислали горного инженера, бурового мастера Виктора Борисовича Уварова и опытного технического руководителя буровых и горных работ партии Евгения Герасимовича Сахно, который до этого несколько лет был начальником Олюторской ГРП и согласился по просьбе Романова заняться на Сергеевке организацией "тяжелых" геологоразведочных работ. Чуть позже в партию прилетел горный мастер Александр Антонович Сальмин. Одним словом, Сергеевка насыщалась специалистами. В ее истории заканчивался первопроходческий, канавный период.

СКОРОСТНАЯ ПРОХОДКА

В конце апреля, когда относительно потеплело, решили начать врезку первой штольни (правда, номер у нее был 2) по жиле № 1 на горизонте +796 м. Работы проводили вручную, руководили ими горный мастер А. А. Сальмин и техрук Е. Г. Сахно. Одновременно начали строить возле устья штольни здание электростанции и компрессорной. Сразу понадобилось очень много различных материалов и горнопроходческой техники, но все это было или в Первореченске, или в Корфе.

"В экспедиции не очень верили, что мы и к осени зарежем штольню, поэтому мы специально сделали это пораньше, поставили всех перед фактом, - рассказывает Виктор Павлович Романов. - Уже после этого я заказал вертолет Ми-6 для перевозки всех накопившихся для нас грузов. Главное - требовалось из Корфа притащить на подвеске бульдозер. Вертолет заказали в Хабаровске. Вскоре он пришел на Камчатку и начал работать у нас. Он очень много сделал. Жаль, что потом отрубил себе хвост, и мы не могли больше прибегать к его помощи. Был сильный ветер, у него ночью винты со стропов сорвало, они раскрутились и отрубили хвост. Потом его восстановили, стали перегонять в Хабаровск, но где-то в районе Шантарских островов на борту вспыхнул пожар, летчики посадили его, но больше к нему никто не подходил".

"У нас были две посадочные полосы для самолетов Ан-2 - зимняя и летняя, - в свою очередь рассказывает Вениамин Петрович Зайцев. - Кроме того, летали вертолеты Ми-8, а потом еще заказали огромный Ми-6. Грузы и люди шли в партию сплошным потоком. К лету количество людей увеличилось до 500 человек. Пока еще не сошел снег, палатки ставили прямо на него - некогда было особо разгребать. Обживались на ходу. Разворот работ начался сумасшедший".

В мае на Сергеевку прибыл проходчик Анатолий Алексеевич Дворяк. Это легендарная на Камчатке личность. Родился он в Москве в 1934 году. Работал в Якутии. Затем приехал на Камчатку, в Мильково. Именно он начинал горные работы на первом камчатском золоторудном месторождении - Оганчинском. Сначала работал на шурфах, затем стал осваивать подземную проходку. И на шурфах, и на штольнях показывал рекордные проходки вручную, так как физически был очень сильным человеком. На Оганче они и познакомились с Виктором Павловичем Романовым. После этого вместе работали в

Олюторской партии, где Анатолий Дворяк опять же проходил штольни. На Сергеевку его позвал Романов и поручил проходку следующей штольни - № 5, которая была подходной к жиле Ржавой. В конце мая бригада Дворяка начала ее врезку.

Тем временем в партии шла подготовка и к буровым работам. "Буровую мачту сделали из листовницы, треногой, - рассказывает Вениамин Зайцев. - Всем занимался Уваров. Его энергичностью и опытом бурение было начато уже в конце лета".

"Мы слышали, что в одной из якутских экспедиций проводится опытное бурение с пневмоударниками, - об этом же вспоминает В. П. Романов. - Созвонились с ними. У нас был молодой, но хваткий, серьезный бурильщик Александр Васильевич Евдокимов. Послали его в командировку. Он повез письмо с просьбой, чтобы научили его работе с пневмоударником и реализовали нам один в порядке обмена опытом. Кроме того, мы наказали ему, чтобы сам попросил у буровиков пневмоударник - за бутылку взял или еще как-то. И он привез нам два пневмоударника. И мы начали ими бурить, избавились от промывочной жидкости. Это был сильнейший прорыв и по объемам, и по качеству бурения. Но это было позже, в 1974 году, а в начале лета 1973 года нас, в основном, волновала проходка штолен. Проходили вручную, медленно. Нас за это все корили. Нужно было переломить ситуацию, начать настоящую проходку. А потому вскоре Дворяка и Сахно отправили в командировку в Магадан, на месторождение Дукат, чтобы посмотрели на скоростную проходку подземных горных выработок. Там был знаменитый проходчик Миллер, и наш Дворяк поработал у него несколько смен. Вообще, Анатолий Дворяк - уникальный человек. В нем была какая-то исключительная хозяйственность. Кроме того, он был находчивым, умелым, все что-то выдумывал, рационализировал, покоя нам не давал. Когда они с Сахно вернулись с Дуката, стали и мы готовиться к организации скоростной проходки".

Чтобы реализовать задумку, нужно было собрать нужное количество материалов, иначе их отсутствие могло вновь вызвать привычный простой. Копили рельсы, взрывчатку, солянку, буровые наконечники, крепежный лес и все прочее.

"Нужно было еще и убедить проходчиков сделать это, - говорит Шамиль Шарифович Гимадеев. - Тогда зарплату как платили? Триста рублей прямо, и все, больше нельзя. Все, что они проходили бы выше нормы выработки по оплате труда, стоило бы им копейки. А работы много. Поэтому мы их буквально уговаривали пойти на скоростную проходку. Для престижа партии, для будущего разворота работ, для финансирования и снабжения работ. Позарез нужен был рекорд, который надо было зафиксировать. И мы объявили о нем заранее, стали накапливать материалы. Накопили где-то на 20 дней. И решили начать, потому что остальное накопилось бы позже, в процессе, ведь завоз продолжался. Все геологи пообещали проходчикам, что, в случае чего, помогут катать вагонки, а их задача - двигать забой.

И рванули. Прошли за месяц 240 метров. Это был рекорд Камчатской области. Об этом писали газеты. К нам сразу поменялось отношение".

Через год бригадир проходчиков Анатолий Алексеевич Дворяк за проходку штолен на Сергеевском месторождении получил орден Трудового Красного Знамени. Такой же орден получил Шамиль Шарифович Гимадеев за открытие Сергеевского месторождения.

ПОСЕЛОК УХВАТ, ОН ЖЕ СЕВЕРО-КАМЧАТСК

Геолог Людмила Безрукова окончила Иркутский политехнический институт и в первых числах августа 1973 года прилетела по распределению в Петропавловск-Камчатский. Молодых специалистов тогда отправляли, в основном, на два главных объекта управления - в Сергеевскую и Агинскую партии. Людмилу направили в Сергеевскую.

"В Сергеевке меня встретил на вертолетной площадке старший геолог Георгий Поликарпович Шипицын, - делится воспоминаниями Людмила Александровна. - Он был, мне кажется, рад, что в партию приехал еще один специалист. Я оказалась в партии как раз в то время, когда она уже стала разведочной. Начальник партии Виктор Павлович Романов все время находился между штольнями и посадочной площадкой, потому что постоянно прибывали вертолеты, везли горючее. Он очень деятельно проводил время и, по-моему, даже не спал тогда, потому что за короткий срок началась проходка двух штолен - одной и второй. И постоянно не хватало ГСМ, чтобы проходка шла без перебоев. Все лето держались только на вертолетном подвозе, а уж зимой горючее по зимнику тракторами повезли.

Я в свой первый летне-осенний период помаршрутила, познакомилась с участком, месторождением. Георгий Поликарпович правильно сделал, посылая меня в маршруты. Он понимал, что без обзорности трудно будет. И, потом, он человек в житейском плане понятливый, а потому постарался запихнуть меня на документацию штольни. Я сопротивлялась, потому что еще не понимала, что если не в штольню, то - на канавы, а там холодно. А бурения тогда практически не было, шли муки творчества. И поставили меня на документацию штольни № 5, которая шла по жиле Ржавой.

В поселке тогда уже несколько домиков стояло. Их так и называли - домики. В одном жили канавщики. Другой построил кто-то семейный. И был еще домик, в котором жили комендант партии Йозис Гурскис и Георгий Поликарпович Шипицын. Остальные прозябали в палатках. Зимой в них было холодно, но мы основное время проводили в камералке. Это была десятиместная палатка с печкой. А в феврале 1974 года пришел балок, который поставили под камералку, и нам совсем хорошо стало, потому что можно было поставить микроскоп без боязни, что он ночью замерзнет и лопнут линзы".

Лето 1973 года Шамиль Гимадеев со своим поисковым отрядом работал за рамками Сергеевского месторождения - в междуречье Кубавеема и Пенжины. Работы велись по Чехминскому проекту с целью расширения площади месторождения. Основное внимание было уделено Ревякинскому участку, названному так в честь погибшей Ольги Ревякиной. Вместе с Гимадеевым в работах принимали участие многие геологи Сергеевской партии -

Людмила Гимадеева, Т. Полоротова, Виктор Сухарев, С. Куникив, горный мастер Валентин Плюснин. Практически вместе с отрядом Гимадеева работали геологи Кубавеевской партии Ярослава Александровича Семенова, проводившей групповую геологическую съемку масштаба 1:50 000. Практически здесь же работали геофизики ГФЭ КТГУ под руководством Г. В. Лацинского, проводившие магнитометрию и электропрофилеирование. Одним словом, на самой Сергеевке и вокруг нее начались активные работы, похожие на ажиотаж. Ведь даже с воздуха шли исследования территории - вертолеты с геофизическими приборами облетывали площадь, производя магниторазведку и гамма-спектрометрию.

В результате всех работ вокруг Сергеевки список жил увеличился до 120, участок Ревякинский перешел в разряд перспективных.

В сентябре в партию приехала новый геолог Нина Парфеновна Зайцева, окончившая Ленинградский горный институт. Приехал горный инженер Геннадий Петрович Белодед, которого поставили горным мастером на подземку. С ростом численности сотрудников рос и поселок. Работали лесосека и пилорама. Леса хватало и для крепежных стоек, и для строительства, и на дрова. Желающие начали строить себе домики.

С наступлением зимы поисковые работы гимадеевского отряда не прекратились. Сергеевцы уже имели опыт зимней проходки канав, поэтому снега их не остановили. На штольнях продолжались скоростные проходки. Работа кипела всюду. Начальник партии Виктор Павлович Романов умел четко организовать дело. Он рассказывает:

"У нас был сухой закон. А праздники проводили организованно. Но, учитывая пристрастие большинства контингента к выпивке, я в праздничные дни не выпивал, дежурил, следил. В этом у меня была строгость. Как и в технологии, графике работ. Нарушений я не спускал. Вообще, старался сбалансированно подходить к кадровому вопросу. С одной стороны, проявлял к людям, их быту внимание, а с другой стороны, спрашивал за дисциплину и работу. Для проходчиков построили баню, душевые, раздевалки теплые. Построили столовую, в которой работали классные повара. У Ольги Бауман получались замечательные пирожки, у Валентины Ивановны Ульяновой вообще все получалось. Причем всего было до отвала, сколько хочешь. Желающим давали лес для строительства своих домиков, помогали распиливать на плахи, доски, делать оконные и дверные блоки. Соколов, Дворяк, Белоусов - эти первыми себе дома поставили".

В одном из личных дел, хранящихся в отделе кадров Северо-Камчатской экспедиции, читаю: "Приказ по Сергеевской ГРП № 30-к от 16 марта 1974 года, пос. Ухват. В результате устроенной 4 марта с. г. пьянки Сальминым А. А., взрывником Долгих В., рабочим Гурскис И. М., трактористом Солодовниковым Н. на участке подземных работ смены мастеров Гришатов В. В. и Сальмина А. А. были оставлены без технического надзора, результатом чего явилось практически полная бездеятельность на зарезке штольни № 3 и проходке штольни № 2. Приказываю...".

Этот приказ, кстати, не только иллюстрирует нравы некоторых сергеевцев и строгость

начальника, но и информирует, что база партии уже в то время носила собственное имя - поселок Ухват. На карте Камчатской области до последнего времени значился населенный пункт Северо-Камчатск. Это и был поселок, в котором жили разведчики Сергеевского месторождения. Как видим, сначала он назывался Ухватом, по ручью, на котором стоял. Затем, когда поселок разросся, в нем появилась даже школа, встал вопрос об официальном наименовании.

"Я стал думать, как его назвать, - вспоминает Романов. - Позвал на помощь местных женщин - у нас работали несколько, спросил: как по-корякски можно назвать геолога, человека, работающего с землей, с недрами. Они назвали слово "малгитанин". Я его обрезал, и получилось название Малгитан. Так и отправил в Палану. Некоторое время спустя мне звонят: "Ваше название задробили, потому что дошло до Москвы, а там это слово расшифровали, как "колонизатор". Мы предлагаем назвать Пенжинском". Я ответил, что подумаю. Подумал и решил назвать Северо-Камчатском. Дал об этом телеграмму. В Москву ушли два варианта: Пенжинск и Северо-Камчатск. Утвердили Северо-Камчатск. Правда, статус поселка наша база получила уже без меня, в конце 1985 года".

ЗДЕСЬ БРОДИЛА МОЛОДОСТЬ...

В июле 1974 года в Сергеевской ГРП ввели новую должность - главный геолог партии. Первым главным геологом назначили Арчила Григорьевича Малтизова, только что приехавшего с Сахалина. Это был уже опытный геолог, окончивший в 1955 году Северо-Кавказский горно-металлургический институт, успевший поработать на разведке нескольких месторождений, имевший ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. Правда, он больше был россыпником, нежели рудником, но общий опыт говорил за себя. Георгий Поликарпович Шипицын оставался старшим геологом партии.

Буквально в эти же июльские дни прилетел в партию студент-практикант Московского геологоразведочного института Виктор Хворостов. Он рассказывает: "На Камчатку мы прилетели вместе с женой Любой. Она поехала на Агинское месторождение с группой из ЦНИГРИ, а я, чтобы не дублировать дипломный проект, выбрал Сергеевку. Когда прилетел в Корф, мне предложили поработать в съемочной партии, но я настаивал на Сергеевке. Дело в том, что у нас в институте и специализация разведочная была, и на предыдущих практиках я именно металлами занимался, поэтому хотел на разведку. Тогда же состоялась моя первая встреча с Юрием Павловичем Рожковым, он был главным геологом экспедиции. До института я окончил техникум, успел поработать старшим техником-геологом, но он, когда я пришел представляться и проситься на Сергеевку, ответил мне: "Пойдешь геолрабочим". Я начал возражать, но он как-то так холодно к этому отнесся... Так я и числился геолрабочим, хотя фактически вел документацию на буровых, на штольне, занимался геологией даек, то есть исполнял чисто геологическую работу".

В июле начали свою работу на севере Камчатки Валерий Тимербулатович Вильданов и

Виталий Анатольевич Кошелев, которые потом пройдут здесь большой трудовой путь: первый - до начальника Северо-Камчатской экспедиции, второй - до заместителя генерального директора ЗАО "Корякгеолдобыча". А тогда они устроились горнорабочими на Сергеевке, хотя оба имели за плечами Октябрьский нефтяной техникум и службу в армии, были по профессии техниками-геофизиками.

1 августа в Сергеевскую партию прибыл переводом из Ростова-на-Дону буровой мастер Сергей Павлович Рожков - родной, младший брат Юрия Павловича Рожкова. 29 августа прилетела выпускница Казахского политехнического института маркшейдер Татьяна Смахина (теперь она Ворогушина). 4 сентября прибыла после окончания Ленинградского горного института геолог Любовь Кравченко. Через несколько дней прилетел выпускник Ростовского государственного университета геолог Сергей Зайцев. Еще через несколько дней прибыл выпускник Томского политехнического института горный инженер Валерий Виноградов. 24 сентября прибыл молодой лейтенант, отслуживший срочную, а до этого окончивший Пермский госуниверситет, геолог Владимир Мелкомуков - будущий первооткрыватель камчатской платины. В октябре поступил на работу в Сергеевскую партию Александр Дьяченко - будущий знаменитый промывальщик и радиооператор Севера Камчатки. В ноябре прилетела выпускница Ростовского университета геолог Ирина Зайцева - жена Сергея Зайцева. Таким образом, Сергеевка буквально зазвенела молодыми голосами. Жизнь здесь забурлила ключом. Если добавить, что до вновь прибывших здесь уже было много молодежи, то смело можно утверждать: Сергеевская партия в те годы стала кузницей специалистов камчатской геологии и Камчатки вообще. Теперь эти вышеперечисленные люди в большинстве своем стали известными на Камчатке и за ее пределами, добились значительных успехов в своей геологической деятельности, и не только в ней.

А тогда они были еще робкими, начинающими, местная жизнь была им в диковинку.

"Когда я прилетела из Петропавловска в Корф, в экспедицию, он произвел на меня ужасное впечатление, - рассказывает Любовь Ивановна Кравченко. - Казалось, что дома стоят хаотично, ведь улиц как таковых тогда не было, я все время путалась. Ветер, деревьев нет, непривычно. А вода... О, это было самое ужасное. Поселили меня в знаменитый "Рейхстаг", а там комнатки, как клетки, маленькие. В коридорах темнота, и прямо в коридоре колодец, из которого надо доставать эту противную, соленую воду..."

Рассказ подхватывает Татьяна Ивановна Ворогушина: "У меня тоже удручающие воспоминания от первой встречи с Корфом. Когда пришла в экспедицию, мне в приемной секретарь говорит: "Нам маркшейдер не нужен". Я обрадовалась: "Тогда дайте мне открепление". Она: "Надо по этому вопросу с начальником встретиться". Но когда я зашла к Рожкову, представилась, он так обрадовался, что я именно маркшейдер".

Л. И. Кравченко: "Когда я пришла в здание экспедиции, первым, кто встретился, был Виктор Петрович Хворостов. Он еще был практикантом, вылетел с Сергеевки. "О, - говорит он, - молодая специалистка! Сейчас в Сергеевку отправят, а там сразу замуж возьмут". Я отвечаю: "Нет, замуж не выйду, тебя подожду". Он отвечает: "К сожалению, я уже женат".

Следующая встреча - с начальником отдела кадров Григорием Петровичем Шкарупой. Тот сразу набросился на меня: "Нам геологи уже не нужны. О чем там, в Петропавловске, думают? Возвращайтесь назад! Я дам Вам открепительный талон, и возвращайтесь". Я уперлась: "Не поеду". Он пошел к главному геологу Леониду Леонидовичу Ляшенко. Тот меня вызвал, говорит: "Есть место в Сергеевке старшим техником-геологом..."

Т. И. Ворогушина: "В Сергеевской уже проходили штольни, поэтому мое назначение как маркшейдера было predetermined. Люди говорят: "В Сергеевке ничего нет, все покупайте здесь - от ниток и иголок".

Л. И. Кравченко: "И мне также говорили. Я пошла в магазины. После Ленинграда они мне буквально пустыми показались. Собственно, так и было. Потом посадили в вертолет. Полетела я в Сергеевку. Под вертолетом красотища!"

Т. И. Ворогушина: "Я летела на "Аннушке" с геофизиками. В полете меня укачало. Когда прилетели, смотрю: никакого поселка нет. А он был дальше, от полосы не видно. Под ногами грязь. А я в сапожках..."

Л. И. Кравченко: "Я прилетела 4 сентября. Виктор Павлович Романов таким строгим, суровым мужчиной показался. Поселил меня в палатке, где жила Люда Безрукова. Палатка была неутепленной, холодно".

Т. И. Ворогушина: "Меня тоже в палатке поселили. Но она была теплой. Там жили муж с женой, улетели в отпуск, вот меня и поселили. Я с геологией не сталкивалась, готовилась на рудниках, шахтах работать, поэтому к полевым условиям пришлось долго привыкать. Особенно мучила печка, точнее - дрова. Виктор Павлович говорит: "Дрова там-то будете брать, топить". "А как топить? Я не умею". Он: "Значит, истопника ищите. Или замуж выходите". Вот так.

До меня маркшейдера в партии не было, занимался этим горный мастер Сальмин. Он мне сразу: "Приходи на штольню, я тебе все покажу, сдам все дела". Я пошла, в чем была. Ведь думала, здесь, как на шахтах: раздевалка, дадут спецодежду. А он дал мне только каску и фонарь. Заходим в штольню, а там холод, как зимой на улице. Пока мы с ним гнали контрольный теодолитный ход, я вся измозлилась, зуб на зуб не попадал. Он, видя такое дело, говорит: "Ладно, закончим пока. А в следующий раз ты тепло одевайся". В другой раз я уже была одета как надо. Но зато у него было дурное настроение. Он быстренько мне все отдал и - разбирайся, как знаешь. Что делать, стала разбираться. И сразу стала требовать от проходчиков уклон полотна, прочие параметры штольни, как учили в институте. Они не привычные к этому были, ругались. Среди ночи меня поднимали: иди, замеряй. Я шла, замеряла, принимала. Они поняли: раз встаю, иду ночью, значит, требую правильно, надо выполнять. Тогда уже нашли общий язык. В штольне многое надо было исправлять, но Сальмин мне доказывал: выработка геологоразведочная, временная, ее после проходки все равно бросят, поэтому ничего исправлять не надо. Но я вела дела добросовестно".

Л. И. Кравченко: "Спальники выдавали только бывшие в употреблении, поэтому я не стала брать, еще в Корфе купила одеяло, накрывалась им. Оно атласное, без пододеяльника, сползает. От холода я просыпалась в 5 утра и начинала топить печь. Людмила в спальнике, ей не так холодно, вот она и удивлялась: "Как у тебя мужества хватает в такую рань и в такой холод вставать"?"

Меня поставили на документацию буровых скважин. Помню, как мы с Татьяной Ивановной первую скважину на местности выставляли. Снег был уже глубокий, а лезть нам нужно было на сопку. Вот и полезли. Одеты тепло, плотно, снег - по пояс... Я говорю: "Таня, мы не дойдем...". Встанем, постоим, отдышимся и дальше лезем. А я тогда девушка в теле была, да еще без тренировки. В общем, все пришлось проходить с нуля.

Керн документировать пришлось на улице, на морозе. Пятеро штанов надену, а все равно холодно, и руки мерзнут. Иногда ребята-буровики жалели меня, заносили ящики в буровое здание. Но и оно холодное, печка на соляре тепла не давала. Правда, ветра не было. Буровики норовили приписать проходку, выход керна, растянуть керн. Приходилось бороться, ругаться. Как раз на бурение с пневмоударником перешли, по рудным зонам нужно было укороченными рейсами бурить, поэтому надо было смотреть, контролировать. Были ссоры, не нравилось буровикам, что я требую. Мастером был Саша Евдокимов, он погиб потом. Пошли они с главным инженером Сахно на охоту, и у того ружье нечаянно выстрелило. Пока Сахно донес его, он умер. А очень хороший был человек. Мой муж работал у него в бригаде помощником бурильщика - Саша Базелеев, там мы с ним и познакомились. Бурильщиками были Юра Дубовой и Валера Половников. Юра исключительно хороший буровик, до последних дней экспедиции работал, сейчас в Петропавловске живет".

Кстати, Татьяна Ивановна тоже в Сергеевке с мужем познакомилась - Валерием Виноградовым. Семьи в партии росли как на дрожжах. "Много было красивых девчонок, - говорит Виктор Хворостов. - Почему-то их всех отправляли в Сергеевку. Они почти сразу выходили там замуж. Есть фотография, на которой сергеевские дети, так их было человек 25. Даже садик пришлось строить".

Но садик был позже, а в ту глубокую осень 1974 года заканчивали строительство общежития. Пора было переселять людей из палаток.

"Общежитие построили отличное, - рассказывает Виктор Павлович Романов. - На 100 мест. Это было рубленое, теплое здание, внутри обшито фанерой и оклеенное обоями. Доводку бесплатно делали жены семейных: клеили, красили. Но когда настала пора заселяться, многие отказались: настолько привыкли и обжились в палатках. День проходит, второй - не заселяются. Тогда я выделил коменданту Йозису Гурскису трактор с санями и говорю: "Если не захотят сами, вытаскивай вещи, грузы и перевозки". Вечером прихожу с объектов, зашел в общежитие, смотрю: не заселились. Спрашиваю коменданта: "В чем дело?" Он: "Грозятся побить". Тогда пришлось мне подключаться. Кое-как, с руганью переселили всех. Вскоре один проходчик мне говорит: "Виктор Павлович, теперь у Вас другая проблема может быть - как нас выселить. Ведь там же отопление". Действительно, мы в общежитии сделали

отопление: грели воду и гоняли насосом. Отпали проблемы с дровами.

По проекту весь лес у нас должен был быть привозным, в том числе рудстойка, но мы делали всё на месте. Из-за этого у нас чуть было скандал не разразился. Стройбанк, который финансировал наши работы, направил к нам своего инспектора по фамилии Горбушин. Он из геологов, поэтому, видимо, и направили. В экспедиции, как принято, организовали все для его приятного времяпрепровождения. Прикрепили к нему начальника планового отдела Петра Николаевича Дрынова и отправили их куда-то отдыхать. Позже мы послали за ними вездеход, чтобы привезти Горбушина на базу, к вертолету, но при этом сделали тактическую промашку - провезли его мимо нашей лесосеки. Там все было на высоком уровне организации труда - пилы, трелевочник, штабелевка. Но он понял, что мы отклоняемся от проекта. В поселке еще раз пристально осмотрел наши новенькие дома и окончательно обо всем догадался. На этом основании он сделал нам перерасчет стоимости работ - снял стоимость завозки леса и рассчитал его как заготовленный на месте, по факту. В результате мы теряли приличную сумму - около 25 тысяч рублей. Поднялся шум. Для того чтобы разобраться в вопросе, из управления прилетела комиссия из двух женщин - начальника партии экономических исследований Ирины Петровны Казаковой и еще одной, фамилии не помню, Светланы Сергеевны. Они прилетели и добросовестно все обмерили. Лазили по снегу, тщательно, добросовестно. А домики частников я не включал в оплату, поэтому вышло так, что у меня на 200 тысяч рублей построено больше, чем я заактировал. Получалось, что с нас не снимать надо 25 тысяч, а доплачивать 200 тысяч. Я Ирине Петровне говорю: "Может быть, не стоит на рожон лезть, доактировать? Опять комиссии пойдут, разбирательства". Она резко возразила: "Пусть комиссии приезжают, у нас точные замеры".

Позже я случайно услышал их разговор между собой. Ирина Петровна говорит Светлане Сергеевне: "Я загорелась Сергеевкой. Малетойваям, Оганча - это же палатки и балки. А здесь дома строятся, все красиво, основательно. В общежитии тепло, отопление закольцовано...". Так что выглядели мы тогда солидно. Опять же и результаты были отменными, и выполнение планов шло неплохо".

Когда Вениамин Петрович Зайцев рассказывал мне о жизни и работе в Сергеевской партии, то признался: "Это был прекрасный период. Все мы дружили друг с другом, общались. В своих палатках, а затем домиках только ночевали, а так находились в камералке. С утра собирались, и работа наша продолжалась до глубокой ночи. Рабочий день не имел никаких границ. Спорили, обсуждали, убегали на документацию штолен, скважин или канав, опять собирались, опять обсуждали, глубоко занимались петрографией. Жизнь проходила на людях, проходила очень интересно, и я вспоминаю те годы, как одни из лучших в своей жизни. Многие лучшими годами считают студенческие, а я - годы работы в Сергеевской партии. Все были молодыми, романтиками...".

Признание Зайцева дополняет Владимир Мелкомуков: "Быт был неустроен, но было весело, ведь у нас был исключительно молодежный коллектив. Дни и вечера мы проводили в камералке. Это было основное место, где мы, в общем, жили. Кто документацию подгонял,

кто в карты играл. Очень интересной, запоминающейся была жизнь, наша молодость...".

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП

Пока на Сергеевском месторождении люди были всецело заняты работой и романтической борьбой со всевозможными трудностями, в более высоких инстанциях камчатской геологии шли свои процессы. В апреле 1975 года Олюторская комплексная геологоразведочная экспедиция была разделена на две: собственно Олюторскую, прежнюю, с базой в Корфе, и Северо-Камчатскую, с базой в Первореченске. Поначалу базу этой экспедиции планировали сделать в Сергеевской партии, даже имя экспедиции дали по имени поселка на Сергеевке, но позже переиграли.

Первореченск, начавший было хиреть в годы, когда был лишь перевалкой для сергеевцев и других партий и отрядов, опять начал подниматься, ремонтироваться. С повышением статуса туда переместились интриги. Многие сотрудники встали перед дилеммой: уезжать в Корф или оставаться в новой структуре. Это было не просто, потому что держала работа. Других, наоборот, работа разлучила с привычным Первореченском, они вынуждены были уехать в Корф, так как попали при разделении в ту, корфскую часть бывшей единой экспедиции. Так, например, случилось с Гимадеевыми. А добровольно перебрался в Корф, например, Шипицын, которого пригласили на интересную работу. Вместо него старшим геологом Сергеевской партии в мае 1975 года стал Вениамин Петрович Зайцев.

Начальником Северо-Камчатской экспедиции был назначен Константин Александрович Харькевич, бывший до этого начальником геолотдела КТГУ. Главным геологом - Борис Геннадьевич Воронов, окончивший в 1967 году Московский университет, успевший три месяца поработать старшим геологом Сергеевской партии. Эти назначения, по сути, решили дальнейшую судьбу Виктора Павловича Романова на посту начальника Сергеевской партии. Партия была головной для новой экспедиции, а потому возглавить экспедицию логично было бы ему. Но его обошли. Видимо, потому, что отличался стремлением к независимости, прямоотой, с ним было непросто. Так, или иначе, а в мае 1975 года он с должности ушел и уехал в Петропавловск, где стал работать начальником Банной поисково-разведочной партии ГСЭ.

Вместо Романова начальником Сергеевской партии стал Евгений Герасимович Сахно, бывший до этого главным инженером. Жизнь и работа продолжались.

В июне того же года в управлении Мингео СССР по поисковым и разведочным работам на алмазы, золото и другие благородные металлы состоялось совещание о ходе выполнения предварительной разведки Сергеевского месторождения. На нем отметили отставание темпов работ, а потому было решено продлить их еще на два года.

В результате был увеличен объем колонкового бурения и зарезаны штольни № 4 в левом

борту ручья Ухват под жилу Аметистовую и штольня № 15 в правом борту ручья Шумного на горизонте +685 м для пересечения перспективной жилы № 5. Если говорить о бурении, то его объемы выросли по сравнению с 1974 годом в 3 и более раз. Если в 1974 году в партии пробурено 2115 погонных метров скважин, то в 1975 году - 6294, в 1976 г. - 7520 пог. м. Скорость бурения возросла до 710 метров в месяц. Буровики широко применяли пневмоударники РП-130 и РП-111.

В штольнях проходилась очень большой объем штреков и рассечек. Особенно это касалось штольни № 5, идущей по жиле Ржавой. Из нее было пройдено 11 штреков, 1 квершлаг и 41 рассечка (85).

В конце лета 1975 года на работу в партию прилетел молодой геолог Рашид Газизов, только что окончивший Казанский университет. В Первореченск он плыл на пароходе, который вез в экспедицию груз из Петропавловска. В партию летел вертолетом.

"Главными в работе партии были штольни, - рассказывает Рашид Баянович. - Знаменитые сергеевские скоростные проходки, которые потом боком выходили геологам. Кроме вреда, они ничего не принесли - план ради плана. Когда сегодня переосмысливаешь этот повсеместный перекокс нашей отечественной геологии, становится не по себе. Это же была дикость. Из-за плана геологические результаты оставались в тени. Командовали геологией совсем не геологи".

Но наращивание объемов работ продолжалось. Как бы там ни было, объемы раскрывали геологию, до конца 1976 года все были уверены, что перспективы месторождения подтверждаются.

"В геологическом отношении это очень интересный, яркий объект, - говорит Виктор Хворостов, который в 1976 году молодым специалистом прибыл на Сергеевку, уже знакомую ему по практике. - Это интрузивно-купольная структура с большим количеством даек, со сложным взаимоотношением оруденения и магматизма, с послерудными дайками, которые рвали руду, уничтожали. Разбираться во всем этом было исключительно интересно, просто завораживало".

К приезду Хворостова главным геологом экспедиции стал ее бывший начальник К. А. Харькевич, который сменил В. С. Нурханова. У Харькевича были довольно сложные, несколько предвзятые отношения к геологам Сергеевки. Они были сплошь молодыми и, как казалось Харькевичу, излишне увлеклись Сергеевкой, цена которой была гораздо ниже. Харькевич, как мог, остужал пыл сергеевцев, спускал их на землю. Но со временем они уже и сами стали убеждаться, что в месторождении нет тех 200 тонн золота, которые все эти годы звучали как данность.

"По канавам были очень высокие содержания, а когда стала завершаться стадия предварительной разведки, то первоначально высокий прогноз стали опровергать, - говорит Р. Б. Газизов. - Стали вырисовываться четкие рудные столбы - выклинки, не идущие на

глубину".

Об этом же, только более образно, говорит В. П. Зайцев: "На первых порах разведка шла довольно успешно и обнадеживающе. Штольни и каналы подтверждали прогноз в 200 тонн золота. Были неплохие содержания, золото было видимое. Поэтому первые годы все шло благополучно. Но когда серьезно приступили к бурению, то выяснилось, что вниз рудые столбы не идут, они как морковка выклиниваются".

"Начиная с 1976-1977 годов стало ясно, что перспективы месторождения ниже ожидаемых, поэтому Камчатским ТГУ ассигнования на разведку Сергеевского месторождения ежегодно уменьшались, что привело в конце 1977 года к невыполнению значительной части геологического задания (разведка жилы № 5). В связи с этим экспедиция выступила с предложением о пересмотре геолзадания. Новым геолзаданием предусматривалось снятие задачи по разведке жилы № 5, отказ от проходки восстающего и замена его глубоким шурфом, завершение работ со сдачей отчета в 1978 году. Написанное по этому геолзаданию дополнение к проекту было утверждено заместителем министра геологии СССР Б. М. Зубаревым 5 января 1978 года.

Таким образом, Сергеевская ГРП проводила полевые геологоразведочные работы на Сергеевском месторождении с 1 января 1973 года по 1 сентября 1978 года" (86).

В сентябре 1978 года разведчики стали покидать свое Сергеевское месторождение, с которым многие успели сродниться за долгие годы работы. Вскоре уехали все, оставив лишь бригаду буровиков, добуривающих последнюю глубокую скважину. В это время Первореченск опять перестал быть базой экспедиции. Северо-Камчатской ГРЭ отныне стала называться бывшая Олюторская экспедиция в Корфе. Поэтому уже здесь сергеевские геологи засели за отчет по предварительной разведке своего месторождения. Авторами отчета были Виктор Петрович Хворостов, Леонид Леонидович Ляшенко, Сергей Васильевич Зайцев, Рашид Баянович Газизов, Людмила Александровна Безрукова, которая, кстати, вылетела с Сергеевки последней, потому что документировала оставшуюся для добурки скважину. Именно поэтому ее участие в отчете было чисто номинальным (две главы). Помогали работать над отчетом Л. Ф. Гимадеева, Т. И. Виноградова (топографо-геодезические работы), И. В. Зайцева, Н. М. Эркенова, техник-картограф З. В. Чернышева.

За время работ на площади Сергеевского месторождения с 1969 по 1978 годы на Сергеевке были выполнены следующие объемы работ: поисковые маршруты - 538 километров; проходка канав - 322 256 кубических метров; проходка подземных горных выработок - 5 649 погонных метров; колонковое бурение - 22 905 погонных метров; проходка шурфов - 236 погонных метров. Затрачено было около 18 миллионов рублей.

Во время предварительной разведки сменилось несколько начальников Сергеевской партии:

В. П. Романов - 1 января 1973 - 2 июня 1975 года;

Е. Г. Сахно - 3 июня 1975 - 26 мая 1976 года;

В. С. Нурханов - 26 мая 1976 - 6 октября 1976 года;
В. И. Седов - 7 октября 1976 - 18 апреля 1977 года;
Л. Х. Эркенов - 18 апреля 1977 - 1 июня 1978 года;
В. П. Хворостов - 1 июня 1978 - 1 августа 1978 года;
В. Д. Виноградов - 1 августа 1978 - 20 декабря 1978 года.

"За шесть лет производства геологоразведочных работ на месторождении сменилось 6 начальников партии, 5 главных геологов, 4 старших геолога. Такая текучесть руководящих кадров не способствовала быстрейшему и эффективному завершению работ, наличию единого методического подхода к решению геологических задач и привела к появлению различных взглядов на геологическое строение месторождения и соответственно направлений в работе партии. В результате проявилась запущенность и разноплановость сводных геологических материалов, что привело к определенным трудностям при их обработке и написании окончательного отчета" (87).

Надо сказать, что отчет был написан за четыре месяца. 29 декабря 1978 года Виктор Петрович Хворостов и Леонид Леонидович Ляшенко уже защищали его в Петропавловске на научно-техническом совете управления.

Рецензию на отчет писали геологи Ш. Гимадеев и Г. Шипицын. Они заметили: "Составление отчета проходило в сжатые сроки, что не могло не отразиться на качестве обработки огромного фактического материала... В заключении отчета считаем необходимым отметить, что почти за пятилетний период разведки Сергеевского месторождения вырос квалифицированный коллектив молодых геологоразведчиков, способный решать вопросы геологии, поисков и разведки месторождений полезных ископаемых на высоком научном уровне" (88).

"Для меня это был первый опыт защиты отчета по такому крупному объекту, - рассказывает В. П. Хворостов. - Выступавшие на НТС маститые геологи шумели: "Загубили месторождение. Давали оценку 200 - 250 тонн, а теперь вы даете только 25...". Наскоки были сильными. Но я не согласился, приводил им объективные доводы. Прогнозная оценка строилась из того, что суммарная длина жил составляет 25 километров. Но при подсчете прогнозных запасов была нарушена методика, в жилах не везде золото, а только в рудных интервалах. Это золотосеребряное месторождение близповерхностного типа. Там золото крупное, но бонансовое. На ранних стадиях этого еще не знали, просто видели, что всюду кварц продуктивный. Ведь коэффициент продуктивности давали 0,5, а на самом деле он оказался низким - 0,15 - 0,19. Мы выявили еще много жил, но когда стали сгущать сеть разведки, то увидели, что в них только интервалы рудные, а не вся длина. Поэтому наша оценка была достоверной. Это, кстати, увидел начальник управления Рем Александрович Ремизов. Он внимательно изучил отчет, а потом сказал главному геологу Юрию Ивановичу Харченко: "Этих ребят не давать в обиду! Отчет очень хороший, несмотря на то, что месторождение небольшим получилось". Я и сейчас могу сказать, что отчет был хороший и он дал нам хорошую практику. И оценку месторождению мы дали верную. Там может быть среднее месторождение, но не более того".

"Сергеевское месторождение - это среднее, - говорит и В. П. Зайцев. - Но оно с крупным металлом, который может легко добываться и обогащаться одной лишь гравитацией, без применения цианидов и флотации. Единственная его беда - отдаленность".

ОСТАВШИЕСЯ ЗАГАДКИ СЕРГЕЕВКИ

И все-таки почему Сергеевское месторождение недоразвели, остановили изучение на стадии предварительной разведки, усилия и деньги выбросили на ветер? Одни объясняют, что Камчатское геологическое управление не могло тогда тянуть одновременно два крупных объекта - Сергеевку и Агу, поэтому сделало выбор в пользу Аги и вообще Быстринского рудного района. Другие утверждают, что виной всему склоки в экспедиции (имеется в виду Северо-Камчатская, находившаяся в Первореченске). Из-за них на Сергеевку махнули рукой еще в 1977 году, а дальше работы на ней шли по инерции, пока не остановились. Третьи говорят, что подобных средних месторождений было к тому времени предостаточно выявлено в Магаданской области, а потому стоявшая на отшибе Сергеевка роли уже не играла. Но при этом все соглашаются с тем, что Сергеевку не просто прекратили изучать, а бросили. Просто бросили, как надоевшего котенка.

А ведь месторождение еще таит в себе много загадок.

Недаром авторы рецензии на окончательный отчет по разведке месторождения обратили внимание на то, что в отчете совсем не учитывались при оценке Сергеевки геофизические работы. А ведь их проводилось много. И разных. При этом остались нерасшифрованными, к примеру, две загадочные магнитные аномалии.

Но главное, пожалуй, заключается в последней скважине, добуренной на месторождении уже в декабре 1978 года, когда отчет был почти написан. О ней в тексте говорится уже как бы только вдогонку: "На месторождении пробурена одна структурная скважина глубиной 501,1 метра, вскрывшая промышленные руды на горизонте 370 метров. Надо отметить, что для полного выяснения структуры месторождения и изучения поведения оруденения в осадочных породах фундамента, необходимо бурение скважины глубиной 1 000 метров" (89).

Вот так: "необходимо бурение". Но скважин бурить больше не пришлось, а потому единичное подсечение руды на глубине осталось загадкой. О ней знают и помнят все, кто работал на Сергеевке. Что это - длинная морковка? Или слепое тело? Или раздвиг жилы после выклинивания? Это не дает покоя многим до сих пор.

"Промышленная оценка месторождения на глубину дана лишь по отдельным жилам, - пишут, кроме всего прочего, рецензенты отчета. - Большая часть жил осталась не изученной на глубину. На глубоких горизонтах, в отдельных скважинах вскрыты богатые рудные тела. Все это свидетельствует о том, что потенциальные возможности наращивания запасов металла Сергеевского месторождения далеко не исчерпаны. Запасы золота могут быть увеличены

более чем вдвое после проведения поисков и разведки глубоких горизонтов кварцевых жил" (90).

Геологи с Сергеевского месторождения ушли в сентябре 1878 года. А в декабре оно показало им вслед язык - то самое подсечение последней скважиной богатой руды на глубине. Котенок еще жив и ждет хозяев...

АГИНСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ

НАХОДКА ГЕОЛОГА БАБУШКИНА

Долина реки Камчатки лежит между двумя хребтами - Срединным и Восточным. Оба хребта под стать друг другу: протяженные, островерхие, величавые. Правда, на Восточном больше вулканов, его венчают гиганты Бакенинг, Кизимен, Толбачик, Ключевская сопка. Но и Срединный хребет почти не отстает, высоко выставив на показ своих красавцев Алнея, Анауна, Ичу. Тяжело приходится людям, посягнувшим на исследование этих хребтов. Реки здесь горные, быстрые, склоны крутые, скалистые, вершины порой малодоступные. Лето проходит незаметно - было, и нет его, и уже пурги начинают хозяйничать на перевалах. В одной такой пурге в 1897 году едва не погибла экспедиция Карла Богдановича, рискнувшая поздней осенью пересечь Срединный хребет.

Именно по этим причинам западные и юго-западные районы Срединного Камчатского хребта, примыкающие к Ичинской сопке, долго оставались малоизученными. Лишь в 1954 году геологи добрались до этих мест, и Ю. В. Макаров провел здесь геологическую съемку миллионного масштаба. В 1956 году район исследовал гидрогеолог М. Б. Голубовский, а в 1957 - 1961 годах здесь изучал местный вулканизм научный сотрудник ВСЕГЕИ В. К. Ротман. Все исследователи сходились в одном: район не только интересен с геологической точки зрения, но и перспективен для выявления месторождений полезных ископаемых, главным образом - золота и ртути.

В 1958 году геолого-съёмочная партия В. Н. Бондаренко обнаружила в бортах ручья Вьюн несколько кварц-карбонатных рудных жил, в которых содержалось золото. В шлихах, намывных из отложений ручья, присутствовала киноварь - ртутный минерал. Бондаренко рекомендовал провести в районе геологические поиски.

И вот в 1964 году на западный склон Центральной части Срединного Камчатского хребта была послана Ичинская партия Геолого-съёмочной экспедиции КТГУ. Целью ее работы было комплексное геологическое изучение территории, находящейся к югу от вулкана Ичи и поиски золота, ртути и других полезных ископаемых.

В составе партии находились ее начальник Забих Абдулхакович Абдрахимов, старший геолог Дмитрий Анатольевич Бабушкин, геологи А. К. Боровцов и Виктор Александрович Кучуганов, старший техник-геолог Н. Н. Аврамова, техник-геофизик А. Ф. Рожин и 9 рабочих. 22 июня 1964 года партия в полном составе прибыла в Мильково, откуда своим ходом отправилась на место работы.

18 июля добрались до низовьев реки Кетачан, где разбили полевой лагерь. Через два дня приступили к работе. Отряд А. Ф. Рожина занялся шлиховым опробованием рек и ручьев района, а отряды Аврамовой, Кучуганова и Бабушкина начали маршрутные исследования.

С высоты прошедших лет видно, какие сильные геологи были тогда в Ичинской партии. У Дмитрия Анатольевича Бабушкина помимо высоких личных качеств специалиста и человека была хорошая академическая школа Московского государственного университета, который он закончил за четыре года до этого. О Забихе Абдулхаковиче Абдрахимове и говорить нечего - он уже тогда был одним из непреложных авторитетов в среде камчатских геологов. За его плечами были девять лет работы в Пенжинской экспедиции, в которой он возглавлял геолого-съёмочные партии и зарекомендовал себя инициативным и грамотным геологом. К тому же это был умный и крайне педантичный человек, мимо взгляда которого не проходило ничего, что могло представлять хоть какой-то интерес для его работы. Недаром геологам партии удалось тогда достаточно подробно расчлнить местные толщи горных пород по возрасту и составу, а также обнаружить множество интересных проявлений полезных ископаемых.

Что касается золота, то ими были обнаружены шлиховые ореолы в реках Кетачан, Кетачан Второй, Аге и Копылье, а также найдено более двадцати рудных проявлений.

В одном из маршрутов Дмитрий Анатольевич Бабушкин поднялся по реке Аге до ее самого верхнего правого притока, который был тогда безымянным. В левом борту этого ручья, на пологом склоне, поросшем кустарником, им были найдены развалы жильного кварца, содержащего рудные минералы. Разглядывая образцы породы через лупу, Бабушкин заметил в них мелкую вкрапленность золота. Развалы были похожи на останки кварцевой жилы, некогда выходившей здесь на поверхность, а потому Бабушкин с помощью маршрутного рабочего очистил развалившуюся скалку от дерна и обломков и точно удостоверился, что это действительно кварцевая жила мощностью около полутора метров с пологим падением. В полевой книжке эта точка наблюдения была у него зафиксирована под номером 91, расчистке Дмитрий Анатольевич присвоил номер 34, а жила у него значилась под номером 1.

В течение полевого сезона геологи партии зафиксировали на исследуемой территории еще два десятка жил и зон измененных пород (91). Среди них жила №1 особо ничем не выделялась, а потому к ней в то лето больше не возвращались. Тогда еще никто не мог предположить, что жила даст начало Агинскому золоторудному месторождению.

ВЕРА И НАСТОЙЧИВОСТЬ ГЕОЛОГА АБДРАХИМОВА

Зимой из лаборатории пришли результаты анализов отобранных партией проб. Спектральный анализ пробы из точки наблюдения № 91 показал содержание золота 20 г/т, серебра 100-300 г/т, свинца 0,1 г/т. (92). Начальника партии Забиха Абдулхаковича Абдрахимова этот результат заинтересовал, но партия закончила полевые работы в этом районе, писала отчет и уже не могла более детально исследовать жилу № 1. Так и осталась она на несколько лет всего лишь интересной, обнадеживающей находкой. Правда, Абдрахимов о ней не забывал.

В 1967 году он попросил начальника Кетачанской партии Юрия Ивановича Харченко послать на Агу геологов, чтобы детальней изучить жилу. Харченко выполнил эту просьбу, но в тот год в горах очень рано выпал снег, и геологи Кетачанской партии не смогли расчистить жилу. Они лишь взяли из ее разрушенной части одну штуфную и четыре металлометрические пробы, чтобы еще раз проанализировать химический состав руды. На этот раз анализы показали гораздо меньшее содержание в жиле золота - от 0,5 до 5 г/т. Перспективность жилы стала сомнительной.

Но именно тогда и сыграли положительную роль щепетильность и дотошность Абдрахимова. Когда он брал в руки образец, отобранный из жилы еще Бабушкиным, разглядывал его, то никак не мог поверить, что это не руда. Интуиция, опыт геолога подсказывали: необходима более тщательная проверка.

К этому времени Забих Абдулхакович был уже старшим геологом Геолого-съемочной экспедиции по поискам и обладал определенной свободой инициативы и действий. В августе 1968 года он специально отправился в верховья реки Аги, чтобы лично исследовать заинтересовавшую его жилу. Прибыв на место, он собрал некоторое количество разрушенной части жилы и промыл эту пробу в ручье. Золота оказалось достаточно много, перспективы жилы уже не вызвали у Абдрахимова ни малейших сомнений. Он тщательно опробовал ее и отправился в Сухариковскую партию, которая работала неподалеку.

Сухариковской партией руководил тогда Юрий Федорович Фролов. Он вспоминал: "Вообще, Абдрахимов прибыл к нам с проверкой, но, похоже, главной его целью было попутное посещение жилы на Аге. Он пришел оттуда к нам, мы стояли за перевалом, и показал мне образцы. Это был кварц с видимым золотом. Абдрахимов попросил меня выделить людей, которые сходили бы туда и детально изучили жилу. Я дал ему слово, что сделаю это.

Для работы на Аге я специально оставил четыре мешка взрывчатки. Переговорил с геологом Виктором Александровичем Кучугановым, который, работая еще с Харченко, как раз был на жиле годом раньше. Он согласился пойти на Агу и поработать там".

Отряд Кучуганова отправился к жиле в сентябре. Жилу нашли без труда, потому что Кучуганов знал ее. Шестью расчистками жилу проследили более чем на сотню метров. Кучугановым "фактически были выявлены основные параметры жилы, ее морфология,

вещественный состав и структура участка. Пробирные анализы бороздовых проб и микроскопические исследования руд дали положительные результаты; были установлены содержания золота в раздуве жилы в несколько метров до 300 г/т. Жила была названа Агинской" (93).

Следующим летом, в 1969 году, та же Сухариковская партия Ю. Ф. Фролова выделила из своего состава специальный горный отряд для дальнейшего изучения жилы. Начальником отряда был геолог Николай Николаевич Кочкин. Он рассказывает:

"Помимо меня в отряде были техник-геолог Борис Черепов, геофизик Ардашев и рабочие. Ардашев был с прибором "ИЖ" - Искатель жил. Он, в принципе, здорово нам помог. Отряд забрасывался без меня, потому что я улетел в Ичу, чтобы получать взрывчатку. Там, километрах в трех-четырёх от поселка, находился склад взрывчатых материалов Западно-Камчатской экспедиции. Получилось так, что просидел я в Иче долго и прилетел на Агу только в конце июля. Ребята без меня обустроили лагерь и сделали временный склад для взрывчатки. Высоты там большие, палатки стояли у самой кромки кустарников, километрах в двух ниже истока безымянного ручья, в борту которого нашли жилу. Я называл этот ручей Агинским, по аналогии с рекой Агой, в которую он впадает.

Первым делом пошел смотреть жилу. Поднялся наверх. Кроме кустарничков, там ничего не росло, но место вокруг жилы было задерновано. Жила была в виде развала, высыпок кварцевых обломков на площади примерно 5 x 5 метров. Со мной был промывальщик. Мы набрали два пробных мешка этого кварца и спустились к воде, где можно было отмыть шлих. Я впервые такое увидел, чтобы сразу же на лотке ярко заблестела целая полоска мелкого золота. Конечно, я знал, что золото есть, но чтобы в таком количестве... Килограмма четыре мы промыли, и я набрал целую пробирку мелкого золота - прямо слил его туда. Потом, помню, при защите полевых материалов, отдал пробирку в геологический отдел.

После этого начали мы пробивать каналы. Чувствовалось, что жила идет вдоль ручья, а потому я задал первую канаву поперек ручья. И действительно, вскрыли развалы жилы. До коренного залегания докопаться не удалось, но было очевидным, что это жила, мощность ее стала вырисовываться. Тогда я следующую канаву задал, затем еще одну".

Надо сказать, что каналы Николая Николаевича Кочкина как раз попали на самый обогащенный золотом участок жилы - бананц. Он был вскрыт канавами № 5001 и 5002. Позже анализы показали, что среднее содержание золота по этим выработкам составило 400,3 грамма на тонну, а максимальное - 1239,3. Жила была прослежена на расстояние 420 метров (94).

"Мощность наносов была очень большая, - продолжает свой рассказ Николай Николаевич Кочкин. - Добывать каналы без крепления не представлялось возможным. А крепить было нечем - кругом росли только кустики. Кроме того, я видел, что сверху идет еще один снос кварца, а выше по ручью опять обломки кварца попадаться стали. Я там еще одну канаву попытался пройти, но добыть ее вообще не удалось".

В начале августа в отряд Кочкина прибыл научный сотрудник ЦНИГРИ Юрий Михайлович Щепотьев, чуть позже пришли научный сотрудник ДВГИ В. Д. Беда и З. А. Абдрахимов. Всех интересовала уникальная по содержанию золота жила.

Абдрахимов находился в отряде 15 дней - до начала сентября. Все это время он ходил в маршруты, изучал геологию участка. Иногда они ходили вместе с Кочкиным. Николай Николаевич рассказывает:

"Забих Абдулхакович был человеком организованным, дотошным, делал все медленно, с чувством, с толком. Вечером мы определяли с ним маршрут, договаривались выходить пораньше. Я утром проснусь, чай согрею, приготовлю завтрак, а он все копается, собирается. Ему надо, чтобы везде был порядок: карандашики заточит, книжечку полевую пространичит, подготовит, сумку, компас... Я тороплю: "Забих Абдулхакович, уже десять, давай пойдем". Он дальше копается. "Давай пойдем". Наконец, выходим, время - 12 часов. И, конечно, возвращаемся тоже в 12 часов, только ночью. Потемну идем назад. Назавтра все повторяется".

В верховьях ручья Агинского, на перевале, в 1,7 километра от Агинской жилы, Абдрахимов и Кочкин с помощью геофизика Ардашева нашли еще один развал жилы. Ее состав оказался кварц-карбонатным. Чтобы ее проследить, прошли две канавы. Вскрылась жила, которую назвали Перевальной. В ней были получены содержания золота до 60 - 70 г/т.

Кочкин прошел в 1969 году достаточно большой объем поверхностных горных выработок - 2060 кубических метров. В результате были установлены "общая структурная позиция, в первом приближении - размеры, морфология, минералогия отдельных рудных тел и в целом рудного узла" (95).

З. А. Абдрахимов и В. А. Кучуганов писали: "Главное рудное тело - жила Агинская, как и другие, приурочена к зоне дробления мощностью до 25 метров пропицитизированных андезитов, туфов Березовской свиты. Жила имеет северо-восточное простирание, круто падает на юго-восток. По составу жила существенно кварцевая; кварц встречается трех генераций. Из других жильных минералов под микроскопом определены кальцит, адуляр, альбит, хлорит, гидрослюда, цеолит, апатит. Главным рудным минералом является самородное золото. Размеры его обычно сотые, десятые доли миллиметра, редко достигают одного миллиметра. Золоту уступают пирит, халькопирит, редко встречаются борнит, блеклая руда, сфалерит, галенит, пироморфит, аргентит и киноварь. Рудопроявление по условиям залегания, минералогическому составу и структурным, текстурным особенностям относится к близповерхностному, эпитермальному генетическому типу.

В аналогичной участку собственно Агинского рудопроявления геологической обстановке расположены золоторудные проявления: участка верховья ручья Вьюн - в 1,5 - 2 км к юго-востоку и участка верховья ручья Кетачан-2 - в 6 км к север северо-востоку. На участке верховья ручья Вьюн (Бондаренко В. Н., Ястремский Ю. М., 1958; Абдрахимов З. А., Бабушкин Д. А., Кучуганов В. А. и др., 1964; Харченко Ю. И., Кучуганов В. А. и др., 1967)

были вскрыты и прослежены горными выработками 11 жил кварцевого, карбонатного и смешанного составов. Минералогическим анализом шлихов протолочек рудных проб по всем этим жилам устанавливается золото до 10 и более знаков; пробирные анализы тех же проб показали одно, реже двузначные содержания золота. Предполагается повышение содержаний с глубиной. На участке верховья ручей Кетачан-2 (Абдрахимов З. А., Бабушкин Д. А., Кучуганов В. А., 1964; Харченко Ю. И., Кучуганов В. А., 1967) в настоящее время известно шесть сближенных жил со значительными мощностями (до 6 - 8 м) и ряд зон дробления прожилкового окварцевания мощностью 20 м и более. Эти жилы, зоны изучены лишь в ходе съемочных работ, отобраны единичные пробы в одном пересечении каждой жилы, зоны по их коренным выходам. Содержания золота как по жилам, так и по зонам достигают близких к двузначным. Металлометрическим опробованием широко развитых зон окварцевания, пиритизации в эндоэзоконтактной полосе интрузии диоритов в юго-западной части Агинского рудопроявления выявлены двузначные содержания золота.

Все охарактеризованные рудопроявления образуют довольно крупный золоторудный узел, которому присвоено название Агинский. Площадь рудного узла очень плохо обнажена и опоискована еще недостаточно. В то же время здесь намечается широкое развитие зон дробления, пропилитизации, прожилкового, метасоматического окварцевания. Все это позволяет ожидать обнаружения новых рудных тел.

Долина реки Ага почти на всем протяжении (с перерывами) благоприятна в геоморфологическом отношении для накопления россыпей. Целесообразно проведение здесь заверочных шурфовочных с механическим водоотливом и буровых работ. В среднем и нижнем течении речки по шлиховым пробам зафиксированы золотины размерами до 1 мм. и более, хотя в коренных источниках золото имеет дисперсную, тонко распыленную природу.

Дальнейшее детальное изучение Агинского рудного узла с его уникальной для Камчатки Агинской жилой является первостепенной задачей. Разработка поисковых критериев на примере рассматриваемого рудного узла поможет открытию еще не известных, возможно еще более значительных по масштабам месторождений эпитермального золота в пределах Центрально-Камчатского неогенового вулканического пояса и сопредельных площадей" (96).

РЕКОМЕНДАЦИИ ВАХТАНГА НОДИЯ

Для работы на территории Агинского рудного узла в 1970 году в Камчатской геолого-съемочной экспедиции был организован Балхачский поисковый отряд под руководством геолога Вахтанга Нодия. В задачу отряда входили детальные поисковые работы в верховьях реки Аги и ручьев Вьюн и Загадка (левый приток реки Кетачан-2) на площади 18 квадратных километров. В составе отряда были геолог Б. Н. Черепов, техник-геолог Г. И. Доронина, прораб горных работ В. Я. Синицкий и 11 рабочих. Из Петропавловска в

Мильково отряд добирался на автомашинах. Из Мильково на участок работ забрасывались вертолетом. Трех лошадей, взятых на базе ГСЭ в Мильково, рабочие погнали своим ходом.

Как сказано в отчете отряда, он "был полностью снаряжен необходимым имуществом, кроме оборудования для проходки шурфа. Отсутствовали трос, вентилятор, качественные забурники, насос. Отряд полностью был обеспечен механическими дробилками и запасными частями к ним, в результате чего почти все пробы были обработаны в поле, и имелась возможность оперативно проводить целенаправленные поиски.

Отряд работал на значительном удалении от населенных пунктов, и связь с Мильково осуществлялась по радию, большей частью через Чемпуринскую ГРП. В поле отряд посетил начальник ГСЭ Ю. В. Жегалов. Поисковые и горные работы проводились непосредственно с базы отряда. Почти весь объем горных работ был сосредоточен на участках "Агинский и Перевальный" (97).

За короткое время полевого сезона отряд сделал 150 километров поисковых геологических маршрутов, прошел 3570 кубических метров канав, один шурф глубиной 8 метров, отмыл 253 шлиха. Особенно тяжело далась проходка канав. Все они проходились в зоне вечной мерзлоты, которая при проходке оттаивала, превращаясь в грязную жижу и не позволяя нормально работать. Приходилось ждать по 15 - 20 дней, чтобы грязь высыхала, и только тогда копать глубже. А на участке "Перевальном", где местность вообще была болотистой, канавы пришлось проходить осенью, во время крепких заморозков.

Единственный шурф проходили прямо по жиле Агинской, на месте ее первой находки, в одной из канав Н. Н. Кочкина (№ 5002).

Рядом с геологами работали геофизики ГФЭ КТГУ под руководством В. С. Ардашева. В составе отряда были старший геолог Б. Д. Калинин, старший техник-оператор Г. С. Потребов, прораб горных работ С. А. Максимович, старшие техники-топографы В. Е. Пулин и Г. С. Шмелев, а также трое студентов, в т. ч. Т. А. Полоротова, которая потом работала на Сергеевском месторождении при его разведке. Отряд проводил электроразведку и магнитную съемку. Геологами использовалась топооснова масштаба 1:10 000, выполненная топографической партией КТГУ под руководством М. И. Арышева.

В результате работ было выяснено, что рудное тело Агинского участка "представляет собой достаточно мощную зону дробления и окварцевания, вытянутую в северо-восточном направлении по азимуту 10 градусов с четко оконтуривающимися кварцевыми жилами, расположенными в теле зоны дробления. Ширина рудной зоны (под этим определением мы принимаем совокупность кварцевых жил, прожилков и золотоносных вмещающих пород, т. е., всю зону дробления и окварцевания) от минимальной на флангах (1,8 м) до максимальной в центральной части (14,9 м)" (98).

Характеризуя участок "Перевальный", Нодия отмечает большую насыщенность его рудными телами. В отчете он пишет: "В пределах участка, на площади около 1 кв. км. выявлено 13

кварцевых и кварц-карбонатных жил, а также ряд окварцованных зон дробления, несущих золоторудную минерализацию. Наибольшая плотность рудных тел отмечается в двух точках. В одной из них, в левом борту ручья Загадка три рудных тела расположены в 20 - 25 м друг от друга, а в другой, в районе высоты 1478, 0 м пять рудных тел располагаются на расстоянии от 10 до 50 м друг от друга" (99).

Переходя в отчете к рекомендациям для дальнейших исследований, В. Нодия пишет: "На наш взгляд, поверхностными горными работами на участке Агинской рудной зоны, учитывая работы за все годы, сделано все или почти все. Следующей стадией изучения этого рудного тела должны стать подземные горные выработки. В частности, шурфами с рассечками можно проследить слепой участок рудного тела, но основные задачи, безусловно, должны решать более тяжелые работы - штольни" (100).

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ИГОРЯ ПЕТРЕНКО (1971-1972)

В марте 1971 года начальник Камчатского территориального геологического управления Вадим Михайлович Никольский был в Москве. Кроме всего прочего, он просил у нового министра геологии РСФСР Льва Ивановича Ровнина открыть для финансирования Камчатки строку "Рудное золото" для того, чтобы целенаправленно начать работу на Аге. Ровнин советовался со своими заместителями и специалистами. Против такой строки были начальник Главвостокгеологии И. С. Бредихин и заместитель Ровнина - И. А. Кобеляцкий, курирующий Камчатку. Но Никольский настаивал, просил дать хотя бы 200 тысяч рублей. Через день Ровнин сдался и выделил для КТГУ 100 тысяч.

Сразу же по приезде Никольского в Петропавловск в Южно-Камчатской ГРЭ была организована Агинская партия под руководством В. И. Лямцева. До начала полевого сезона был написан проект поисково-разведочных работ на 1971-1972 годы. Все лето 1971 года партия проходила каналы на Агинском участке. Это был еще рядовой по результатам сезон, а разворот работ начался в 1972 году, после того как на базе Южно-Камчатской экспедиции в селе Мильково была организована Центрально-Камчатская партия, а на Аге - участок этой партии. ЦКГРП возглавил Михаил Михайлович Задорнов, главным геологом остался, как был еще в ЮКГРЭ, Юрий Иванович Харченко. Агинским участком продолжал руководить Виктор Иванович Лямцев. Геологическую службу Агинского участка возглавил старший геолог Игорь Диомидович Петренко. "Я работал только на россыпях, рудной геологии не знал, поэтому был, практически, молодым специалистом, - признается он. - Геологи, которые работали со мной, только что окончили институты. Это были Геннадий Кувакин, Константин и Людмила Афанасьевы".

Работал вместе с Петренко и геолог Вахтанг Нодия. Все лето с ним была дочь Валерия. Он занимался Перевальным участком и, когда открыл там новую жильную зону, назвал ее в честь дочери - Валери. Две другие зоны, найденные там же, получили имена Туманная и Ясная. "В одной перспективе были не очень понятны, ее назвали Туманной. Другая была

явно рудной, поэтому стала Ясной", - объясняет И. Д. Петренко.

Взявшись руководить геологическими исследованиями участка, Игорь Диомидович Петренко поставил перед собой и своими геологами задачу провести геологическую съемку рудного поля в масштабе 1:10 000. "Как меня за это ни ругали, но мы за год ее сделали, - говорит он. - Не было бы этой съемки, не было бы дальнейших успехов на Аге".

Съемка далась не просто. Определенное влияние на ее результаты оказывали молодость и неопытность исполнителей. Да и геология была непростой: рудное поле находилось в вулканитах, среди расчлененного, высокогорного рельефа. "Но при съемке были выделены практически все известные на сегодняшний день рудовмещающие структуры, - продолжает И. Д. Петренко. - Дальше надо было заниматься изучением этих структур".

Результатом работ 1971-1972 годов стала не только геологическая карта рудного поля, но были прослежены по простиранию и несколько зон с промышленными содержаниями золота. Наиболее перспективные - жила Агинская, зоны Валери, Туманная и Ясная - были рекомендованы для продолжения работ (101). Написанием проекта на производство предварительной разведки на период с 1973 по 1976 годы занялись И. Д. Петренко, А. Д. Охрицкий и Г. В. Кувакин.

ЗВЕНЯЩИЕ ГОРЫ

Предварительную разведку начинали в 1973 году начальник участка Виктор Иванович Лямцев, которого в следующем, 1974 году сменял Яков Петрович Гурцик, а также старший геолог Игорь Диомидович Петренко. Геологом на месторождении работала одна только Л. Б. Маковлева, но уже в 1974 году на участок прибыли В. А. Плюснин, Т. А. Полоротова, Б. В. Гузман, К. А. Афанасьев и Л. Б. Афанасьева, С. А. Кальсин, П. Я. Николаенко, О. Ю. Рождественский, Ю. А. Гаращенко, Н. В. Огарков. Техниками-геологами в эти годы работали С. Н. Круглова, А. Я. Петренко, К. П. Кузнецов, Г. А. Бартошина, Л. М. Корсун, В. Н. Марков, А. Л. Сергиенко.

База участка сложилась еще в прежние годы на берегу реки Ага. Теперь ее называли поселком Агинским. Здесь стояли палатки и несколько жилых балков. С районным центром Мильково, где располагалась и база Центрально-Камчатской партии, поселок соединяла грунтовая дорога, пригодная для проезда в осенне-зимний период. Все остальное время геологи пользовались вертолетами.

Климат в районе работ был почти континентальным с суровой зимой и теплым, но коротким летом. Снег выпадал в сентябре, сходил с северных склонов в конце июня, но в распадках лежал постоянно. Мощность снежного покрова достигала 6 - 10 метров в долинах и 2-3 на склонах гор. В феврале со склонов начинали сходить лавины.

Летом 1973 года шла подготовка к подземным горным работам. Ею занимались начальник участка В. И. Лямцев, технический руководитель В. П. Задорожный, позже - старший горный мастер Н. В. Бардин. Штольня № 1 была начата осенью. Её ствол пошел по горизонту 1210 метров по Агинской жильной зоне.

В ноябре 1973 года в поселке Агинском побывала корреспондент газеты "Камчатская правда" Наталья Казначеевская. Она не только описала в красках, с эмоциями убогий быт геологов и отсутствие в поселке возможностей для досуга, но и сделала вот такую романтическую зарисовку: "Отлично работает бригада проходчиков первой штольни. Молодой горняк рассказывает: "У нас звенящий поселок. Поднимитесь на Перевальный. Это второй участок, тысяча метров над рекой. Оттуда горы как на ладони. Они звенят. Вернее, звенели, пока мы не пришли. Теперь там мы звеним. Наши голоса и машины" (102).

По свидетельству журналистки, в поселке геологов тогда проживало 120 человек, большинство из них были канавщиками и горняками. Из геологов Наталья Казначеевская застала в поселке Евгения Игнатьева.

Параллельно с разведкой на южном фланге месторождения проводились геолого-съёмочные и поисковые работы масштаба 1:10 000. В результате там был выделен перспективный участок Южно-Агинский с зоной протяженностью 2,5 километра. Геофизики Копыльинской партии под руководством неизменного на Аге В. В. Ардашова тоже проводили свои работы на флангах.

В 1974 году тематическая группа под руководством Юрия Федоровича Фролова начала разрабатывать тему "Структурные условия локализации и оценка перспектив золотоносности Козыревского рудного района". Фроловым были обобщены результаты работ всех партий и отрядов, когда-либо работавших в районе, проведено геолого-структурное районирование его площади, скорректированы стратиграфические схемы различных исследователей.

Осенью 1974 года в поселок Агинский прилетел молодой специалист геолог Юрий Гарщенко, только что окончивший Ростовский университет. Первым, кого он встретил, был геолог Борис Гузман. Новичка определили на документацию штольни, но вскоре отправили за перевал - в другой жилой поселок участка - Вьюн. Он располагался на реке Копылье, в устье ручьев Вьюн и Заросший. Здесь тогда находились канавщики, проживавшие в балках и палатках.

"Выдали мне матрац, спальный мешок, сказали, чтобы брал с собой больше продуктов, - вспоминает Юрий Алексеевич. - Поехали на АТС-ке. Когда приехали, все люди разошлись, а я не знаю, куда идти. Наконец, временно меня куда-то поселили. Говорят: "Приедет геолог Витя Марков - его в военкомат вызвали - тогда будем думать, что с тобой дальше делать". Так началась моя новая жизнь. Все было не устроено - и поселок, и организация работ. Производство шло вяло, как бы само собой, без усилий. Зимой, бывало, вообще не работали - то соляры не было, то еще какие-то причины не давали".

В 1975 году Агинское месторождение было включено в перечень важнейших объектов Министерства геологии СССР. На совместном заседании Совмина СССР и ЦК КПСС было принято постановление о завершении разведки 1-й очереди Агинского месторождения в 1977 году с защитой запасов в ГКЗ СССР. В 1980 году планировалось строительство ГОКа с производительностью 500 тысяч тонн руды в год. Но вскоре, из-за недостаточности ассигнований, срок завершения 1-й очереди разведки перенесли на 1979 год (103).

И все-таки определенная реорганизация управления производством в 1975 году произошла. Центрально-Камчатская партия была преобразована в экспедицию, Агинский участок - в партию. Первым начальником партии стал Яков Петрович Гурцик, который до этого назывался начальником участка.

Если перечислять всех руководителей и старших геологов, участвовавших в предварительной разведке Агинского месторождения в период с 1975 по 1977 годы, то список будет таким:

Начальники партии - Я. П. Гурцик (1975-76), А. М. Пантелеев (1976), А. И. Гасюта (1976-77);
Главные геологи: И. Д. Петренко (1975 - 77), Б. В. Гузман (1977);
Главный инженер: В. Г. Середкин (1975 - 77);
Старшие геологи: С. Д. Сергиенко (1975 - 77), Б. В. Гузман (1975 - 77), В. А. Прозоровский (1976-77), П. А. Озорнин (1977), О. Ю. Рождественский (1977).
Начальник поисково-съёмочного отряда - Ю. А. Касабов (1975-76);
Старший гидрогеолог А. А. Демченко (1975 - 77).
Геологи и техники-геологи: В. А. Плюснин, К. А. Афанасьев, П. Я. Николаенко, Ю. А. Гаращенко, В. А. Прозоровский, С. А. Дашкевич, П. П. Усатюк, З. Д. Саватеева, Н. В. Огарков, С. Н. Круглова, А. Я. Петренко, К. П. Кузнецов, Г. А. Бартошина, Л. И. Корсун, В. Н. Марков, Т. И. Прозоровская, А. Б. Лакейчук, Э. В. Лакейчук, Л. И. Верба, Н. И. Курносова, гидрогеолог Фулга.

За годы предварительной разведки были пройдены следующие подземные горные выработки:

Участок Агинский. Штольня № 1 по Агинской зоне (337,5 м). Из этой штольни пройдены 5 штреков и несколько квершлагов.
Участок Первальный. Штольня № 2 по зоне Валери (горизонт 1365, длина - 390 м) и зоне Апофиза (60 м). Из штольни также пройдено несколько штреков и квершлагов.
Штольня № 3 по зоне Туманной (горизонт 1365, длина - 260 м).
Поисковая штольня № 6 с множеством штреков, которые вскрыли несколько зон (горизонт 1210 м).

Всего было пройдено 7 324 метра подземных выработок. В 1976 и 1977 годах научными сотрудниками ЦНИГРИ была проведена работа по теме "Совершенствование технологии

проведения и крепления подземных горных выработок с учетом использования новых технических средств". В результате была значительно повышена эффективность подземных работ, внедрены технологические схемы скоростной проходки (104).

Следует сказать, что одним из главных результатов проходки подземных выработок, кроме целей подсчета запасов, было выявление слепых рудных зон, не выходящих на поверхность, Ноябрьской и Сюрприза.

Общие положительные результаты, полученные при предварительной разведке позволили еще в 1976 году, за год до ее окончания, приступить к детальной разведке рудных зон Агинской, Ноябрьской и Сюрприз. А в 1977 году завершилась предварительная разведка зон Ясная, Валери, Туманная и № 6.

АГИНСКОЕ СТАЛО СУДЬБОЙ

Для многих, кто работал на Агинском месторождении, оно стало судьбой. Причем и жизненной, и производственной. Такой судьбой оно стало и для Василия Викторовича Кноля.

В 1977 году он окончил с отличием Томский политехнический институт и с дипломом горного инженера прибыл по распределению на Камчатку. Просился на Вергеевское месторождение, где уже работал знакомый ему выпускник того же института Валерий Виноградов, но пришлось отправиться на Агинское месторождение, где всю шла предварительная разведка и готовились к детальной.

Когда прибыл в Мильково, на базу Центрально-Камчатской экспедиции, ему вместо Аги предложили работать инженером в производственно-техническом отделе. Подумав, Василий отказался. Решил начать свою профессиональную деятельность с самого низа, пройти ступень за ступенью все геологоразведочное производство.

В это время на Агинском шло строительство нового базового поселка - Вьюна. Завозились стройматериалы, балки, строили центральные ремонтно-механические мастерские, новую дизельную, жилые дома. Функционировали контора, клуб, сельсовет. То есть активно шла подготовка к детальной разведке Центральной части месторождения и предварительной разведке на участке Перевальном. Начальником партии в это время был Анатолий Иванович Гасюта, главным инженером - Владимир Григорьевич Середкин, главным геологом - Борис Викторович Гузман.

В один из августовских дней, в пятницу, Василий Кноль прилетел вертолетом на Вьюн. Сумеречное ущелье, малюсенький поселок, незнакомые лица не способствовали подъему духа. Но надо было начинать, назад пути не было. Первым ему встретился старший геолог Павел Озорнин. Он отвел новичка в контору, где отмахнулись: пятница, приходи в

понедельник.

На жительство комендант определил в 20-местную палатку. Ряды кроватей, железная печка... Дали матрац, одеяло, подушку. Оставили до понедельника. Два дня болтался по поселку, где и смотреть-то было нечего: школа, контора, несколько домов.

В понедельник застал в конторе главного инженера Середкина. Тот с одобрением раскрыл красный диплом молодого специалиста.

- Хороший диплом, молодец. Нам такие люди нужны. Пойдешь горным мастером на канавы.

Василия это несказанно огорчило. Ожидал чего угодно, но только не канав. Поэтому отказался.

- Пойдешь, - нажимал Середкин.

- Нет, не пойду, - стоял на своем Василий.

- Ну что же, тогда пойдешь помощником бурильщика, - рассердился главный инженер, возвращая Василию непонадобившийся красный диплом.

Василий тоже был рассержен таким оборотом дела, поэтому не стал качать права молодого специалиста.

- Ладно, пойду помбуром.

На том и расстались.

Выдали Василию Кнолю рабочую робу - сапоги, верхонки, брезентовую куртку и такие же негнущиеся штаны. Прошел он инструктаж и вскоре получил команду отправляться на смену в одну из буровых бригад. Ехали на вездеходе, но на полпути он сломался. Все пешком вернулись на базу. Василий нашел техрука, доложил о том, что на смену попасть не смог.

- Что дальше делать?

- Сиди, жди, скажут...

На следующее утро опять смена собралась ехать на буровую. Василий тоже пришел к починенному вездеходу. Но тут ему передали команду прийти в контору.

- Значит так, помбуром не пойдешь, а пойдешь буровым мастером на Агинский участок, - сказал на этот раз Середкин.

- Хорошо, - ответил Василий. - Пойду буровым мастером на Агинский участок. А где это?

- Завтра вахта будет ехать, добросят тебя до 6-й штольни, а там через перевал пройдешь пешком. Забирай свои вещи, будешь постоянно жить на Агинском.

Агинский участок - это старая база партии - поселок Агинский, на реке Аге, за перевалом от Вьюна. Начальником участка был Владимир Маркович Цвиркун. Он встретил молодого мастера суровым приказом:

- Сейчас я тебя поселю, и сразу собирайся принимать буровую. На все тебе один час.

- У кого принимать?

- Если бы было у кого, мы бы тебя не пригласили...

Позже выяснилось, что мастер запил вместе с бригадой, и его решили заменить подвернувшимся молодым специалистом.

С вахтой Василий доехал до штольни № 8, а дальше пошел пешком. Буровая стояла на самом верху, бурили скважину № 82. По пути к буровой Василий видел, что сзади поднимаются по той же дороге двое. Они оказались сменой. Познакомились. Бурильщика звали Виктором Худяковым. Он засуетился:

- Надо брагу ставить, нового начальника обмывать.

Василий огляделся. На буровой последний раз работали неделю назад, все прошедшие дни пили. Стоял станок ЗИФ-650, была укороченная мачта МРУГУ-3. Проектная глубина скважины 400 метров. Оставалось пробурить метров 10 - 15, но случилось осложнение. Какая тут брага, когда работы непочатый край?

- Нет, ребята, давайте вначале дело делать. А обмыть...

Буровики включили станок, спустили в скважину снаряд, почистили забой. К этому времени пришла геолог - молодая девушка Наташа Привалова. Узнав, что скважина чистая, она приняла решение закрыть ее и вызвать каротажников.

Эта скважина оказалась для Василия Кноля первой и последней на поверхности. После демонтажа бригаду перевели на бурение из подземных выработок.

"Недели три я проработал, - рассказывает Василий Викторович Кноль. - Потом как-то прихожу на штольню, захожу в бытовку, а там меня дожидается мужчина средних лет. С хорошим украинским акцентом говорит мне: "Начальник, ты когда вообще придешь к нам? Сколько можно тебя ждать"? Я опешил: "А при чем здесь я? Кто Вы такой"? Он отвечает, что зовут его Петр Васильевич Зубко, наш орденосец из бригады № 3. А у меня бригада № 1. "Ничего подобного, ты мастер у нас, в бригаде № 3, я под твоим началом". Так выяснилось, что у меня еще одна бригада есть. Познакомился я с ними, разобрался с составом, с задачами, с геологами. И пошла работа".

Мастером в двух бригадах одновременно Василий Кноль отработал больше года. По результатам работ 1978 года бригада № 1 была признана лучшей в Камчатском геологическом управлении. Василия наградили большими настольными часами с боем. А в январе 1979 года вызвали в Мильково, в экспедицию. В это время начальник Агинской партии Гасюта перешел на другую работу, а его место занял главный инженер Середкин. Кноля "сватали" в главные инженеры. "Я растерялся, - говорит он. - Ни опыта, ни навыка, до конца не представляю все аспекты геологоразведочных работ. Об экономике вообще не говорю. И я отказался, сказав, что еще к такой должности не готов. Меня опять вернули на Агинский участок, но уже техруком. Специфика Агинского участка состояла в том, что он был отдельным. Начальство партии было на Въюне, все службы на Въюне, а здесь руководил начальник участка, который был и царь и бог. Отвечал за производство, детский сад, столовую, пилораму, баню и так далее. И вскоре наш начальник Владимир Маркович Цвиркун перевелся в Мильково. И началась чехарда с начальниками, присылали все каких-то временных. Перед 7 ноября меня опять пригласили в экспедицию и, не разговаривая особо, сказали, что есть мнение начальником участка назначить меня. И добавили: "Либо

старшим инженером ПТО здесь, в экспедиции". Я согласился пойти начальником участка".

От судьбы, как говорится, не уйдешь. Василий Викторович Кноль и сам признает, что, согласись он тогда переехать в Мильково, а значит, с ним вместе переехала бы и семья, жена его Татьяна могла бы избежать смерти. В 1982 году она, будучи геологом, погибла в забое штольни под обвалом. Но судьбу не дано предвидеть...

На Агинском участке были тогда сосредоточены основные объемы подземных горных работ. Бурение по объемам распределялось примерно пополам с Вьюном, а канавы были на Вьюне. Если брать подземку, то на Агинском участке две бригады проходили восстающие выработки и три - горизонтальные. Одним словом, хозяйство было большим, хлопотным и ответственным. А Василию Кнолю не исполнилось тогда и 25...

Но в марте 1981 года хозяйство Василия Кноля резко выросло - его назначили главным инженером Агинской партии. В это время партия представляла из себя крупнейший на Камчатке производственный объект со сложной инфраструктурой.

"Акценты в работе были смещены уже в сторону Вьюна, - вспоминает Василий Викторович. - Начальником партии был Юрий Викторович Григорьев. Он с 1937 года рождения, приехал к нам из Якутии, где был главным инженером одной из крупнейших экспедиций страны - Нежданинской. Он был лучшим начальником партии за все время моей работы там. Он держал в своих руках все хозяйство, умело двигал кадры. Я удивлялся выдержке и мудрости этого человека. Ведь столько было проблем... К этому времени предварительная разведка закончилась, защитили запасы 1-й очереди, и никто не знал, что будет дальше. Оборудование партии за годы непрерывной эксплуатации изнашивалось, техника ломалась, электроэнергии и сжатого воздуха для забоев не хватало. Одним словом, было горячо.

В это время у нас появился грамотный главный энергетик, который взялся наводить идеальный порядок в своем хозяйстве. И вскоре навел. А компрессорная станция благодаря его усилиям заработала почти в автоматическом режиме. Постепенно, постепенно мы из проблем выпутывались...

Забегая вперед, скажу, что вскоре лучшими подземными выработками в системе Министерства геологии СССР были признаны наши, агинские. За разработку технологических карт на проходку горизонтальных выработок в сложных горногеологических условиях мы были награждены бронзовыми медалями ВДНХ. У нас было много штолен. Они соединялись между собой восстающими, и мы впервые применили у себя рудничную вентиляцию с регулированием струи воздуха. Когда главный инженер экспедиции рассказал об этом на Всесоюзном совещании в Чите, все были удивлены. Затем многие просили у нас эти документы".

Главным инженером партии Василий Викторович Кноль проработал до конца 1983 года, а затем был назначен ее начальником. Получилось, что за 6 лет он прошел в Агинской партии все ступени - от мастера до начальника. Потерял там жену. Вышел оттуда на большие

управленческие просторы - в 1992 году стал генеральным директором ПГО "Камчатгеология". Разве не стало его судьбой Агинское золоторудное месторождение?

ПОСЛЕДНЯЯ КРАТКАЯ ХРОНИКА

28 сентября 1979 года решением НТС Камчатского территориального геологического управления (протокол № 127) в целях увековечения памяти умершего первооткрывателя Агинского месторождения, ветерана камчатской геологии Забиха Абдулхаковича Абдрахимова решено переименовать Агинское рудное поле в Абдрахимовское рудное поле. Участок Агинский стал именоваться Абдрахимовским. Правда, в 1980 году были получены новые данные о структуре рудного поля и условиях локализации оруденения, поэтому деление месторождения на участки стало условным. Абдрахимовский, Перевальный и Вьюнский участки были объединены в единый Центральный. Здесь сосредоточились практически все запасы золота месторождения (105).

В мае 1980 года в Министерстве геологии РСФСР состоялось совещание у заместителя министра В. Е. Рябенко по выбору направления поисковых и разведочных работ на золото на территории Камчатской области на 1980 год и 11 пятилетку. На нем было решено начать детальную разведку 2-й очереди Агинского месторождения.

Через год, согласно направлению работ на золото на 11 пятилетку, была начата предварительная разведка месторождений Бараньевского и Сухариковские гребни для подготовки запасов с целью совместной отработки их с Агинским единым Центрально-Камчатским ГОКом. В 1983 году институтом ВНИИПИгорцветмет было составлено Технико-экономическое обоснование временных кондиций по Агинскому рудному узлу. Рассмотрено два варианта: переработка руд на Карамкенской золотоизвлекательной фабрике (ЗИФ) и на местной районной фабрике.

В 1984 году вышло постановление Совмина СССР и ЦК КПСС "О дальнейшем развитии золотодобывающей промышленности и увеличении добычи золота в стране". В нем было принято решение о начале проектирования и строительстве Центрально-Камчатского ГОКа с введением его в действие в 1989 году (106).

В 1985 году детальная разведка Агинского месторождения была завершена, написан отчет, защищены в ГКЗ запасы 2-й очереди.

А вот Центрально-Камчатский ГОК в силу многих причин так и не был построен...

АМЕТИСТОВСКАЯ ЭПОПЕЯ

НАЧАЛО

В 1962 году Верхне-Уннэйваямская партия Пенжинской экспедиции проводила геологическую съемку масштаба 1:200 000 на территории листа карты Р-58-XXVIII на юго-западе Корякского нагорья. Руководил партией геолог Ананий Иванович Поздеев. Вместе с ним работали геологи Л. М. Карпасов, И. Г. Кирков, техник-геолог В. П. Воробьев. Основой их работы служили геологические данные, полученные в этих местах геологами П. Г. Тугановым (1949 г.), С. И. Федотовым (1955 г.) и Б. В. Лопатиным (1957 г.). Но предшественники Поздеева описали геологию лишь в общих чертах, а геологам Верхне-Уннэйваямской партии предстояло ее детализировать. И они это сделали. Геологическая карта этой территории вскоре запестрела различными цветами и условными значками, обозначающими и верхнемеловые, и палеогеновые, и неогеновые отложения, а также интрузии, жилы и проявления полезных ископаемых. Шлиховым опробованием в районе были выделены три ореола рассеяния золота, которое сопровождалось касситеритом, киноварью и шеелитом (107).

В 1967 году на соседнем, северном листе карты проводил геологическую съемку геолог той же экспедиции Семен Петрович Скуратовский (Ичигинская ГСП). Он подтвердил стратиграфическую схему, принятую Поздеевым, а в левобережье среднего течения реки Ичигиннаям выявил два рудопроявления золота, связанные с кварцевыми жилами - Аметистовое и Интересное. Находки и положили начало работ на рудное золото в этом районе.

В следующем, 1968 году на участок Аметистовый отправился поисковый отряд Пенжинской ГРЭ с задачей опосковать территорию и дать ей оценку на рудное золото. Руководил отрядом Б. А. Михайлов.

Поиски проводились в маршрутах и с помощью небольшого объема ручных горных работ - проходки копушей и коротких канав. В результате было выявлено более 70 кварцевых жил с золотосеребряной минерализацией с максимальным содержанием 45 граммов на тонну. Геологи отметили приуроченность кварцевых жил к полям развития пропилитизированных пород и вторичных кварцитов. К сожалению, отряд плохо провел опробование руд и горных пород, а потому на следующий год пришлось это сделать дополнительно. Зато результаты анализов превзошли все ожидания: были выявлены настоящие геохимические аномалии золотоносности, линейно вытянутые вдоль открытых отрядом жил и зон (108). Территория получила название Тклаваямское рудное поле.

Следующими геологами, проводившими исследования этого рудного поля, были В. Н. Полунин и А. Б. Исаков. В 1973 - 74 годах они проводили там геологическую съемку масштаба 1:50 000. Им удалось не только значительно детализировать геологию района, но и выявить некоторую закономерность размещения полезных ископаемых. Геологи пришли к заключению, что "в пределах Ичигин-Уннэйваямского вулканогенно-рудного центра

рудопроявления золота располагаются ближе к центральным частям вулканотектонических структур второго порядка для района. Кроме того, рудопроявления размещены в полях развития гидротермальноизмененных пород пропилит-кварцитового ряда" (109).

Полуниным и Исаковым площадь работ была разделена на несколько рудных и перспективных участков: в пределах Тклаваямского рудного поля - Аметистовый, Мазуринский, Рудный, за его пределами - Омега (Оммэго), Акрополь, Спрут, Гилян, Куюл.

На участке Аметистовом выделено 5 групп кварцевых жил - №№ 1, 2, 3, 4, 5. Жилы прослежены канавами и по делювиальным свалам на 500 - 700 метров. На Мазуринском участке - 4 жилы: №№ 6, 7, 8, 9. Три жилы (№№ 10, 11, 12) выявлены на участке Рудном. Максимальное содержание золота достигало 250 г/т, серебра - 2420 г/т. (110).

1 января 1975 года в Олюторской комплексной геологоразведочной экспедиции была создана Аметистовая поисково-разведочная партия, которую возглавил В. Л. Смирнов. Старшим геологом партии назначили Г. П. Шипицына, прошедшего разведочную школу на Сергеевском золоторудном месторождении, выявленном на севере Корякии немногим ранее. В задачи партии входили:

- Уточнение границ Тклаваямского рудного поля, изучение геолого-структурной позиции и масштаба распространения золотосеребряного оруденения с составлением геологической карты масштаба 1:10 000;
- Оценка перспектив выделенных рудных тел с поверхности и на глубину с подготовкой наиболее перспективных к предварительной разведке;
- Детальное изучение интрузивных, субинтрузивных и субвулканических горных образований с выяснением их металлогении;
- Изучение морфологии, структурных и текстурных особенностей рудных тел, характера распределения оруденения по простиранию;
- Проведение магниторазведки и электроразведки геофизиками ГФЭ КТГУ.

Партия была сразу создана как круглогодичная и должна была выезжать на зимние горные работы. В составе партии кроме упомянутых выше первых руководителей работали геолог А. Б. Исаков, техник-геолог Е. В. Баркова, горный мастер В. А. Кошелев, техник-геофизик И. В. Разживин. В зимние месяцы начали проходить канавы. Правда, из-за снежного покрова и плохого знания местности вначале были ошибки в привязке канав, но затем все стабилизировалось. В первую очередь началась проходка длинных магистральных канав на водоразделе ручьев Дождливый и Рудный. Эти канавы, соединившись, образовали одну горную выработку протяженностью 2,4 километра, вскрывшую все жильные группы Аметистового участка. В результате количество рудных интервалов увеличилось здесь до 18 (111).

В мае 1975 года началась организация колонкового бурения станком СБА-500. Специально для этого в партию был направлен опытный инженер-разведчик Виктор Борисович Уваров, который до этого работал старшим буровым мастером в Малетойваямской партии, в аппарате

экспедиции, затем - старшим инженером по бурению на Сергеевке. Вместе с Уваровым в партию пришел работать техник-геолог В. Н. Васин, занявшийся изучением керна скважин. Правда, в сентябре Васин ушел, его сменил геолог Сергей Рычагов.

Места заложения скважин были предусмотрены проектом так, чтобы изучить на глубину 150 - 200 метров все выявленные жильные группы в одном-двух пересечениях. По ходу работ некоторые точки заложения скважин были переориентированы, что диктовалось целесообразностью изучить на глубину в первую очередь наиболее перспективные жильные группы (112).

Летом на участок прибыл геофизический отряд Геофизической экспедиции КТГУ. Руководил отрядом В. Волков. Геофизики провели наземную магнитную съемку масштаба 1:10 000 на площади в 37 квадратных километров и электропрофилирование методом срединного градиента по сети 50 x 10 метров на участке Мазуринском.

В это же время на Аметистовый участок прилетел доктор геолого-минералогических наук М. М. Василевский, который в Институте вулканологии взялся за разработку темы "Геология Таловской тектоно-магматической структуры и рудопроявления Аметистового, вещественный состав руд и закономерности их размещения в пространстве". Надо сказать, что над этой темой он работал и в следующем, 1976 году.

В апреле 1976 года сменился начальник партии. Им стал Александр Антонович Сальмин, пришедший из Сергеевской партии, где последнее время работал старшим горным мастером на подземных работах. Почти одновременно с ним в партию прибыли старшие техники-геологи Юрий Гаращенко и Людмила Афанасьева, а также техник-топограф Н. Беляева.

Юрий Гаращенко, проработавший в Аметистовой партии с марта 1976 по декабрь 1977 года, вспоминает: "Зимой там была не жизнь, а борьба за существование. Утром встаешь, топишь печь - и сразу одна мысль: где взять на день дрова. Заготовка дров занимала практически все время. Народу в партии было около 60 человек, дров надо было много, поэтому ежедневно брали большие сани, цепляли к трактору и ехали в тундру "копытить" стланник. Суровые были условия. Да и взаимоотношения были непростыми. Ничего мы там открыть не могли, потому что плохо представляли, где находимся, плохо знали геологию территории, не было опыта. Открытию мог способствовать только случай. На единственной буровой работы шли неплохо, боролись за выход керна, применяли пневмоударники. Правда, с рудных зон керн почти не поднимали, потому что зоны были сильно посеченными, глинистыми. И все-таки умудрились пересечь рудную зону на глубине, получить неплохие содержания золота, кажется, до 50 г/т".

В декабре 1976 года старшим геологом Аметистовой партии была назначена Тамара Ильинична Василенко. А чуть позже, в декабре, начальника партии Александра Сальмина сменил Евгений Стефанович Татаржицкий. Ушел из партии геолог А. Б. Исаков, пришел Владимир Лахтин. В июле пришла работать старший техник-геолог З. С. Соколова. Частая смена ответственных исполнителей работ, особенно геологов и старших геологов, приводила

к тому, что новые люди заново изучали участок и его геологию. Опыт не копился, не передавался. Это сказывалось на результатах поисков. Например, Рудный участок практически не изучался, как и фланги участка Аметистового. Почти не изученным остался и участок Мазуринский. А в 1978 году, когда наступила пора писать отчет о проделанных четырехлетних работах, оказалось, что первичная документация находится в неудовлетворительном состоянии, а их авторы уже давно уволились или перешли на работу в другие партии. Авторами отчета стали геологи, проработавшие на участке менее половины проектного срока, - Т. И. Василенко, Л. Б. Афанасьева, Р. В. Пак, Р. М. Фахреева, В. В. Горелов. Раздел "Массовые поиски" был написан техником-геофизиком В. П. Быковских.

И все-таки работы позволили установить огромное количество рудоносных жил. На Аметистовом участке их насчитывалось около 200. Их объединили в четыре группы - 1, 2, 3 и Центральную. Много жил было установлено на участках Рудном и Мазуринском. Наиболее продуктивным участком выглядел Аметистовый, где жилы концентрировались на левобережье ручья Дождливого и водоразделе ручьев Дождливый и Рудный. Вертикальная глубина оруденения, установленная бурением, составила 220 метров. На заседании научно-технического совета КТГУ, состоявшемся 29 декабря 1978 года, было отмечено, что "район работ является перспективным для дальнейших, более детальных геологоразведочных работ. Необходимо подготавливать наиболее изученную часть месторождения для предварительной разведки, не ослабляя поисковых работ на флангах рудопроявления" (113).

В 1977 году в экспедиции были подготовлены два проекта работ, которые должны были детализировать поиски золота на флангах Аметистового участка и на участках Интересном, Мазуринском, Рудном, а также опосковать участки Акрополь, Омега и Спрут. Флангами Аметистового участка занялась Аметистовая партия, для исследования остальной площади была организована Рудная партия. Правда, обе эти партии имели общую базу и общее руководство. База сложилась еще с прежних лет, когда партия только начала здесь работать. Состояла она из двух десятков балков и рубленых домиков, склада, пекарни, бани. Все эти постройки стояли на заболоченной террасе левого берега реки Ичигинная. Болото подпирало поселок со всех сторон, ему некуда было расти, а потому остро стоял вопрос о переносе базы на другой берег реки. Но сделать это было непросто, ведь Ичигинная - не ручей, а река, ширина которой достигала 30 метров.

Основными видами работ партий являлись геологические маршруты, проходка канав и магистральных траншей, а также колонковое бурение. Канавы проходились с взрывчаткой, а траншеи - бульдозерами. На флангах Аметистового участка вскрывались все новые и новые рудные жилы. К 1978 году наиболее перспективной вырисовывалась жила № 37 из 3-й, западной группы жил. Эта жила изучалась детально, и вскоре встал вопрос о поисково-оценочной стадии работ на ней с проходкой штольни (114).

Увы, для зарезки штольни партия не имела соответствующего проекта, хотя специалисты по проходке подземных выработок уже были. К тому времени закончились геологоразведочные работы на Сергеевском золоторудном месторождении, и Северо-Камчатская экспедиция,

работавшая там и базировавшаяся в Первореченске, закрывалась. А потому многих ее специалистов переводили на работу в Корф, в Олюторскую экспедицию. Одним из первых перешел на новое место бывший начальник Сергеевской партии Локман Хусейнович Эркенов. У него был опыт организации проходки подземных горных выработок и колонкового бурения, до Сергеевки он работал в Якутии и на Колыме, а потому его поставили начальником производственно-технического отдела экспедиции и поручили заняться штольней на Аметистовом.

Татьяна Ивановна Ворогушина, работавшая тогда маркшейдером на подземных выработках Сергеевки, вспоминает: "Я впервые попала на Аметистовый участок в августе 1978 года, когда еще числилась в Сергеевской партии. Эркенов, уже переехавший на работу в Корф, попросил прилететь, чтобы вынести в натуру будущую штольню на Аметистовом. Я полетела. Топографическую съемку там уже сделал топоотряд партии под руководством Сосновского. Меня встретил начальник партии Евгений Стефанович Татаржицкий, поселил в балке. Вскоре мы с местным топографом Надей Жереховой начали выносить точку будущей штольни...".

А по другому проекту - Рудной партии, основные работы проводились на участке Интересном, который располагался на левобережье реки Ичигинная. Здесь были выявлены три группы жил и несколько отдельных жильных образований. Но золота в них практически не было. "Участок Интересный оказался не столь интересным, - говорит геолог Вениамин Петрович Зайцев, который лето 1978 года отработал начальником отряда на этом участке. - Ничего существенного выявить не удалось. Там отмечается повышенное содержание серебра, а золото очень слабенькое. Правда, есть небольшие россыпи".

В феврале 1979 года Вениамина Зайцева назначили начальником Аметистовой партии. Именно ему, а также инженеру по горным работам ПТО экспедиции Александру Александровичу Богатыреву и выпала честь зарезать первую штольню на этом месторождении. Горным мастером был Александр Сальмин. Разрешение на зарезку штольни дал под свою ответственность начальник Олюторской экспедиции (которая в это время уже именовалась Северо-Камчатской, так как включила в свой состав оставшиеся партии бывшей Северо-Камчатской ГРЭ) Юрий Павлович Рожков. Об этом говорит в своих устных воспоминаниях Л. Х. Эркенов:

"Зимой 1979 года Юрий Павлович послал меня в Сергеевку. Я привез оттуда тракторной колонной все необходимое оборудование для проходки штольни. Весной провели врезку. В плане она у нас не стояла. Это была личная воля Рожкова".

К этому времени защитили отчет по своему месторождению геологи бывшей Сергеевской партии. Это была сильная, спаянная команда специалистов - Сергей Зайцев, Виктор Хворостов, Рашид Газизов, Людмила Безрукова. Все они были молоды, но уже с опытом геологоразведочных работ на Сергеевке, а также с большим желанием продолжать работать именно на золоте. Им, как ранее Вениамину Зайцеву, предложили перейти на Аметистовый участок.

"Мне заранее удалось изучить геологические материалы по Аметистовому, - рассказывает Виктор Петрович Хворостов. - У меня появилась интуитивная уверенность в том, что это перспективный объект. Сергея Зайцева взяли на работу в Мильково, в Центрально-Камчатскую экспедицию, и я ему говорил: "Зря ты уезжаешь. Вот объект - Аметистовая. И мы его сделаем". Хотя, если честно, работы там шли ни шатко ни валко. Сколько лет уже были известны рудопроявления, а дело дальше поисков не шло. Там не было системы. Не было команды. Поэтому мы решили, что, несмотря на холодное отношение, с которым нас в Корфе принимали, мы перейдем туда и будем работать".

"С Сергеевской партии на Аметистовый брали тогда не только геологов, но и основной костяк проходчиков и буровиков, - вспоминает в свою очередь Рашид Баянович Газизов. - Нужно было переезжать жить из Первореченска в Корф, а я этот поселок сильно не любил. Когда еще был молодым специалистом, то довелось лететь из Первореченска в Петропавловск через Корф, и мне он такую тоску навеял... Иду я по центральной улице, выходит дама с помойным ведром и прямо у подъезда его выплескивает. У меня эта картина осталась в памяти на всю жизнь. Я тогда еще подумал: уж в этом поселке я ни за что жить не соглашусь. Но судьба - с 1979 по 1993 год прожил именно в Корфе. До сих пор не понимаю, зачем выбрали эту пустынную, дикую, песчаную косу для строительства поселка с населением в несколько тысяч человек? Ведь ни одного деревца, нет воды, туалеты и колодцы рядом, переливаются, ветры... А на берегу, через гавань, - поселок Тиличики, где совсем другой климат, есть вода, земля, наконец. И вот, пришлось в этом самом Корфе жить.

После написания отчета по Сергеевскому месторождению, я уехал в полугодовой отпуск, за четыре года. Вернулся на Камчатку в августе 1979 года. 20 августа вылетел на вертолете в Аметистовую партию. Прилетаем, садимся на бревенчатую площадку прямо в болоте. Неподалеку несколько перекошенных, ободранных балков. Я в костюме, с чемоданом, в ботинках. Первое желание: заскочить в вертолет и улететь обратно. Но здесь работал мой друг, однокурсник Виталий Федотов. Смотрю: бежит он к вертолету с сапогами. Я переобулся, и пошли мы с ним в его балок, где и мне предстояло поселиться. Балок назывался офицерским, в нем жили молодые ребята-геологи. Грязи в нем - несколько слоев, сроду не мыли. Но что делать... К тому же было очевидным, что Аметистовый - очень перспективный объект. И масштаб достаточно крупный, и гидротермальная проработка пород, и большое количество кварцевых жил, - все это говорило о настоящем объекте. Поэтому нужно было смириться и привыкать к новой, неустроенной жизни. Она действительно была там неустроенной. Работы велись распыленно, по нескольким проектам, менялись начальники и геологи, средства были разобщены по отдельным участкам, сроки затянуты. Много было вопросов..."

"После Сергеевской партии выбирать было не из чего, одна лишь партия работала на рудное золото - Аметистовая, - дополняет рассказ Людмила Александровна Безрукова. - Я не знала, хороший это объект или нет. В первое время, когда туда попала, мне не очень нравилось. Но не сам объект, а место. Это низкосопочник, болота, комары. Не очень хорошее место. А позже, когда перешли на разведку, появился профессиональный интерес".

"После защиты отчета по Сергеевскому я уехал в длительный отпуск. Вернулся в августе 1979 года, - о том же периоде рассказывает Виктор Хворостов. - Рашид Газизов и Люда Безрукова были уже на Аметистовом. А меня назначили туда старшим геологом вместо Тамары Ильиничны Деревянко. Я прилетел на Аметистовый в начале сентября. День был солнечный, теплый. Первое впечатление от увиденного было достаточно гнетущим. Поселочек - землянки, балки, посредине поселка, возле камералки, трактор тонул в грязи. И в географическом плане Аметистовый после Сергеевки сильно проигрывал. Там - яркая природа, лиственницы, строевой лес, много соболя, лося, в реках - рыбы. А здесь продувное место, мелкосопочник, болота вокруг.

Естественно, мне, как геологу, хотелось увидеть месторождение собственными глазами. Я изучил отчеты по нему, знал графику, живо представлял себе все месторождение. Но для меня важно увидеть объект в объеме, тогда я уже представляю его себе окончательно. Поэтому и решил пройтись по территории месторождения, сделать для себя ознакомительный маршрут. Пспрашивал, где здесь геолог Володя Лахтин, мне ответили, что он где-то на участке. Несколько дней не мог я его увидеть. Тогда решил пойти в маршрут один. Взял молоток, карту и ушел. Дни были сухие, ясные, красота кругом неопишная. Ночевал на участке Мазуринском, а затем пошел в сторону Таловского озера. Шел по канавам. Кое-где лежали мешки с пробами, которые не были как следует оформлены. И вообще, у меня создалось впечатление, что работы ведутся совершенно не там, где нужно, поиски идут мимо.

После этого мы собрались все вместе - я, Рашид Газизов, Людмила Безрукова - разговорились о делах и планах. Нас удивляло, что партия работает на флангах, на второстепенных участках, а на самом Аметистовом работ, кроме еле живой проходки штольни, не ведется. Почему? На флангах кварц низкопродуктивный, даже визуально отличается от кварца из центральной части, где насыщенная тектоника, породы гидротермально проработаны, но работы в центре почти нет. Удивительно! Конечно, хромала дисциплина, геологи выполняли указания производственников, требующих план. Это сильно мешало".

"Мы понимали, что дальнейшая работа будет зависеть от того, какую политику начнем вести мы, геологи, - говорит Рашид Газизов. - А потому сразу взяли строгую политику, стали приучать производственников выполнять геологические программы, взяли это на свой контроль".

"Согласно имеющимся проектам, мы не могли приступить к изучению перспективного 37-го рудного тела, поэтому нужен был новый проект, а в нем - обоснование задним числом проходки имеющейся штольни и других, которые еще предстояло проходить, - продолжает Виктор Хворостов. - И мы взялись за составление такого проекта. Это были поисково-оценочные работы на южном фланге 3-й группы жил Аметистового месторождения. Срок проведения работ - с 1979 по 1981 годы".

ЯГОДКА, ЧЕМПИОН И ПРОЧИЕ...

Бывшие сергеевские геологи, прибывшие работать на Аметистовый участок, привыкли к дружному, творческому труду. Они не могли жить порознь, занимаясь каждый своим отдельным делом, своим отдельным участком, порученным именно ему. Им необходим был штаб, в котором бы кипела, варилась общая идея, заражавшая каждого, двигавшая всех без исключения сотрудников партии на интересную совместную работу. Такого штаба не было. Тогда они решили построить его.

"Надо было где-то собираться, чтобы обсуждать планы - рабочие и бытовые, - рассказывает Рашид Баянович Газизов. - И мы взялись устанавливать двадцатиместную палатку. Поставили ее на террасе реки Ичигинная. Освещалась палатка от генератора Ч-1, отапливалась печкой. И вот, перед самым Новым, 1980 годом, впервые партия собралась вместе. Как раз прилетел начальник экспедиции Юрий Павлович Рожков, и вечером, после рабочего дня мы собрались.

На улице стоял сильнейший мороз, а в палатке тепло, относительно уютно. Люди расселись, пригрелись, кое-кого от тепла сразу сморило. Уж на что Юрий Павлович умеет говорить, зажигать, но и он, напротив, лишь усыпил уставших рабочих. Говорил он о планах, перспективах. А когда закончил, вокруг - тишина. Юрий Павлович озирается, не поймет, в чем дело. И вдруг голос Лехи Анохина, канавщика: "Юрий Палыч, пашено будет, значит, и план дадим!". Народ сразу проснулся, загудел. Питание было самой больной темой. Как раз в стране начался период, когда стали урезать нормы питания. Раньше геологам вволю давали тушенки, сгущенки, а тут урезали настолько, что лишь проходчикам канав давали на месяц по 8 банок тушенки, остальным - почти ничего. Приходилось самим выезжать в Манилы за продуктами. Вот с этого и начался наш диалог с начальством, штаб заработал.

Конечно, большую роль в становлении объекта, да и поселка партии играли геологи. Мы являлись стержнем всей жизни там, движущей силой, вокруг нас формировался остальной коллектив. А всех нас вместе формировали обнадеживающие геологические результаты".

Да, результаты были обнадеживающими. К концу 1979 года окончательно "заиграла" жила № 37, которую назвали Чемпион.

Виктор Хворостов рассказывает: "В ноябре 1979 года я вылетел в Петропавловск, в управление, просить дополнительных денег на объект, который мы уже уверенно называли месторождением. Я специально для этого разговора с начальником управления Ремизовым подсчитал запасы по жиле Чемпион, у меня получилось 22 тонны золота. Правда, чтобы не делать эти данные совершенно секретными, я написал только 16 тонн. Показал Ремизову. Он согласился с тем, что нам необходимо финансирование увеличить.

После этого мы с Локманом Эркеновым специально летали на Агинское месторождение, чтобы познакомиться, как там ведут разведку, перенять опыт. Мне все это было очень интересно. У них я увидел буровую с П-образной мачтой, которая позволяла бурить

скважины с наклоном от 70 до 45 градусов. Мы же менее 75 бурить не могли. Привезли чертежи, и Локман Эркенов в Корфе с рабочими и специалистами мехцеха сделал такую буровую. Привезли ее в Аметистовую, начали бурить в штольне. Отбурили скважины №№ 200, 201, 202, 203. Отбурили 209-ю скважину, она нам мощную жилу вскрыла, которая не увязывалась с Чемпионом, поэтому мы задали 210-ю, но она прошла мимо. Перетащили на новую точку, и тут буровая наша сгорела... Просто, горе...".

Жильная зона Чемпион представляла собой мощную стволую жилу, локализованную в основном тектоническом нарушении участка с тем же названием. Жилу дополняла система субпараллельных и оперяющих жил и прожилков общей мощностью до 18 метров. Азимут падения жильной зоны варьировал в пределах 110-140 градусов. Рудными телами были наиболее обогащенные золото-серебряной минерализацией части этой жильной зоны, имеющие четкие геологические границы лежачего бока (115).

Штольня № 1, которая проходила вдоль рудовмещающего разлома Чемпион по горизонту 220 метров, имела сечение 6,4 квадратных метра. Ввиду того что рудные тела имели очень сложную, изменчивую морфологию, из основной штольни через каждые 40 метров проходились рассечки средней длиной 13,8 метра, которые помогали отслеживать и опробовать жильную зону, когда она уходила в сторону от штольни.

Кроме того, прямо из штольни бурились горизонтальные скважины, которыми геологи подсекали изучаемые и новые жилы и зоны. На поверхности также шло бурение станком ЗИФ-650, смонтированным вместе с металлической мачтой на тракторных санях. По многолетней мерзлоте бурили с пневмоударником, далее переходили на обычное бурение с промывкой водой. Но больше всего в партии проходило канав. Именно ими подсекались все новые и новые жилы.

Названия жилам и зонам давались оригинальные: Мария, Гюзель, Ягодка, Фантазия, Минская, Московская, Петровская, Изюминка.

"У нас в партии много было Петровичей, - рассказывает Виктор Петрович Хворостов, - а потому одну из жил мы назвали именем наших отцов - Петровской. Жилу Мария назвали в честь родившейся у Люды Безруковой дочери Маши. Гюзель - красивая - назвал Рашид Газизов. Жила Ягодка - это мое название. Очень красивое, ягодное место было, где я нашел впервые ее развалы. Минская - в честь того, что минское "Динамо" стало чемпионом. Изюминкой Коля Кизюлин жилу назвал. И так далее...".

Надо сказать, что в 1980 году геологи Аметистовой во главе с Виктором Хворостовым уже вполне изучили месторождение и закономерности залеганий и морфологии жил и рудных тел. Это позволило им составить математический макет месторождения, при помощи которого они сначала теоретически находили новые тела, а затем подтверждали умозрительные, просчитанные находки на месте.

"Мы видели все месторождение в объеме, - говорит по этому поводу Виктор Хворостов. - Вот

Чемпион, далее допрогнозировали Ичигинскую, которая на берег реки Ичигинная выходила. Потом она оказалась разбитой кулисами. Там были разные тела, но мы соединили их в одно и не ошиблись. Мы видели, что послерудная тектоника их сместила, но мы уже могли просчитать, куда сместила и насколько. Уже в 1980 году мы точно знали, где необходимо зарезать штольню № 3 по Ичигинской жиле на горизонте 110 метров, и штольню № 2 по жиле Фантазия. Кстати, эту жилу мы вывели, что называется, на кончике пера. И назвали ее так, потому что сначала нафантазировали, а затем точно в этом месте нашли. Я сам давал телеграмму геологу Володе Лахтину продлить канаву № 25 на юг, так как там должна быть трехметровая жила. Володя продлил, и точно - вскрыл трехметровую жилу. Модель сработала".

Но модель - моделью, да не все просчитывалось, как на школьной доске. Геологической, черновой работы было больше. Ею занимались геологи Рашид Газизов, Людмила Безрукова, Раиса Фахреева, Владимир Лахтин. Вот что писал об этой работе Владимир Лахтин:

Где ты, жила? Кроха - жила.
Дух ли ты? Ответ - могила.
Бьем канавы вдоль и рядом,
А она виляет задом.

Надо сказать, что Владимир Лахтин написал очень интересные стихи, ярко и необычно иллюстрирующие жизнь коллектива Аметистовой партии того периода. Я не могу удержаться, чтобы не привести здесь одно из них под названием "Аметистовино", предваренное следующим посвящением: "Зимующие геологи геологам перелетным посвящают".

- Ты помнишь, дядя, лета время?
В тепле, цветах, как сад Эдема,
Грибные спели здесь места...

- М-да... Планы строили большие,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помним - мама мия! -
О днях строительства моста.

Кишел геолог тут по сопкам.
И даже в отпуск - боком, боком -
Он незаметно уходил.
Хватало нас. Тем паче, старший
Был запевалой в летнем марше.
Как славно! Вот бы так и дальше...
Но с холодами тух и пыл.

Увы, на зимние квартиры
Убрались геокомандиры,
А вслед кто мельче - прыг да скок...
Прикинул я: да, будет туго,
Опять она - верна ж, подруга -
Как бы во мне взрыдала вьюга,
Мертвя в помойках жизни сок.

Да, были люди в пору ягод.
Тогда не знал геолог тягот.
Э-эх, кто зимовщика поймет?
Плохая нам досталась доля:
Немногие остались в поле...
Не будь рубля и долга воля,
Мы наплевали б на отчет.

Канавщик - он вскормлен на воле.
И вот нашли большое поле,
Чтоб разгуляться мог он тут.
На воле мерзнет Соловейчик -
Раба "тельца" и жрица печек.
О-о, во Вселенной человек,
Вруби! Коварен этот "Спрут".

Другим - не жизнь полусиделки
Ввиду технической безделки:
Полуработа, полусон...
И вот, о батюшки, свершилось,
Мехрота белкой закрутилась.
Бежали. Ватники не в милость -
Когда рысишь - поверх кальсон.

Мы с кашлем цугом пёрли ляжку:
Шевченко - влево жилу-хамку,
Я - вправо, в каске набекрень.
Потом остался друг морозко
И зависть на дрова у Ёськи...
И вот сошедшего с авоськой
На снег Рашида пала тень.

И молвил он, уткнувшись яро
В фундамент корфских циркуляров:
- Ребята, в бой! Горит этап!

Так двинем фронт! Он здесь обширен!
Да будет штагой окостылен,
Продуктом мозговых извилин,
С осадой флангов и на храп!

Во все концы он заструился,
Как дымом пахнувшая гильза,
Вбивая тут же вновь патрон:
На буровую, на канавы,
На штольню... Выбран без канклава
Миссией духа. Bravo, bravo!
Сползал начищенный погон.

Нинон была с рожденья хватом:
Слуга ветрам и мать кудлатым.
И вот - она на буровой.
От мерзлой тверди руки зябнут,
И Бог, и черт не раз помянут.
Спешит. Пурга кидает в аут.
"До штольни! До передовой!"

Вам не желал б такой юдоли:
Взбесилось мартовское поле,
И загнул ползучий снег.
На дровнях мы путем корявым,
Прикрыты парусом дырявым
(А холод тело жмет удавом)
Катили к штольне час, как век.

А в овдовевшей камералке
Емели нет - и дров ни палки
Нельзя урвать в игре дилемм.
Ведь вот опять же заковыка,
Хоть шапку мни, как забулдыга,
Черт же один - зараз два фига.
То - начдвора и глух и нем.

В балке ж - развертки карт бодало.
То - брызжет жеваное сало
От любопытного жильца.
Скучали гости как попало,
Гремифасоль Ля Си визжало,
Глаза слипалися устало,

Работе не было конца.

Да, шлялось лето в хмеле ягод.

Тогда не знал геолог тягот.

Э-эх, кто зимовщика поймет?

Плохая нам досталась доля:

Немногие остались в поле,

Не будь рубля и долга воля,

Мы наплевали б на отчет.

Конечно, стихотворение написано с юмором, в виде зарисовки с натуры, но зримо отражает будни и работу аметистовцев в зимнее время. Кто смог - вылетел в Корф, а то и подалее, а те, кто остался на участке, вынуждены работать за всех, "гнать этап", ловить в канавах и скважинах жилы и руды. И при этом не тужить, относиться к жизни с юмором.

Что касается строительства моста, о котором сказано в самом начале стихотворения, то оно было отдельной, многолетней эпопеей Аметистовой партии. Дважды строился мост через реку Ичигинная, и оба раза по весне его сносило. Наконец, за дело взялся Локман Хусейнович Эркенов. Будучи в Петропавловске, он попросил главного инженера объединения "Камчатгеология" Валерия Петровича Маргулиса найти ему литературу по мостостроению. Вскоре тот нашел хорошую книжицу с чертежами и расчетами и послал ее в Корф. Эркенов выбрал подходящий вариант, сделал расчет. После этого сам руководил строительством. Мост получился на славу, Эркенов переходил по нему реку и через двенадцать лет после строительства.

Подводя итог главе, надо сказать, что геологическая служба на Аметистовом месторождении была отлажена благодаря энтузиазму и любви к своему делу геологов партии. После этого началось движение к улучшению организации труда и технологий на бурении скважин и проходке подземных горных выработок.

ЛЮДИ РЕШАЮТ ВСЕ

Олег Тараско в 1978 году окончил Томский политехнический институт и получил направление на работу в Дальневосточное геологическое управление. Там его определили в знаменитую Многовершинную партию, которая занималась разведкой одноименного месторождения. Горные инженеры тех лет помнят, что почти все передовое в технологии геологоразведочных работ опробовалось и доводилось до кондиции именно там - на Многовершинке, в Комсомольской экспедиции. По стране расходились брошюры с подробным описанием передового опыта бригад экспедиции и партии по проходке подземных выработок и бурению скважин. В этом оазисе высоких отечественных технологий Олег работал два года, а потом призвался в армию и попал на Камчатку.

Служил Олег на флоте, перед демобилизацией получил звание старшего лейтенанта. Камчатка ему понравилась, и он решил на ней остаться. Обратился в Камчатское геологическое управление с просьбой принять на работу. Ему предложили северную экспедицию - СКГРЭ, где шла разведка Аметистового месторождения.

Это была осень 1982 года. На Аметистовом шли подземные работы, и бурила одна вышка со станком СБА-500. Начальником партии был Солтон Хусейнович Эркенов, главным инженером - Валерий Дмитриевич Виноградов. Организацией бурения занимался именно он, но основное время отнимали у него штольни.

Надо сказать, что на севере очень долго не приживалось серьезное бурение. Геологи отдавали предпочтение горным работам. Наверное поэтому о совершенствовании технологии буровых работ не помышляли. Бурили себе буровики - и ладно, лишь бы керн хватало для описания горных пород и их опробования.

Именно с таким отношением к бурению столкнулся Олег Тараско, прибыв в Аметистовую партию буровым мастером. "После Многовершинки я увидел здесь каменный век в бурении, - признается он. - Прилетел я в ноябре, когда тундра уже была покрыта застругами плотного снега, стояли морозы. Дни были короткими. Главный инженер партии Виноградов повез меня на буровую. Вижу: стоит сарай на металлических полозьях, обшитый в одну доску и обитый внутри жостью. Над сараем - самодельная П-образная мачта, внутри - станок СБА-500. У сарая напрочь разбиты передние ворота, внутри свободно гуляет ветер. Буровиков нет, но станок работает, бурение идет на малых оборотах. Бурили пневмоударником, поэтому все внутри покрыто несколькими слоями перемешанной со снегом пыли. Буровиков обнаружили в малюсеньком отгороженном закутке с железной печкой. У них ведро соляры, они то и дело подкидывают ее банкой в печь, там ревет пламя и дает какое-то тепло. Все вокруг грязное, черное, прокопченное.

Бурильщиком был Виктор Гужеля. Он приехал с Украины на заработки, и вот попал в эти условия. Показал нам компрессор ДК-9, электростанцию ДЭС-60. Компрессор стоял прямо на улице - открытый, полуразбитый, весь в масле. Электростанция находилась в маленьком сарайчике на санях, тоже обитом рваной жостью.

Впечатление было гнетущее. Я сталкивался только со стандартными буровыми, где все состояло из блоков, везде было чисто, тепло, можно было работать без ватника. Вся страна уже бурила КССК, с растворами, а здесь до сих пор - пневмоударники. Самое страшное от такого бурения - всепроникающая пыль. Особенно, если буришь по кварцевым рудным зонам, когда пыль - то же стекло. И все это - в легкие.

Позже я понял, что такая организация работ была в психологии северян. Они не могли себе представить, что можно на холоде, посреди тундры бурить с промывочными жидкостями, и тем более с растворами. Ведь все перемерзнет... Как отапливать, чем отапливать? Были попытки бурить глубокие скважины, но они, как правило, заканчивались авариями. Там вечная мерзлота до глубины примерно 100 метров, а дальше были обычные горные породы.

По мерзлоте бурили пневмоударниками большого диаметра, скважину не обсаживали, а когда входили в немерзлые породы и начинали применять промывку, то верхние части ствола скважины начинали постепенно оттаивать и обрушиваться. Одним словом, технологии не были разработаны, все было пущено на инициативу и умение самих буровиков, а им нужны были только метры. Я понял, что попал в края с непечатым фронтом работ по разработке и внедрению эффективных технологий. И сразу жизнь показалась прекрасной, все бытовые неурядицы стали пустяжными. Ведь всегда приятно быть пионером какого-то дела, причем дела интересного".

Конечно, взяться за реорганизацию бурения Олегу Тараско не удалось. Во-первых, и уровень низковат - всего лишь мастер, а во-вторых, затягивала текучка. К тому же вечно не хватало то труб, то коронок, то ломался станок, то нужно было ликвидировать аварии. Но идея реорганизации его не покидала, тем более что эта же идея всегда мучила и главного инженера Валерия Виноградова. Когда-то он вместе с Виктором Уваровым и Виктором Романовым внедрял пневмоударное бурение в Сергеевской партии. Тогда оно было технологически передовым, но с тех пор технологии изменились, а на севере продолжали работать, как прежде. Это и мучило, но руки не доходили, текучка держала за горло. Хотя, если честно, не нашлось такого человека, который бы все остановил, переделал, а потом наверстал более эффективной работой.

Таким человеком стал Юрий Викторович Неверов, но это случилось только в 1984 году. Тогда уже заканчивалась разведка на Агинском месторождении, а потому Аметистовое месторождение становилось одним из главных объектов объединения "Камчатгеология". Новый генеральный директор объединения Виктор Иванович Лаштабег почти на всех руководящих постах сменил людей. Убирал местных начальников и ставил своих, приглашенных из Магаданской области, откуда прибыл сам. Северо-Камчатскую экспедицию Лаштабег доверил энергичному, предприимчивому Владимиру Ивановичу Кисилю. На должность главного инженера экспедиции вызвал с Колымы Юрия Неверова.

Юрий Викторович Неверов по его личному признанию, всю свою жизнь мечтал работать на Камчатке. Но не получилось - затянули Колыма, Чукотка. А тут - такое предложение от Лаштабега. Не раздумывая, он согласился. А когда прилетел в Петропавловск и встретился с Лаштабегом, тот сказал: "Главным инженером экспедиции ты еще поработаешь, а сейчас надо Аметистовую партию поднимать. Давай туда начальником".

Так же, как два года назад Олег Тараско поражался каменному веку в технологии работ и в техническом оснащении Аметистовой партии, поражался тому же самому и Неверов - почти ничего за это время здесь не изменилось. "Бурили пневмоударниками, - почти с восхищением таким стойким консерватизмом говорит Юрий Викторович. - Там же все разбивает, на золоте так нельзя работать. Я еще в Северо-Эвенской партии применял на бурении гироскопические инклинометры, позволяющие точно подсекать рудные тела, отклонение в 5 метров считалось браком. А здесь браком ничего не считалось, потому что был настоящий каменный век. Я Северо-Эвенское начинал почти одновременно с Аметистовым, но там уже давно закончили и забыли, а здесь все еще раскачивались...".

Неверов-то и взялся всерьез за технологию и оснащение. Начал с дизель-электростанции. В партии уже год как был сделан фундамент под новую дизельную, привезены два огромных дизеля ДГА-300, стоявшие в заколоченных ящиках. Нужно было строить здание дизельной и монтировать агрегаты. Но не было проекта и знающих людей. Пришлось самому взяться за расчеты и чертежи.

В это время начальник экспедиции В. И. Кисиль нашел хорошую строительную бригаду из армян, привез их на Аметистовую. И началась стройка. Монтировали дизеля под руководством энергетика Зинченко. "Характер у него был неуживчивый, - рассказывает Юрий Викторович, и я забрал его с Аги. Он на раскладушке спал в дизельной, не выходил из нее, пока все не сделал".

С 7 июля по 7 августа 1984 года прошло испытание новой дизельной электростанции, после чего ее начали эксплуатировать.

Следующее, что сделал Неверов, - построил новую компрессорную станцию для подземных работ. После этого всерьез занялся бурением. "Хворостов и его геологи все время меня доставали этим вопросом, жаловались, что плохой линейный и объемный выход керна, медленно идет геологическая информация. А ведь было, по-моему, уже 5 буровых бригад вместе с подземкой. Но бурили действительно плохо, в месяц давали от силы 300 метров. Это же бурёшка, а не бурение. Большую роль сыграл Виктор Борисович Уваров - заключил договор с Ленинградским институтом ВИТР. Я еще по Колыме многих ребят оттуда знал, поэтому сразу же мы стали с ними плодотворно работать. Две проблемы нужно было решить: производительность и качество. Первый раз они приехали - привезли с собой снаряд ССК-59 и ССК-76. И начали...".

"В 1984 году я начал монтаж новой буровой установки со станком ЗИФ-650 и мачтой МРУГУ-3, - рассказывает Олег Тараско. - Настоял на том, чтобы буровое здание было построено из бруса, а мачту полностью укрыли вентиляционным рукавом. Получилась очень хорошая, теплая буровая. Летом 1985 года мы начали ею бурить сразу комплексом ССК. Это была буровая бригада № 1. Начали применять и глинистые растворы. Правда, готовили их сами буровики на буровой. Бетономешалка стояла на санях, воду привозили на водовозке, порошковая глина хранилась в мешках. Надо буровикам изготовить раствор - они берутся и делают. К тому времени почти все освоили бурение алмазными коронками".

Весной 1985 года Юрий Неверов был назначен главным инженером Северо-Камчатской экспедиции. Поработать временно начальником Аметистовой партии попросили заместителя начальника экспедиции Локмана Хусейновича Эркенова. Главным инженером партии стал опытный, грамотный технолог Владимир Шунин.

Летом 1985 года Эркенов уехал в отпуск, вместо него начальником партии назначили Валерия Тимербулатовича Вильданова. В это же время на Камчатку вернулся живший несколько лет в Молдавии Виктор Павлович Романов - бывший начальник Сергеевской партии. Романова приняли на работу в СКГРЭ и назначили заместителем к Вильданову.

Романов не был бы Романовым, если бы не начал строить. Кроме этого, он взялся наводить порядок в поселке и положил начало центральному отоплению. Дело в том, что из системы охлаждения дизелей выходила горячая вода, которая охлаждалась и опять поступала в дизеля. Ее решили использовать для отопления поселка. Сначала провели трубы в школу и столовую, затем стали подключать балки.

"Бурение шло уже более или менее нормально, - вспоминает Виктор Павлович Романов, - но на каждой планерке шел раздрай с тракторами, подвозкой дизтоплива, воды на буровые. И решил я окончательно закончить реорганизацию управления процессом бурения. В дизельной три мощных ДГА, которые обеспечивали штольню и поселок, а буровые получали электроэнергию от своих дизельных электростанций. Это опять же солярка, просто из-за ее отсутствия. Тогда я и решил подать на буровые электроэнергию от центральной дизельной в поселке. Мне возражают: "Людей нет, строевого леса для опор нет...". Многие рабочие Аметистовой были со мной еще в Сергеевке. Они мои подходы знают: я остановил проходку канав и дал канавщикам задание вязать из рудстойки столбы и копать под них ямы. Часть людей растаскивала столбы, энергетики развозили катушки с проводом. За 5 дней мы прокинули ЛЭП до всех буровых, установили трансформаторные подстанции. Все дизеля с буровых были убраны, пошла экономия, улучшилась работа".

10 сентября 1985 года Виктора Павловича Романова назначили начальником Аметистовой партии. К этому времени он еще более улучшил организацию буровых работ. Была сделана централизованная глинистая станция, где находился дежурный. Со всеми буровыми была установлена связь. По первому вызову бурильщиков на буровую выезжали технологи или другие специалисты, везли промывочные растворы, трубы, керновые ящики, шли на документацию геологи. Демонтаж и перевозку буровых вышек со скважины на скважину осуществляли быстро, при помощи специальных бригад. В 1986 году бурение скважин в партии было поднято на должную технологическую и управленческую высоту. Вскоре бригады Аметистовой стали греметь в ПГО "Камчатгеология", а затем и в отрасли по всей стране.

По итогам Всесоюзного соревнования 1988 года буровая бригада № 8 Аметистовой партии СКГРЭ была награждена почетным вымпелом ЦК ВЛКСМ "Наследники стахановских традиций" и денежной премией. Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ были также награждены буровой мастер бригады С. А. Рублев и бурильщик И. В. Емельянов. Кроме того, бригаде было присвоено звание "Лучший комсомольско-молодежный коллектив Министерства геологии СССР", а мастеру Сергею Алексеевичу Рублеву - "Лучший буровой мастер Министерства геологии СССР".

Эта бригада приехала на Аметистовую полным составом осенью 1986 года. Руководил ею бригадир Квитко. Позже в нее вливались молодые ребята Кузьменко, Валерий Григорьев, Емельянов, Семенов, заменяя первоначально прибывших. Буровым мастером в бригаде был Сергей Николаевич Костенко. Он и задал темп на хорошую работу. Через год Костенко стал технологом, а вместо него мастером назначили Сергея Алексеевича Рублева. Пришел в бригаду и опытный бурильщик, который до этого был мастером, Сергей Кузьмин. Бригада

еще более окрепла, освоила работу с ССК.

Рублев, в принципе, вырос в этой бригаде - начинал в ней помощником бурильщика после окончания Иркутского геологоразведочного техникума. В 1984 году он уезжал с Севера, но через год вернулся и опять работал в этом же коллективе. Человек он был настойчивый, волевой, упорный. Мог аргументированно поставить задачу, солидно поговорить с начальством. Он начал пользоваться в бригаде почти непререкаемым авторитетом еще тогда, когда был помбуром. И при этом это был еще молодой человек, холостяк, в 1988 году ему было 28 лет. По вечерам играл на гитаре, пел, был очень общительным. На работе горел, из буровой мог не выходить сутками. Старший инженер ПТО Северо-Камчатской экспедиции О. А. Гирин рассказывал: "Он не боится идти на конфликт с начальством, если знает, что прав. Гнет свою линию. Бригада его во всем поддерживает. Среди буровых мастеров ему равных нет. Его главное качество - упреждение, он видит на шаг вперед, на перспективу.

Преимущество бригады - в быстрой забурке. На ней они времени не теряют. Применяют растворы, эмульсии, хорошо знают геологические разрезы. И, самое главное, разбираются в тонкостях технологии бурения. Обсадку ставят строго в коренные породы. Аварийности у них мало. У них нет такого, чтобы где-то валялись трубы, не были уложены как надо. Средний возраст бригады 28 лет. У всех за плечами техникум, Семенов заочно учится в институте.

У Рублева всегда заранее продумана перевозка на новую точку. Глубины скважин 300 метров, они в месяц бурят 2, а то и 3 скважины".

Ну как тут не вспомнить после рассказа Олега Гирина рассказ Олега Тараско, приведенный выше. Та же самая партия, то же самое месторождение, в той же тундре, но бурение отличается, как небо и земля.

Была в Аметистовой партии и другая знаменитая буровая бригада - № 4 бурового мастера Леонида Годлевского. Когда-то это была отстающая бригада, в которой буровики менялись один за другим. В 1985 году в ней начал работать бурильщиком Александр Макаров. Одновременно заочно учился в техникуме. С его приходом к бригаде стали относиться серьезнее, увидев, что и она может работать. В 1986 году в бригаду направили бурильщиками молодых специалистов после Киевского техникума Леонида Годлевского и Валерия Шадуро. С тех пор эти трое составили костяк коллектива, который начал работать очень стабильно - в месяц ребята бурили по 500 - 520 метров. Позже к ним присоединились "афганец" Александр Николаев, награжденный на войне орденом Красной Звезды, а также бурильщики Нигматулин и Вячеслав Шевченко. В бригаде стали применять комплекс ССК и пену ГЖС. Эффективность бурения резко выросла, бригада вышла в передовые, стала наступать на пятки бригаде Рублева.

Если сравнить показатели этих бригад по годам, то они будут следующими:

1985 год. Бригада № 4 - набурено 423 метра; бригады № 8 еще нет.
1986 год. Бригада № 4 - 2582 метра, бригада № 8 - 1 023 метра.
1987 год. Бригада № 4 - 3771 метр, бригада № 8 - 5168 метров.
1988 год. Бригада № 4 - 5883 метра, бригада № 8 - 7115 метров.

Юрий Викторович Неверов говорит: "Что решило? Сталин сказал: все решают кадры. Вот и в Аметистовой партии все решили кадры, буровики. При условии, конечно, что мы обеспечили их техникой, снабжали материалами и инструментом. Организация и работа - это уже в партии делалось. Молодые специалисты буквально толпились тогда в отделе кадров экспедиции, принимали на работу только техников и инженеров. Я имею в виду - на рабочие места. На некоторых буровых даже помбуры были с высшим образованием. Бурили ребята нормально, зарабатывали тоже нормально. Может быть, это было расточительством, что инженеры встали за рычаги станков, но к концу детальной разведки бурение на станок в месяц по 1 000 и даже более метров стало чуть ли не нормой. Но тут - кризис... Отрасль стала разваливаться. Где теперь эти люди? Это же золотой фонд страны. Не собрать, уже не собрать...".

ИТОГИ

В 1984 году началась предварительная разведка центральной части Аметистового месторождения (1-я очередь). При помощи штолен, бурения и проходки поверхностных горных выработок была сделана промышленная оценка рудных тел Ичигинское, Изюминка, Фантазия-1, Фантазия-2, а также флангов рудоносных структур 1 и 3 групп жил.

В 1986 году была начата предварительная оценка 2-й очереди месторождения: флангов и глубоких горизонтов наиболее крупных рудных структур

В 1987 году дополнительно были проведены поисково-оценочные работы на участках Мазуринском, Светлом, Рудном и Северном, которые являются флангом месторождения.

В 1991 - 1994 годах на месторождении проведена детальная разведка. Таким образом, Аметистовое золоторудное месторождение было изучено. На это ушло 17 лет (116).

Начинала работы на месторождении Пенжинская экспедиция, проводила - Северо-Камчатская, а заканчивало детальную разведку акционерное общество "Горнорудная компания Корякии", созданное в 1992 году в Палане. В июне 1993 году эта компания получила лицензию на разведку и добычу золота на Аметистовом месторождении. Срок начала добычи был определен концом 1997 года (117). Но экономические кризисы, обрушивавшиеся на Россию один за другим, так и не позволили этого сделать. К моменту написания этой книги Аметистовое месторождение пустует, АО "Горнорудная компания Корякии" не смогло начать там добычные работы. Базовый поселок разбирается и вывозится окрестными предприятиями. Годы жизни, годы работы тысяч людей пока не оправдались.

Если говорить о самых тяжелых работах - проходке подземных выработок и бурении скважин, то их проведено столько, что можно было бы ими, если соединить в одну линию, достать с Аметинового до поселка Корф. Подземных выработок пройдено за все годы 13, 2 километра, из них горизонтальных - 12, 2, остальное - восстающие, скважин пробурено 167, 3 километра, из них из подземных выработок - 2,3 км. (118).

В ГОРАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ КАМЧАТКИ

ПО СЛЕДАМ КВАРЦЕВЫХ ЖИЛ

Если зимой вылететь на вертолете из Петропавловска-Камчатского на юг, в сторону Мутновского вулкана, то очень скоро, уже за Паратункой, вертолет попадает в белое безмолвие заснеженных гор. Вокруг, насколько видит глаз, дыбятся горы, с островерших вершин которых вечные ветры сдувают снежную пыль. Вулканы Вилюча, Горелый, Мутновский, Асача царственно и неприступно возвышаются над этим стылмым безмолвием. Невольно думаешь, что здесь люди жить не должны, потому что это совсем другая планета, еще не освоенная... И действительно, люди здесь не живут - до самой оконечности Камчатки уже не встретишь сел и поселков. Но, тем не менее, люди здесь работают. И даже зимой. А было время - в начале 1970-х, в 1980-е годы - эти места активно обживали геологи. Некоторым их открытиям, и в первую очередь Асачинского, Мутновского и Родникового золоторудных месторождений, посвящен этот очерк.

1.

Летом 1973 года Опалинская партия Камчатской геолого-съёмочной экспедиции проводила последний полевой сезон на геологической съёмке масштаба 1:200 000 листа 57-XXXII. Работа шла тяжело. И не только потому, что это был последний сезон, проходивший на остатках финансирования, при малой численности исполнителей, но и потому, что буквально в первые дни работы начальника партия Валерия Соломоновича Шеймовича сразил жуткий радикулит и его вывезли спецрейсом вертолета в Петропавловск. В больнице Шеймовича продержали три месяца, то есть почти весь сезон. Все это время обязанности начальника исполнял геолог Михаил Григорьевич Патока.

"Состав партии был очень молодой, - вспоминает то лето Михаил Патока. - Из более или менее опытных геологов были начальник поискового отряда Владимир Соловьев и геолог Галина Успенская. К тому же выяснилось, что Галина Ивановна беременна. Она долго это скрывала, под геологической робой не заметно, но я стал замечать, что ходит она как-то уж очень тяжело: маршруты делает все короче и короче, а приходит всеравно ночью. Так что, по сути, на съёмке я остался один. Очень мне помогли два студента - Харькевич и Володя

Ушаков. Оба отлично понимали ситуацию и выкладывались полностью".

Уже в конце августа, достаточно измотанный работой, усталый, голодный, Михаил Патока возвращался из трехдневного маршрута и вышел в устье безымянного ручья, впадающего справа в реку Асачу. Теперь этот ручей называется Семейным, он - самый первый, верхний приток еще слабой, только набирающей здесь силы речки Асачи.

Вечерело, хотелось скорее попасть в лагерь, поужинать и лечь отдыхать. И вдруг внимание геолога привлек обломок желтоватого, охристого кварца, лежащий в русле Асачи напротив устья ручья Семейного.

"Я уже был достаточно опытным геологом и понимал, что обнаружение кварца такого типа - это на девяносто процентов рудопроявление, - рассказывает Михаил Григорьевич. - Я принес этот обломок в лагерь и сказал своим сотрудникам, чтобы держали ухо востро - где-то здесь находится коренной источник этого кварца.

На следующий день я сам пошел искать его. Что такое успех геолога? Половина его - от внимательности, когда геолог внимателен и не ленится залезть под борт, перейти на другую сторону ручья, поискать, посмотреть, что выносят роднички, что сыплется со склонов и так далее. Все это в комплексе дает представление общей картины геологической обстановки. Надо обратить внимание на то, как располагаются родники - хаотично, или трассируют какую-то линию. Надо подбирать под ногами все, что видишь. Находка - это не просто шел и нашел. Находка - это работа, переживание, стремление найти. Почему геологи - люди особого склада? Да потому, что каждый день природа ставит перед ними новую задачу. И в основном задачи эти приходится решать геологам в одиночку. Это под час бывает очень мучительно. Ты понимаешь, что если ошибешься, то твоя ошибка может отвлечь успех на десятилетия. Твоя неправильная интерпретация фактического материала может отбросить возможный успех, увести его в сторону. И только через много лет другие люди, повторяя твой маршрут, найдут здесь что-то интересное...

Именно поэтому я был внимателен и настойчив. И был за это вознагражден. В одном из распадков, плохо обнаженном, я обнаружил большую глыбу кварца. А в сухих родничках нашел мелкую кварцевую щебеночку. Тогда я понял, что здесь не так все просто, и золотоносные тела могут в этом месте быть. Тем более что еще в 1971 году, когда Валерий Соломонович Шеймович писал проект на Опалинскую площадь, он при дешифрировании аэрофотоснимков выделил район верховьев реки Асачи. Уж очень необычно он смотрелся, отличался от соседних площадей напряженной тектоникой, особым рельефом. А я в то же время, поднимая старые полевые дневники предыдущих исследователей территории, наткнулся на интересную, с моей точки зрения, запись О. Н. Толстихина - автора геолого-гидрогеологической съемки в этих местах в начале 1950-х годов. Толстихин пересекал Камчатку из бухты Асача до устья реки Опалы и на крутой излучине Асачи нашел и описал в дневнике тончайшие, возможно кварцевые, нитяные прожилки в андезитах. Я в одном из маршрутов прошел туда и действительно увидел эти прожилки. То есть район этот отличался своим металлогеническим беспокойством".

На другой день Михаил Патока со студентом Володей Ушаковым буквально лазили вдоль ручья Семейного, сдирая молотками дерн с обнажений. И стали находить подобные кварцевые прожилки мощностью в 3-4 сантиметра. Одновременно с ними техник-геолог Николай Степанов отмыл несколько шлихов из речных отложений и обнаружил золото.

"Стало ясно, - продолжает Михаил Григорьевич Патока, - что кварцевые прожилки, которые мы видим, или другие подобные тела несут здесь золото. Назавтра я вывел туда всю партию. Каждому задал по литохимическому профилю. Примерно через час после этого пришла Галина Успенская и сказала, что недалеко от того места, где я в первый день обнаружил глыбу кварца, она нашла признаки жилы: "Я пробы взяла, но, по-моему, там должна быть жила".

Я все оставил и пошел туда. И точно, в нише обнаружил в коренном залегании кварцевую жилу мощностью 1 метр. Взял из нее две бороздовые пробы и пошел дальше вверх. И на протяжении 70 - 80 метров здесь шли сплошные высыпки кварца".

В результате работ Опалинской партии в 1973 году были зафиксированы две зоны гидротермально измененных пород, отстоящие друг от друга на 3 километра. Первая зона - в левом борту реки Асачи, на ее крутой излучине, вторая - вдоль безымянного ручья, впадающего в ручей Семейный. На северном фланге этой зоны в естественном обнажении была отмечена кварцевая жила мощностью 1 метр. Из 350 литохимических проб, отобранных из обеих зон, в 40 пробах спектральный анализ показал золото (119).

2.

В 1974 году в Камчатской геолого-съемочной экспедиции была организована Гореловская поисково-съемочная партия для работы в юго-восточной части Камчатки. Руководил партией Евгений Александрович Лоншаков.

Отряды Гореловской партии одновременно вели поиски и съемку на достаточно большой территории. Одним из наиболее интересных участков был Мутновский, где вполне можно было ожидать золото. В пробах многих предшественников, изучавших этот район, присутствовали золото и серебро.

"Чтобы предварительно ознакомиться с районом, мы втроем вылетели на Мутновку, - рассказывает геолог Виктор Павлович Зотов. - Были начальник партии Лоншаков, я и Миша Соколов. К месту будущего, тогда еще не найденного, Родникового месторождения пробиться не смогли из-за снега и водопадов. Вышли на Мутновский. Я пошел по ручью Рудному, Соколов выше, а еще выше - Лоншаков. В борту ручья я увидел жилу. Посмотрел, а там щеточки с чистым галенитом. Общую мощность жилы я определил в 12 метров. Фактически она была 6 метров, но я ошибочно сложил мощность и получил тогда двенадцать. Вечером мы сошлись, стали обсуждать увиденное. Я рассказал о своей находке. Миша говорит: "У меня тоже жила, но мощность намного меньше". У Лоншакова тоже жила. Когда все сопоставили, оказалось, что это одна и та же жила, которую мы пересекли в трех

местах. Такая интересная находка в первый же день работы нас обрадовала. Стали думать, как жилу назвать. Я говорю: "Если эта жила будет стоящей, а я завтра пойду ее опробовать, то и вся наша работа будет стоящей. Давайте, назовем ее Определяющей...". Так и назвали.

На следующий день я пошел ее опробовать, осмотрел уже как следует. Вообще, в том году жилу Определяющую удалось проследить почти на километр".

3.

С 1975 года главным объектом для детальных работ Гореловской партии стала жила Определяющая, которую исследовал отряд В. П. Зотова. Другие же отряды продолжали изучение оставшейся площади проектной территории.

Интересные находки были в отряде геолога Мирона Григорьевича Балуга на реке Вилюче. Отряд стоял в устье ручья Спокойного, рядом с Нижне-Вилючинскими термальными источниками, знаменитыми своими травертиновыми отложениями. Вообще, на реке Вилюче три группы источников. О Нижних я сказал. Верхние расположены выше по долине Спокойного, а Вторые Верхние - еще чуть выше, у подножья левого борта долины. Источники являются результатом разгрузки трещинно-жильных термальных вод, циркулирующих по зонам разломов. Температуры источников убывают снизу вверх по долине от 90 до 45 градусов. Отличительная черта Верхних и Нижних источников - отложения травертина, образующего у первых террасу высотой до 1,5 метра и площадью 25 х 60 метров, а у вторых экзотическое кочкообразное сооружение со ступенчатой поверхностью, расширяющееся к основанию. Высота этого карбонатного бугра до 2-3 метров. Для Верхне-Вилючинских источников суммарный дебит, пересчитанный на максимальную температуру 60 градусов, составляет 5,88 л/сек, для Нижних - на максимальную температуру 90 градусов - 12,2 л/сек. (120).

Мелкие жилы попадались Мирону Балугу практически в каждом маршруте и в каждой канаве. Казалось, что вот-вот будет найдено что-то серьезное, но дни полевого сезона проходили, а серьезного ничего не было. Но в целом район заслуживал пристального внимания.

В 1976 году было принято решение провести поиски на Асаче, в том районе, где три года назад обнаружил жилы Михаил Патока. Для поисков Евгений Александрович Лоншаков послал геолога Николая Николаевича Кочкина с молодым техником-геологом, только что отслужившим в армии Геннадием Михайловым и рабочим Николаем Вишняковым.

"Мы поставили там лагерь и почти сразу же пошли маршрутом искать эту точку, - рассказывает Николай Николаевич Кочкин. - Нашли. Стали следить жилу по простиранию. Распадок был сухой, мы его назвали Асачинским. Кругом попадались развалы полосчатого кварца. В 20 метрах от жилы, выше по склону, я задал первую канаву. Там мы эту жилу и вскрыли. Я долго рассматривал кварц. Чувствовалось, что он обогащен сульфидами, располагающимися в темных полосах. В одном месте что-то было, похожее на золото. Я

замаркировал этот образец, чтобы изучить его в камеральный период.

Затем канавами стали прослеживать жилу дальше. Она уперлась в маленький ручей, дала мощный развал. Мы его почистили: коренный выход шел вдоль этого ручейка. Всего я протянул жилу метров на 300 - 400, до перевала, где уже ничего под наносами не было видно.

В верховьях ручья Асачинского, по одному из его притоков (позже его назвали Большим) еще были найдены хорошие развалы кварца, но жилы мы там вскрыть не смогли, опробовали только найденные развалы. Позже здесь нашли жилу, которую назвали № 2.

В камералке я внимательно рассмотрел свой замаркированный образец под микроскопом: да, видимое золото присутствовало".

Пробирный анализ, сделанный по пробам из найденных Кочкиным жил, показал содержания золота от 1,1 до 255,3 г/т, серебра - от 2,9 до 310,5 г/т. (121).

В том же году на этой территории провели электропрофилирование и магниторазведку (Ю. А. Корякин), которые показали три аномалии. Кочкин заверил их канавами и шурфами, вскрывшими дайку андезито-базальтов, зону повышенной трещиноватости с кварцевыми прожилками и продолжение жилы № 1 (122).

Таким образом, к концу 1976 года в верховьях реки Асачи были выявлены три перспективных золоторудных участка: в левобережье Асачи, на ее крутом изгибе, второй - на ручье Асачинском, третий - на ручье Большом, который впадает в Асачинский.

4.

В 1977 году в Камчатской геолого-съемочной экспедиции была организована Вилючинская поисковая партия. Она должна была провести детальные поиски золоторудных тел на перспективном по данным работ партии Е. А. Лоншакова Верхне-Паратунском рудном поле в бассейнах рек Паратунка и Вилюча. Начальником одного из отрядов партии был Александр Алексеевич Орлов. С ним работали геолог Виктор Васильевич Валов, старший техник-геолог А. В. Шелакин, техники-геологи Г. И. Михайлов и Е. П. Николаева, техник-геофизик А. Б. Ежова, горный техник А. В. Алтухов. Их отряд выбросили в верховья реки Вилючи. В тот полевой сезон 1977 года отрядом была открыта Родниковая жильная зона, давшая начало Родниковому золоторудному месторождению.

Первооткрывателями месторождения считаются А. А. Орлов, В. В. Валов, Г. И. Михайлов и А. И. Занько. Автору о первооткрывательстве рассказывали независимо друг от друга Валов, Орлов и Михайлов (Занько к тому времени уже умер). Кроме того, оно кратко, в двух фразах описано в отчете В. В. Валова (123).

Необходимо отметить, что по итогам этих рассказов и прочтения отчета получилось три

версии первооткрывательства. Наверное, это естественно, ведь человеческая память несовершенна, а от времени первооткрывательства до времени рассказов прошло более 21 года. Я не ставил своей целью проводить дотошное расследование этой истории, а потому буду пересказывать лишь то, что услышал и зафиксировал на пленке.

В отчете Виктор Васильевич Валов в 1981 году написал, что первые обломки кварца нашли в русле реки Вилючи рабочие Г. Кузнецов и Л. Лисянский, после чего геологи Орлов и Валов пошли по реке и обнаружили в борту две жилы, составившие впоследствии основные рудные тела месторождения.

В рассказах это звучит так.

В. В. Валов: "Это было в июле 1977 года. Решили мы на рыбалку сходить, а заодно пройти геологическим маршрутом по реке. Пошли вчетвером: начальник отряда Орлов, я, рабочие Занько Алексей Иванович и Кузнецов Геннадий Николаевич. Отчество последнего может быть другое, не помню".

А. А. Орлов: " Мы стояли наверху, где сейчас идет дорога на Мутновку. А к горячим источникам на реке Вилюче иногда ходили купаться. Шли по водоразделу между Вилючей и ручьем Спокойным, там тропинка была. Работы было много. Я занимался маршрутами, документацией канав, прочим. Другие тоже много работали. На тот край, где позже нашли жилы Родникового месторождения, не обращали внимания, потому что он и не входил в нашу площадь. Там находили глыбы кварца, но такого кварца везде было много, где канаву ни задашь - обязательно жилы разного направления, генезиса. А тут мы пошли на рыбалку. Это было в августе. Шли втроем - я, Валов и рабочий Занько Алексей Иванович. Чтобы не идти просто так, шли маршрутом, вел и записывал его я".

Г. И. Михайлов: "Это было в конце сезона, в августе-сентябре, когда пошла рыба. Чтобы запастись ею для кухни, мы решили пойти на рыбалку. Собрались втроем: я, Леша Занько и Володя Куковякин. Взяли двух коней и вьючные сумы для рыбы. Решили спуститься в Вилючу и ловить там. У нас была тропинка по ручью Спокойному, и мы пошли сначала по ней".

В. В. Валов: "Туман стоял сильный, а ни дорог, ни троп не было, и мы решили свалиться в долину Вилючи, посмотреть ее. Идем. Сбоку, в борту кварц торчит. Коренной выход. Мы поколотили, взяли штучные пробы - куски по 3-4 килограмма. Там были две сближенные жилы метрах в двух друг от друга мощностью более метра. Думали - обычные жилы, походили еще, посмотрели, порыбачили".

А. А. Орлов: "Мы пошли не традиционной тропинкой, а спустились в Вилючу и пошли вдоль борта. Вышли на огромные жилы, торчащие в борту. Начал я зачищать: метр, два, три, четыре... Молотком что зачистишь? Я взял штучную пробу по всей жиле и на рыбалку уже не пошел - решил закольцевать маршрут. Прошел по Вилюче до источников и стал подниматься вверх по ручью Спокойному. В нем еще жилы обнаружил. Не такие мощные, но тем не

менее. Когда после этого на аэрофотоснимке посмотрел, там действительно зона видна".

Г. И. Михайлов: "Занько с конями пошел дальше по тропинке, а мы с Куковьякиным решили спрямить и сразу спуститься в Вилючу. Когда спускались, то на эти жилы просто сели верхом. Они выходят прямо в урез воды. Почему никто о них не знал, хотя база Лоншакова в 1975 году находилась в восьмистах метрах от этого места? Образцов мы не брали. Я посмотрел: контактов не видно, мощность может быть 2 метра, может быть больше, я не придавал значения. Когда порыбачили, наловили гольца и вернулись в лагерь, я Орлову и Валову сказал, что нашел жилу. Орлов говорит: "Возьми рабочих и сходи завтра туда. Надо зачистить и опробовать".

В. В. Валов: "Тут вертолет подвернулся, отправили пробы в лабораторию. Там раздробили, сделали спектральный анализ, затем пробирный. Нам срочно приходит радиограмма, что содержание золота больше 11 граммов на тонну. Мы срочно отправили к жиле Гену Михайлова с двумя рабочими, теми же Занько и Кузнецовым. Гена в борту вскрыл две жилы. Одна мощностью 3 метра, другая еще больше".

А. А. Орлов: "На следующий день я послал Михайлова зачистить эту жилу. Когда он зачистил, то оказалось, что там две мощные жилы и прожилки. Он отобрал порядка 12 проб. После этого мы к ней больше не ходили, работали на своей площади. Результаты анализов получили только зимой, в камеральный период. На всем сечении жилы были очень стабильные содержания золота. Начальник экспедиции Конов тогда в шутку ли, всерьез ли, спросил: "А вы не вдоль ее опробовали?".

Г. И. Михайлов: "Я пошел с рабочими к жиле. Мы ее зачистили за полчаса. Я задокументировал расчистку как канаву, номер дал 451. Кварц был хороший, с полосчатостью, заполненной, как я тогда думал, сульфосолями. Отобрал я по жиле 15 бороздовых проб. Позже они дали от 9 до 15 г/т золота. В этот же день или другой Орлов пошел по ручью Спокойному и там раскопал жилку. Кварцевые прожилки в том месте еще Лоншаков отмечал, а Орлов жилу раскопал. Мы ее потом так и называли, чтобы различать, Орловской. Особого значения находкам тогда не придали, да и были они за рамками, не на нашей площади. Нашли и нашли, отметили и дальше пошли. Работы тогда было очень много".

Все рассказанное - это детали. В любом случае люди из этого круга лиц являются первооткрывателями Родникового месторождения. В результате их находки в 1977 году выделился перспективный на рудное золото Родниковый участок, расположенный в междуречье реки Вилючи и ручья Спокойного, в 1 километре выше их слияния. В камеральный период по данным дешифрирования аэрофотоснимков исходя из сходных морфоструктурных особенностей было высказано предположение, что эти жилы образуют единую субмеридианальную жильную зону. Маршрутными и горными работами следующего, 1978 года это предположение было подтверждено, и жильная зона была прослежена на 850 метров. Тогда же в зоне было установлено еще 3 жилы. Состав всех жил оказался кварц-адуляровым. Общая мощность зоны - 200 метров. Видимая рудная минерализация состояла

из золота, сульфосолей серебра, пирита (124).

ЮЖНО-КАМЧАТСКАЯ ПАРТИЯ

В январе 1978 года руководители Камчатской геолого-съемочной экспедиции решили объединить перспективные на золото участки Мутновский, Асачинский и Родниковый в одну партию. На Мутновском уже всю велись поисковые работы Мутновской партией под руководством Виктора Дмитриевича Бубнова. На Родниковом тоже планировались канавные работы. Пора было начинать детальные поиски и на Асаче.

Партию назвали Южно-Камчатской. Базой для нее определили базу Мутновской партии, на реке Мутновской - притоке Жировой. Начальником этой большой партии назначили Александра Алексеевича Орлова.

Начальником Мутновского участка стал В. П. Зотов.

Начальником Родникового участка - В. В. Валов.

Начальником Асачинского участка - В. Я. Синицкий.

"На Мутновке, основной нашей базе, проводились горные и буровые работы, - рассказывает Александр Алексеевич Орлов. - Это был первый наш участок, где началось бурение. Жилы прослеживались на глубину. Траншеи проходили при помощи бульдозера и взрывов. В бухте Жировой стоял расходный склад взрывчатых материалов, в который привозили взрывчатку из Корякского склада. Мы проложили туда дорогу и ездили уже не только на тракторе, но и на автомобиле ЗИЛ-131. В тот год я договорился с военными, они дали нам транспортное судно, и мы не вертолетами взрывчатку забрасывали, как раньше, а на судне привезли, сэкономив огромное количество денег. Из этого расходного склада уже забрасывали взрывчатку на Родниковый и Асачу.

Партия была круглогодичной, народ жил прямо там, на Мутновке. Зимой бурили, летом расширялись - принимали горняков, начинали проходку канав и шурфов. В таком виде партия просуществовала до 1984 года и была выведена из состава геолого-съемочной экспедиции в самостоятельную, с прямым подчинением объединению. Но в 1985 году ее передали в Центрально-Камчатскую ГРЭ, у которой не было после Аги серьезных объектов. Но это уже другая история, в которой я не участвовал, так как семья жила в Петропавловске, и в Мильково переехать я не мог. Пришлось перейти на работу в КГСЭ".

МЕСТОРОЖДЕНИЕ РОДНИКОВОЕ

По результатам работ 1978 года, когда на Родниковом была установлена жильная зона мощностью более 100 метров, геологи В. В. Валов и А. П. Игнатов рекомендовали начать

здесь поисковую оценку с проведением подземных и поверхностных горных выработок и бурением скважин (125).

Согласно высказанным рекомендациям, в 1979 году работы на Родниковом участке продолжились. Руководителем участка оставался Виктор Валов. Геологом был А. П. Игнатов, старшими техниками-геологами - Г. И. Михайлов и А. В. Шелакин. До подземных горных работ дело не дошло, но проектом предусмотрели большое количество канав и бурение колонковых скважин. Весь первый год проходили буро-взрывным способом канавы. В следующем, 1980 году своим ходом пригнали на участок два бульдозера, затем вертолетом, на подвеске привезли две буровые установки СБА-500. Буровым мастером участка был Петр Васильевич Буланый. В этом же году состав ИТР участка пополнился геологом В. Г. Шелакиной.

"Канав и траншей было много, на их документации и опробовании задействованы были все геологи, - рассказывает Геннадий Иванович Михайлов. - С большим трудом успевали. В таком темпе отработали 1979 год. В 1980-м я уже только половину сезона там отбыл, затем Орлов перевел меня на Мутновку".

В том же году, кстати, в скважине № 9 на глубине 293 метра была зафиксирована температура 108 градусов. Позже, при проходке штольни, эти температуры дадут о себе знать настолько, что придется изменять направление выработки, а проходчикам во время ликвидации неожиданного осложнения работать в одних трусах, верхонках и касках. В 1983 году прямо на территории базы отряда была пробурена скважина ГТ-1 для отопления поселка. Температура воды в скважине достигала 70 градусов, дебит - 3 л/сек. (126).

В 1981 году детальные поиски на Родниковом участке были завершены. Автор отчета по этим работам старший геолог партии А. П. Игнатов писал в главе "Заключение": "Основным положительным результатом проведенных работ явилось то, что в настоящее время, всего за 4 года работ рудопроявление участка Родникового (а именно жила № 44, являющаяся основным рудным телом) подготовлено к проведению стадии разведочных работ. Наиболее целесообразным способом проведения предварительной разведки жилы № 44, а в последующем и жил 42 и 43 является проходка штольни на горизонте 200 метров с зарезкой устья в районе Верхне-Вилючинских источников, штреков по жиле № 44 с рассечками через 20 - 40 м; всего около 2 000 пог. м подземных выработок, бурение скважин в объеме 10 - 12 тыс. пог. м и проходка поверхностных горных выработок. Повышения температуры, зафиксированные в скважинах, на наш взгляд, не могут являться осложняющим обстоятельством при проходке подземных горных выработок, так как горизонт 200 метров, рекомендуемый нами для проходки штольни, характеризуется температурой 20 - 25 градусов" (127).

Но до стадии предварительной разведки дело опять не дошло. Было принято решение провести сначала поисковую оценку жил № 42 и 43, чтобы проверить качество золотоносности и проследить их по простиранию на участках надрудного эрозионного среза. После этого, подготовив все три главные жилы месторождения (44, 42, 43), приступить к

разведке. Срок поисково-оценочных работ был установлен в три год - с 1983 по 1985 годы. В эти годы на участке работали:

1983 год: старший геолог А. П. Игнатов, геолог Г. В. Дудник, старший техник-геолог В. В. Печкин.

1984 год: начальник участка А. А. Шведов, старший геолог Н. И. Самылов, геологи Г. В. Дудник и В. А. Козин, старший техник-геолог В. В. Печкин, старший инженер-технолог В. А. Крещеновский, горный мастер С. В. Неклюдов, буровой мастер В. Д. Потапов.

1985 год: старший геолог Н. И. Самылов, геологи Г. В. Дудник и В. А. Козин, старший техник-геолог В. В. Печкин, буровой мастер В. Д. Потапов.

К началу июля 1985 года поисково-оценочные работы были выполнены. Авторы отчета по этим работам писали: "Учитывая значительные параметры рудных тел, высокие содержания золота и серебра, надрудный и верхнерудный эрозионные срезы месторождения, а также чрезвычайно благоприятное географо-экономическое положение района (наличие автодороги до г. Петропавловска-Камчатского, близость к Северо-Мутновскому месторождению парогидротерм, на котором проектируется строительство геотермальной электростанции мощностью до 200 Мгв, близость к Вилючинской бухте Тихого океана, что делает возможным завоз грузов морским транспортом), Родниковое месторождение заслуживает скорейшего вовлечения в эксплуатацию" (128).

Автор рецензии на этот отчет геолог В. Д. Бубнов, в частности, писал: "Представленные в настоящем отчете результаты поисково-оценочных работ являются крупным успехом коллектива Южно-Камчатской ГРП и всего объединения "Камчатгеология". На основании этих результатов впервые в Южно-Камчатском районе начаты разведочные работы на рудное золото" (129).

По результатам поисково-оценочных работ был составлен проект на предварительную разведку центральной части месторождения. В июле 1985 года в Петропавловске прошло совещание с темой "О состоянии и мерах по освоению золоторудных месторождений в Камчатской области, предусмотренных решениями директивных органов". В нем приняли участие геологи ПГО "Камчатгеология", представители Камчатского обкома КПСС, ПО "Приморзолото", ПО "Северовостокзолото". Одним из итогов совещания явилось решение о передаче в 1988 году запасов золота по Родниковому месторождению ПО "Северовостокзолото". Протокол совещания был утвержден заместителем министра цветной металлургии СССР В. В. Рудаковым и заместителем министра геологии СССР В. М. Волковым. К этому времени завершилась детальная разведка Агинского золоторудного месторождения, которое передали ПО "Северовостокзолото", поэтому там высвободились квалифицированные горнопроходческие бригады. Встал вопрос об их трудоустройстве. Но так как все они проживали в поселках Мильково и Агинском, то решено было Южно-Камчатскую партию присоединить вместе с ее объектами к Центрально-Камчатской экспедиции. Таким образом, убивались два зайца: Родниковое и Асачинское месторождения могли квалифицированно разведываться, а коллектив ЦКГРЭ, оставшийся без Агинского

месторождения, получил работу.

Вскоре на Родниковом были начаты две штольни. Штольню № 1 врезали в левом борту реки Вилючи на горизонте 220 метров по простиранию жил № 42, 43, 44. Ее проходила бригада Михаила Сыркина. Бригада была слаженная, сработанная, с большим опытом скоростных проходок на Агинском месторождении. Здесь они тоже шли по 180 метров в месяц. Старшим горным мастером был Владимир Иванович Даньшин.

Штольня № 2 была врезана в 1986 году на горизонте 280 метров. Длина походного квершлага штольни № 1 составила 420 метров, штольни № 2 - 130 метров. В штольнях проходились штреки и рассечки, а по жиле № 43 прошли восстающую выработку сечением 5,75 кв. м из штольни № 1. Высота восстающей составила 70 метров.

В 1978 году геологи передали ПО "Северовостокзолото" первую очередь запасов золота Родникового месторождения. В 1988 году на месторождении была завершена предварительная разведка. В ЦНИГРИ составили ТЭО временных кондиций для подсчета запасов. Вывод был категоричен: отработка Родникового месторождения с переработкой руды на местной обогатительной фабрике рентабельна (130).

МЕСТОРОЖДЕНИЕ АСАЧИНСКОЕ

1.

В 1978 году детальными поисковыми работами был охвачен и участок Асачинский. Геологом участка работал В. Я. Синицкий, техником-геологом - Г. В. Любич, горным мастером С. М. Арюткин.

Из жилы №1 была отобрана по двум пересечениям (к-216 и к-222) технологическая проба весом 455 кг. Лабораторные технологические исследования провело отделение экспериментальных исследований (ОЭИ) ЦНИГРИ в Туле в 1980 году. Золото оказалось низкопробное (проба 550) мелкое, серебро представлено аргентитом (131).

Кроме этого, в левобережья ручья Левого Асачинского обозначилась жильная зона №2, которая состояла из шести жил. Мощность зоны - от 7 до 60 метров, установленная протяженность - 620 метров. (132).

"После трехлетней работы на рудной Мутновке меня перевели в начале 1979 года старшим геологом на Асачу, - вспоминает Николай Михайлович Большаков. - Поселок состоял из палаток, кое-кто из проходчиков канав построил засыпные землянки. Жила № 1 уже была изучена настолько, что можно было проследить ее канавами до выклинивания. Мы тогда еще не знали, что она в слепом залегании, и думали, что выклинивается. Мы пытались проследить ее наверху, на куполе, но там вскрывались только зона измененных пород и

слабое прожилкование. Жилы не было.

Надо сказать, что мы уткнулись в мощные наносы и не могли больше вскрывать жилы канавами без механизированных работ. Копали с несколькими перекидками, достигли глубины около 9 метров, но добить до конца канаву наверху так и не смогли. С нетерпением ждали бульдозеров".

В тот полевой период 1979 года шли работы не только на Асачинском участке, но был охвачен горными работами и участок Левобережный. Летом партию посетили главный геолог ГСЭ Т. В. Тарасенко, старший геолог по поискам С. С. Коваль, начальник экспедиции А. Е. Конов.

"Бульдозеры пришли в ноябре, - продолжает рассказ Н. М. Большаков. - Это были два тросовика. С Мутновки их перегнали в бухту Жировую, там погрузили на военно-транспортное судно и перевезли в бухту Березовую. С Асачи до Березовой мы с Володей Шуйским дорогу разведали. Шуйский тогда работал у нас взрывником.

Как только бульдозеры пришли, я дал задание дочистить ту глубокую канаву, которую мы не смогли пройти вручную. Она оказалась десятиметровой глубины. После этого мы и стали считать, что жила выклинивается, что ее прослеженная длина в 350 метров - это она вся. Тогда еще не знали о слепом залегании. На глубину нечем было проследить, бурения не было. Но жила была привлекательная, очень богатая, с контрастными рудами".

Летом 1980 года было организовано бурение станком БСК-2М-100М. Работы производились бурильщиком Михаилом Песоцким под руководством бурового мастера Валерия Скокова.

"Первую скважину (№ 3) бурили в долине, в двухстах метрах на север от последней канавы на склоне. Соваться туда с канавами не было смысла, и нас могло выручить только бурение, - рассказывает дальше Н. М. Большаков. - Рыхлых отложений там много - почти 30 метров. А затем сразу пошла рудная зона. На два метра зоны мы получили содержание золота 11 граммов на тонну. Результатом бурения стало то, что проследили зону в долине на 200 метров. Пытались бурить еще, но станок был слабым, а рыхляка много - более 50 метров. Не для этого станка оказалась Асача. Нужен был мощный буровой станок типа ЗИФ-650.

В том же году мы прошли бульдозерную траншею № 2 на середине склона. Вскрыли сочленение жил №№ 1 и 2, мощность рудного тела в этом месте составила 20 метров".

За три года работ на Асаче к концу 1980 года было пройдено 135 854 кубических метра канав, 1007 метров шурфов, станком БСК-2М-100М пробурено 278 погонных метров скважин.

В 1981 году заканчивались работы на Мутновском золоторудном месторождении. Две последние скважины добуривали там в июне и июле, а затем вышки были демонтированы. "Одну буровую установку своим ходом отправили на Родниковый, предварительно пробив

дорогу на гидрогеологическую Мутновку. Вторую, со станком ЗИФ-650, на вертолетной подвеске отправили на Асачу, - рассказывает Петр Васильевич Буланый, который был в то время буровым мастером. - До новогодних праздников буровая была там смонтирована. 1 февраля 1982 года забурили первую скважину в долине ручья Асачинского, напротив того места, где потом врезали штольню. Первые три скважины бурили в долине, потому что зимой не было дороги, чтобы подняться наверх".

В буровой бригаде Петра Васильевича Буланого были бурильщиками Михаил Песоцкий, Николай Васильевич Титов и Евгений Лиман, некоторое время работал Ян Петрикас. Очень квалифицированные были на участке бульдозеристы - Василий Иванович Герасименко, Владимир Струщенков, Мельников. Летом 1982 года бригада канавщиков под руководством горного мастера Алексея Алексеевича Шведова провела дорогу наверх, к жилым зонам, и буровики перевезли вышку туда. В июне они уже бурили скважины.

2.

С 1981 до 1985 года отработал на Асаче Геннадий Иванович Михайлов. Сначала был старшим техником-геологом, в 1984 году - горным мастером, а в 1985-м, после увольнения начальника участка П. В. Буланого, некоторое время возглавлял Асачу.

К его приезду на участке уже были три рубленых дома и большая столовая. Он занял место в одном из домов, где жил старший геолог Николай Большаков. Вскоре к ним подселился старший техник-геолог Александр Нехорошев. Дом стал геологической камералкой и жильем для геологов одновременно.

Летом на участке разворачивались активные работы, а на зиму оставались только буровики. Геологи меняли друг друга поочередно.

"В 1981 году мы пережили памятный многим камчатцам тайфун Эльза, - рассказывает Г. И. Михайлов. - В это время мы бульдозером проходили канаву, глубина которой достигала 9 метров. Перед началом тайфуна у бульдозера сорвало шпильки на бортовой. Фамилию бульдозериста не помню, а звали его Пашей. Это был безответственный человек. Он оставил бульдозер на дне канавы, пришел на базу и даже не признался в том, что случилась поломка.

Утром мы с Чапаем Железным решили половить мелкого гольчика и пошли вниз по Асачинскому. Чапай Железный - это кличка нашего механика. У нас было два Василия Ивановича, и мы звали их Чапай Железный и Чапай Деревянный, потому что второй был плотником. Только мы ушли, как ударили шквалы ветра. Огромные тополя, растущие в долине Асачи, стало ломать как спички. Мы бросились бежать в мелкий березняк. Когда пришли на базу, наш Асачинский ручей ревел, как горный поток. Залило все, геофизики, живущие в палатках, вынуждены были искать сухое место.

На другой день пошли мы на канаву и увидели небывалую картину: канава доверху забита

грязью, а от бульдозера торчит только воздухозаборник. И давай мы вручную откапывать наш бульдозер. Работали несколько дней. То, что делал до этого бульдозер, мы с Нехорошевым выбросили лопатами".

3.

Те, кто жил на Асаче в те годы, отзываются о ней как об Эдеме. Хороший мягкий климат, рыбная река, лес, огромное количество зайцев, которые, по свидетельству Петра Васильевича Буланого, по утрам сидели под дверью дома. К тому же спокойная, размеренная работа, отличное трехразовое питание в столовой, теплый ночлег. На участке было пять рубленых домов, склады, электростанция. Взрывник Иван Артищев немного разбирался в радиоделе, поэтому смастерил телевизионные антенны, с помощью которых удавалось ловить программы из Москвы. Увлекались магнитофонными записями, горный мастер Николай Сирота играл на гитаре.

"Народ не очень рвался оттуда в город, - вспоминает Петр Васильевич Буланый. - Завхоз Галя Артищева привозила все вплоть до апельсинового сока. Баня была отличная. Приезжали на каротаж геофизики, привозили дичь, водочки. Опять же - рыбалка. Жили интересно, дружно".

Рождались в Асаче и дети. У Петра и Людмилы Буланых там росла старшая дочь Настя.

4.

В 1983 году в перспективах Асачинского участка уже никто не сомневался. Полученные положительные результаты позволили начать поисково-оценочные работы на флангах и глубоких горизонтах жильной зоны № 1. Главной целью этих работ была подготовка к предварительной разведке на основных рудных телах (133).

В течение августа и сентября 1983 года впервые на Асачу завозились грузы автотранспортом. Для этого понадобились дорожно-строительные работы. Они были сделаны собственными силами.

В 1984 году работой был охвачен южный фланг жильной зоны № 1, а в 1984 году - начато бурение скважин по прослеживанию жилы № 1 по простиранию и на глубину. В следующем году вышли на северный фланг месторождения. В сентябре 1985 года вышло постановление Минцветмета СССР и Мингеологии СССР об о необходимости передачи запасов Асачинского месторождения в ПО "Северовостокзолото". Срок передачи - первая половина 1986 года.

Но передача не состоялась. Вместо этого в январе - марте 1986 года был составлен проект на предварительную разведку месторождения. Работы на Асаче получили второе дыхание. Туда была переведена с Аги горнопроходческая бригада Федора Барановского, вертолетом Ми-6 начали завозить горнопроходческое оборудование, рудстойку, жилые балки. В апреле была врезана штольня № 1. Сначала проходили подходную штольню длиной 200 метров,

затем пошли несколькими забоями по разным жилам и для изготовления первой буровой камеры.

"Больше всех доставалось тогда геологам, - рассказывает Николай Михайлович Большаков. - В первое время их было двое - Геннадий Дудник и Лариса Асова. Забоев в штольне было много, их документация шла поочередно, поэтому геологи, по-моему, даже не спали, бегая из забоя в забой. Тогда же развернулось мощное строительство. Построили бытовой комплекс, жилье для проходчиков".

В результате предварительной разведки жильная зона № 1 была прослежена на 1450 метров, из них на 1300 метров в зоне была промышленная руда. По вертикали зона разведана на 285 метров.

ПЛАТИНА И АЛМАЗЫ КАМЧАТКИ

Платина (лат. Platinum), P, химический элемент 8-й группы периодической системы Менделеева, атомный № 78, атомная масса 195,09, относится к платиновым металлам. Ковкий. Температура плавления 1772 град. С. Используется в электро- и радиотехнике, ювелирном деле.

Алмаз - минерал, одна из кристаллических полиморфных модификаций углерода (C). Драгоценный камень 1-го класса. Самый твердый минерал (твердость 10). Разновидности алмаза - баллас, карбонадо, борт. Кристаллизуется в кубической сингонии. Бесцветные или окрашенные октаэдрические кристаллы. Крупнейшие в мире алмазы: "Куллинан" (3106 карат), "Эксцельсиор" (971,5), "Джонкер" (726).

"Советский энциклопедический словарь", М., "Советская энциклопедия", 1987 г.

ТРАГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

1.

Осенью 1947 года отряд геологов Пенжинской экспедиции сплавлялся на плотках по реке Белой. Плоты были тяжело гружены большими плотными мешками, и молочные воды Белой то и дело перекидывались через них.

Все лето геологи отбирали большевесные пробы из террасовых и пойменных отложений рек, русла которых пересекали так называемые гипербазитовые массивы. Для чего это делалось, было неведомо даже некоторым из них. Знал лишь начальник партии Николай Сергеевич Чугунов да еще, наверное, прораб. Но они предпочитали об этом не говорить. И вот теперь эти пробы предстояло сплавить вниз, в Усть-Пенжино, на перевалочную базу экспедиции.

Устояв в потоках Белой, плоты вышли на струи реки Пенжины и, тяжело покачиваясь в них, пошли вниз, огибая ржаво-коричневые скалы большой сопки. Передним плотом управлял Чугунов. На одной из струй плот сильно качнулся, под тяжестью мешков потерял равновесие и перевернулся. Чугунов полетел в холодную воду. Выплыть он не смог...

Кто бывал на реке Пенжине в районе поселка Каменского, тот видел большой крест, стоящий над водой. На картах это место обозначено точкой и надписью "Могила Чугунова". А речной мыс, на котором возвышается крест, носит имя погибшего геолога.

Со временем стало известно и о содержимом мешков, которые сплавляли люди. В них действительно были пробы рыхлых речных отложений. Упакованы они были так, чтобы из мешков не просыпалось и крошки. В этих пробах могли быть... алмазы.

Да, именно в 1947 году геологи Дальнего Востока получили совершенно секретные инструкции о начале поисковых работ на алмазы. И этот первый "алмазный" год завершился трагедией. Но это, увы, была не последняя трагедия, связанная с алмазами...

В сентябре 1953 года в Усть-Камчатской геолого-геоморфологической партии, работавшей на полуострове Камчатского мыса, пропали два молодых геолога - Юрий Николаевич Гринченко и Юрий Григорьевич Кузнецов. Пропали бесследно, словно растворясь в безмолвии гор и снегов. Рабочие, которые были с ними в маршруте, вернулись, а геологи - нет. Их искали долго, почти год. Для поисков была организована специальная партия, в состав которой вошли следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР, следователь прокуратуры Камчатской области и два сотрудника КГБ. Кроме версий об убийстве и несчастном случае была и другая, на первый взгляд неожиданная - диверсия.

Случайно ли все это? Почему такое внимание было уделено двум обыкновенным геологам с далекой Камчатки? Почему о результатах поисков постоянно справлялся сам министр нефтяной промышленности СССР К. Н. Байбаков (ему тогда подчинялись геологи Камчатки)? Почему вместе с поисковой партией по горам, в глубоких снегах лазил заместитель

начальника Камчатского геологического управления по политической части? Почему чекисты держали поиски в поле своего внимания?

Да, читатель, вы уже, наверное, поняли, что пропавшие геологи тоже занимались совершенно секретной, государственной важности работой - искали алмазы. Алмазы, которых тогда еще не было у СССР, а точнее - тогда еще не было алмазов Якутии...

Чтобы не только геологам, но и обычным читателям стало понятно, почему алмазы искали на Камчатке, необходимо пояснить, что первые алмазы на территории СССР были обнаружены в уральских россыпях платины. А так как платину связывали с горными породами ультраосновного состава (с очень высоким содержанием магнезии и низким содержанием кремнезёма), то и направили дальнейшие поиски в те районы, где были известны массивы таких пород. На Камчатке ультраосновные породы выходили на дневную поверхность на полуострове Камчатского мыса, в Пенжинском районе, острове Карагинском и вблизи озера Начикинского.

В Пенжинском районе, как было сказано выше, поиски алмазов начались уже в 1947 году, на острове Карагинском - в 1952 году, на полуострове Камчатского мыса - в 1953-м. Поиски проводились с помощью маршрутов и многообъемного (до 100 м куб.) опробования рыхлых речных отложений, которые тщательно промывали. Алмазов нигде не нашли, зато потеряли трех хороших геологов...

2.

Итак, геологи Гринченко и Кузнецов исчезли в 1953 году, когда Усть-Камчатская геолого-геоморфологическая партия № 36 Камчатского геологического управления вела поиски алмазов на перспективной площади полуострова Камчатского мыса (ныне - Камчатский полуостров). База партии располагалась в нижнем течении реки Белой, недалеко от озера Нерпичьего. Руководил партией геолог Аркадий Иванович Юдин. Кроме Гринченко и Кузнецова в партии работали геологи Диана Тимофеевна Гречинская (будущая Макарова), минералог Таисия Игнатьевна Горбатюк, коллекторы Василий Андреевич Ситников и Иван Гаврилович Шангин, техник-геолог Александр Деомидович Зубко. Кроме того, было много студентов-практикантов, радист, лаборанты, рентгенолог и 24 человека рабочих (134).

Почти ежедневно, как и полагается на полевых работах, геологи с рабочими уходили в маршруты, чтобы проводить исследования. Вот и в тот день, 26 сентября 1953 года, все разошлись по заранее намеченным местам. Геологи Гринченко и Кузнецов, взяв с собой рабочих Ивана Федоровича Исакова и Сергея Георгиевича Афанасьева, отправились в центральный горный район полуострова. Их целью было изучение строения современной коры выветривания в районе безымянной вершины с отметкой 1100,7 м.

Надо отметить, что центральный горный массив полуострова является крайне сложным для передвижения и работы. Ни троп, ни тем более дорог там нет. Склоны гор резко поднимаются вверх, а на юге и юго-западе вообще круто обрываются к Беринговому морю.

Многочисленные реки и ручьи - типично горные с крутыми склонами, порогами и водопадами. Даже названия местных рек подчеркивают их яростный характер: Стремительная, Порожистая, Белая, Быстрая, Мутная, Перевальная. Утонуть в этих реках нельзя, они, в принципе, неглубокие, но быть сбитым течением и разбитым о камни можно.

Среднегодовая температура в этих местах приближается к нулю, подолгу держится пасмурная погода, часто наплывают туманы и идут дожди. Растительность бедная, а на высоте более 300 метров она представлена лишь ольховыми стланиками да травами субальпийских лугов. Вершины и гребни перевалов вообще голые, каменистые, а истоки рек представляют собой днища древних трогов, на которых лежат ледники высотой до 25 метров.

Вот в эти суровые места и отправилась группа из четырех человек, взяв с собой вьючную лошадь. Поднимались по долине реки Белой. К вечеру того же дня дошли до границы леса и в точке под условным названием "У последних берез" заночевали.

Утром отправились дальше. Поднялись на водораздел и дошли до намеченной вершины 1100,7 м. Сгрузили с лошади инструменты, продовольствие и отправили рабочего Исакова вместе с лошадью назад, к точке "У последних берез", где он должен был разбить промежуточный лагерь и ждать окончания работ на вершине.

Дальнейшие события можно проследить по рассказу только одного человека - горнорабочего Афанасьева. Геологи дали ему задание вырыть три канавы: одну здесь же, на вершине, и две - ниже по гребню склона. Ночевали все вместе, а утром 28 сентября Гринченко и Кузнецов, взяв с собой продуктов на три дня, ушли в маршрут в верховья рек Стремительной и Пикеж.

Оставшись один, Афанасьев весь день копал канавы. К вечеру погода стала ухудшаться, подул сильный ветер, пошел дождь. Рабочий укрылся в палатке, а утром обнаружил, что палатка занесена снегом. Ему стоило больших трудов откопаться из-под снега и выбраться наружу. Непогода продолжалась, вершины гор буквально содрогались от штормового ветра со снегом. Афанасьев решил не испытывать судьбу на совершенно голой вершине и стал спускаться вниз. 30 сентября он пришел на основную базу партии в низовьях реки Белой. Здесь все эти дни шел дождь, и только во второй половине дня 1 октября наступило незначительное улучшение погоды. 2 октября выглянуло солнце, день был ясным, ветер умеренным. Но геологи Ю. Н. Гринченко и Ю. Г. Кузнецов на базу не вернулись. Не пришли они и на другой день. Тогда начальник партии А. И. Юдин решил организовать поиски.

Они продолжались до 26 октября, пока не выпал глубокий снег, но результатов не принесли. Геологи обошли все места возможного пребывания Гринченко и Кузнецова, но не нашли ни только самих пропавших, но и ни одной их вещи. Правда, были обнаружены следы их сапог в верховьях реки Белой, ведущие к перевалу в долину реки Стремительной, и в верховьях реки Пикеж, ведущие вниз по этой реке. Кроме того, было установлено, что в те трагические дни в устье реки Первой Перевальной находились солдаты строительного батальона с маяка

"Африка", которые занимались охотой, а на мысе Камчатском находились охотники из села Усть-Камчатск. Но эти факты поискам ничего дополнительного не дали.

Тогда прокуратурой Камчатской области было возбуждено уголовное дело. Но по настоянию родственников пропавших, а также учитывая то, что геологи Гринченко и Кузнецов занимались совершенно секретными работами по поиску алмазов, имели при себе документацию, отражающую эту тему, а исчезновение их произошло в пограничном районе, дело было передано в прокуратуру РСФСР. Кроме того, к нему подключились чекисты. Министр нефтяной промышленности СССР К. Н. Байбаков своим приказом № 55-с от 4 мая 1954 года дал указание начальнику Камчатского геологического управления Е. И. Тухтину организовать специальную партию для поисков пропавших геологов или установления истинной причины их исчезновения.

Вскоре специальная партия была создана. Она получила кодированное название - партия № 70. Начальником партии назначили Александра Деомидовича Зубко. В штате партии состояли И. Г. Шангин, Б. С. Гладких, В. А. Ситников, М. Ф. Власенко и М. И. Терехов. Кроме того, в ней было 10 рабочих, в числе которых тот самый горнорабочий С. Г. Афанасьев, последним видевший пропавших геологов. В распоряжение партии дали шестерых бойцов-пограничников. Изъявил желание работать в партии отец одного из пропавших - Ю. Г. Кузнецова - Георгий Павлович Кузнецов. Приняли участие в поисках заместитель начальника Камчатского геологического управления по политической части М. Л. Артеменко, следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР С. В. Голомысов, следователь прокуратуры Камчатской области С. Н. Шалыгин и два сотрудника КГБ по Камчатской области Молоканов и Ложкин.

Летом 1954 года на полуострове Камчатского мыса работала партия № 68 под руководством геолога Дмитрия Евгеньевича Саватеева, сотрудникам которой тогда практически не дали заниматься геологическими исследованиями, дополнительно привлекая их к поискам пропавших коллег.

Чтобы передать напряженность и сложность поисковой работы, можно привести отдельные выдержки из полевых записей начальника партии № 70 А. Д. Зубко.

"29 июня 1954 г.

Прибыл в Усть-Камчатск, на базу партии в устье реки Мутной.

30 июня 1954 г.

С участием Артеменко М. Л., Кузнецова Г. П. были укомплектованы штаты поисковых отрядов и определены объемы работ на июль месяц.

1. Поисковая группа на р. Мутной - нач. группы Власенко.
2. Поисковая группа на мысу Камчатском - начальник группы Гладких Б. С.
3. Поисковая группа на р. Пикеж - начальник группы Ситников В.
4. Группа по устройству заграждений в устье рек - начальник А. Д. Зубко.

5 июля 1954 г.

Погода: с утра на море густой туман. К 12 часам туман рассеялся, редкая облачность. С группой в составе: 1. Шангина, 2. Дударенко, 3. Власенко, 4. Бабошина, 5. Афанасьева, 6. Симбирцева, 7. Чунихина, 8. Парчайкина с устья реки Мутной вышли на устройство завалов рек Глубокой, Бурной, Стремительной, Порожистой. До реки Бурной шли по пляжу моря. После исследования устья реки Бурной приступили к устройству завалов. Завалы было решено устраивать следующим образом: в узких местах реки с берега укладывали несколько длинных толстых берез и на мертвяки укрепляли их концы. Таким образом получается надежный мост. Затем устанавливали под углом против течения вертикальные перекладины через 20 - 25 см. На реке Бурной решено установить три завала в 800 метрах вверх по течению от устья.

6 июля 1954 г.

Погода: утром редкий туман, незначительная облачность. В 16.00 на бивак пришли Артеменко, Кузнецов, Молоканов и рабочие Белоусов и Борозна, которые идут на маяк "Африка". Весь день занимались устройством трех завалов на реке Бурной.

9 июля 1954 г.

Погода: редкая облачность, солнце. С бивака на реке Бурной один ушел на базу в устье реки Мутной. На реке Глубокой устройство завалов поручил Шангину. Там необходимо устроить два завала в двух протоках. С базы ушел в Усть-Камчатск с целью облететь район.

10 июля 1954 г.

Погода: безоблачная, ветер юго-западный и западный, сильный до штормового. Об облете района договорился с комендантом пограничной заставы т. Яковлевым Михаилом Михайловичем. Из-за сильного, порывистого ветра вылет был отложен.

1 августа 1954 г.

Погода: безоблачная, тихая. Группа в том же составе прошла в верховье реки Белой, к перевалу Белая - стремительная.

До данного места просматривали русло и склоны долины реки Белой. Продвижение отряда в данный промежуток времени очень затруднительно. Глубокий снег растрескался на отдельные блоки. Трещины глубиной от 10 до 20 метров, ширина их в некоторых местах достигает 5 метров. Проталины в реке с обрывистыми, отвесными, снежными стенами высотой от 5 до 20 метров. Пройти можно только вдоль крутого склона 25 - 40 градусов. Отряд двигался не более 1 км в час. Так как один товарищ из отряда вышел из строя, вынужденно пришлось заночевать в верховье реки Белой.

8 августа 1954 г.

Погода: высокая облачность, тихо. Группа занималась исследованием выходов ультраосновных пород, расположенных на правой стороне долины реки Пикеж. На гребне и распадке обнаружены следы двух людей в резиновой обуви. Хорошая сохранность следов

может обуславливаться лишь тем, что на свежие следы тотчас же выпал снег, и под снегом они сохранились до сего времени. Следы прослеживаются на гребне, затем ведут в небольшой распадок и уходят под снег. Размер отпечатка следа на глинистом материале следующий: ширина ступни в самой широкой части 10 см, ширина каблука 8 см, длина 29 см. Данный отпечаток соответствует 42-му размеру высоких резиновых сапог. Следы прослеживаются на расстояние 100 м. На остальной площади никаких следов пребывания исчезнувших геологов не обнаружено. Данные следы могут принадлежать только Гринченко и Кузнецову, так как никто из состава партии на данном участке не работал. Осмотр проведен только на площади, свободной от снега, снегом же закрыто 60 процентов всей площади.

10 августа 1954 г.

Погода: малооблачная, тихая. Группа в составе Шалыгина, Терехова, Пантелеева и бойца Титаренко поднялась вверх по Пикежу, спустилась в верховья р. Стремительной, перевалила в р. Белую и прошла до базы "У последних берез".

Здесь я встретился с тов. Артеменко и Шангиным, которые исследовали высоту 1100,7 м. Я, Терехов и Шалыгин в этот же день ушли на базу партии № 69.

От устья Пикежа до базы партии № 69 - 35 км. Этот путь нами пройден за 10 часов. Можно считать, что средняя скорость натренированного отряда по данному маршруту 3,5 км/час. Исходя из этих данных можно подсчитать, как далеко могли уйти погибшие геологи. От высоты 1100,7 м до базы в верховье реки Пикеж расстояние равно 14 км по карте стотысячного масштаба. Следовательно, на переход этого расстояния они затратили 4 часа. Если они с высоты вышли в 9 часов утра, то в верховье Пикежа они были в 13-14 часов дня. Следовательно, необходимо искать в верховье реки Пикеж их стоянку.

14 сентября 1954 г.

Погода: переменная облачность, ветер от слабого до умеренного. Группа в составе Ярмолюка, Кузнецова, Шангина, Шалыгина, Власенко, Терехова, Паргайкина по два человека поднялись на отроги перевала между реками Белая и Быстрая. Исследовали водораздел до высоты 1100,7 м.

На высоте расчистили канаву около тригонометрического пункта до выхода коренных пород. Глубина канавы 1,5 метра. На дне раскопано кайло, оставленное т. Афанасьевым. Вторая канава расположена в 400 метрах от триангуляционного знака, также расчищена до коренных пород, глубина ее 3 метра. Обе канавы были расчищены в присутствии Кузнецова и следователя прокуратуры Камчатской области Шалыгина. Осмотрен бивак на высоте 1100,7 м 1953 года. Обнаружены:

1. Бутылка из-под шампанского с запахом керосина;
2. Стеариновая свеча;
3. Пустая консервная банка из-под свиной тушенки, нетто 530 граммов;
4. Мундштуки папирос "Красная звезда" 1-й Ленинградской фабрики;

5. Место костра;
6. Три бревна длиной до одного метра от разрушенного триангуляционного знака.

После детального осмотра окрестностей высоты, отряд разбился на три группы:

1. Ярмолук, Терехов, Власенко спустились по правому притоку р. Мутной до слияния с левым притоком. Поднялись по левому, перевалили в левый приток р. Белой и по руслу реки Белой вышли к базе
2. Шалыгин, Кузнецов от высоты спустились в долину Белой по ее левому притоку и вышли на базу.
3. Зубко, Шангин, Паргайкин исследовали верховье левого притока р. Быстрой. На крутом склоне в леднике детально просмотрена трещина, длина ее 150 м, ширина вверху от 0,5 до 1,5 м, внизу до 4 м, глубина до 25 метров. Исследовал дно трещин Зубко. Затем по р. Быстрой спустились до правого притока. Спускались по узкой долине с обрывистыми склонами. Русло закрыто снегом мощностью от 2 до 5 метров. Редко встречаются промоины на 100 - 150 м. Затем поднялись к перевалу по левому притоку. С перевала вышли в долину реки Белой по левому ее притоку до базы. Следов пребывания и останков пропавших геологов не обнаружено.

13 октября 1954 г.

Переменная облачность, ветер слабый. Отряд в прежнем составе покинул базу в устье р. Пикеж и по берегу полуострова пришел в село Усть-Камчатск. Маршрутами всего пройдено 850 км. Кроме того, детально изучена площадь, равная..."(135).

В процессе поисков у геологов и следователей возникало несколько рабочих версий гибели Гринченко и Кузнецова. Каждая из них тщательно проверялась.

Версия первая: несчастный случай. Возможных несчастных случаев предполагалось пять: 1. встреча с медведем; 2. большой обвал горных пород в узком скалистом ущелье какой-либо из рек; 3. снежный обвал; 4. падение в трещину ледника, закрытую слоем снега; 5. геологи выбились из сил и замерзли.

Версия вторая: убийство. В этой версии поисковики отработывали четыре направления: 1. Один из геологов был нечаянно, вместо животного, застрелен солдатами - охотниками с маяка "Африка", и, чтобы скрыть следы преступления, был убит и второй геолог. 2. Подобные действия могли совершить охотники из Усть-Камчатска. 3. Случайная диверсия. 4. Целенаправленная (неслучайная) диверсия.

На двух последних гипотезах интересно остановиться подробнее, тем более что именно они, как можно предполагать, интересовали людей из КГБ. Ниже приведены эти гипотезы в описании автора отчета о проделанных поисковых работах А. Д. Зубко.

"Случайная диверсия.

Река Пикеж впадает в плохо выраженную бухту, защищенную с запада Камчатским мысом, с востока - мысом Чертова Мельница. На участке от устья р. Пикеж до устья р. Первой Перевальной не имеется ни кеккуров, ни подводных камней. Глубина залива 22 - 30 м.

Для высадки диверсантов бухта является прекрасным местом, что подтверждается ее удобным географическим положением, близостью крупного населенного пункта, безлюдностью берега. Этот участок полностью закрыт хребтом Камчатского мыса и не просматривается из Усть-Камчатска (расстояние по прямой равно 45 км.). Он не охраняется пограничными постами наблюдения (это мои личные наблюдения, т. к. за два года работы ни мной, никем другим из отрядов и партий пограничников встречено не было). Туман, дождь - самое прекрасное время для высадки диверсантов.

Неслучайная диверсия.

В данном случае очень мало доводов и они не особенно убедительны, но, я считаю, их необходимо упомянуть в данном отчете.

В день приезда партии № 36 в 1953 г. в Усть-Камчатск, я с Д. Т. Гречинской и Т. И. Горбатьюк пришел обедать в столовую рыбоконсервного завода № 66. Так как столики были заняты, то мы остановились около одного, где кончали обедать. Один гражданин (в нетрезвом виде) из обедавших поинтересовался, откуда мы приехали. Мы ответили, что прибыли с материка по вербовке на рыбную ловлю. На это нам гражданин сказал, что мы говорим неправду, что приехали мы на алмазные копи.

Такая осведомленность о наших работах меня очень удивила, т. к. даже рабочие нашей партии не знали, над поисками какого минерала мы работаем. Кроме того, перед выездом в поле, с рабочими была проведена беседа о сохранении государственной тайны и взята личная подписка.

После этого случая можно сделать вывод, что в составе партии № 36 мог быть болтун или предатель" (136).

Далее, в главе "Заключение", автор продолжает: "Если Ю. Н. Гринченко и Ю. Г. Кузнецов были убиты, то их трупы спрятаны на участке от устья р. Пикеж до мыса Чертова Мельница, вероятнее всего зарыты под осыпью или в песок пляжа, что делает невозможным их нахождение обычным путем. Учитывая, что у инженеров были металлические вещи, дальнейшие поиски на вышеуказанной площади проводить нужно с миноискателями и поисковыми собаками"(137).

Увы, с течением времени ни одна из версий так и не проявилась. Далекое, туманное, холодные горы Камчатского мыса продолжают хранить тайну исчезновения или гибели геологов Юрия Николаевича Гринченко и Юрия Григорьевича Кузнецова.

Горы хранят их могилы, река Пенжина - могилу Чугунова. Увы, но это были не последние

смерти тех, кто начал искать на Камчатке алмазы...

ОДА ГИПЕРБАЗИТАМ

Камчатка как минимум с мелового периода (около 70 - 130 миллионов лет назад) является активным вулканическим регионом. Причем магма, поставляемая камчатскими вулканами, имеет преимущественно базальтовый состав, то есть, говоря языком специалистов, содержание в ней кремнезема (SiO_2) составляет около половины объема породы, что значительно ниже, чем в других вулканитах - андезитах и дацитах. В начале этого химического ряда находятся так называемые ультраосновные породы - гипербазиты.

Это очень интересные горные породы, которые даже сами по себе являются полезными ископаемыми. Некоторые из них (дуниты) используются в качестве огнеупоров, другие (серпентиниты) - как материал для изготовления растворимых фосфатных удобрений и еще как поделочные камни. Но, что самое замечательное, с ультраосновными породами связаны месторождения никеля, хрома и платины. (В качестве отступления: в 1975-76 годах во время Большого трещинного Толбачикского извержения были взяты для анализа магматические воды базальтов. В них определили палладий, иридий, родий и ураганное содержания платины - от 0,76 до 39,7 мг/л. Платина была также обнаружена при анализе конденсатов высокотемпературных фумарол через год после окончания извержения) (138).

Но и это еще не все. В россыпях платины, связанной с гипербазитами, находили алмазы. В древние и средние века алмазы добывали в россыпях Индии и Борнео, с середины XVIII века - в россыпях Бразилии. Сопоставив все это, геологи и выявили цепочку: гипербазиты, габброиды - никель, хром - платина - алмазы...

А затем начались находки алмазов в кимберлитах - породах того же, ультраосновного ряда. Сначала была Южная Африка, затем Бельгийский Конго, остров Борнео, Британская Колумбия, Южный Квебек и Онтарио (Канада). А к 1946 году стало известно о находке алмазов в обогащенных углеродом гарцбургитах (породы того же ряда) в Южных Саянах. Примерно в это же время в литературе появились сообщения о находках алмазов в вулканических бомбах в Восточной Индии. Сообщалось о находках их в диабазах и миндалекаменных лавах по реке Вааль (Южная Африка).

В 1946 году в мире было уже добыто 2,2 тонны алмазов (как быстро, как резко!). Но почти все они добывались в странах Африки, и лишь 0,08% приходилось на долю Азии и Австралии. В основном их брали из россыпей.

В нашей стране первые алмазоносные россыпи были разведаны в период 1937 - 46 годов на западных склонах Урала (правда, единичные находки там были издавна). Именно тогда и была разработана отечественная методика их поисков и обогащения. В 1947 году искать алмазы стали почти по всей территории СССР, в том числе и на Камчатке (вспомните начало

предыдущей главы этого очерка), где было известно несколько массивов гипербазитов (139).

В 1954 году, через год после того, как на Камчатке пропали двое геологов, занимавшихся поисками алмазов, в Якутии геолог Лариса Попугаева открыла первую отечественную алмазоносную кимберлитовую трубку "Зарница". После этого усилили поиски коренных проявлений алмазов, и именно в этой провинции, и свернули работы по поискам их в россыпях в других регионах, в том числе и на Камчатке.

К 1968 году Камчатку начали рассматривать не только как территорию, перспективную для обнаружения нефти, но уже и как горнорудную провинцию. Особое значение придавали наметившейся Центрально-Камчатской золотоносной зоне, которая прослеживалась более чем на 800 километров вдоль Центрально-Камчатского вулканического пояса, вдоль осевой части полуострова.

Кроме того, геолог Г. М. Власов выделял в пределах Камчатки большую провинцию огромного Тихоокеанского сероносного пояса. Серные месторождения Огненного кольца Тихого океана рассматривались им как верхние зоны молодого рудообразования, что определяло возможность встречи под "шапками" крупных серных залежей различных руд - от мышьяково-ртутных до золотосеребряных и медно-полиметаллических. А известные отечественные геологи Н. А. Шило и С. М. Тильман в районах Северо-Восточной Азии на первый план выдвигали перспективу платиноносности, причем тех территорий, которые приближены к Тихому океану, в том числе и Камчатку. Они связывали эту перспективу с широким развитием здесь протяженных глубинных разломов, вдоль которых наблюдались массивы гипербазитов и габброидов, окруженных ореолами рассеяния минералов никеля, хрома и платины. Ими делался вывод о том, что "промышленные россыпи платины пока не известны, хотя с геоморфологических позиций вся эта область должна рассматриваться как вполне благоприятная для образования аллювиальных месторождений".

Среди первоочередных перспективных платиноносных объектов на территории Камчатской области намечались районы Пенжинской губы, Вывенской зоны Корякского нагорья и Восточно-Камчатский гипербазитовый пояс с его фрагментами на острове Карагинском и на мысах Кронцком и Камчатском. В этих районах прослеживались многочисленные мелкие рудопроявления хромитов, хотя некоторые из них, например, на острове Карагинском, по параметрам поверхностного оруденения и качеству руд оценивались как возможные промышленные месторождения (140).

С точки зрения глобальной тектоники, к Камчатке с юга пристыкована Курильская островная дуга, а с востока - северо-западная Алеутская гряда. Таким образом, Камчатка занимает угловое, платформенное положение. Похожее положение имеет остров Калимантан в Индонезийском архипелаге. Но именно на Калимантане известны промышленные россыпи алмазов вместе с платиной и золотом! И связаны они с гипербазитами! Почему не быть им и в нашем "углу" - Камчатском?

Таким образом, поиски алмазных россыпей на территориях развития гипербазитов, начатые широким, массиванным фронтом по всей нашей стране в 1947 году, теперь уже конкретно привели исследователей на Камчатку.

НЕИСТОВЫЙ КУТЫЕВ И ДРУГИЕ

1.

В 1968 году в Институте вулканологии появился молодой научный сотрудник Фарид Кутыев. На Камчатку он приехал из Ленинграда, где преподавал в университете одну из геологических дисциплин.

В среде вулканологов Кутыева восприняли неоднозначно. Многие увидели в нем некую легковесность, не свойственную серьезному ученому. К тому же он был чрезмерно энергичен и предприимчив, что также многим не понравилось.

В институте Кутыев начал заниматься дроблением проб и изучением породообразующих минералов, для чего понадобилось построить специальную лабораторию. Один из бывших коллег Кутыева по институту, а ныне известный на Камчатке публицист Алексей Игоревич Цюрупа любезно поделился с автором несколькими страницами рукописи своей книги о вулканологах, над которой работает, и в которой есть несколько абзацев о Кутыеве. Цюрупа пишет: "Кутыев осваивает крупнообъемное опробование, когда каждая проба на дробление состоит из центнеров горной массы. Он оборудует на Верхней Паратунке дробильно-обогадательную лабораторию с бассейном, которая одновременно с успехом выполняет роль загородной дачи для своих и для нужных людей со стороны... Диагностика пылевидных обособлений редких минералов тоже требует специальных методик. Химия тут не годится. Но жена Кутыева - Галина Викторовна - специалист по рентгеновскому анализу. Это как раз то, что нужно! Возникает эффектный творческий тандем".

Легкий сарказм, пронизывающий приведенные строки - это и есть отзвук того неоднозначного восприятия личности Кутыева. И дело даже не в лаборатории, совмещенной с бассейном. По большому счету дело в том, что Кутыев занялся тогда редкой и, как многим казалось, престижной темой алмазов и платины. Во многом для этого он и обрабатывал крупнообъемные пробы, для этого и привлек к работе жену-рентгенолога. "Что такое полевые шпаты, пироксены, роговые обманки? - с иронией восклицает А. И. Цюрупа. - Заурядные породообразующие минералы... То ли дело минералы редкие, ценные: золотишко, платина, алмазы! Одно слово чего стоит! Платина! Алмаз!".

Может быть, Цюрупа и прав, и толчком к увлечению Кутыева алмазами и платиной могла быть престижность темы. Но, честное слово, я бы тоже увлекся, будь такая возможность. И дело не в престиже, а в волшебной таинственности, исходящей от этих слов: платина, алмаз!.. Думаю, что главным было все-таки это.

В 1971 году в ЦНИГРИ (Москва) была разработана программа "Закономерности размещения алмазных месторождений СССР и их прогнозная оценка", которая и увлекла Фариду Кутыева. А чрезмерная энергичность, живость натуры понесли его по теме стремглав, безоглядно, что и получило неодобрение некоторых коллег. Заметим, - некоторых, потому что были и такие, кто смотрел на это по-иному, а то и поддерживал Кутыева. Один из них - Анатолий Иванович Байков, соратник Кутыева по многим начинаниям и работам.

"Его несло, - рассказывает Анатолий Иванович. - Я ему всегда говорил: "Ученые идут на шаг впереди прогресса, талантливые - на два, а ты, Фарид, делаешь три шага, но третий всегда вбок". Он отвечал, что без этого в настоящей работе нельзя. Энергия у него была потрясающая, как и фантазия. Он вообще слыл фантазером авантюрного склада, иногда от него отмахивались: мало ли что Кутыев нафантазирует... Уж очень оригинально он мыслит. У него, например, есть интересные статьи о строении Земли. Они нестандартные, но их высоко оценивают многие ученые во всем мире...".

Как бы там ни было, но именно энергичность, склонность к нестандартным поступкам и необычным делам, а также наличие лаборатории помогли Кутыеву сделать открытие. Уже в том же, 1971 году в пробе из лавы базальтового конуса Ичинского вулкана (не в гипербазитах!) он увидел в рентгеновских лучах 8 кристаллов алмазов! Размеры их были малы (0.4 - 0.8 мм), форма продолговатая, не характерная для алмазов из кимберлитов Якутии. Ученый мир засомневался. Академик В. С. Соболев потребовал дополнительной информации, подтверждения.

В 1975 году геологи М. Г. Патока и В. С. Шеймович специально взяли несколько штучных проб из той же северной части Ичинской вулканической структуры. И вновь были обнаружены 4 кристаллика, диагностированных алмазами!

В том же году в якутском городе Мирном прошло 3-е Всесоюзное совещание по геологии алмазных месторождений, участники которого пришли к выводу о необходимости всестороннего изучения щелочных гипербазитов и базальтоидов, как генетически связанных с кимберлитами. При этом учитывались и камчатские находки.

Я хочу привести еще одну цитату из рукописи А. И. Цюрупы, посвященную Кутыеву. "В 80-х годах в Институте вулканологии прошла художественная выставка работ его сотрудников: графика, пастель, масло... Кутыев представил множество "пейзажных" яшм, кремнистых сланцев и обсидианов, отполированные пластинки которых были вставлены в изящные деревянные рамочки работы институтского столяра Гены Дорофеева... Фарид Кутыев был художник. А особенность художественного видения и мышления - явный приоритет результата над способом, образа над штрихом, синтеза над анализом. Это способствует открытиям, как откровению, но препятствует доказыванию, как торжеству эмпирики".

Открытия, как откровения... Что же, Цюрупа знал Кутыева. Но, наверное, можно вдохновенно "летать" и чувствовать себя ученым, стремиться к этому высокому званию. Как бы там ни было, но 26 апреля 1976 года Фарид Кутыев защищает диссертацию и становится

кандидатом геолого-минералогических наук. У него к тому времени уже около 40 опубликованных работ! А "доказывание"... Будет и это, как читатель увидит дальше. Будет не только эмпиризм, будет и эмпирика. Будет способ, и будет результат.

2.

В 1976 году Центральная геохимическая партия КТГУ, руководимая геологом А. И. Байковым, приступила к методическим литохимическим исследованиям наиболее перспективных рудных районов Камчатки. Кроме того, партия взяла себе и тему по литохимическому исследованию гипербазитов в рамках той самой программы ЦНИГРИ "Закономерности размещения алмазных месторождений СССР и их прогнозная оценка". К этим работам на договорной основе подключились научные сотрудники Института вулканологии Ф. Ш. Кутыев и А. В. Колосков. Со стороны "Камчатгеологии" в ней приняли участие, кроме упомянутого А. И. Байкова, геологи Б. К. Долматов, Е. А. Баженов, Л. А. Агафонова, В. А. Полетаев и Е. Г. Сидоров.

Полевой сезон 1977 года один из отрядов партии, в котором находился и Кутыев, провел на далекой северной речке Айнын - левом притоке реки Таловки. Выбор этого района был не случаен - здесь выходят на поверхность гипербазиты так называемого Куюльского массива, который издавна привлекает внимание геологов.

Все лето отряд проводит в маршрутах, промывальщики не выпускают из рук лотков. Тяжелый труд венчается успехом - в шлихах обнаруживается ювелирная разновидность зеленого граната - демантоид. Это достойная находка! Само название - демантоид, от немецкого Demant - алмаз - чего стоит! Эти камни столь редки и красивы, что ценятся во всем мире. Поставляет их только Италия из месторождения Валь-Малено. В России их почти нет, за исключением коллекционных находок на Урале, Чукотке и полуострове Тайгоносе. Теперь вот появилось еще одно место - Куюльский массив.

Интересно, что самый крупный кристалл демантоида обнаруживает дочка Кутыева - Ася, которую он, вместе с другой дочерью - Аделью, брал с собой в поле. Демантоиды обычно отыскивали после промывки, в сухом шлихе под биноклем, девочка же увидела красивый желто-зеленый кристалл прямо в лотке. Будь это не демантоид, а крупный алмаз, которым присваиваются имена собственные, его бы, конечно, назвали "Ася".

Кроме этого, отряд убеждается в наличии в водотоках знаков россыпной платины и находит несколько положительных факторов, говорящих о возможном присутствии на исследуемой территории алмазов. Среди этих факторов - находка кимберлитоподобных брекчий.

Другие отряды также не остаются без интересных находок-открытий. Геолог Б. К. Долматов отобрал пробу из гипербазитов в бассейне реки Филиппа, и в пробе обнаружился идеально прозрачный мелкий кристалл алмаза. В. А. Селиверстов, А. В. Колосков, Ф. Ш. Кутыев и Ф. В. Каминский в 1979 году нашли единичное зерно алмаза в районе ручья Озерного в Валагинском хребте. Зерно находилось в гипербазитах. В. А. Полетаев и Е. Г. Сидоров

обнаружили мелкий алмаз в гипербазитах верховьев ручья Сумного в Елизовском районе, на площади промышленной золотоносной россыпи.

Заключение о диагностировании выделенных кристаллов алмазами подтверждено руководителем группы геолого-минералогических исследований новых типов алмазного сырья ЦНИГРИ кандидатом геолого-минералогических наук Ф. В. Каминским, а также старшим научным сотрудником ЦНИГРИ К. А. Шепелевой и старшим инженером-аналитиком Л. А. Ткаченко.

В 1980 году Ф. Ш. Кутыевым, А. И. Байковым и Л. П. Аникиным была отобрана большая проба, весом 500 килограммов, из глыб необычных базальтов, найденных в троговой долине между Авачинским и Козельским вулканами. Это были очень плотные, тяжелые, серо-зеленые породы, от которых и куска отколоть было невозможно. Пришлось их разбуривать, разделять на отдельные плиты и в таком виде вывозить. Анализ показал, что глыбы эти - экзотические оливиновые базальты с богатой мелкой вкрапленностью хризолитов, авгитов и хромдиопсидов. Обработать тогда удалось всего лишь 80 килограммов этих крепчайших пород, но и в таком небольшом объеме были найдены 3 кристалла алмазов длиной почти в 2 миллиметра.

Кутыев предложил назвать экзотические базальты авачитами. Это точно определяло географию их нахождения, да и звучало красиво, а потому не вызвало возражений со стороны его коллег.

Надо сказать, что, кроме всего прочего, геологи Центральной геохимической партии проделали большую, кропотливую работу по обобщению сведений о находках платины на территории Камчатки и составили на этой основе каталог, в котором насчитывалось 34 проявления. Вот вам и способ, а вот и результат! Во многом на основе результатов их работы в 1979 году в КТГУ были составлены "Направления и обоснование поисково-разведочных работ на металлы платиновой группы на территории Камчатской области в 1980 - 1990 гг.". Это только внешне казалось, что Кутыев и его коллеги шли от открытия к открытию легко, сдувая пенки. Но нет, работать приходилось много. И, конечно же, совсем не случайно в Институте вулканологии держали группу Кутыева по металлогении гипербазитов как бы обособленно. У нее, как мы видим, были действительно интересные практические результаты.

Например, к 4-й научной конференции по проблемам дальнейшего комплексного развития производительных сил Камчатской области, состоявшейся в Петропавловске в 1980 году, были подготовлены такие доклады, как "Перспективы платиноносности Камчатской области (А. И. Байков, Л. А. Агафонова) и "Медно-никелевое оруденение Камчатской области и перспективы его промышленного освоения" (А. И. Байков, В. Н. Лукьянов, В. М. Еркин). В этих докладах, в частности, ставился вопрос о рентабельности разработки богатых платиноидных медно-никелевых руд Центральной Камчатки. Ф. Ш. Кутыевым, А. В. Колосковым, Б. В. Ивановым, Л. П. Аникиным и другими исследователями был представлен доклад "Металлогения верхней мантии и научный прогноз месторождений полезных

ископаемых (Курило-Камчатский регион)", в котором рассматривался вопрос о глубинных, "мантийных" корнях рудных месторождений.

На следующей, 5-й Камчатской геологической конференции, состоявшейся в апреле 1983 года, прозвучали доклады "Генетические типы проявлений металлов платиновой группы в Камчатской области" (А. И. Байков, В. М. Еркин, В. Н. Лукьянов) и "Платиноиды Камчатки" (Ф. Ш. Кутыев, Е. Г. Сидоров, С. П. Белоусова и др.), в которых описывались черты сходства камчатских платиноидных россыпей с россыпями Урала, Аляски и Калимантана.

В 1984 году в Институт вулканологии переходит из ПГО "Камчатгеология" Анатолий Иванович Байков. Тогда и создается содружество исследователей - инициативная, пробивная группа Кутыев - Байков. Первая их задумка - создание центра по исследованию на Дальнем Востоке платины. Алмазы - да, заниматься ими стоит и надо, но нельзя упускать перспектив на обнаружение промышленной платины. Тем более что оба хорошо знакомы с академиком Николаем Алексеевичем Шилов, живущим в Москве, находящимся в опале у партийных и научных руководителей, но все еще удерживающим руки на пульсе геологической жизни страны, и особенно, родного Дальнего Востока. Академик настойчиво советует искать на Камчатке платину, главным образом - россыпную. Он уверен, что платина здесь должна быть Большой.

Фарид Кутыев становится, по выражению Байкова, "глазами и руками Шилов вне Москвы", потрясает в коридорах власти, науки и региональных геологических объединений именем знаменитого и авторитетного академика. В течение года удается собрать под знамя "платиновой" идеи руководителей и главных геологов всех дальневосточных геологических объединений и многих институтов. Так создается Межведомственное целевое научно-производственное объединение "Платина". Президентом объединения избирается академик Н. А. Шило, одним из его заместителей - Фарид Шакирович Кутыев.

Главной, конечной целью деятельности МЦНПО "Платина" было создание новой промышленной отрасли Дальнего Востока по добыче и переработке металлов платиновой группы. Планировалось собрать и систематизировать всю информацию о дальневосточной платине, разработать методику поисков ее коренных и россыпных месторождений, создать прогнозно-поисковые карты, разработать технологии добычи руд конкретных месторождений, спроектировать и построить металлургический комбинат с безотходной технологией извлечения платиноидов. То есть в результате должен был появиться законченный цикл научно-производственной деятельности, после чего на Дальнем Востоке засияла бы звезда новой, платинодобывающей промышленности.

Конечно, задача была грандиозной. Но для ее реализации была составлена вполне реалистичная программа, согласованная с ЦНИГРИ и Мингео СССР, а потому фантастической она не казалась. Пуск комбината планировался в 1995 году.

Насколько серьезно энтузиасты дальневосточной платины занимались планированием и выполнением поставленных перед собой задач, говорит один только список членов бюро его

научно-технического совета. В феврале 1986 года в составе бюро были не только Кутыев и его ближайшие сподвижники А. И. Байков и Е. Г. Сидоров, но и член-корреспондент АН СССР Е. И. Богданов, доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского горного института В. Г. Лазаренков, генеральный директор ПГО "Приморзолото" В. И. Чехович, генеральный директор ПГО "Севвостокзолото" В. Н. Брайко, заместитель директора ВСЕГЕИ В. М. Терентьев, директор СВКНИИ ДВНЦ АН СССР А. А. Сидоров и другие. На заседания бюро приглашались руководители территориальных геологических служб, предприятий смежных отраслей, партийные и советские работники регионов Дальнего Востока.

"Вот здесь, в Институте вулканологии, вот в этом кабинете собирались директора и главные геологи со всего Дальнего Востока, Якутии и Магадана, - рассказывает Анатолий Иванович Байков, сидя за столом просторного кабинета, заваленного образцами горных пород и геологическими картами. - Сидели, спорили, решали проблемы. Были собраны все мыслимые и немыслимые предложения, которые мы обговорили, а затем составили ту самую единую, координационную программу "Платина". Прогноз Шило плюс толковая программа - все это было очень серьезно. Не было только денег. Конечно, поддерживал наш институт, тогда это было ему по силам, но остальное приходилось искать нам с Фаридом. Делали договорные работы, сумели увлечь специальной программой "Рациональное использование минерально-сырьевых ресурсов" директора Института металлургии в Москве. Это Фарид, с его фантазией, замахами, масштабами. И ведь находили. А чисто платиновых денег не было, хотя в Мингео СССР мы обращались".

Пока суд да дело, Кутыев, по словам Байкова, "по велению сердца ездил по Корьякии, искал платину. У него была необычная интуиция и умение оценивать ситуацию...". Он был в движении, в поиске, утолял жажду честолюбия и научного любопытства. Его группа состояла из таких же энтузиастов, преданных делу людей, как и он сам. Практически все эти годы с ним работали Леонид Аникин, Евгений Сидоров, Владимир Семенов, Любовь Симонова, Виктор Резниченко. Последний был хорошим промывальщиком, вообще старательным, дотошным человеком. Именно его руками, на его лотке были обнаружены многие интересные находки группы Фариды Кутыева.

3.

В 1982 году геологическая партия прогноза и оценки месторождений Комплексной тематической экспедиции ПГО "Камчатгеология" закончила двухлетнюю работу над оценкой рудной и россыпной платиноносности Камчатской области. Руководил работой В. М. Ёркин, исполняли ее геологи В. Н. Лукьянов, Н. И. Пидорченко и Л. К. Верховская. Ими были изучены 110 отчетов из фондов ПГО "Камчатгеология", центральных фондов и ЦНИГРИ. В результате получилось обобщение с хорошей фактической и научной основой.

Геологи выделили на территории Камчатки 4 платиноносные зоны: Куюльскую, Палано-Ватынскую, Валагинско-Карагинскую и зону восточных полуостровов. Также были выделены две перспективные структурно-металлогенические зоны - Срединно-Камчатско-Ганальская и

Мургальская. Впервые были описаны все известные проявления россыпной и рудной платины, а также давалась подробная геологическая характеристика всех массивов гипербазитов и габброидов Камчатки. В списке, составленном группой Ёркина, уже фигурируют 47 проявлений и перспективных точек платиновой минерализации на карте масштаба 1:200 000. Кроме того, авторы дали геолого-экономическую оценку платиноносности полуострова и предложили основные направления поисковых работ. Одним из первоочередных объектов для исследований назывался Куюльский массив в Пенжинском районе Камчатки.

Помните смерть начальника Каменской партии Николая Сергеевича Чугунова в водах реки Пенжины в 1947 году, о которой я рассказал в самом начале этого очерка? После гибели Чугунова место руководителя работ по поискам алмазов занял другой геолог - Петр Григорьевич Туганов. Он закончил работу в 1948 году, алмазов не обнаружил, но в шлихах из рек Айнын и Кингевеем нашел мелкие зерна платиноидов - осмистого иридия и рутенистой платины, а также золота. Указанные реки размывали территорию, на которой выделялось огромное тело гипербазитов - так называемый Куюльский массив.

Представьте себе скалистые горы, совершенно лишенные растительности. Это и есть гипербазиты. На них негде цепляться корешкам растений. Лишь под ними расстилается тундра с богатейшими ягодниками жимолости, голубики, шикши, брусники и кислицы, а долины рек поросли зарослями кедрового стланика, ольхи и карликовой березки. Как подарок путникам в этих суровых местах, на южных склонах встречаются эдельвейсы.

В 1950-51 годах в районе Куюльского массива проводил геологическую съемку масштаба 1:100 000 геолог М. Н. Кожемяко. На террасах реки Веселой (местное название Тынгываям) им были обнаружены золотоплатиновые россыпи. Среди платиноидов преобладал осмистый иридий. Были отмечены сростки платиноидов с хромитом и серпентинитом.

В 1954 году Куюльский массив изучала петрограф И. Е. Заединова. Она предположила, что массив этот вышел на поверхность в твердом состоянии, был выдавлен как щит, порвав вмещающие породы. И с течением времени он почти не подвергся эрозионным изменениям. Одним словом, этот холодный пирог так и не дал крошек, а потому и нечего искать их вокруг него в виде платины, золота, алмазов или чего-то еще.

Но прошли годы, а интерес геологов к Куюльскому массиву не ослабевал. Уж очень необычным "китом" лежал он среди тундры и остальных горных пород. Как инопланетянин. К тому же в 1963 году геолог В. П. Похиалайнен нашел в его теле проявление хромитов. А где хромиты в гипербазитах, там ищи как минимум россыпную платину.

И стали искать. Как говорилось в предыдущей главе, в реке Айнын, также размывающей территорию Куюльского массива, Ф. Ш. Кутыев нашел демантоиды и поисковые признаки на алмазы и платину. А в 1980 - 83 году на массиве, а точнее в бассейнах рек Веселая и Тихая, Тихореченская партия геолога В. И. Перунова из Северо-Камчатской экспедиции провела поисковые работы и подтвердила наличие россыпной платины, а также выявила платиновую

минерализацию в телах хромитов. Правда, все это было в таких ничтожно малых количествах, что никакого практического значения представлять не могло.

В 1983 году к исследованиям массива приступил Куюльский отряд той же Северо-Камчатской экспедиции. Руководил отрядом В. В. Светлов. В задачу отряда входили поиски золотоплатиновых россыпей в реках Веселая и Тихая и их коренных источников.

Основными видами работы были геологические маршруты, проходка шурфов и канав и бурение скважин. Работа была сложной, но интересной, позволяла глубоко вникнуть в петрографию гипербазитов и минералогия платиноидов и хромитов. "Это была настоящая школа, - вспоминает Владимир Николаевич Мелкомуков, который начал работать на Куюльском массиве в апреле 1984 года, сменив начальника отряда Светлова. - Здесь я по-настоящему увлекся платиной, и у меня появились задумки о возможных дальнейших работах по ней".

При проходке шурфов отряд столкнулся с сильным водопритоком, буквально не позволявшим проводить работу. Пришлось заменить шурфы колонковым бурением при помощи установки УПБ-100ГТ, смонтированной на гусеничном вездеходе ГАЗ-71.

Пока буровики занимались скважинами, геологи искали коренные источники сноса платиноидов в реки. В первую очередь исследовали тела хромитов, которые сами по себе представляли высококачественную руду. Содержание в них окиси хрома составляло от 30 до 44 процентов. Связь платиноидов с ними подтвердилась.

К концу работы (1985 год) в реках Тихой и Веселой оконтурились небольшие золотоплатиновые россыпи. Особенно ценным было то, что в них присутствовал иридий осмий. Но еще более ценным результатом работ стал опыт, накопленный геологами Северо-Камчатской экспедиции по исследованию платины как россыпной, так и рудной. Опыт личный и опыт в копилку понимания геологии платины. Судьба как будто бы специально вела северо-камчатских геологов, в том числе Владимира Николаевича Мелкомукова, навстречу Фариду Шакировичу Кутыеву, который в это время тоже "шлялся" по просторам Корякии в поисках признаков платиноносности. Большой платиноносности, продуктивной. Он теоретизировал и занимался практикой одновременно, и еще не знал, что через какое-то время будет иметь в лице геологов из Северо-Камчатской ГРЭ хороших соратников-практиков. Когда они найдут друг друга, то найдут и Большую платину...

4.

В начале лета 1984 года группа Кутыева, как обычно, начала очередной полевой сезон. На этот раз она вылетела на север, в Корф, откуда перебралась в село Хаилино, а затем дальше - на реку Тапельвааям, к подножью горы Сейнав.

Тапельвааям своей долиной разрезает на две части Сейнавский гипербазитовый массив, который представляет собой высоко вздымающееся над окружающей местностью горное

образование (1186 м над уровнем моря), вытянутое в меридиональном направлении на 17 километров. Именно здесь в 1952 году геолог А. Г. Погожев отмечал при проведении геологической съемки шлиховую платину. Массив сложен, в основном, пироксенитами и дунитами, отличается от Куюльского, но также относится к ряду ультраосновных, а потому интересуют Кутыева. К тому же в 7 километрах к западу находится еще один подобный массив - Гальмознанский, в котором локализуется хромитовая минерализация. В 1975 году партия геолога Э. С. Алексеева при геологической съемке масштаба 1:200 000 установила в этих хромитах проявление платины, и Кутыев решает проверить эти находки.

Как вспоминает геолог Владимир Алексеевич Полетаев, "полевой быт Кутыев обставлял со вкусом. Для стоянки он обязательно выбирал хорошее место на рыбной речке, с красивыми местами. Он был в геологии "свободным художником", поэтому сам выбирал район работ. Обосновать это было не трудно, тем более что Кутыев шел не вслепую, а строго по перспективным местам и объектам. Сейнаровский и Гальмознанский массивы как раз были таковыми...".

В тот полевой сезон в правом притоке Тапельваяма группа Кутыева обнаружила в шлихах весовую платину. То есть, это были уже не единичные значки металла, а количество, достойное того, чтобы обратить на район серьезное внимание. Это было отмечено в заявке, поданной в ТГФ Камчатгеологии. К тому же в аншлифах из гипербазитов Гальмознанского массива была обнаружена платина рудная, что подтверждало находку Э. С. Алексеева в 1975 году.

5.

Итак, Межведомственное целевое научно-производственное объединение "Платина", родившееся в 1984 году, занималось не только теорией, но и практическими поисками. Уже через год-два это объединение было широко известно в среде геологов. Относились к нему по-разному. О нем говорили, им интересовались, его критиковали... Одним словом, равнодушных по отношению к МЦНПО не было.

Программа работ МЦНПО была разбита по времени на три этапа: подготовительный, основной и заключительный. Подготовительный этап длился два года - 1984 - 1985.

4 февраля 1986 года бюро научно-технического совета объединения "Платина" решило провести заседание, чтобы подвести итоги первого этапа. Вел заседание Фарид Шакирович Кутыев. Из членов бюро присутствовали Е. И. Богданов, В. Г. Лазаренков, Е. Г. Сидоров. Кроме того, было 19 человек приглашенных. От ПГО "Камчатгеология" присутствовали В. И. Лаштабег, Ю. И. Харченко, В. М. Еркин, В. А. Полетаев, В. В. Мореплавцев, Г. П. Яроцкий. От ПГО "Севморгеология" - Н. И. Пуляев. От КГПП "Далькварцсамоцветы" - Б. К. Долматов и Б. И. Широкий. От Института вулканологии - В. М. Сугробов, Ю. А. Филиппов, Н. Н. Кожемяка и А. И. Байков. От СВКНИИ ДВНЦ АН СССР - А. Г. Мочалов, от Камчатского обкома КПСС - В. П.

Шилохвост.

В результате заседания, выслушав выступления присутствующих, бюро постановило:"

1. Считать подготовительный этап программы МЦНПО "Платина" по разделам "Геология", "Аналитика", "ЭВМ и материальное обеспечение" выполненным.
2. В связи с тем, что освоение россыпных месторождений металлов платиновой группы является наиболее быстрым и реальным путем получения металлов платиновой группы с минимальными капитальными затратами, поставить перед Мингео СССР и РСФСР вопрос о необходимости резкого увеличения ассигнований и технических средств на поиски и разведку россыпных месторождений металлов платиновой группы на территории Дальневосточного экономического района (ДВЭР), включая работы на шельфе и, в первую очередь, в районе Аяно-Майского побережья и Пенжинского залива.
3. Считать недопустимым такое положение, когда известные проявления платиноидов на севере Хабаровского края, о которых еще в 1976 г. академик Н. А. Шило и член-корр. АН СССР Е. И. Богданов докладывали Госплану СССР, не осваиваются надлежащим образом. Поддержать предложение директора ИГД ДВНЦ АН СССР члена-корр. Е. И. Богданова о необходимости усиления геологоразведочных работ с тем, чтобы в 1986 году передать ВПО "Союззолото" запасы по металлам платиновой группы для промышленной эксплуатации индустриальными высокоэффективными способами. Генеральный проект отработки месторождения должен включать помимо проблем инфраструктуры района, наиболее эффективную технологическую схему обогащения песков и получения концентратов с полным использованием всех полезных компонентов россыпи, с обязательным применением отсадных машин типа ОМТ для улавливания самородков. До начала работ по генеральному проекту считать целесообразным отказаться от старательских способов отработки месторождения с переходом на государственную добычу с применением эффективной промышленной технологии. С этой целью поставить перед ВПО "Союззолото" вопрос о выделении для ПО "Приморзолото" целевым назначением трех приборов ПКБ-100, из числа изготавливаемых Магаданским механическим заводом по плану 1986 г., и изготовлении на том же заводе в 1986 году трех машин ОМТ-800. Это позволит уже в 1987 году в несколько раз увеличить добычу платины на месторождении и отказаться от хищнических старательских методов отработки.
4. Поручить Институту горного дела ДВНЦ АН СССР (г. Хабаровск) подготовить конкретные предложения по расширению раздела "Горное дело" программы МЦНПО "Платина" к 1 октября 1986 г. в соответствии с разработками новых прогрессивных технологий.
5. Одобрить деятельность Центральной лаборатории ПГО "Камчатгеология" по развитию методов исследования минерального сырья на металлы платиновой группы и золото.

Учитывая большие мощности Центральной лаборатории рекомендовать Мингео РСФСР осуществить централизацию производственно-аналитических исследований на металлы платиновой группы по Дальневосточному региону в ЦЛ ПГО "Камчатгеология" на хоздоговорных началах с организациями-соисполнителями.

6. С целью повышения эффективности поисковых работ на металлы платиновой группы ходатайствовать перед Мингео РСФСР о выделении ЦЛ ПГО "Камчатгеология" атомно-абсорбционного фотометра импортного изготовления с графитовым атомизатором типа "Пайюникум" или "Перкин-Элмер-5000".
7. В связи с тем, что работы по геофизическим и геохимическим методам поисков и оценки месторождений металлов платиновой группы свидетельствуют о перспективности этих методов, рекомендовать ПГО (Мингео РСФСР), ИЗК, ЛГУ, ЛГИ (Минвуз) расширить и конкретизировать перечень задач от стадии изучения геологических закономерностей рудных районов (узлов, полей) до прогноза конкретных рудных тел.
8. Для обмена информацией по геологии рудопроявлений металлов платиновой группы, апробации полученных материалов, необходимых для составления металлогенической и прогнозной схем на металлы платиновой группы для территории ДВЭР, провести расширенное заседание НТС МЦНПО "Платина" в г. Хабаровске в середине ноября 1986 г. В программе заседания предусмотреть также обсуждение вопросов по технологии извлечения платиновых металлов из россыпных месторождений.
9. Для организации и проведения расширенного заседания НТС МЦНПО "Платина" утвердить оргкомитет в составе: академик Н. А. Шило - председатель, член-корр. АН СССР Е. И. Богданов - зам. председателя, кандидат г-м. наук Ф. Ш. Кутыев - зам. председателя, доктор г-м. наук В. В. Ручкин - зам. председателя, кандидат г-м. наук Н. И. Лаврик - зам. председателя.

Подписи:

Зам. председателя, член-корр. АН СССР Е. И. Богданов.

Зам. председателя, к. г-м. наук Ф. Ш. Кутыев.

Зам. председателя, д. г-м. наук В. Г. Лазаренков.

Ученый секретарь Е. Г. Сидоров".

6.

Заведующий лабораторией платины ЦНИГРИ Владимир Михайлович Шашкин был одним из ведущих специалистов бывшего СССР по платиновым металлам. Собрав информацию о платине Камчатки, он обратил внимание на сходство геологии Сейнав-Гальмознанского узла

с геологией известных, богатых платиновых россыпных месторождений Урала и Аляски. Тогда же он высказал предположение о перспективности именно Олюторской платиноносной зоны.

"Он задолго до начала полевых работ по поискам россыпей и изучению платиноносности на севере Камчатки прогнозировал возможное открытие здесь россыпей и даже давал перспективную оценку запасов платины в пределах 20 тонн, - говорит геолог Вениамин Петрович Зайцев, возглавляющий геологическую службу предприятия "Корякгеолдобыча". - Он основывался на сопоставлении уральских и аляскинских россыпей и их источников с Сейнав-Гальмознанским узлом. Шашкин первым в тогдашнем еще министерстве геологии СССР настаивал на выделении необходимых ассигнований для изучения россыпной платины на Камчатке. Так что как теоретик прогноза он, несомненно, стоит в списке первооткрывателей".

С Зайцевым согласны не все. Например, Владимир Алексеевич Полетаев говорит, что "любой геолог мог бы высказаться подобным образом, когда вся информация была налицо". Полетаева, по сути, поддерживает Анатолий Иванович Байков: "У него специализация, он в Испании работал, деньги были, там его отряд, но, в то же время, курировал всю Россию, у него были все данные для работы, для сопоставлений. Ему нужны были наши материалы, и, получив их, он быстро во всем разобрался".

Как бы там ни было, а положительная роль Шашкина в открытии камчатской платины заключается в том, что, поверив в нее, он, как ведущий специалист, правая рука заместителя министра геологии РСФСР Б. И. Беневоляского по науке, "играл" на камчатцев, помогал им, отстаивал в высоких кабинетах их интересы. Другое дело, что интересы эти на самой Камчатке защищали, в основном, участники МЦНПО "Платина", то есть небольшая группа геологов. А вот в ПГО "Камчатгеология" в нее не особо верили, и первым не верил Виктор Петрович Хворостов, ставший в 1986 году главным геологом объединения. Основной аргумент был один: если бы что-то серьезное было - давно бы нашли. Но, как оказалось, съёмщики под руководством Алексева платину пропустили. Рудную минерализацию отметили, а в шлихах ее даже не видели.

Решающую роль в истории открытия камчатской платины Шашкин сыграл в 1989 году, когда с его помощью были получены первые целевые деньги на поисковые работы в Сейнав-Гальмознанском узле.

"В 1989 году в Туле состоялось министерское совещание по платине, - рассказывает об этом Анатолий Иванович Байков. - Для нас это было важное мероприятие, так как представлялась возможность заявить о себе перед большим собранием, перед чиновниками министерства, заявить о МЦНПО, о камчатской платине. Официально вызывали туда Хворостова, но он не полетел. Не был там и Полетаев, который вел в "Камчатгеологии" платину. Кутыев тоже не смог поехать. Волею обстоятельств оказался там я.

Меня признали как официального представителя МЦНПО "Платина", поселили в гостинице и

даже держали в моем номере койку для представителя ПГО "Камчатгеология". Ждали Полетаева, которому так и не оформили командировку в ПГО "Камчатгеология".

Утром первый день заседания, а я весь вечер сижу в номере и готовлюсь. Задаюсь вопросами: что же будут спрашивать, как построить свое выступление, о чем говорить?

Ситуацию я чувствовал, а потому решил, что мне надо не о перспективах рассказывать, а говорить о нашем МЦНПО. Ведь слушать-то будут чиновники. Для них перспективы - это вторично, о перспективах все говорят и, как обычно, приукрашивают. Первично - что мы делали, создав МЦНПО: проводились ли совещания, велись ли протоколы и так далее. С их точки зрения, предприятие является живым, рабочим организмом, если проводятся совещания, если на них присутствуют уважаемые люди, подводятся итоги выполнения программы. Такому предприятию и помочь можно.

Обдумав это, я приготовил все наши решения, протоколы, другие бумаги, аккуратно сложил в папку. Даже наизусть выучил эту часть доклада. Надо сказать, волновался сильно.

Открыл совещание заместитель министра Беневольский. Говорит: "У нас образовалась новая организация с каким-то странным названием - МЦНПО. Что они там делают? Кто такие? Тут их представитель сидит, я предлагаю дать ему первое слово, мы его послушаем".

Я вышел, положил свои бумаги и, не читая, начал им рассказывать об этом самом непонятном МЦНПО: структура, кадровый состав, заседания, решили, постановили, это выполнено, это в стадии выполнения, конференцию провели, и так далее... Подчеркнул, что не позволяем себе никакого нигилизма, наоборот, просим обратить на нас внимание...

Смотрю: слушают. И, похоже, нравится. В их духе.

-Да, - говорит Беневольский. - Да... Ну что же, действительно, есть такая организация. Надо подумать... Значит, Дальний Восток по платине объединяется... Конечно, у них месторождение Кондёр есть, а это неплохо... Ну, послушаем представителя "Камчатгеологии". Представителя нет? Будет? Ладно, завтра послушаем...

Стали слушать других. Докладывали главные геологи объединений. Неожиданно сел в калошу якутянин, ему ассигнования на платину срезали, образовался резерв. Ну, думаю, надо бороться...

После заседания ко мне подошел Шашкин и говорит:

-Ты правильно построил доклад. Я завтра предложу включить тебя в список рабочей комиссии. Ты пройдешь. Чиновники увидят: раз включили в рабочую комиссию представителя этого самого МЦНПО, значит, надо его признать. И признают. А рабочая комиссия по деньгам решает. Это уже что-то...

На второй день представителя камчатской геологии так и нет, пришлось опять мне к трибуне выйти. Но это было уже просто, это был обычный доклад. Я сказал, что у нас кругом находки, что вообще очень хорошо на Камчатке с платиной, большие перспективы по геологическим данным. Послушали меня чиновники, отнеслись нормально, хотя и без восторга. Вошел я в рабочую комиссию.

Перед заседанием рабочей комиссии Шашкин мне опять говорит:

-Вопрос по деньгам надо поставить мудро. Много просить нельзя - упрутся, глядишь, все потеряем. Месторождения ведь никакого пока нет. Мало тоже нельзя, мало - это мало. Пусть будет 300 тысяч. Это не миллион, в глаза не бросится, а на отряд хватит.

Два места было, на которые деньги давали, - Усть-Камчатск и Сейнав. В Усть-Камчатске платина осмий-иридиевая, в 7-8 раз дороже золота, но ее россыпи мелкие, до сотни килограммов. Нескольких тонн там трудно ожидать. А Сейнав - платина железистая, перспективная на крупные россыпи. Как решит Беневольский? Обдумывая вариант Усть-Камчатска, тот засомневался: "Там Нерпичье озеро, поднимутся экологи, "зеленые"... Давайте, возьмем Сейнав...". И дали целевым назначением на Север 300 тысяч рублей".

ОТКРЫТИЕ БОЛЬШОЙ ПЛАТИНЫ

1.

Известие о выделении министерством денег для поисков платины на севере Корякии привез в Корф руководителям Северо-Камчатской экспедиции Фарид Кутыев. Главный геолог экспедиции Леонид Леонидович Ляшенко тут же вызвал к себе старшего геолога по поискам Юрия Павловича Рожкова и геолога Владимира Николаевича Мелкомукова, имевшего опыт работы с платиной на Куюльском массиве. Вчетвером они сели перед геологической картой района и стали совещаться.

Кутыев рекомендовал провести работы в районе Сейнавского массива. Мелкомуков уточнил: в районе соседнего с ним Гальмознанского массива, так как именно там, по его предварительным теоретическим разработкам, следовало искать именно железистую платину. Тогда решили, что в участок работ должны войти оба массива.

- Володя, теперь слово за тобой. Начинай заниматься организацией новой партии, пиши проект работ на 1990-й год, - напутствовали собравшиеся Владимира Мелкомукова.

Кандидатура Мелкомукова не была случайной. К тому времени Владимир Николаевич уже 15 лет проработал в Северо-Камчатской экспедиции и хорошо знал и геологию региона, и геологию платины. К тому же это был настоящий труженик, закаленный многими полевыми сезонами, проведенными в тундре.

Его назначили начальником новой партии, несмотря на то, что он в это время был занят составлением геологической карты листа Р-59-XVI, которому отдал несколько последних лет работы. Составление карты и отчета шло к завершению, защищать их оставили другого геолога - Александра Разумного, а Мелкомуква перебросили на новый объект. И он согласился, потому что речь шла о платине, которой он давно интересовался.

Владимир Николаевич Мелкомукв окончил геологический факультет Пермского университета. Это было в 1972 году. Тогда же он был призван в армию. Служил в Петропавловске-Камчатском, был лейтенантом, командиром взвода. После службы, в сентябре 1974 года, пришел в Камчатское геологическое управление и попросился на работу. Его направили старшим техником-геологом на далекий Север - в Сергеевскую партию. С тех пор он и посвятил себя исследованию недр Корякии.

За считанные год-два из бывшего студента и храброго лейтенанта Мелкомукв превратился в хорошего геолога. Но на разведке Сергеевского золоторудного месторождения долго не задержался - через год был переведен геологом Каменистой геолого-поисковой партии, а еще через несколько месяцев стал ее начальником. Так и был затем много лет связан с поисками различных полезных ископаемых, прошел через несколько партий - Малиновскую, Белогорскую, Пенжинскую геолого-съёмочную, Пикасьвямскую, Куюльский отряд. И вот теперь ему поручили организовать новую партию - платиновую. Назвали её Сейнавской, по имени горы, в районе которой она должна была работать.

Не откладывая дело в долгий ящик, Мелкомукв сел за составление проекта работ.

2.

Базу для летней стоянки партии Владимир Мелкомукв наметил в верховьях реки Левтыриновьям. Ранней весной он отправился туда на вездеходе для разведки.

Управлял вездеходом Александр Базелеев, который знает тундру от Ильпыря до истоков Пенжины как свои пять пальцев. Он начал работать на севере одновременно с Мелкомуквым - в 1974 году, и достаточно успел помотаться по партиям и участкам.

Когда приехали на Левтыриновьям, обнаружилось, что долина реки сплошь покрыта наледью и вверх, как намечалось, пробиться невозможно. Тогда нашли другое подходящее место, выгрузили привезенные стройматериалы. Мелкомукв прошел по наледи вдоль береговых обрывов, мысленно порадовался тому, что здесь было очень много удобных мест, где можно заложить расчистки для изучения рыхлых отложений речных террас и долины. Тогда Мелкомукв еще не знал, что волею судьбы выбрал место для летней базы и наметил первые расчистки как раз в центре будущей промышленной платиновой россыпи, ее самого богатого участка. Как будто бы глас сверху ему сказал: "Дальше ехать незачем, остановись и ищи здесь".

Предвкушение большой, интересной работы не покидало его всю обратную дорогу. Хотелось

поторопить время, чтобы быстрее растаяли снега, и партия смогла окончательно выехать в поле и приступить к поискам.

Первыми из состава партии вылетели на новый участок техник-геолог Сергей Слободчук и рабочий В. С. Петренко, которого все называли Сергеичем. В их задачу входила организация лагеря и строительство бани. Для этого вертолетом забросили бревна и доски.

Вскоре, следом за передовой группой отправились на участок все остальные. Кроме самого Мелкомукова это были студенты-практиканты: девушки Е. М. Дудник из Благовещенского техникума, Д. В. Блохина из ДВПИ, Марина Митюхина из Московского техникума и двое ребят из Львовского университета - В. Г. Чупровский и А. М. Бучек. Навалившись, всем миром достроили баню, поставили 5 палаток, кое-как обустроили свои временные жилища и приступили к работе.

Для начала Мелкомуков собрал своих студентов и повел их вдоль реки, чтобы обучить работе с лотком, показать, где и как нужно отбирать шлиховые пробы. Это был рекогносцировочный, учебный маршрут, но, к большому удивлению самого Владимира Николаевича, буквально в первых же отмытых пробах оказалась мелкая платина.

"Для студентов это имело большое значение, - вспоминает В. Н. Мелкомуков. - Они сразу увидели платину, научились отличать ее от других темных минералов в шлихе, убедились, что территория непустая. Им по-настоящему стало интересно.

Все лето мы ходили в маршруты, отбирали по сетке металлометрические пробы. Сергеич проходил расчистки. Вскоре мы убедились, что в реке Левтыриновьям четко прослеживается шлиховой платиновый ореол. Как ни странно, но геологи-съёмщики пропустили его, у них вообще был здесь нуль по шлиховой платине. А мы начали получать серьезные подтверждения о наличии промышленного металла. Уже во второй расчистке, пройденной на низкой террасе реки, были также обнаружены первые зерна платины, а в 8-й расчистке пошла уже платина весовая, настоящая".

В сентябре партию усилили техниками-геологами Александром Собакиным, Николаем Семеновым и геологом Александром Ицковым. Из бассейна Левтыриновьям геологи перешли в бассейн реки Ветвей. Ее притоки ручьи Ледяной и Сентябрь совсем не даром были так названы - их шлиховали в сентябре и даже позже, когда пошли забереги, вода стала невыносимо холодной. Здесь также был получен весовой металл.

Так, летом 1990 года геологом Владимиром Николаевичем Мелкомуковым была найдена россыпная платина в Сейнав-Гальмознанском узле. Еще не было обнаружено ни одной россыпи, как таковой, но уже было ясно, что они обязательно здесь будут. Но какими они будут? Удастся ли найти Большую платину? Разрешение этих вопросов переносилось на следующий, 1991-й год. Объект оставался в плане работ Северо-Камчатской экспедиции, министерство снова выделило на него деньги.

3.

Зимой 1991 года в Сейнавскую партию был назначен старшим геологом Игорь Матюшкин. Приехала молодая специалистка, супруга Ицкова - Елена. В полевых работах принял участие геолог Андрей Горячев. Готовые шлихи изучала Людмила Семиколенных. И, конечно, в партии оставались прежние сотрудники - Сергей Слободчук, Александр Собакин, Николай Семенов, Александр Ицков.

К выезду в поле партия была хорошо укомплектована и оснащена. Ей уже уделяли в экспедиции серьезное внимание. Кроме металлометрической съемки и проходки расчисток на этот раз на реке Левтыриновьям было организовано бурение под руководством мастера Михаила Ивановича Шевченко. Бурили установкой, смонтированной на трелевочном тракторе. Бурение давалось тяжело, но в скважинах, которые удалось пройти, была обнаружена платина. Всего в 1991 году было пройдено 5 поисковых линий буровых скважин.

На ручьях Ледяной и Сентябрь поиски велись при помощи маршрутов и проходки расчисток. В расчистке №36, которую задал старший геолог Игорь Матюшкин, были получены промышленные содержания платины.

Министр природных ресурсов России А. Орлов вспоминает в одной из телепередач Льва Николаева "Цивилизация": "Ребята, съемщики с Камчатки, пришли ко мне в кабинет и принесли пробирочку. В ней было насыпано с полсантиметра этого серого металла. Я спросил: где? Потому что у нас была монополюсно платина в Норильске и Хабаровском крае, всего два объекта, остальное - мелочь. Оценили геологическую ситуацию, посмотрели геологические материалы. И поддержали...".

"К этому времени были получены такие результаты, что объект интересовал уже всех - от геологов разных институтов и нашего объединения до министерского начальства, - говорит Владимир Николаевич Мелкомуков. - Пошли разговоры о том, что надо писать дополнение к проекту, резко увеличивать объемы работ, применять ударно-канатное бурение. Денег сулили сколько хочешь. 1992 год должен был стать решающим. Он и стал решающим. На ручье Ледяном мы пробурили линии 253, 235, 227, 272, 16-ю по Левому Левтыриновьяму и половину 199-й линии. И все скважины на них получили промышленный металл. Это была территория длиной 6 километров. Таким образом, летом 1992 года на ручье Ледяном была открыта первая промышленная платиновая россыпь Камчатки. Я посчитал там прогнозные ресурсы, и у меня получилось 1,5 тонны. Это был первый подсчет на Ледяном. На следующий год мы подсчитали в центральной части россыпи, в блоке длиной 1,5 километра, уже запасы по категории С2, и получилось более 3-х тонн".

Геолог Владимир Полетаев, курирующий тогда в ПГО "Камчатгеология" работы по платине, провел в партии Мелкомукова половину полевого сезона. Он вспоминает: "Мелкомуков - великий труженик. Я не переставал ему удивляться. Он не сидел на месте, сам ходил с лопатой, лотком. Ведь найти платину не всякий может, ее трудно поднять, до нее докопаться

надо. Почему предыдущие исследователи не находили даже ее следов? Да потому, что она тяжелая, проседает на самое дно пласта, а пробы для промывки берут обычно почти сверху. Мелкомуков же копал до самого низа, до дна, не сидел на месте, искал правильно, толково, целенаправленно. И результат - нашел".

Нашел! Большая платина, о которой мечтали Фарид Кутыев и его сподвижники, коллеги по МЦНПО "Платина", их идейный вдохновитель академик Николай Алексеевич Шило, была открыта.

К сожалению, Кутыеву не довелось "искупаться" в славе одного из первооткрывателей платины на Камчатке, не довелось по-настоящему порадоваться открытию. В феврале 1993 года он улетел на Аляску - решил вкусить зарубежной жизни, поучиться уму-разуму у американцев. К тому же там у него были друзья, в том числе жительница Аляски Эбигайль Вудбридж, годом раньше привозившая на Камчатку своих соплеменников-туристов. Вскоре с Аляски на Камчатку пришло официальное письмо, подписанное начальником полиции Гленном А. Харбетом: "Ф. Кутыев умер 29 марта 1993 года, вероятно, от сердечного приступа во время работы грузчиком на Уналашке". В другом документе - телеграмме - сообщалось, что тело Кутыева отправлено в Анкоридж на кремацию. Подписано: "Эби Вудбридж" (по упомянутой выше рукописи А. И. Цюрупы).

ПО СЛЕДАМ ПЛАТИНЫ

1.

В 1992 году Северо-Камчатскую экспедицию возглавлял Владимир Александрович Логинов. Главным инженером экспедиции был Виктор Борисович Уваров.

Это было время распада Советского Союза. Республики суперстраны становились самостоятельными государствами. Когда-то единое экономическое пространство также было посечено границами. Разразился кризис, стала гибнуть промышленность. Геологическая отрасль осталась невостребованной - государствам было не до нее, а у промышленности не было средств на геологические исследования.

"Резко уменьшилось финансирование работ, многие партии остались без дела, - вспоминает то время В. А. Логинов. - Эта же участь постигла и самую крупную партию нашей экспедиции - Аметистовую. Как раз перед этим для Аметистовой был составлен новый проект, которым предусматривалось проведение больших объемов разведочных работ. Партия была на подъеме, ее коллектив состоял из 130 человек, причем это были настоящие специалисты. И вдруг все рухнуло. Людей нужно было куда-то девать, вывозить их семьи, отправлять уволенных на материк. Начался очень тяжелый процесс ликвидации.

Мы с главным инженером Уваровым ломали головы: что предпринять? Думали даже начать

на Аметистовом месторождении добывать руду собственными силами. О платине уже никто и не говорил, по большому счету было не до нее, хотя Сейнавская партия под руководством Мелкомукова сезон 1992 года еще работала на своем участке. Была мысль передать в следующем, 1993 году поиски платины Пенжинской экспедиции, которая как раз и специализировалась на россыпях. Были и другие проекты, которые могли бы позволить экспедиции еще какое-то время продержаться, чтобы не пострадали люди...".

В разговорах и поисках выхода из кризиса выкристаллизовывалось главное: без добычных работ экспедиции долго не продержаться. Надо начать добычу какого-то полезного ископаемого. Какого? Где? Наиболее просто это можно было сделать только на россыпи. Остановили свой выбор на участке Прижимном, где когда-то Логинов разведывал золотую россыпь.

"В экспедиции был создан добычной отряд, - рассказывает геолог, активный участник тех событий Виктор Серафимович Уланов. - Для проведения работ нужна была лицензия. Все согласования мы провели, вопрос уже должен был рассматриваться на Малом Совете Корякского окружного Совета депутатов, все складывалось для нас благоприятно, но в это время вышел номер "Российской газеты" с выдержками проекта закона Российской Федерации о недрах. И вопрос рассматриваться не стал.

Тогда Уварову удалось договориться с Камчатгеолкомом и экологами Корякии на проведение на Прижимном геолого-экологических исследований".

В августе 1992 года Северо-Камчатская экспедиция получила лицензию № 00002 для научно-исследовательских работ по теме "Создание экологической модели и эколого-экономическая оценка способа открытой разработки малых россыпных месторождений с попутной добычей применительно к природным условиям Корякского автономного округа. (Ручей Прижимный)".

"На Прижимном мы тогда впервые попробовали добывать золото, - вспоминает В. А. Логинов. - Всегда геологи занимались только его поисками и разведкой, а тут жизнь заставила заняться добычей. Были у нас две небольшие проходнушки, все остальное делалось вручную, дедовскими методами. И немудрено: денег-то нет, приобретать какую-то технику не на что. Решили обходиться подручными средствами".

Тот полевой геологический сезон 1992 года оказался для Северо-Камчатской экспедиции решающим: Сейнавской партией были открыты промышленные платиновые россыпи на ручье Ледяном и ручье Левтыриновьям, а на участке Прижимном удалось добыть своими силами около 3 килограммов золота. Добытое золото принесло доход, который окупил затраты. Геологи впервые за несколько месяцев держали в руках "живые" деньги.

Тогда и стало очевидным, что без дальнейших добычных работ не обойтись. Но организовывать их надо не в составе обнищавшей Северо-Камчатской экспедиции, а в новой производственной структуре, специально для этого созданной. Виктор Борисович Уваров

взялся за организацию акционерного общества. Акционерами стали 378 сотрудников геологической службы Камчатки, "сбросившиеся" по 5 тысяч рублей, и АО "Вилуй", базирующееся в Петропавловске-Камчатском", ставшее основным инвестором. Свое вновь созданное акционерное общество геологи назвали "Корякгеолдобычей".

Примерно в это же время, поздней осенью 1992 года, председатель Камчатского геолкома Михаил Григорьевич Патока прилетел в Москву, в министерство, чтобы согласовать финансирование геологических исследований на предстоящий, 1993 год. Тогда, в частности, в Москве и заинтересовались открытием платиновых россыпей в Сейнав-Гальмознанском узле. Но денег на полную программу дальнейших исследований всего узла не дали, посоветовав выставить ручей Ледяной на конкурс. Да, именно тогда наступило время раздачи многих перспективных объектов для желающих, которые могли финансировать работы и проводить их. Само государство было уже не в состоянии делать это.

Так россыпь платины ручья Ледяного в конце 1992 года попала в конкурс на право пользования недрами с целью поисков, разведки и дальнейшей добычи платины. Промышленные перспективы этого участка были под большим вопросом, сама россыпь была только подсечена единичными горными выработками, работы пахивали большим риском, а потому претендентов не оказалось. Кроме... ЗАО "Корякгеолдобыча".

26 января 1993 года директор "Корякгеолдобычи" В. Б. Уваров держал в руках лицензию № 00024 на право производства работ на ручье Ледяном. Кроме того, новое акционерное общество выиграло еще три лицензии: на добычу золота из россыпей ручьев Малютка, Перспективного и Прижимного. С этого и началось развитие производственной судьбы ЗАО "Корякгеолдобыча", а также начался новый этап в исследованиях платиновых россыпей Корякии.

2.

В 1993 году геология, как отрасль хозяйства России, стала гибнуть. Министерство перестало выделять деньги на производство многих геолого-съемочных, поисковых и разведочных работ. Партии и даже целые экспедиции одна за другой прекращали свое существование, геологи оставались без работы.

В качестве иллюстрации трагического положения геологии приведу один показательный пример. 27 мая 1994 г. на имя председателя Камчатского областного Совета Петра Премьяка поступило письмо от заместителя председателя федерального комитета по геологии Бориса Яцкевича, в котором говорилось, что "в 1993 году объем финансирования геологоразведочных работ в сравнении с 1990-м годом по Российской Федерации составил 20%. Задолженность бюджета за выполненные геологоразведочные работы в 1993 году исчисляются суммой 379,9 млрд руб. при общем объеме выполненных работ 683,9 млрд руб. В структуре задолженности - 86,7 млрд руб. приходится на зарплату" (141).

Вот в такой ситуации продолжались работы по исследованию россыпей платины в Олюторском районе Камчатки. Но государство все-таки еще не прекратило финансировать эти работы. Только ручьем Ледяным, как было сказано выше, теперь занималось на собственные деньги ЗАО "Корякгеолдобыча". Остальные же участки перспективной площади продолжал исследовать Владимир Мелкомуков в составе Северо-Камчатской ГРЭ.

В камеральный период 1992-93 годов им был выделен в достаточной степени разведанный участок территории на ручье Левтыриновьям, на котором можно было подсчитать промышленные запасы платины. Они оказались достаточными для того, чтобы стало возможным говорить о наличии здесь месторождения. Камчатгеолком начал готовить это месторождение для конкурсного аукциона. Когда документы были готовы, заявки на участие в конкурсе подали 5 предприятий. Уже пять! Еще бы, ведь теперь перспективы были очевидными!

А между тем Владимир Мелкомуков продолжал исследовать северную часть Сейнаво-Гальмоэнанского узла. Результаты работ обнадеживали, были установлены шлиховые платиновые ореолы еще в нескольких ручьях: Пенистом, Ирисовом, Ветвистом. Это подстегивало участников конкурса продолжать борьбу за лицензию на право производства работ на Левтыриновьяме.

ЗАО "Корякгеолдобыча" также приступило к геологоразведочным работам на ручье Ледяном.

"В 1993 году я был директором по геологии ЗАО "Корякгеолдобыча", - рассказывает В. С. Уланов. - Мы заключили договор с Пенжинской экспедицией и завезли на Ледяной их буровую бригаду. Геологами в бригаде работали Александр Крутяков и Григорий Климанов. Кстати, Климанов отработал весь Ледяной снизу доверху...".

"В нижней части Ледяного у нас выявился промышленный контур россыпи длиной 320 метров, - продолжает рассказ В. А. Логинов. - Мы сказали: "Ого"! Пробурили следующую линию. А контур все такой же...".

Параллельно с этой работой "Корякгеолдобыча" приняла участие в конкурсе за лицензию на ручей Левтыриновьям. В начале лета 1993 года первый этап конкурса состоялся. В результате из пяти претендентов из конкурса выбыли трое. Остались старательская артель "Камчатка", руководимая Орестом Михайловичем Сычинским и ЗАО "Корякгеолдобыча".

Оставшиеся участники конкурса стояли буквально насмерть, чтобы получить лицензию. Администрация Корякского автономного округа и депутаты окружной Думы склонились в пользу артели "Камчатка", но Геолком с этим не согласился, настаивая на том, чтобы победителем было ЗАО "Корякгеолдобыча". Дело дважды доходило до суда, тяжбы и перипетии конкурса были буквально драматическими. В результате обладателем лицензии на поиски, разведку и добычу платины в бассейне ручья Левтыриновьям все-таки стало ЗАО "Корякгеолдобыча".

Лицензия на этот участок была выдана предприятию 4 ноября 1994 года, а за год до этого, еще в конце 1993 года, состоялся первый контакт между руководителями ЗАО "Корякгеолдобыча" и старательской артели "Чайбуха", которая вела тогда работы в Магаданской области. Президент артели "Чайбуха" Иван Васильевич Кобзев заинтересовался камчатской платиной, и в 1994 году артель вошла в число акционеров "Корякгеолодобычи". В том же году "Чайбуха" организовала на Ледяном свой добычный участок. Именно с того времени - с зимы 1994 года, началась промышленная добыча россыпной платины Камчатки.

3.

По утверждению специалистов, в том числе главного геолога ЗАО "Корякгеолдобыча" Вениамина Петровича Зайцева, открытие платины в Сейнав-Гальмоэнанском платиноносном узле стало крупнейшим геологическим событием конца двадцатого столетия в России. Это было отмечено и в протоколе КГЗ при защите запасов корякской платины.

"По нашей оценке узел содержит несколько десятков тонн платины, - говорит В. П. Зайцев. - Но этот узел является только частью большой Вывенско-Ватынской платиноносной зоны, имеющей длину около 400 километров при ширине 20 - 30 километров. По своим масштабам зона вполне сопоставима с Уральской платиноносной зоной.

В настоящее время на севере Вывенско-Ватынской зоны мы проводим геологическую съемку масштаба 1:50 000 и уже установили еще одну россыпь с весовыми содержаниями платины. Не ошибусь, если скажу, что в ближайшем будущем мы здесь, в Корякии, будем иметь новую платиноносную провинцию мирового масштаба, так как она имеет свое продолжение на Аляску. Они там раньше ее выявили, за период добычи взяли из нее около 20 тонн платины. Мы же только начинаем, у нас все еще впереди".

"Уступая цветным металлам по стоимости продукции, россыпи платины стоят вне конкуренции по показателям эффективности отработки, благодаря незначительным капвложениям и высоким содержаниям, - говорится в справке о состоянии минерально-сырьевой базы Корякского округа, подготовленной Камчатгеолкомом в 1997 году. - Проведенными за последние 5 лет геологоразведочными работами в Корякском АО выявлена новая платиноносная провинция, что позволило округу войти в число ведущих платинодобывающих регионов России.

Все выявленные к настоящему времени в пределах Корякского АО месторождения платины сосредоточены в Сейнав-Гальмоэнанском платиноносном узле в 60 - 90 км к северу от пос. Корф, в междуречье правых притоков реки Вывенки - рек Ветвей и Тапельваям.

Наиболее крупными размерами отличаются россыпи ручья Ледяного и ручья Левтыриноваям. Лицензии на геологическое изучение этих россыпей с попутной и последующей отработкой получило ЗАО "Корякгеолдобыча", которое в течение 1993 - 1996 гг. провело здесь разведочные работы и в 1996 г. защитило запасы обеих россыпей в ГКЗ РФ...

Гальмоэнанский и Сейнавский платиноносные массивы структурно приурочены к Ватынской металлогенической зоне, протягивающейся от верховий р. Ветровая до бассейна р. Ватын. Тематическими исследованиями шлиховые ореолы платины установлены на крайнем северо-востоке зоны, а в дунитах Итчайваямского и Эименейского массивов литохимическим опробованием выявлены содержания платины более 1 г/т. Небольшие (до 100 кг) россыпи осмистого иридия выявлены также на севере Корякии в бассейне реки Пикасьваям.

Таким образом, уже по полученным к сегодняшнему дню результатам (1997 г.), можно говорить о выделении новой Корякской платиноносной провинции. Истинные масштабы ее платиноносности еще предстоит оценить" (142).

И СНОВА АЛМАЗЫ.

Я оставил тему алмазов, описывая работы, связанные с поисками платины. И вот вновь продолжаю повествование об алмазах. Эту тему и поныне разрабатывают ученые-геологи Института вулканологии из лаборатории металлогении под руководством Анатолия Ивановича Байкова.

В 1993 - 1995 годах ими были исследованы дубликаты минералогических и шлиховых проб, отобранных в предыдущие годы в наиболее перспективных на алмазы районах Камчатки. В дубликате минералогической пробы весом около 150 килограммов, взятой из авачитов в 1980 году, было выделено 26 зерен поликристаллических образований алмазов, относящихся к типу "карбонадо". Размер зерен от 0,1 до 1 миллиметра, и одно зерно - до 3 миллиметров. Зерна плотные, массивные, часто покрыты пленками графита. Цвет минералов черный, темно-серый и серый. Диагностика карбонадо была уверенно подтверждена рентгенофазовым анализом в Институте вулканологии аналитиком С. Г. Кокоревым, а в 1994 году - электронно-микроскопическими исследованиями в лабораториях Института геологии месторождений (ИГЕМ, Москва) под руководством А. И. Горшкова и в Университете Южной Флориды (Тамп, США) П. К. Кепежинским.

Как спутники карбонадо здесь же отмечались мелкие зерна карбидов кремния, красного корунда, платиноидов и единичные знаки золота. В лаборатории ИГЕМ был выделен как сопутствующий карбонадо крайне редкий минерал - самородный кремний. До этого его находили в кристаллах карбида кремния из алмазоносных кимберлитов Якутии, а также вместе с золотом - в архейских плагиогнейсах, вскрытых на глубине около 10 километров Кольской сверхглубокой скважиной. Напрашивался вывод, что образование алмазоносных авачитов Камчатки - это уникальный пример действия флюидно-магматической системы, в которой происходит синтез поликристаллических образований алмазов, что соответствовало гипотезе их вулканического происхождения, которую в 1970-х годах развивал В. С. Трофимов на примере алмазоносных кимберлитов в трубках взрыва. И действительно, прослеженный шлейф обломков авачитов приводил к леднику, заполняющему взрывную кальдеру Козельского вулкана, что подтверждало вероятную связь этих пород с взрывным

(эксплозивным) вулканическим процессом.

Что такое карбонадо? Согласно "Геологическому словарю", это разновидность алмаза, тонкозернистый, плотный или пористый минерал серого или черного цветов. На практике карбонадо являются представителями самых твердых технических алмазов и добываются только в россыпях Южной Америки, Африки, а также присутствуют в золотоносных россыпях Калимантана. Отдельные зерна карбонадо встречались в россыпи золота реки Кедровки (Средний Сихотэ-Алинь), где были описаны доктором геолого-минералогических наук С. А. Щекоей, который с соавторами в 1995 году подчеркивал, что "агрегаты микрокристаллических зерен карбонадо до настоящего времени являются наиболее загадочными минеральными образованиями. Все их находки приурочены к россыпям, что затрудняет реконструкцию условий их образования" (143).

И вот карбонадо выделено в авачитах, находящихся в естественных условиях залегания! Понятно, что эта находка давала, наконец, возможность расшифровать условия образования "загадочных минералов". Кроме того, карбонадо из авачитов являлись дополнительными индикаторами условий давления и температуры в вулканических камерах. Последнее играло важную роль для построения модели геологического строения глубинной части Авачинской группы вулканов, что, в свою очередь, работало на прогноз сильных вулканических извержений.

В ноябре 1993 года в ТГФ Камчатгеолкома была зафиксирована заявка на первооткрывательство карбонадо в авачитах. Первооткрывателями значились А. И. Байков, Л. П. Аникин, Р. Л. Дунин-Барковский и Ф. Ш. Кутыев, при участии которого была отобрана та самая проба алмазоносных авачитов. Почти одновременно была зафиксирована заявка на перспективы алмазоносности платиносодержащих гипербазитовых массивов Корякского нагорья (Сейнав, Гальмоэнан, Эпильчик, Итчайваям) с рекомендацией организации ревизионных работ на алмазы на известных в Корякии россыпях платины. Сонахождение алмазов и платины подтверждается в россыпях Урала, Аляски и Калимантана (144).

В июле 1994 года была подана заявка на первооткрывательство алмазов типа карбонадо в золотоплатиновой россыпи реки Ольховой на полуострове Камчатского мыса. В числе первооткрывателей кроме А. И. Байкова, Л. П. Аникина, Ю. М. Стефанова и Р. Л. Дунина-Барковского опять был отмечен Ф. Ш. Кутыев, как участник отбора минералогических проб, которые изучались при ревизионно-минералогических исследованиях уже после его смерти. Здесь из коллекции шлиховых проб было выделено несколько десятков зерен, близких по облику к карбонадо (145).

Через год, в июле 1995 года, была подана заявка на первооткрывательство алмазов типа карбонадо с сопутствующими демантоидами в русловых отложениях рек Илистой, Горелой, Длинной и ручья Смятого на полуострове Валижген. Первооткрывателями являются А. И. Байков, Л. П. Аникин, Ю. М. Стефанов, Р. Л. Дунин-Барковский, Е. Г. Сидоров, В. Л. Семенов, В. С. Резниченко и А. П. Минаев. Здесь выделено около 40 зерен, похожих на карбонадо, размером до 2 миллиметров. Как сопутствующие минералы, установлены

гранаты, в том числе фисташково-зеленые демантоиды, хромшпинелиды, серпентин (пластинчатая разновидность - антигорит), платиноиды и золото. Присутствие алмазов в образцах непостоянно. Рентгенофазовым анализом в одном из образцов была установлена ассоциация алмаза, платины и гематита, что подтверждало перспективность оценки алмазоносности промышленных платиновых россыпей. Состав алмазосодержащих минеральных ассоциаций в шлиховых пробах свидетельствовал об их связи с выходами гипербазитов, широко представленных на Валижгенском полуострове. Здесь же в свое время были найдены и золото-платиновые россыпи с преобладанием среди платиноидов осмий-иридий-рутениевых разностей (146).

В 1996 году в лаборатории металлогении был завершен сводный отчет по теме "Алмазоносность базит-гипербазитовых комплексов Корякско-Камчатского региона" (авторы А. И. Байков, Л. П. Аникин, Ю. М. Стефанов). Это была первая сводка проявлений алмазов на территории Камчатской области. Она содержала почти десяток проявлений. В заключении отчета авторы отмечали, "что алмазоносность имеет первостепенное научное и практическое значение для островодужных систем Восточной Азии, в первую очередь - Индонезии, и в перспективе, для Корякско-Камчатского региона, расположенных в угловых секторах Западной Пацифики. Были намечены своеобразные вихревые (спиралевидные) структуры земной коры, как перспективно алмазоносные и платиноносные образования, что нашло отражение на составленной "Структурно-минералогической схеме алмазоносности и платиноносности Корякско-Камчатского региона". Подчеркивалось, что некоторыми ведущими якутскими геологами для поисков месторождений алмазов рекомендовалось выявление зон ультраосновного (кимберлитового) вулканизма в условиях наибольшей толщины осадочного чехла земной коры, обогащенного органикой углеводородного типа, как наиболее подвижной. Отсюда следовало, вероятно, близкое сонахождение в пространстве алмазных проявлений и нефтегазоносных районов. А это еще раз подчеркивало, что проблема алмазоносности как проблема экстремальных геологических явлений имеет широкий круг выводов в практическом и теоретическом отношениях (147).

Поиск алмазов на территории Камчатки продолжается. Ведут его все те же ученые из лаборатории металлогении Института вулканологии при ограниченных финансовых и технических возможностях. Руководитель лаборатории Анатолий Иванович Байков пишет: "Эффективное направление исследований алмазоносности предполагает привлечение научных методов прогноза на базе современного научного проявления - нелинейной металлогении, развиваемой академиком А. Д. Щегловым. Принципы нелинейной металлогении, вытекающие из связи рудных месторождений с процессами, происходящими в подкорковых глубинах Земли, придают прогнозу рудных месторождений в земной коре более творческий, нестандартный характер и, несмотря на необходимые затраты на поисковые работы, по мнению А. Д. Щеглова, "они несомненно принесут результаты в виде новых провинций и месторождений. Игра стоит свеч!" (148).

Игра стоит свеч! Тем более что большой отрезок пути уже пройден. Причем достаточно жертвенный...

4. ГЕОЛОГИ НА КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВАХ

Еще в начале XX века ученые гадали: откуда посреди северных просторов Тихого океана взялись Командорские острова? Кусок Камчатки, оторвавшийся от материнского тела после бурных геологических катаклизмов? Но почему тогда они отделены от нее желобом глубиной более 6 тысяч метров? Часть Алеутской островной гряды? Но и от нее, похоже, отделены они глубоким желобом.

"Это самостоятельное геологическое построение, часть некогда существовавшего здесь материка, погружившегося под Евразию", - утверждали романтики от науки.

А на самом деле?

Если мысленно представить себе, что вода ушла из Тихого океана, как из ванны, обнажив дно, то можно увидеть, какие могучие здесь глубины. Каждый школьник знает, что Мариинская впадина находится именно в Тихом океане. Глубина ее - 11 022 метра! Марианские острова, торчащие из воды в районе этой впадины, имеют высоту более 7 километров. Но посмотрите севернее, на Командорские острова. Они почти не уступают Марианским и также поднимаются со дна океана на высоту более 7 километров! Причем идут они ввысь отвесно, как, впрочем, и восточный берег Камчатки. Будь они на суше, вряд ли покорились бы альпинистам.

На мысленно осушенном дне океана хорошо видно, что Командоры и Алеуты - одна огромная островная дуга, горный хребет, протягивающийся между Аляской и Камчаткой. Там, где эта дуга подходит к Камчатке, - глубокий, разделяющий их желоб, но на самом дне, по изобате 5 000 метров они соединяются, и горные породы здесь "изжеваны" вечным трением друг о друга. Материки качаются, шевелятся, а места их стыков сотрясаются и дрожат. Именно здесь находятся очаги многих землетрясений на Камчатке.

В далеком 1741 году этого никто не знал, как никто вообще не знал тогда о существовании Командорских островов. Лишь 5 ноября 1741 года один из островов впервые увидели члены экипажа пакетбота "Святой Петр", шедшего от берегов открытой им с запада Америки под руководством Витуса Беринга.

"...Около 9 часов показалась земля, - писал участник той экспедиции Георг Стеллер в своей книге "Описание плавания из Петропавловска на Камчатке к западному побережью Америки, а также происшествий, имевших место на обратном пути". - Невозможно описать, сколь большая радость охватила всех нас при виде ее. Едва живые люди выползли на свет божий, чтобы подивиться этому чуду. И каждый был благодарен Богу за его великую милость. Даже

совсем больной капитан-командор приободрился, а каждый из членов экипажа советовал, как можно поправить и укрепить его здоровье после перенесенных ужасных бед и неприятностей. Нашлись спрятанные там и сям бутылочки водки, чтобы отметить радостное событие".

После того, как экспедиция Беринга потерпела кораблекрушение на острове, названном впоследствии именем командора, перезимовала на нем, похоронив многих своих товарищей, в том числе и самого командора, а летом вернулась в Петропавловск, на открытые земли устремились предприимчивые люди. В первую очередь их интересовал пушной морской зверь. Но не могли путешественники не обращать внимания и на другие богатства новых земель. Так, казак Емельян Басов, открывший остров Медный, нашел на нем самородную медь, отчего и дал острову это его имя.

Через десять лет после Басова, в 1755 году, на этом острове побывала экспедиция некоего П. Яковлева, сделавшая описание находок меди. Яковлев описал географию острова и составил его схематическую карту. Более точно нанес на карту очертания Командорских островов капитан Федор Литке в 1826 - 29 годах, а топографическую карту внутренних частей островов Беринга и Медного чуть позже сделал американец Л. Стейнегер, изучавший на Командорах пушной промысел.

Геологию островов не изучал никто, если не считать отдельных общих наблюдений натуралистов. О геологии Командор даже в среде ученых ходили различные неправдоподобные легенды. Считалось, что острова сказочно богаты самородной медью и россыпным золотом. Авторы различных описаний тихоокеанских берегов и островов приводили и краткое геологическое описание Командор, но сведения черпали из случайных, далеко не научных источников.

И только в 1903 году по решению Петербургского Горного департамента на Командорские острова была послана, наконец, экспедиция. Возглавил ее геолог И. А. Морозевич. Вместе с ним на далекие острова отправился горный инженер Л. Конюшевский. Геологи прибыли на Командоры 24 июня и находились на них до первых чисел октября. За это время ими были обследованы острова Беринга и Медный.

"Командоры - это два куска какого-то после-нижне-миоценового континента, который большей своей частью погрузился вглубь океана, - писал Морозевич, обобщая наблюдения на островах. - Может быть, они представляют часть этого континента, который лежал в пределах нынешнего Берингова моря, и соединял Америку с Азией". При этом Морозевич пришел к выводу, что Командоры появились на поверхности океана благодаря вулканическим, лавовым постройкам, "засыпанным" сверху собственными обломочными вулканическими же продуктами.

Таким образом, Командоры по Морозевичу не являлись продолжением Алеутской гряды.

Морозевич и Конюшевский собрали на островах большую коллекцию горных пород, которые

были тщательно исследованы в послеекспедиционный период. Изучили они и месторождение меди на острове Медном, которому дали отрицательную оценку. Развенчали слухи о золотом богатстве Командор.

Результаты экспедиции легли в основу двух научных трудов И. Морозевича - монографии "Остров Медный (1912 г.) и "Komandory" (1925 г., Варшава, на польском языке). Последняя работа в 1952 году была переведена на русский язык А. С. Гибы-Янковским и С. К. Копыстьянским и издана под редакцией геолога М. Ф. Двали. К книге были приложены геологические карты островов.

В 1950 году на острове Беринга проводились инженерно-геологические изыскания для строительства порта в поселке Никольском. Работы проводил В. Д. Троицкий. Эти изыскания ничего нового для изучения геологии острова не дали, да и не преследовали такой цели.

В 1953 году научно-исследовательское судно "Витязь" Института океанологии АН СССР свой 14-й рейс провело в Тихом океане, изучая глубоководные Курило-Камчатские впадины. Им было сделано несколько галсов от берегов Камчатки до Командорских островов с целью выяснения характера взаимодействия между Курило-Камчатской и Алеутской впадинами. Было выяснено, что вдоль Алеутской гряды проходит узкий глубокий желоб, имеющий продолжение и вдоль Командор, выклинивающийся у берегов Камчатки. Так было впервые доказано, что Командоры - часть Алеутов. Кроме того, было выяснено, что склон Командорских островов вырастает из океана более чем на 7 000 метров, отличаясь большой крутизной, местами достигающей 30 - 35 о.

В апреле 1958 года Камчатское районное геологическое управление получило задание провести на Командорах геологическую съёмку масштаба 1:200 000. Для этого была организована Командорская съёмочная партия, которую возглавил геолог Юрий Васильевич Жегалов. В состав партии вошли геолог Л. М. Багдасарян, старшие коллекторы Д. В. Богданов, Н. С. Шутько и В. А. Самойленко, техник-геофизик П. М. Душко.

Готовясь к исследованию островов, Жегалов опирался, главным образом, на труды И. А. Морозевича и результаты исследований "Витязя". Чтобы прояснить для себя общее геолого-тектоническое положение островов среди Курило-Камчатской и Алеутской дуг, Жегалову были нужны работы "той" стороны - американской, но таких работ найти было невозможно, о чем он писал: "...большую пользу могло бы принести знакомство с геологической литературой по Алеутским островам, однако, за исключением очень кратких сведений, полученных из труда З. И. Зубковой "Алеутские острова", никаких других материалов по этому вопросу использовать не удалось".

И тем не менее партия к работе подготовилась и 15 мая отбыла на пароходе из Петропавловска в Никольское. Через два дня пароход подошел к острову Беринга. На нем еще лежал снег, что не позволило геологам сразу же начать полевые работы. До первых чисел июня им пришлось исследовать лишь окрестности Никольского и небольшие острова Арий Камень и Топорков. Лишь 3 июня партия отправилась в глубь острова Беринга.

Правда, и это далось не просто. Оказалось, что передвигаться партии не на чем - на острове не было свободных лошадей, а из плавсредств имелся только один катер, принадлежащий зверокомбинату. Пограничный режим не позволял советским гражданам иметь на островах лодки, дорог здесь тоже не было, поэтому передвижение было крайне ограниченным. С большим трудом геологам удалось арендовать двух лошадей, которые, естественно, не решали всех транспортных проблем. Основной свой груз исследователям пришлось переносить на себе.

Отсутствие транспорта вообще очень сильно повлияло на итоги работ геологической партии. Чтобы выбросить отряд на остров Медный, геологам пришлось много дней ждать попутный транспорт пограничников. Вернуться тоже было проблемой. Остались неисследованными многие обнажения горных пород морского берега, так как подобраться к ним можно было только со стороны моря, а сделать это было не на чем. И так далее...

"Переброска снаряжения и продовольствия на островах и между островами часто становилась непреодолимой проблемой для коллектива партии и вносила очень существенные коррективы в план работ", - писал Ю. В. Жегалов в отчете.

В план работ внесла коррективы и неожиданная болезнь геолога Багдасаряна, который в конце концов был вынужден уехать с островов в Петропавловск. В геологические маршруты стали ходить коллекторы, а контроль над их качеством лег на плечи Жегалова, который и без того нес теперь двойную нагрузку.

Но, несмотря на трудности, работа шла, геология островов постепенно открывалась исследователям. Жегалов приходил к выводу, что стратиграфическая схема геологических отложений Командор, принятая Морозевичем, на самом деле несколько иная. Но главный вопрос - о вулканическом происхождении островов подтверждался. Причем вулканизм проявлялся неоднократно, начиная с далекого палеогена (50-40 млн лет назад) и заканчивая 5 млн лет назад. Все это время вулканический фундамент островов все больше закрывался лавами и обломочным материалом, мощность толщ которых доходили до нескольких километров. Самые древние вулканогенно-осадочные образования островов Жегалов объединил в так называемую Командорскую серию пород. На поверхности острова Беринга они составляли более 70% площади, а на острове Медном - более половины. Следов современного вулканизма Жегалов не нашел, а из современных отложений выделил песчаные дюны и пляжи, высокие морские террасы, озерно-болотные отложения на севере острова Беринга, речные и склоновые (аллювиальные и элювиально-делювиальные) отложения.

Еще Морозевичем на острове Медном, в приливно-отливной полосе, вблизи горы Стеллера была найдена жила совершенно необычных по облику горных пород. Морозевич включил штупф из этих пород в свою коллекцию. Изучая штупф в лабораторных условиях, петрограф З. Стажинский назвал эти породы берингитами. Жегалов нашел берингиты на том же месте (впрочем, в других местах их обнаружить не удалось) и установил, что ближе всего они подходят по своему составу к спессартитам. Экзотичность пород им не оспаривалась, и он

оставил за ними имя "берингиты".

На острове Медном у мыса Матвея геологи обнаружили небольшие поля гидротермально-измененных горных пород. Вскоре подобные измененные породы были обнаружены и в других местах. На карте они выстроились в линию, похожую на разлом. Это и был мощный разлом, находка которого позволила Жегалову утверждать, что тектоническое строение островов не такое и простое, как считал его предшественник И. А. Морозевич. Вскоре Жегалов пришел к выводу, что "оба острова представляют собой крупные антиклинальные складки отчетливого северо-западного простирания. То есть складчатая структура островов в значительной мере определяет и современную конфигурацию их" (149).

"Современная площадь островов была нарушена крупными разломами северо-восточного и субширотного простирания, - писал далее Ю. В. Жегалов. - Этими разломами и последующими деформированными перемещениями по ним отдельных блоков пород во многом определяется современный рельеф и конфигурация береговой линии Командор. Различной амплитудой перемещения по этим нарушениям, видимо, объясняется различная морфология северной и южной частей острова Беринга.

Эти же нарушения в значительной степени определяют направление крупнейших речных долин островов, что особенно отчетливо заметно в центральной части острова Беринга (реки Каменка, Товарищеская Шайба и др.).

В настоящее время острова испытывают медленное поднятие, сопровождающееся осушением мелководных морских заливов (долина р. Гаванской и др.), интенсивной эрозией и абразией берегов" (150).

Изучил Жегалов и знаменитое Береговое месторождение меди на острове Медном. Впрочем, ничего нового после Морозевича он не нашел и лишь подтвердил информацию и выводы своего предшественника.

Проявление находится на северо-западной оконечности мыса Сулковского. Здесь туфы рассекаются дайками авгитовых андезитов, в которых и содержится самородная медь в виде примазок, бляшек и проволочек, размерами от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров.

В. М. Никольский, который был в то время начальником Геолого-съёмочной экспедиции, вспоминает: "Как ни просил я Жегалова привезти с Командор побольше меди, но, кроме нескольких кусочков и тонких проволочек меди, он ничего не нашел. Всю вывезли. А может быть, не всю? Не ясно до сих пор".

Сам Ю. В. Жегалов в отчете пишет: "Крупные самородки меди очень редки. Сравнительная их многочисленность, отмечавшаяся первыми посетителями острова, объясняется многовековым накоплением их в результате разрушительного воздействия моря. Эти-то находки и послужили основой для слухов о необыкновенном богатстве острова медью.

Однако уже в первый период освоения островов береговая полоса была почти полностью очищена от накопившегося веками металла, и лишь в результате долгих поисков И. Морозевич обнаружил самородок весом 185 г. Нам удалось обнаружить самородок весом около 300 г" (151).

Площадь острова с признаками медного оруденения Жегалов оценил в 0,8 квадратных километра. Как и Морозевич, он оценивает месторождение как непромышленное. "Трудно ожидать увеличение содержания меди и на глубине, - пишет он. - Активная абразия береговых обнажений все время "подновляет" выходы самородной меди, и сомнительно допустить значительное разубоживание меди за счет поверхностных процессов выщелачивания" (152).

Других рудных проявлений и месторождений на Командорах не обнаружено. Жегаловым описаны магнетитовые пески на отдельных пляжах острова Беринга, известняки и известковистые туфы, торф, линзочки угля, два небольших тела белоснежного гипса на острове Медном, диатомиты, строительные камни вблизи села Никольского.

После Жегалова геологией Командорских островов много занимался О. А. Шмидт из Геологического института АН СССР. Несколько лет, с 1970 по 1976 годы, он проводил полевые сезоны на островах. В одной из своих статей он пишет: "Командорские острова представляют собой вершины западной части подводного вулканического хребта, протягивающегося от Аляски до Камчатки. Он обрамлен с севера глубоководными котловинами Берингова моря и с юга Алеутским желобом с глубинами до 3800 и 9600 м соответственно. Эта вулканическая гряда сформирована в результате четырех этапов вулканизма. При этом количество изверженного материала от этапа к этапу систематически уменьшалось примерно в геометрической прогрессии 3:1" (153).

Считается, что на Командорах, в отличие от островов Алеутской гряды, современный вулканизм отсутствует, а потому в их формировании участвовали только три этапа вулканизма: Первый, глубоководный, - 50 - 40 млн лет назад (начало палеогена), Второй, мелководный, - 20 - 15 млн лет назад и Третий, завершающий, - 5 - 2 млн лет назад.

"В результате описанных выше геологических процессов, - пишет О. А. Шмидт, - ...сформировались две группы минеральных полезных ископаемых, перспективных для использования в островном хозяйстве: строительные материалы и поделочные камни" (154).

Под строительными материалами Шмидт конкретно подразумевает щебень, гальку и гравий, глины, вулканический шлак. Под поделочными камнями: агаты, опалы, яшмы, аметисты, хризопразы, зеленые туфы, гипс, мелоподобный известняк, раковины двустворчатых, окаменелые кости животных и древесина. "Все перечисленные материалы не представляют собой месторождений с промышленными запасами сырья, - пишет О. А. Шмидт, - однако их вполне достаточно для организации местного сувенирного и поделочного производства" (155).

В 1980-х годах вулканологи открыли группу подводных вулканов - массив Вулканологов - к северу от острова Беринга (156). Таким образом, мнение об отсутствии на Командорах современного вулканизма оказалось под вопросом. И это не единственный вопрос, вставший перед геологами, изучающими острова. Командоры "подбрасывают" все новые и новые загадки. И нет им числа. А потому нет конца истории геологических исследований этих далеких островов.

5. ГЕНЕРАЛЫ КАМЧАТСКОЙ ГЕОЛОГИИ

Всё зависит от личности.

Есть личность - будет история,

нет - будет хроника.

Евгений Жариков, киноактер.

Из публичного выступления.

СПИСОК

С момента становления на Камчатке своей территориальной структуры геологической отрасли и до момента написания этой книги прошло 50 лет. За это время у руля этой структуры "отстояли" 12 человек. Кроме того, северо-камчатские недра изучали геологи знаменитого Дальстроя МВД СССР, которые затем были организованы в составе Пенжинской (Северо-Камчатской) территориальной структуры геологической отрасли. До слияния ее в 1964 году с Камчатской структурой, ею в общей сложности руководили 4 человека. Итого, за всю историю камчатской геологии, у нее было 16 руководителей. Вот этот список.

- Пенжинская геологическая экспедиция ГРУ Дальстроя МВД СССР, п. Кушка Магаданской области (1946 - 1950 гг.):
 1. Владимир Алексеевич Титов - начальник и главный геолог экспедиции (декабрь 1946 - 1950 г.)
- Пенжинское районное геологическое управление ГРУ Дальстроя МВД СССР, п. Кушка Магаданской области (1950 - 1955 гг.):
 2. Александр Никанорович Долгов, начальник райГРУ (1950 - 1955 гг.)
- Пенжинская геологоразведочная экспедиция Приморской комплексной ГРЭ СВГУ, п.

Хасын Магаданской области (1955 - 1959 гг.):

Продолжает руководить А. Н. Долгов (1955 - август 1957 г.);

3. Тихон Васильевич Тарасенко, начальник экспедиции (август 1957 - май 1959 г.).

- Пенжинская комплексная ГРЭ СВГУ, п. Первореченск Камчатской области (1959 - 1964 гг.):

4. Юрий Павлович Рожков, начальник экспедиции (1959 - 1964 гг.).

- Камчатская геологоразведочная контора "Камчатнефтегеология", г. Петропавловск-Камчатский (1949 - 1951 гг.):

5. В. Ламин - управляющий конторой, директор геологической и административной службы 3 ранга (1949 - июль 1950 г.);

6. Михаил Федорович Шевченко - управляющий конторой, директор геологической службы 3 ранга (12. 07.1950 - 24. 07. 1951 г.).

- Камчатское геологическое управление, г. Петропавловск-Камчатский (1951 - 1955 гг.):

7. Евгений Иванович Тухтин, начальник управления, директор геологической службы (24. 07. 1951 - март 1955 года);

8. Владимир Алексеевич Аввакумов - исполняющий обязанности начальника управления (23 марта 1955 - июль 1955 года).

- Камчатская комплексная геологоразведочная экспедиция, г. Петропавловск-Камчатский (1955 - 1957 гг.):

9. Михаил Сергеевич Сергеев - начальник экспедиции (июль 1955 - ноябрь 1957 года).

- Камчатское районное геологоразведочное управление (райГРУ), г. Петропавловск-Камчатский (1957 - 1963 гг.):

10. Дмитрий Алексеевич Бубнов - начальник управления (1 ноября 1957 - 11 июня 1959 года);

11. М. Д. Чернов - исполняющий обязанности начальника управления (июнь 1959 - 25 июля 1960 года);

12. Павел Тимофеевич Усков, директор управления (25 июля 1960 - 31 декабря 1963 года).

- Камчатское территориальное геологическое управление (КТГУ), г. Петропавловск-Камчатский (1964 - 1980 гг.):

Продолжает руководить П. Т. Усков (январь 1964 - сентябрь 1966 года);

13. Вадим Михайлович Никольский - начальник управления (сентябрь 1966 - 9 июля 1973 года);

14. Рем Александрович Ремизов - начальник управления (июль 1973 - июнь 1980 года).

- Производственное геологическое объединение "Камчатгеология", г. Петропавловск-Камчатский:

Продолжает руководить Р. А. Ремизов (июнь 1980 - 8 августа 1983 года).

15. Виктор Иванович Лаштабег - генеральный директор объединения (август 1983 - июль 1992 год);

16. Василий Викторович Кноль - генеральный директор объединения (с 1992 г.).

Они были разными, но каждый внес определенную лепту в становление и дальнейшее развитие территориальной геологии как отрасли, да и как науки. Те или иные пристрастия первых руководителей определяли и главные направления работ всей структуры. При нефтяниках Шевченко, Тухтине, Аввакумове и Сергееве был расцвет работ на нефть, при геологе-россыпнике Д. А. Бубнове начались поиски россыпей золота, которые продолжились, а затем перешли в разведку и даже в добычу при Ускове. В. М. Никольский делал упор на геологию вообще, работу по рудному золоту, сере и ртути, а Р. А. Ремизов развил разведку таких месторождений рудного золота, как Сергеевское и Агинское, затем - Аметистовое, Родниковое и Асачинское, начал поисковые и разведочные работы на россыпях реки Правая Кондырева. В. И. Лаштабег, приехавший с магаданской школой, активизировал работы на Агинском и Аметистовом месторождениях, начал разведку россыпей в Таловских и Понтонейских горах, других районах Пенжинской тундры. К сожалению, ему не удалось сделать того большого дела, к которому он стремился - начать добычу рудного золота. Геология, как отрасль, к тому времени в России просто развалилась. В. В. Кнолю достались, можно сказать, руины, из которых он пытается что-то отстроить.

В 1992 году в России образовались территориальные геологические комитеты с функциями государственных координационно-контролирующих органов в области использования недр. Такой комитет есть и на Камчатке - Камчатгеолком, который с января 1998 года носит название Комитет природных ресурсов Камчатской области и Корякского автономного округа. Руководит им Михаил Григорьевич Патока - известный и авторитетный камчатский геолог.

Об этих людях и пойдет речь в данной части книги. К сожалению, не обо всех удалось узнать что-то значительное, и в таком случае автор ограничивается лишь приведением короткой справки, или достаточно субъективным мнением небольшого количества людей, знавших данного руководителя.

Юрий Павлович РОЖКОВ

1.

Вы - экспедиций основатель,
Знаток дальстроевских времен,
А также - первооткрыватель
Различных рудоносных зон.
Годами мерить жизнь не будем,
Резона в этом, право, нет.
Важнее - что осталось людям,
Какой оставлен в жизни след.
Путей Вы не искали легких,
Тропой проторенной не шли.
Свою единственную тропку
Вы сами для себя нашли.

Эти стихотворные строки посвящены Юрию Павловичу Рожкову. Их подарили ему коллеги-геологи к 60-летию юбилею в 1988 году. Тогда Юрий Павлович еще вовсю работал в своей родной Северо-Камчатской экспедиции и не думал расставаться с геологией. Это произошло позже, в 1993 году. Он вышел на пенсию и уехал жить в Ростов-на-Дону. А под итоговой чертой его трудовой биографии обозначились цифры - 43 года работы на северо-востоке России, в одной из самых сложных отраслей - геологии.

Кто знает Юрия Павловича Рожкова, называет его не иначе, как корифеем Севера, северо-камчатской геологии. И действительно по северным тропам им пройдено немало. Нет речки в пенжинской и олюторской тундрах, на которой не был Рожков. Нет такого перевала, через который бы он не проходил. Нет такого месторождения на севере Камчатки, к которому он не имел бы отношения. Много лет Рожков был одним из тех, кто олицетворял первопроходцев Севера, кто организовал здесь геологоразведку и отдал ей затем все свои силы, все здоровье, весь свой творческий и человеческий потенциалы.

"Это человек дальстроевской закалки, для которого всегда на первом месте было дело, а затем уже все остальное", - говорят геологи, когда речь заходит о Рожкове-старшем. Да, именно старшем, потому что кроме Юрия Павловича на Камчатке знают и других геологов-Рожковых: Валентину Кузьминичну Рожкову - жену Юрия Павловича, Сергея Павловича Рожкова - младшего брата, Сергея Юрьевича Рожкова - старшего сына.

В период с 1959 по 1982 годы Юрий Павлович Рожков руководил самой северной экспедицией на полуострове, которая в разное время называлась то Пенжинской, то Олюторской, в последние годы - Северо-Камчатской. Именно в этом качестве его помнят многие поколения камчатских геологов.

"Начальником экспедиции он был строгим, мы его побаивались, - вспоминает геолог Людмила Александровна Безрукова. - В 70-х годах мы были молодыми, а он - матерым геологом, и мы, конечно, перед ним трепетали. Когда прошло какое-то время, и мы стали старше, то поняли, что он, в принципе, обычный человек. Просто в нем навсегда засел суровый дух Дальстроя, северная школа. А там к старшему соратнику необходимо было иметь уважение. Вот он и ставил нас на место".

"Моя первая встреча с Рожковым произошла в 1974 году, когда я в экспедицию на практику приехал, - вспоминает геолог Виктор Петрович Хворостов. - До института я окончил техникум, успел поработать старшим техником-геологом, но он, когда я пришел представляться и попросился на Сергеевку, ответил мне: "Пойдешь геолрабочим". Я начал возражать, но он как-то так холодно к этому отнесся... Так я и числился геолрабочим, хотя фактически вел документацию на буровых, на штольне, занимался геологией даек. Но, несмотря на этот эпизод, я был и остаюсь высокого мнения о Юрии Павловиче как о человеке и специалисте. Так судьба распорядилась, что впоследствии он был у меня в подчинении, но отношения у нас всегда были хорошими. Вместе с ним я в разные ситуации попадал, в том числе и в экстремальные. Помню, занимались выбором рациональной схемы прокладки дороги от Корфа до Аметистовой. На вездеходе мотались по тундре, отрабатывая различные пути. Нас было только трое - он, я и водитель. Вот тогда я действительно убедился в том, что Рожков прекрасный знаток тех краев, вообще севера, тундры, прекрасный охотник и полевик. Уезжали на неделю. Нас и снег, и дождь заставляли. Однажды даже пришлось вытаскивать вездеход из реки. И во всех ситуациях Юрий Павлович был на высоте.

Есть у него одно удивительное качество - всегда оставаться самим собой. Немногие могут удержать себя в руках, когда после должности начальника экспедиции приходится работать простым специалистом, даже пусть и старшим. А он смог, когда вышел на пенсию и работал в геолотделе старшим геологом. Не было гонора, высокомерия. И геологический профессионализм он не потерял за время работы руководителем. Это очень трудолюбивый человек, который при этом делал все на высоком уровне качества.

И ведь помимо всего прочего, он собирал историю северной геологии, со многими переписывался, имел дома хорошую библиотеку".

Продолжает рассказ своих коллег о Юрии Павловиче Рожкове геолог Вениамин Петрович Зайцев: "Это корифей. Но не об этом хочу сказать. Говорить надо о его роли в геологических результатах, наработанных экспедицией. Да, он, как начальник, непосредственного участия, казалось бы, в полевых работах не принимал. Но роль начальника более широка и многообразна, ее нельзя связывать лишь с отдельными

геологическими объектами. Первый руководитель - это инициатор, организатор работ. Он бьется в верхних эшелонах за ассигнования, за решение многих вопросов. Здесь роль именно Рожкова нельзя недооценить. Ему это удавалось. Но нельзя забывать и то, что он очень много сделал и как полевой геолог. Не всегда же он был начальником экспедиции...".

Да, жизненная тропинка Юрия Павловича Рожкова натаптывалась отнюдь не на коврах больших кабинетов, хотя были и они. Но главным местом его жизненного пространства был Север, север Камчатки. Именно поэтому коллеги Рожкова, поздравляя его в 1988 году с 60-летием, заканчивали свое стихотворение строчками:

Наш юбиляр не в кабинетах
Свои награды заслужил -
Немало кой-чего разведаль,
И даже кое-что открыл.
Полно изучено формаций -
И оловянных, и других,
Здесь не упомянуть всех, признаться,
Названья не влезают в стих...

2.

Юрий Павлович Рожков родился 20 февраля 1928 года на станции Архара Амурской железной дороги. Отец Павел Сергеевич работал стрелочником. Мать Полина Георгиевна вела домашнее хозяйство.

Когда отец окончил курсы повышения квалификации, его перевели дежурным на разъезд Катарангра, где семья Рожковых прожила до 1936 года. После этого уехали в городок Слюдянку Иркутской области. Здесь Юрий Павлович начал учиться в школе.

"В начале Великой Отечественной войны отец ушел на фронт, а мне, как старшему из его сынов (кроме меня в семье остались два младших брата и больная мать) пришлось не только учиться, но и работать, - пишет Юрий Павлович в своей автобиографии. - Летом 1941 года я собирал слюду-флогопит в старых отвалах и подземных выработках и сдавал Слюдянскому рудоуправлению. Здесь-то, насмотревшись в старых подземных выработках на пегматитовые жилы с разнообразием кристаллов, я решил стать геологом.

С началом учебного года совмещал учебу с работой в кинотеатре "Горн" - был учеником и помощником киномеханика.

После войны, в октябре 1945 года начал работать наблюдателем на таежной гидрометеостанции "Снежная" Иркутского управления гидрометеослужбы Восточно-Сибирского военного округа. В августе 1946 года сдал экзамены и поступил учиться в Бодайбинский горный техникум, а в 1947 году перевелся из него в Благовещенский

геологоразведочный техникум. Окончил его в 1950 году и был направлен на работу в Дальстрой МВД СССР, в Омсукчанское горнопромышленное управление".

Надо сказать, что еще в техникуме Юрий Павлович познакомился со своей будущей женой Валентиной Кузьминичной. Вместе они и приехали на работу.

В техникуме супруги Рожковы получили специальность техников-геологов, а потому и начали работать техниками в разведрайоне Останцовый. Так началась их долгая жизнь на Севере.

Сначала Юрий Павлович работал техником-геологом, старшим техником-геологом, геологом в разведрайоне Останцовый, а в феврале 1952 года его перевели старшим геологом в другой разведрайон - Хивовчан. Но и там, и там он занимался разведкой оловорудных месторождений. Это были месторождения Останцовое, Охотничье, Лиственничное, Ново-Останцовое, Хивовчан, Контактное, Джагын. Теперь все эти месторождения давно отработаны и забыты.

"В 1953 году меня направили на учебу в Томский политехнический институт им. С. М. Кирова, на факультет высших инженерных курсов (ВИК) горных инженеров-геологов, - продолжает свою автобиографию Юрий Павлович. - В мае 1956 года окончил институт и вернулся на прежнее место работы. Занимался разведкой Невского оловорудного месторождения. В ноябре 1956 года был переведен старшим геологом геологоразведочного отдела Омсукчанского горнопромышленного управления, занимался направлением геологоразведочных работ и методикой разведки всех оловорудных месторождений Омсукчанского района Магаданской области. После организации в августе 1957 года Омсукчанской комплексной геологоразведочной экспедиции СВГУ, работал ее главным инженером, а затем начальником".

В начале мая 1959 года Юрия Павловича Рожкова вызвали в Магадан, в Северо-Восточное геологическое управление, чтобы назначить начальником Пенжинской экспедиции. Тогда экспедиция базировалась в поселке Хасын, вблизи Магадана.

- Езжай в Хасын, занимайся организацией полевого сезона, - сказал ему начальник управления И. Е. Драпкин. И добавил: - Но в течение этого года подбери для базы экспедиции новое место на севере Камчатки - поближе к району работ. Отстроишь новую базу и в следующем году вывезешь туда геологов и их семьи из Хасына.

Так Юрию Павловичу пришлось в том далеком, 1959 году заниматься сразу двумя большими, самостоятельными делами: руководить действующей геологической экспедицией и строить для нее новую базу.

Действительно, из Хасына добираться до района работ, в Корякское нагорье, было сложно. Порой на дорогу уходили целые месяцы, и для работы оставалось очень мало времени. Потому и встал вопрос о переносе базы.

Весь май и начало июня Юрий Павлович обследовал долины реки Пенжины и ее крупных притоков, отыскивая место, пригодное для строительства поселка геологов. Прошел от Усть-Пенжино, через Первую и Вторую речки, через Манилы, Три Юрты и Каменское до Тиличиков. В результате он остановил свой выбор на относительно высокой правой террасе в устье Первой речки, впадающей с севера в Пенжинскую губу. Это и определило в дальнейшем название поселка - Первореченск.

Построить поселок в голой тундре, да еще вдали от жилых мест - дело сложное. В верховья Пенжины и ее притока реки Белой, где росли лиственницы и тополя, отправили бригады лесорубов. Готовый лес сплавляли по воде. Кроме того, вдоль Пенжинской губы собирали плавник, который годился для строительства. В то же лето пароходом привезли 20 комплектов деревянных домов размерами 5х6 метров. Для строительства и сборки зданий организовали две рабочие бригады. Дело пошло.

Весной 1960 года строительные работы были продолжены. К осени несколько жилых домов, общежитие, а также срубы камерального здания и лаборатории уже красовались над водами Пенжинского залива.

Геологи экспедиции тем временем работали на своих участках, выполняли геологические задания, поставленные им на полевой период. Когда пришла пора возвращаться домой, их вывозили уже не в Хасын, а на новую базу - в Первореченск.

Конечно, дома еще не были готовы, и геологам пришлось включиться в строительство. Штукатурили, белили, красили, клали печи. Зима 1960-61 годов была первой для коллектива Пенжинской экспедиции, проведенной в новом поселке, на камчатской земле.

Так, волею судьбы, Юрий Павлович Рожков стал первостроителем геологического поселка Первореченска в устье реки Пенжины. Поселок этот три с лишним десятилетия был родным для сотен геологических семей. В нем рождались и вырастали дети, на погосте оставались могилы близких людей.

Трещит мороз, поют метели,
Снег белым пологом лежит.
Как быстро все же вы сумели
Ту речку Первую обжить.
Скрипела тротуаров пара
Под тяжестью литых сапог,
Звучали песни под гитару,
И веселились кто как мог (157).

В том, 1961 году в составе Пенжинской экспедиции работало около двух десятков геологических партий. Среди геологов были люди, чьи имена в дальнейшем стали широко известными и авторитетными среди коллег: З. А. Абдрахимов, С. А. Мельникова, Р. А. Бикмаев, А. Г. Погожев, В. П. Похиалайнен, Б. В. Лопатин, А. А. Коляда, М. Н. Руфанов, Г. К.

Мазурин, Ю. М. Резник, А. И. Поздеев, В. В. Караман, А. С. Фисюк, Ю. Б. Гладенков и другие. Но даже среди этих уже намечавшихся авторитетов, выделялся Юрий Павлович Рожков. Выделялся серьезностью, даже некой суровостью, твердостью характера, умением отстаивать свою точку зрения и интересы коллектива.

В 1964 году на базе Пенжинской экспедиции и Камчатского райГРУ было создано Камчатское территориальное геологическое управление. Пенжинцы, уже несколько лет жившие на территории Камчатской области, стали, наконец, "законными" камчатцами. Дороги не вели их больше в Магадан, а вели теперь в Петропавловск.

"В 1966 году было открыто Малетойваямское серное месторождение в Олюторском районе, - пишет Юрий Павлович Рожков. - Первые два года разведка месторождения велась из Первореченска, а в 1968 году руководством Камчатского ТГУ было решено выделить ее, а также разведку Олюторского ртутного месторождения в отдельную структурную единицу с базированием в поселке Корф".

Приказ о создании новой самостоятельной партии звучал так: "В целях повышения эффективности работ по разведке Малетойваямского серного месторождения и во исполнение приказа №502 от 20 сентября 1968 года по Министерству геологии РСФСР с 1 октября 1968 года создать Малетойваямскую комплексную геологоразведочную партию с непосредственным подчинением управлению. Место базирования партии - поселок Корф Олюторского района.

Начальником партии назначить Юрия Павловича Рожкова, главным геологом - Альфреда Евгеньевича Конова".

Так Рожкову пришлось еще раз заняться обустройством "гнезда" для геологов, на этот раз в Корфе. Для начала был куплен частный дом, который служил и общежитием, и конторой. Затем приступили к строительству своих домов и производственных помещений.

Изучение Малетойваямского месторождения серы Юрий Павлович считал чуть ли не главным делом своей жизни. Он знал это месторождение, верил в него и любил его. Годы, проведенные на Малетойваяме, были для него счастливыми. Если обратиться к книге В. Яхонтова "В гостях у морских и оленных людей", то и о Рожкове тех лет можно найти в ней несколько интересных строчек:

"В Рожкове есть что-то одновременно от ученого и неисправимого бродяги-поисковика. Выше среднего рост. Простое лицо, темноволос. Не расстаётся с шапкой-ушанкой и стеганкой с меховым воротником. Но тронь его любимого конька - перспективы развития Камчатки - заслушаешься! Он подробно расскажет и исторически докажет, где залегают какие руды и в каком количестве, где и почему нужно строить города, где - просто временные поселки. Юрий Павлович умеет мастерски управлять оленьей и собачьей упряжками, стрелять уток и гусей влёт, поставить палатку и наладить походный быт.

- Когда мы попали в Малетойваям, - говорит Рожков, - обратили внимание, что по всей долине, куда ни сунься, вода пахнет тухлыми яйцами. Партию тогда возглавлял доктор геолого-минералогических наук Георгий Михайлович Власов... Малетойваям - одно из самых крупных месторождений серы на Камчатке...".

Увы, недолго пришлось Юрию Павловичу руководить Малетойваямской партией. Дела на месторождении шли не так, как хотелось. Объект был на контроле Министерства геологии СССР, спрашивали за него жёстко, но у камчатских геологов не хватало технических средств, материалов, многого другого для своевременной и качественной разведки. "Особенно плохо работал в КТГУ отдел материально-технического снабжения", - утверждает Юрий Павлович, объясняя причины неудовлетворительной работы партии. С ним спорит бывший в ту пору начальником КТГУ Вадим Михайлович Никольский: "Все было не так однозначно, и Рожкова мне в конце концов пришлось снять с работы".

"Основная причина освобождения меня от должности - невыполнение плана буровых работ на Малетойваямском месторождении серы из-за нехватки оборудования, инструмента, жилья и так далее, то есть разрыва между задачами и материально-техническим обеспечением геологоразведочных работ", - настаивает Рожков.

"Юрий Павлович Рожков был снят с должности по прямому указанию начальника Главвостокгеологии Мингео РСФСР Ивана Семеновича Бредихина, который посетил Камчатку в 1969 году, - пишет В. М. Никольский в другом письме автору этой книги. - Экспедиция имела сплошь отрицательные показатели... Мне пришлось поддержать Бредихина".

Как бы то ни было, а 25 октября 1969 года приказом по КТГУ Юрий Павлович с должности был снят и назначен начальником поискового отряда той же партии. "Никольский мне тогда предлагал выехать из Корфа куда угодно, предлагалось несколько мест, но я остался в Корфе", - вспоминает он.

В этом они с В. М. Никольским не расходятся в сообщениях. Последний пишет: "Я вызвал Ю. П. Рожкова в Питер и предложил ему: 1) работу и трехкомнатную квартиру в областном центре - отказался; 2) то же в Елизово - отказался; 3) уговаривал на должность главного геолога экспедиции в Корфе - не согласился".

После десяти лет работы в должности первого руководителя остаться в коллективе рядовым специалистом - для этого надо иметь характер... Но Рожков его имел и остался. Но в глубине души обида горела, а потому, когда предложили пойти начальником Айнаветкинской партии, согласился. Это было в январе 1970 года.

"Побывав летом 1970 года у него на Айнаветке, я увидел, что Юрий Павлович в своей стихии поисковых (легких) работ, - продолжает В. М. Никольский. - Дела у него шли хорошо, он успокоился, но... прежних дружеских отношений у нас уже не было. Жаль".

Партия занималась поисками рудных тел на Айнаветкинском оловорудном месторождении.

Здесь проходились канавы, которыми уже при Рожкове были вскрыты новые участки оловорудной минерализации: Олений, Восточный, Дальний. Работа увлекла, любимый Север оставался с Юрием Павловичем. Казалось бы, что еще надо? Но...

"В начале 1972 года Министерство геологии РСФСР начало подбирать руководящие кадры для разведки в Омсукчане крупнейшего месторождения серебра (и золота) Дукат, - вспоминает Рожков. - В начале марта заместитель министра Зубарев позвонил Никольскому и сказал: "Передайте Рожкову, что МГ РСФСР предлагает ему перейти работать на Дукат главным геологом". Я в это время был на Айнаветкинском оловорудном месторождении, завозил грузы и вел подготовку к летним работам. Никольский дал указание начальнику нашей Олюторской экспедиции Ивану Усольцеву срочно вывезти меня с Айнаветки. Когда я вернулся в Корф, Усольцев связал меня с Никольским, и тот передал мне приглашение Зубарева. Одновременно стал просить меня остаться в экспедиции, не уезжать. Я ответил, что обо всем подумаю.

Тогда Никольский срочно вызывает в КТГУ Альфреда Конова, который работал в это время главным геологом Олюторской экспедиции, и предлагает должность начальника Геологосъемочной экспедиции. Меня же 16 марта назначает главным геологом ОКГРЭ. Что тогда повлияло на Никольского, не знаю...".

Более трех лет работал Рожков главным геологом Олюторской ГРЭ. Именно в это время начинаются разведочные работы на Сергеевском золоторудном месторождении, активизируются работы на Айнаветке, Хрустальном оловорудном месторождении, выделяется перспективная Ичигинская золоторудная зона. Одним словом, геологические результаты экспедиции начинают по-настоящему впечатлять.

В 1975 году из состава экспедиции выходят партии, занимающиеся разведкой Сергеевского месторождения и поисками россыпей в Пенжинском районе. Они объединяются в Северо-Камчатскую ГРЭ и переезжают в Первореченск. Оставшуюся без них Олюторскую экспедицию возглавляет Юрий Павлович Рожков. В его жизни начинается новый этап - руководство всеми геологоразведочными работами в Корякии.

Именно в это время, в апреле 1975 года исполняется 25 лет работы Юрия Павловича в геологии. Он уже ветеран труда, имеет звание "Отличник разведки недр" и орден "Знак Почета". Его выбирают членом Олюторского райкома КПСС и кандидатом в члены Корякского окружкома КПСС.

Через год, 29 апреля 1976 года, Юрий Павлович первым на Камчатке получает звание "Заслуженный геолог РСФСР".

При Рожкове Олюторская экспедиция имеет хорошие экономические показатели и геологические результаты. В Корфе строятся несколько жилых домов для геологов. Жизнь начинает обретать стабильные и ясные перспективы. И вдруг в 1977 году к экспедиции вновь присоединяют те партии, которые отошли от нее два года назад. И не просто

присоединяют, а еще и передают огромные экономические издержки в 2 миллиона рублей, которые появились при разведке Сергеевского месторождения. Как ни сопротивлялся этому Юрий Павлович, но приказ управления пришлось выполнить. И принять для экспедиции новое название - Северо-Камчатская.

Вскоре у экспедиции появляется новый объект - Аметистовое золоторудное месторождение. За ним - кондыревские россыпи. Объекты требуют большой организационной работы, которая затрудняется огромными расстояниями и нехваткой оборудования.

В августе 1983 года происходят кадровые изменения в Камчатском ПГО, как с некоторых пор стало именоваться Камчатское геологическое управление. Генеральным директором ПГО назначают колымчанина Виктора Ивановича Лаштабега. Новый генерал принимает дела, а вскоре решает заменить некоторых руководителей структурных подразделений проверенными людьми из своей, колымской команды. В число подлежащих замене попадает и Рожков.

"Лаштабег заявил мне: "Или Вы уходите сами, или в конце концов я Вас уволю", - рассказывает Юрий Павлович. - Чтобы не трепать себе нервы, 12 декабря 1983 года я сам написал заявление на имя Лаштабега с просьбой освободить меня от должности начальника экспедиции и оставить работать в Корфе на другой должности. Он же предлагал мне выехать с Камчатки, даже предлагал спецрейс самолета до Ростова, чтобы я выехал сам и "вывез бы свою библиотеку". Я отказался и ответил ему, что останусь до тех пор, пока не восстановят мое доброе имя.

В первый год что только они ни делали, чтобы на чем-нибудь подловить меня, все беды сваливали на меня, считали вредителем и даже просили заняться мною КГБ района (о чем мне года полтора спустя сказал уполномоченный КГБ в районе Александров).

Через год Лаштабег все-таки изменил отношение ко мне. Прилетая в Корф, всегда заходил в геолотдел, чтобы поговорить. При этом почему-то повторял одну фразу: "Юрий Павлович, Вы герой...". Что он имел в виду, я не спрашивал".

Целых десять лет после ухода с должности начальника Северо-Камчатской экспедиции работал Юрий Павлович Рожков в геолотделе ведущим специалистом по поискам и разведке. При его непосредственном участии заканчивались детальные разведочные работы на Аметистовом месторождении, писался отчет. С его участием выбиралась площадь для постановки поисков на россыпную платину, которые, как известно, привели к головокружительному успеху.

Но годы брали свое, и в 1993 году Ю. П. Рожков засобирался на пенсию. Провожая Юрия Павловича в Ростов-на-Дону, где он решил обосноваться, друзья-геологи, как издавна водится у северо-камчатцев (пенжинцев, олюторцев), подарили ему прощальную поэму:

И пусть нелегкою была стезя

Скитаний, вдохновений и открытий,
Но рядом были добрые друзья,
О них Вы память в сердце сохраните.
Иные разлетелись кто куда,
На новом месте быстро обживутся.
Другие не вернутся никогда,
Лишь имена на картах остаются.
Мы верим, что пройдет немного лет,
И все вокруг у нас преобразится.
И оживет оставленный здесь след,
И рудник Аметистовый родится.
И рудных, и нерудных - целый рой!
Инвесторы нам обобьют пороги!
И будет кто-то вспоминать порой
Первопроходцев трудные дороги.
А это значит - прожиты не зря
Десятки лет на Севере суровом,
И первый флаг поднимет здесь заря,
И день в России здесь начнется новый.
Но где-то жизнь еще другая есть:
Сады бушуют, яблоки роняя...
Красот вокруг никак не перечесать...
Струится Дон, и казаки гуляют.
Всегда не поздно новый путь начать,
В саду возиться, радость получая,
На лето привозить к себе внучат,
И фруктами кормить их, не считая!

3.

Перед уходом на пенсию Юрий Павлович Рожков получил письмо от главы администрации Камчатской области В. А. Бирюкова и заместителя председателя областного Совета народных депутатов А. Д. Реброва. В письме, в частности, говорилось:

"Уважаемый Юрий Павлович!

Среди замечательных людей, имеющих большие заслуги перед Камчаткой, стоит фамилия - Рожков Юрий Павлович, заслуженный геолог Российской Федерации.

Ваша трудовая биография сложилась здесь, на нашей родной земле. Жизнь человека измеряется не столько годами, сколько делами, тем, что он мог совершить.

Более трех десятков лет Вы посвятили изучению камчатских недр, работая с 1959 года в

Северо-Камчатской геологоразведочной экспедиции, и одним из первых прошли в поисках полезных ископаемых десятки тысяч километров по северу Камчатки пешком, на оленьих и собачьих упряжках, лодках.

За свой труд, заложивший основу развития горнодобывающей промышленности Камчатки, Вы заслужили глубокое уважение и доверие к себе, удостоены высоких правительственных наград.

Камчатский областной Совет народных депутатов и администрация Камчатской области, выражая чувства глубокой благодарности и признательности за безупречный, долголетний труд, желают Вам, Юрий Павлович, крепкого здоровья на долгие годы, счастья и семейного благополучия".

20 февраля 1998 года Юрию Павловичу исполнилось 70 лет. К юбилею он получил множество поздравительных телеграмм со всех уголков России, а главное - с Камчатки. Друзья и коллеги помнят его, уважают, многие считают его своим учителем или же добрым наставником. Бывает ли след на земле лучшим!..

В. ЛАМИН

О самом первом управляющем Камчатской геологоразведочной конторой "Камчатнефтегеология" В. Ламине мало что известно. Контора была образована согласно постановлению Совета Министров СССР № 323 от 28 января 1949 года, а Ламин был назначен управляющим приказом министра № 482-к от 16 мая того же года. Он приехал в Петропавловск, снял здесь для конторы частный домик на улице Базарной (на месте нынешнего областного драмтеатра) и начал набирать штат сотрудников. В должности он проработал примерно до середины июня 1950 года, после чего был снят и, кажется, осужден. Во всяком случае, в воспоминаниях геолога Кима Михайловича Севостьянова мы читаем: "...В Богачевку выехала специальная комиссия из МГБ (то есть КГБ) с арестованным управляющим конторой Ламиным и новым управляющим М. Ф. Шевченко. Причем, по слухам из Богачевки (а это, говорят, полюс сплетен), сам Шевченко через руководителей в Главке, в Москве, связан с этим Ламиным..." (158).

Михаил Филиппович ШЕВЧЕНКО

В июне 1950 года первый управляющий конторой "Камчатнефтегеология" В. Ламин был снят, и на его место назначен Михаил Филиппович Шевченко, о котором и пойдет речь в этом кратком очерке.

М. Ф. Шевченко родился в 1903 году в Грозном. В семье отца прожил до 3-летнего возраста,

до смерти матери. Когда это случилось, отец оставил семерых детей на попечение сестры и навсегда сгинул из их жизни в неизвестном направлении. Но у сестры была своя большая семья, а потому она раздала сирот различным родственникам. Михаил, как самый младший, попал к родителям своей покойной матери.

Дед Михаила жил на Старогрозненских нефтяных промыслах, где работал то тормозовым, то кочегаром, то буровым рабочим. Здесь, на промыслах, и прошло детство Михаила. Здесь же он окончил начальную школу и в 1919 году поступил работать токарем в механические мастерские.

С 1925 года по 1927-й он служил в Красной Армии, после чего вновь вернулся на работу в свои мастерские. В 1930 году его направили на курсы по подготовке в вуз, после окончания которых Михаил был зачислен студентом Грозненского нефтяного института.

В 1935 году Михаил Филиппович Шевченко получил диплом инженера-нефтяника по бурению нефтяных скважин и начал работать в Баку, в тресте "Азизбековнефть". Здесь он прошел большой трудовой путь от бурового рабочего и бурового мастера до директора тампонажной конторы.

В октябре 1942 года буровая контора, в которой трудился М. Ф. Шевченко, была эвакуирована в Туркмению, где Михаил Филиппович работал заместителем директора местной буровой конторы. С 1943 по 1946 г. М. Ф. Шевченко занимал должность секретаря Небит-Дагского РК КП(б).

Весной 1946 года он уехал в Горький, где работал директором Горьковской конторы бурения, затем начальником Балахнинской нефтеразведки, и, наконец, начальником Марпосадской роторной партии. В июле 1950 года Михаил Филиппович был назначен управляющим конторой "Камчатнефтегеология" и приехал в Петропавловск вместе с женой Верой Филипповной и дочерью.

Вновь вернемся к воспоминаниям Кима Михайловича Севостьянова, который составил очень своеобразный портрет Михаила Филипповича Шевченко: "Шевченко низенького роста, полный, с деградированным лицом, отвисшей челюстью; по отзывам – крупный специалист в области бурения скважин...".

К сожалению, фотографии М. Ф. Шевченко не нашлось, и это обстоятельство не позволяет подтвердить или опровергнуть слова Севостьянова. Одно сходится: Шевченко – хороший специалист в своем деле.

В мае 1951 года произошла реорганизация геологической службы Камчатки – было создано Камчатское геологическое управление. Контора "Камчатнефтегеология" вошла в состав управления, и Михаил Филиппович Шевченко был назначен главным инженером нового предприятия. Через год он был переведен (по его личной просьбе) начальником Корякской геологоразведочной экспедиции (в дальнейшем – Воямпольской экспедиции №2).

Из производственно-политической характеристики на начальника Корякской экспедиции Камчатского ГУ Шевченко М. Ф.:

"Имеет достаточный практический опыт в глубоком и мелком бурениях по поискам нефти и газа, трудолюбив, морально устойчив, постоянно работает над повышением своего идейно-политического уровня, выступает с докладами перед работниками экспедиции. Избран членом Корякского окружкома и Тигильского райкома КПСС.

Недостатком у т. Шевченко является излишняя недоверчивость к подчиненным и поэтому желание все охватить и сделать самому, а поэтому имеется много упущений в работе. Недостаточно пополняет свои теоретические знания в области внедрения новых методов в бурении.

Должности начальника экспедиции т. Шевченко соответствует".

Однако, несмотря на последнюю фразу в характеристике, приказом по Камчатскому ГУ № 248 от 10 июля 1954 г. М. Ф. Шевченко был освобожден от занимаемой должности и переведен в главные инженеры той же экспедиции № 2. Причиной явились нарушения финансовой дисциплины на предприятии. После этого Шевченко уволился и уехал с Камчатки. А через полгода и Камчатское государственное геологическое управление было ликвидировано.

Евгений Иванович ТУХТИН.

В мае 1951 года Камчатская геологоразведочная контора "Камчатнефтегеология" была преобразована в Камчатское государственное геологическое управление с подчинением Министерству геологии СССР. Начальником управления назначили Евгения Ивановича Тухтина, работавшего до этого главным геологом Горьковского геологического управления.

Надо отметить, что Горьковское управление было в те годы своеобразной кузницей кадров для геологии Камчатки. Естественно, это не было случайностью. Схема проста: приезжает один – начинает вызывать к себе бывших соратников, друзей, проверенных в работе специалистов. Предшественник Тухтина по руководству камчатской геологоразведочной отраслью М. Ф. Шевченко тоже прибыл на полуостров из Горького. Причем одно время работал там вместе с Тухтиным в Марпосадской нефтеразведке. Может быть, потому и стал Тухтин его преемником?

Так получилось, что одновременно с Тухтиным на Камчатку приехали молодые специалисты супруги Марченко. Анатолий Федорович Марченко только что окончил Ленинградский горный институт, а его жена Мария Ивановна - техникум. Их распределили на Камчатку, и они поездом добрались до Владивостока, чтобы затем отправиться в Петропавловск. Во Владивостоке их поселили на перевалочной базе Камчатского управления. Здесь же

находился и Тухтин. Они вместе, на одном пароходе, отправились на Камчатку.

"Тухтин - высокий, плотный, красивый мужчина, - вспоминает Мария Ивановна Марченко. - На пароходе мы познакомились с ним ближе, а когда прибыли в Петропавловск, он предложил нам остановиться у него на квартире. Ему был выделен частный дом (ул. Нагорная, 42. - А. См.). Так некоторое время мы у него и жили. Помню, печка у них дымила сильно, не топилась. Пришел мастер, начал ремонтировать. Печь стала топиться, но дым пошел не на улицу, а в дом. Тогда Тухтин отстранил этого мастера и пригласил другого. Тот печь разобрал и сложил заново. На этот раз все было сделано отлично".

Тепло вспоминает Евгения Ивановича Тухтина и бывший начальник отдела кадров КГУ Петр Антонович Головин. "Это был красивый мужчина, розовощекий, с пышным, седеющим чубом, - пишет он. - Полный, коренастый, с доброй улыбкой на лице.

Его заслуга в деле организации геологоразведочных работ на Камчатке заключается в том, что он первым создал базу для проведения глубокого бурения на Богачевской и Воямпольской площадях. Он был непоседа, мотался по командировкам. Организовал перевалочные базы в Находке и Владивостоке, куда приходили буровые станки и трубы для последующей перевозки их на Камчатку. Он лично руководил рейдовой разгрузкой бурового оборудования и труб в бухте Ольга и устье реки Воямполки. За время работы Тухтина были привезены 6 буровых станков глубокого бурения на Богачевку и Воямполку. Это был огромный труд по материальным и физическим затратам. Евгений Иванович оставил большой след в организации буровых работ на нефть".

В мое распоряжение, специально для этой книги поступила рукопись В. М. Никольского о Тухтине. Вадим Михайлович ее так и озаглавил - "О Е. И. Тухтине". Ниже я привожу ее текст полностью.

"Мои встречи с Евгением Ивановичем Тухтиным можно разделить на два периода: молодого специалиста геолога (1951 - 1954) и зрелого геолога, начальника территориального геологического управления (1966 - 1968).

Евгений Иванович был моим первым начальником Камчатского геологического управления, в которое я прибыл по назначению и собственному желанию 10 октября 1951 г. после окончания геологического факультета Саратовского университета. Управление тоже было организовано как самостоятельная единица в июне 1951 г.

Конечно, от молодого специалиста до начальника геологического управления - дистанция огромного размера. Она в те годы подчеркивалась и ранговой структурой, введенной в геологию в 1949 году: техники геологии I, II и III ранга, инженеры геологии трех рангов, директора геологической службы. Е. И. Тухтин относился к высшей категории, имел на погонах кителя и шинели большую генеральскую звезду, папаху и прочие регалии. И смотрели мы, молодые специалисты, на него, конечно, как на генерала, тем более что аттестация наша в инженеры-геологи III ранга должна была произойти только через три

года безупречной работы. В общем, мы были своего рода курсантами от геологии, а он нашим генералом. Правда, через три года эта военизированная система в геологии была ликвидирована.

Генерал Тухтин Е. И. был выше среднего роста, полный, несмотря на свои 43 года, с несколько одутловатым лицом, слегка крючковатым носом, внимательными и доброжелательными серыми глазами, которые в минуты гнева приобретали свинцовый оттенок. Он прибыл на Камчатку из города Горького, где до этого работал главным геологом одной из Средне-Волжских геологоразведочных экспедиций, и чувствовал себя в "стране вулканов", в условиях неустойчивого климата, бездорожья, рейдовой разгрузки судов, землетрясений и совершенно незнакомых ему горных пород очень неуверенно. Это особенно было заметно при сравнении Е. И. Тухтина с начальниками камчатских экспедиций В. А. Ярмолюком и В. А. Перваго, геологами Г. М. Власовым, Д. Е. Саватеевым, А. И. Юдиным, В. В. Бочкаревым и другими дальневосточниками, ставшими учителями для нас, молодых специалистов. И мы недоумевали тогда, почему руководство и почти весь аппарат Камчатского геологического управления был укомплектован горьковчанами и москвичами. На "фоне" дальневосточных геологов они, конечно, не смотрелись и проигрывали.

В 1951 году я видел Е. И. Тухтина лишь издали, за столом президиума на заседаниях и совещаниях, на которых изредка приходилось присутствовать. Обычно он помалкивал или произносил краткие вступительные и заключительные речи общего порядка. Ничего запоминающегося.

Однако уже в 1952 году наши встречи стали носить более конкретный характер. И начались они с неприятного для меня эпизода. В конце октября, вскоре после возвращения с полевых работ, начальник партии Г. М. Власов послал меня в КГУ для выяснения вопросов по проекту и смете работ на 1953 год. Наша экспедиция №6 находилась на северной окраине Петропавловска-Камчатского, в 4 километрах от управления. Но мы, молодые люди, пробегали их очень быстро. В основном, по тропкам.

В дверях управления - одноэтажного здания барачного типа (ул. Базарная, 1) я столкнулся с Е. И. Тухтиным. Бесцеремонно оглядев меня, он грубо спросил:

- Кто такой? Чего здесь делаешь?

Я представился и ответил.

- Нечего шляться в рабочее время. Марш отсюда. У тебя в экспедиции есть свои геологи и плановики.

Выйдя из КГУ и переждав, когда Тухтин уедет на машине, я все же зашел в управление и выяснил интересующие нас с Г. М. Власовым вопросы по проектно-сметной документации. Незаслуженная обида на начальника КГУ, конечно, осталась.

Через неделю в нашей экспедиции №6 было открытое партийное собрание по итогам полевых работ 1952 года. Председательствовал В. А. Ярмолюк. В президиуме собрания сидели Е. И. Тухтин и замполит Ошметко.

Как активный комсомолец, я выступил на собрании с критикой работы геологического управления, его отстранения от полевых работ экспедиции, безразличия к молодым специалистам. В конце выступления сказал и об эпизоде с Е. И. Тухтиным, незаслуженно оскорбившем меня ни за что ни про что.

По иронии судьбы на этом же собрании Евгений Иванович вручил мне почетную грамоту КГУ "За высокие производственные показатели в полевых работах 1952 года". В выступлении он публично извинился передо мной, сказав, что "был во взвинченном состоянии".

7 ноября 1952 года на демонстрации трудящихся в Петропавловске-Камчатском мы уже приветствовали с Е. И. Тухтиным друг друга и говорили совсем по-дружески. Это меня порадовало.

А еще через неделю я докладывал на НТС управления проект геологоразведочных работ на серу на острове Парамушире Большой Курильской гряды в 1953 году. Незадолго до этого, в ночь с 4 на 5 ноября, в районе Северных Курил и Южной Камчатки произошло сильное землетрясение, сопровождавшееся огромными волнами-цунами. Был почти полностью разрушен г. Северо-Курильск, а в Питере ходили слухи о том, что остров Парамушир ушел под воду. Председательствующий на НТС Е. И. Тухтин со смехом спросил меня:

- Чего Вы нам тут докладываете, Вадим Михайлович? Ведь острова-то, говорят, нет уже.

Проект приняли с отличной оценкой. Евгений Иванович в коридоре, стиснув мою руку, еще раз просил меня на него не обижаться. Это было, конечно, чисто по-русски, и я ответил ему, что и думать об этом эпизоде уже забыл.

В мае 1953 года, возвращаясь из командировки в г. Хабаровск, я встретил на борту теплохода "Русь" Евгения Ивановича Тухтина, посетившего перевалочную базу КГУ во Владивостоке. Мы обрадовались друг другу, и все пять дней морского пути вместе обедали, играли в карты, гуляли по палубе.

Вот тогда и открылся передо мной истинный характер Евгения Ивановича как простого, доступного, доброжелательного, отходчивого человека. Мы с теплотой вспоминали Поволжье, и Евгений Иванович рассказывал о своих геологических и гидрогеологических работах на Средней Волге. Я делился своими впечатлениями о работе на Курилах, поведал Е. И. Тухтину историю изучения Курильских островов и особенности их физико-географических условий. Говоря о них, мы неизменно возвращались к Камчатке. Е. И. Тухтин говорил:

- Вот землетрясение в ноябре прошлого года... Наша база нефтяников на берегу бухты Ольга

Тихого океана тоже пострадала от цунами, а начальник Богачевской нефтеразведочной экспедиции Владимир Александрович Перваго, да ты должен знать его, чуть не утонул. Спас его рабочий экспедиции, уже почти захлебнувшегося. Целая история. Убытки в Богачевке понесли мы от этого цунами немалые. Куда их списывать?

Я отвечал:

- Наш Питер спасла Авачинская бухта, закрытая со всех сторон. А посмотрите на Курильские острова, мимо которых мы сейчас плывем, - открытые всем семи ветрам. Здесь и укрыться-то негде.

Оба мы удивлялись тому, что ни на Камчатке, ни на Курилах нет никакой сейсмической службы, призванной извещать заранее население о грозящей катастрофе.

Евгения Ивановича беспокоили кадры нефтяных экспедиций - Богачевской и Воямпольской, собранные с бору по сосенке, отсутствие у них должной трудовой дисциплины, пьянство и бытовые преступления. Но, как мне показалось, он был полон решимости наладить дело в "своем хозяйстве" и искренне верил в перспективы нефтегазоносности Камчатки. Я был очень благодарен ему за простоту и откровенность.

Последний раз я увиделся с Е. И. Тухтиным на Камчатке в мае 1954 года на берегу Авачинской бухты у одного из причалов рыбколхоза им. Ленина. Он приехал туда по транспортным делам КГУ, а я ждал катер, чтобы отправиться к месту работы Южно-Камчатской поисковой партии, начальником которой был только что назначен. Евгений Иванович подробно расспросил меня о предстоящей работе на Мутновском вулкане, в бухтах Вилючинской и Жировой и пожелал успехов в поисках. С полевых работ мы вернулись в Питер в конце октября, когда уже не было ни геологического управления (ликвидированного), ни его начальника, уехавшего в Горький.

8 сентября 1966 года приказом министра геологии РСФСР С. В. Горюнова я был назначен начальником Камчатского территориального геологического управления. В ту же пору Е. И. Тухтин стал начальником Средне-Волжского территориального геологического управления. Мы стали видеться на различного рода республиканских и союзных совещаниях геологов.

Прошло много лет, но Евгений Иванович с большой теплотой вспоминал о своей работе на Камчатке и искренне жалел, что мало там поработал и вынужден был столь стремительно уехать. Его память хранила многие имена и фамилии геологов, партийных, советских и профсоюзных работников, любопытные факты и документы.

Однажды я рассказал ему о том, что КТГУ до сих пор еще вывозит теплоходиком "Академик Губкин", построенном, кстати, в 1952 году на судовой верфи г. Хабаровска по заказу Е. И. Тухтина, из Воямпольки, ликвидированной в 1955 году обсадные и буровые трубы. Он спросил:

- А знаешь ли ты, что это сталинское наследство?

- Нет, не знаю, первый раз слышу, - удивился я.

- Так вот, для твоего образования. Когда в 1949 году решался в верхах вопрос о возобновлении на Камчатке нефтеразведочных работ, то приказ о создании Камчатской нефтеразведочной экспедиции был подписан председателем Совета Министров СССР И. В. Сталиным. Сам приказ очень короткий, в сталинском стиле. Но в обширном приложении к нему перечислялось и буровое оборудование, и снаряжение, и строительные материалы и т. д. Три мощных теплохода доставляли все это к нам на полуостров. Во Владивостоке была даже организована перевалочная база, о которой ты знаешь. Жаль, конечно, что только часть этого оборудования и снаряжения пошла тогда в дело. Так что пользуйся этим, молодец. Ведь оно все списано давно?

- Конечно, - ответил я. - Это дар Божий для нас.

- Не Божий, а сталинский, - поправил Тухтин.

В другой раз я решился спросить его о Владимире Александровиче Перваго, безжалостно снятом Тухтиным с должности начальника Богачевской нефтеразведочной экспедиции в марте 1954 года за аварию на глубокой скважине Р-2. В. А. Перваго был тогда исключен Камчатским обкомом КПСС из партии и отдан под суд. В жалкой роли заместителя начальника геологического отдела он сидел в КГУ и ожидал своей дальнейшей участи. Его невиновность в аварии доказал новый главный инженер КГУ Дегтярев, а Хабаровский крайком КПСС, где В. А. Перваго хорошо знали еще в бытность его начальником Дальневосточного геологического управления (1946 - 1949), не утвердил решение Камчатского обкома КПСС, подчинявшегося в те годы ему, об исключении Владимира Александровича из партии. Но с Камчатки он, конечно, уехал. С партийным выговором.

В последующие годы В. А. Перваго был главным инженером и начальником Южно-Якутской геологоразведочной экспедиции, начальником Уральского территориального геологического управления и, наконец, начальником сводного отдела минеральных ресурсов, а затем начальником планово-экономического управления Министерства геологии СССР. Он стал кандидатом, а затем и доктором геолого-минералогических наук, членом коллегии Мингео СССР и одним из самых влиятельных руководителей министерства. О Тухтине вспоминал с неприязнью, просто имени его не терпел, о чем не раз говорил мне в частных беседах, так как о Камчатке в целом сохранил светлые воспоминания.

- Евгений Иванович, - спросил я Тухтина, - встречаетесь Вы с Перваго? Ведь это сейчас "денежный мешок" союзного министерства.

- Нет, конечно. Стараюсь его обходить. Я, между прочим, зла на него не держу. Ты ведь помнишь, что это за время было - начало 1950-х годов? Не мог я иначе поступить. Тем более что на загубленную скважину Р-2 мы возлагали большие надежды. Да что сейчас об этом говорить...

В 1970 году на 60-летие Е. И. Тухтина я от лица КТГУ послал ему дружеский приветственный адрес и подарок, а в докладе на День геолога с большой теплотой отозвался о нем как первом руководителе единой геологической службы Камчатки, давшей начало всестороннему изучению геологии и полезным ископаемым Камчатской области. В ответ получил от него большое благодарственное письмо.

Начальник "Главнефтегазразведки" Министерства геологии РСФСР Л. И. Ровнин, ставший в 1971 году министром геологии России, подробно расспрашивал меня в 1968 году о Е. И. Тухтине. Как бывшего главного геолога "Главтюменьгеологии" его, конечно, прежде всего интересовали геологические знания Е. И. Тухтина. Но Евгений Иванович старался всячески избегать разговоров на эту тему. Дело кончилось тем, что Средне-Волжское территориальное геологическое управление в конце 1968 года с подачи Л. И. Ровнина было вообще ликвидировано. Евгений Иванович за его судьбу не боролся и ушел на пенсию. Здоровье его пошатнулось, одолевали одышка и "водянка", он с трудом передвигался и через несколько лет скончался. Тихо и незаметно.

Конечно, Евгений Иванович Тухтин был человеком своего времени. Он обладал неплохими способностями руководителя, был трудолюбив и ответствен за порученное ему дело, имел отличную память, был прост в общении с людьми, коммуникабелен и отходчив. Безусловно, он не был "кондовым" нефтяником, не знал дальневосточной геологии, не успел приспособиться к своеобразным физико-географическим условиям Камчатки, но ведь и пионеры изучения Камчатки и Курильских островов многого из этого не знали, а тем не менее вспоминаем всех их мы с любовью и благодарностью. Они - часть истории. Истории России".

Родился Евгений Иванович Тухтин 26 декабря 1910 года в деревне Карповка Богородского района Горьковской области. Родители его работали на железной дороге, на замене путей.

В 1934 году Тухтин окончил Ленинградский горный институт и получил диплом инженера-гидрогеолога. В том же году был призван в армию. Служил в Горьком.

После армии поступил на работу в Горьковское геологическое управление, где до 1941 года прошел трудовой путь от начальника геологоразведочной партии до начальника структурной разведки управления.

В сентябре 1941 года ушел на фронт. Служил в артиллерии: командиром взвода, помощником начальника штаба полка, начальником штаба артиллерии 326-й стрелковой дивизии, старшим помощником начальника разведки штаба артиллерии 50-й армии. Был награжден несколькими орденами и медалями, в том числе медалью "За отвагу". Закончил войну в звании майора, в декабре 1945 года был демобилизован.

До февраля 1948 года работал начальником Марпосадской нефтеразведки Горьковского ГУ, а затем был назначен главным геологом Горьковского геологического управления.

19 июня 1951 года приказом министра геологии СССР Е. И. Тухтину было присвоено звание директора геологической службы. Другим приказом он был назначен начальником только что созданного Камчатского геологического управления. Осенью 1954 года был вызван в Москву, где решался вопрос о ликвидации Камчатского ГУ. Числился начальником КГУ до марта 1955 года, после чего уехал в Горький.

Владимир Алексеевич АВВАКУМОВ

В августе 1950 года Владимир Алексеевич Аввакумов был назначен главным геологом конторы "Камчатнефтегеология", давшей годом раньше начало геологической службе Камчатки. Когда Е. И. Тухтин осенью 1954 года улетел в Москву по вопросам ликвидации управления, его замещал именно Аввакумов. Но с ликвидацией предприятия он уволился.

Михаил Сергеевич СЕРГЕЕВ

После ликвидации Камчатского геологического управления в 1955 году все геологические кадры полуострова были поделены на две части. Нефтяники Воямпольской экспедиции перешли во вновь созданную Камчатскую комплексную геологоразведочную экспедицию, подчиненную тресту "Востсибнефтегеология" (Иркутск). Съемщики и поисковики вообще напрямую стали подчиняться Дальневосточному геологическому управлению (Хабаровск) и уже не имели на Камчатке своей объединяющей структуры, то есть, по существу, стали чужими. Таким образом, Камчатская комплексная экспедиция осталась единственной геологической структурой полуострова. Руководил Камчатской экспедицией Михаил Сергеевич Сергеев. Тот тяжелейший период в жизни камчатской геологии, который не называют иначе, как разруха, связан с его именем.

"Три года геологическая служба на Камчатке влачила жалкое существование, - пишет в письме автору книги ветеран геологии Петр Антонович Головин. - За эти три года дважды приезжали гонцы из треста "Востсибнефтегеология", был даже управляющий трестом Карасев, но эти визиты оканчивались всего лишь хорошей попойкой и увозимыми рюкзаками с икрой и рыбой".

В своей работе "Об истории развития геологоразведочных работ на Камчатке" П. А. Головин продолжает эту тему: "Это был период застоя. Объемы работ не вырастали, появилось много мелких объектов, не было единого направления в выборе места работ, единой методики, продолжалось дублирование работ. Эффективность в этот период была самой низкой".

Говоря о Сергееве, тот же Головин пишет: "Не оставил он о себе памяти на ниве геологических открытий. Но это не его вина - ассигнования на геолработы были ничтожны. Но оставил он память о другом - организовал озеленение откоса перед въездом в поселок

Геолог, где автобусная остановка.

Каким был Сергеев? Педант. Любил кабинетную, бумажную работу. Любил писать приказы по поводу и без повода. Сам человек дисциплинированный, он требовал от подчиненных покорности и дисциплины. Сохранились в моей памяти частые рассказы Сергеева о его работе в Китае. Особенно о приемах и банкетах. Он часто рассказывал о приемах в геолдепартаменте Китая: "За столом сидели: в центре - посол СССР в Китае, справа - я, а слева - жена моя".

В декабре 1957 года, после выхода в свет приказа о создании на Камчатке районного геологического управления с подчинением Магадану, Михаил Сергеевич Сергеев уехал с полуострова.

Дмитрий Алексеевич БУБНОВ

В 1957 году Дмитрий Алексеевич Бубнов работал главным инженером Средне-Колымского районного геологического управления, находящегося в составе большого Северо-Восточного управления (Магадан). В его разведрайоне велись обычные для Колымы поисковые и разведочные работы на россыпи золота. Однако, когда в Магадане встал вопрос, кого назначить начальником вновь создаваемого и переданного СВГУ Камчатского районного геологоразведочного управления, то выбор пал почему-то именно на Дмитрия Алексеевича. Может быть, потому, что умел он организовать работу почти на пустом месте, умел ладить с людьми и в то же время, держать их под контролем?

Так или иначе, но в октябре он с группой магаданских геологических руководителей полетел в Петропавловск, чтобы принимать управление. Он не мог знать, что летит на Камчатку навсегда, что она так и не отпустит его, он умрет через полтора года от инфаркта и будет похоронен в Петропавловске. А его дело продолжат здесь же, на полуострове, сыновья-геологи.

Похоронен Дмитрий Алексеевич на старом кладбище, что на 4 километре. Могила находится на середине крутого склона возле института Камчаткоммунпроект. Ее видно издали из-за единственного на этом кладбище надгробного бюста-постаменты: геолог через лупу разглядывает камень. Под бюстом надпись: "Дмитрию Алексеевичу Бубнову. 1916 - 1959. Мужу, отцу, другу".

Родился Дмитрий Алексеевич Бубнов в 1916 году на станции Уссури Уссурийского области (ныне Приморье). После школы был техникум, затем Дальстрой, Колыма. В 1951 году окончил геологоразведочный факультет Владивостокского политехнического института. Геология была его любимым и единственным делом жизни.

"Каким надо быть человеком, чтобы в Дальстрое выбиться в начальство! - восхищенно

рассказывал автору камчатский геолог Анатолий Иванович Байков, лично знавший Бубнова. - Это ж надо было пить и не спиться, интриговать и не сгореть. Там надо было быть личностью!

И Бубнов был такой личностью! Он сильное впечатление производил. Когда я в мае 1959 года приехал на Камчатку вместе со своими товарищами Еркиным и Долматовым, нас принял лично Дмитрий Алексеевич - начальник управления. Даже таких начинающих геологов, как мы, которые лишь год отработали после вуза, ничего еще собой не представляли, принимал лично он сам. Это особенность Дальстроя. Там умели работать с кадрами, ценили их, понимали, что сражения выигрывают солдаты, в нашем случае - простые геологи. Поэтому стремились знать каждого в лицо.

Причем Бубнов не сразу нас всех троих скопом принял, а приглашал в кабинет каждого персонально. Смотрел в глаза, расспрашивал, а затем предлагал место работы.

К сожалению, он вскоре неожиданно умер. Я фотографией увлекался, на его похоронах был фотографом. Жаль, ничего не осталось...".

"Это был необыкновенный человек, - вторит Байкову ветеран камчатской геологии Петр Антонович Головин. - Ему Богом был дан талант руководителя. Он был одновременно строг и необыкновенно добр. Доверял и проверял. Он наладил строгий контроль за исполнением в аппарате управления. В нем сочетались качества высокого геологического профессионализма с качествами организатора и воспитателя. С ним было легко работать. Несмотря на то, что Камчатское райГРУ входило в состав СВГУ, Бубнов добился в министерстве, что ассигнования для Камчатки выделялись отдельной строкой, минуя СВГУ. Это лишало возможности руководству СВГУ манипулировать средствами в пользу Магаданской области.

11 июня 1959 года Бубнова не стало. Он сгорел на работе. Пусть земля ему будет пухом. Светлая ему память".

Специально для этой книги написал воспоминания о Дмитрие Алексеевиче Бубнове бывший начальник Камчатского геологического управления Вадим Михайлович Никольский. Ниже я привожу воспоминания полностью.

"С Дмитрием Алексеевичем Бубновым я познакомился 30 октября 1957 года, когда он, еще будучи главным инженером Средне-Колымского райГРУ, прибыл на Камчатку в составе комиссии Северо-Восточного геологического управления, которому приказом Мингео СССР передавалась геологическая служба Камчатки с 1 ноября 1957 года. Я работал в то время главным геологом Камчатской поисково-съёмочной экспедиции Дальневосточного геологического управления и давал комиссии СВГУ основные пояснения по работе ПСЭ и геологии Камчатки в целом. Результаты работ экспедиции в 1957 году были очень интересными.

Председателем приемной комиссии был начальник СВГУ Б. Б. Евангулов, а его заместителем - начальник геологического отдела управления В. А. Титов. Но больше всего вопросов задавал мне и вел со мной отдельные беседы Дмитрий Алексеевич Бубнов - член комиссии, что меня немало удивляло, поскольку вопросы были не только геологическими.

Внешне Д. А. Бубнов производил очень приятное впечатление. Среднего роста, плотного телосложения, с широким, округлым лицом "русака", на котором выделялись внимательные карие глаза, нередко смешливые. Он энергично тряс мою руку и оглядывался по сторонам базы ПСЭ, интересовался всеми вопросами жизни экспедиции, а слушая меня по итогам работ партий ПСЭ, делал какие-то пометки в своем блокноте.

Все прояснилось 5 ноября, когда Б. Б. Евангулов зачитал приказ по СВГУ о создании в его составе с 1. 11. 1957 г. Камчатского районного геологоразведочного управления, начальником которого назначался Дмитрий Алексеевич Бубнов. Исполняющим обязанности главного инженера райГРУ был назначен В. Н. Николаев - начальник ПСЭ, исполняющим обязанности главного геолога стал В. В. Крылов - главный геолог нефтяной экспедиции. Я назначался начальником геолого-поисковой экспедиции, объединяющей работы ПСЭ и нефтяной экспедиции. Это было сделано без моего ведома и согласия, в духе Дальстроя. Я обратился к Д. А. Бубнову с вопросом:

- Как же так, Дмитрий Алексеевич, без меня - меня женили? Я не согласен.

- А твоего согласия и не требуется, - отпарировал он. - Ты давал нам все пояснения по геологии Камчатки, тебе и работать. Моего согласия тоже никто не спрашивал. Вызвали в Магадан и сказали: "Надо". Понял? Ну да не бойсь, вместе будем работать. Ты мне понравился. Евангулову и Титову тоже, кстати.

7 ноября 1957 года мы впервые в объединенном составе - съемщики, нефтяники, геофизики, снабженцы, вышли под руководством Д. А. Бубнова на демонстрацию в Петропавловске-Камчатском. Всем нам новый начальник понравился своей общительностью, веселым нравом, душевностью. Пели песни, рассказывали геологические байки и анекдоты, знакомились. После демонстрации мы с Д. А. Бубновым были приглашены на праздничный обед в семью М. Б. Беловой и Л. П. Грязнова. Сидели рядом за столом и продолжали геологические беседы допоздна. Была взаимная симпатия, и я пошел провожать его до гостиницы "Восток".

Конечно, Дмитрию Алексеевичу было тяжело. Никаких разведочных работ на Камчатке в том году не велось, основные нефтеразведочные работы были почти полностью свернуты. Поэтому первым делом он вскоре восстановил Богачевскую нефтеразведочную экспедицию на восточном побережье Камчатки. Усилены были геофизические работы, правда, в небольшом объеме. Но упор все же делался на съемочные и поисковые работы, особенно на твердые полезные ископаемые, в том числе на золото, по которому магаданцы были большими специалистами. В начале 1959 года была создана гидрогеологическая экспедиция по разведке термальных вод, прежде всего паужетских. Все снабженческие, хозяйственные,

строительные дела были объединены по аналогии со структурами райГРУ СВГУ в контору подсобных предприятий (КПП).

Все эти новшества и преобразования Д. А. Бубнов проводил оперативно и быстро. Работал он нередко по 14 - 16 часов в сутки, много курил. Правда, часто приказывал, не считаясь с мнением руководителей предприятий. Так, в геолого-поисковой экспедиции райГРУ - одной из крупнейших - он почти полностью ликвидировал аппарат, оставив начальника, главного геолога и одного техника-геолога (секретаря), передав все остальные службы в КПП. Это создавало массу неудобств.

В первых числах января 1958 года Дмитрий Алексеевич вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

- Вот что, Вадим Михайлович, отправляйся в Магадан для защиты всех проектов работ райГРУ на 1958 год.

- Как так всех? - опешил я. - Геолого-поисковой экспедиции - другое дело. Всех - не смогу. И потом, у Вас есть главный геолог райГРУ. Его и посылайте.

- Ну что ты, он же не защитит, не сможет.

- Посылайте главного инженера.

- Тем более не сможет. Он не геолог. В общем, Вадим Михайлович, я уже заказал тебе билет на самолет и позвонил в Магадан. Тебя там ждут, собирайся. Да не бойсь, все будет о,кей! Я сам приеду к тебе на подмогу. Слово тебе даю.

Так я оказался в Магадане с двумя чемоданами, набитыми 32 проектами съемочных, поисковых, разведочных и тематических работ райГРУ на 1958-1959 годы. Я их сразу же разнес по отделам и управлениям СВГУ на просмотр и рецензию соответствующим специалистам. Ежедневно обходил их и давал пояснения.

Д. А. Бубнов постоянно подбадривал меня по телефону, а в начале февраля и сам появился на неделю в Магадане. В первый же день он объявил мне, что "все в порядке", моими пояснениями рецензенты удовлетворены, а на защиту проектов и смет райГРУ он постарается приехать еще раз.

Каждый вечер мы с ним ужинали в ресторане гостиницы, играли в шахматы и гуляли по Магадану. Но занимался он исключительно хозяйственными делами. Правда, и переговорил "кое с кем", чтобы сметы наши особенно не резали. Друзей в СВГУ у него было много, интерес к Камчатке был велик, и многие колымчане хотели у нас работать. Я даже сделал в СВГУ два доклада на тему о геологическом строении и полезных ископаемых Камчатки, а затем - Курильских островов.

Дмитрий Алексеевич стал комплектовать новый аппарат райГРУ. Из Магадана и экспедиций

СВГУ им были приглашены на должности главного инженера М. Д. Чернов, главного геолога - И. Н. Карбивничий, заместителя по общим вопросам - А. В. Сафонов, главного бухгалтера - Э. В. Далецкий, начальника планового отдела - Г. Е. Горлицкий, начальника отдела труда и зарплаты - Кутузов. Вместе с А. В. Сафоновым Дмитрий Алексеевич стал создавать план строительства новой, благоустроенной базы геологов в Сероглазке. Это сразу повысило его авторитет.

В конце марта 1958 года я успешно защитил все 32 проекта геологических работ райГРУ на 1958-1959 годы в Магадане и вернулся на Камчатку. Д. А. Бубнов поблагодарил меня и сказал:

- Из СВГУ пришло приглашение на первое Всесоюзное совещание по ртути, которое будет 14 - 16 мая в Москве. Титов и я считаем, что надо ехать тебе.

- Но ртутью у нас занимается Юрий Васильевич Жегалов, ему и карты в руки, - ответил я.

- Нет, поедешь ты. Жегалов не сумеет отстоять наши интересы. Готовь доклад по ртути Камчатки, мы тебя заслушаем на НТС.

- Тогда у меня к Вам, Дмитрий Алексеевич, одна просьба: я не был в камчатском отпуске 7 лет, устал. Семья у меня в Хабаровске. Разрешите после ртутного совещания в Мингео пойти в отпуск.

- Валяй. Согласен. Напиши мне о совещании сразу же. Денег больше проси.

10 мая 1958 года на НТС райГРУ под председательством Д. А. Бубнова я сделал доклад "Ртутоносность Камчатки". Он был одобрен советом, и 12 мая я вылетел в Хабаровск, а затем в Москву. 16 мая после успешного сообщения по ртути Камчатки на, по сути дела, экспертном совете Мингео СССР, отбыл в отпуск в Саратов, подробно проинформировав Дмитрия Алексеевича о совещании.

Осенью 1958 года после возвращения из отпуска передо мной вдруг встала дилемма: оставаться на Камчатке или переводиться в Дальневосточное геологическое управление, в Хабаровск. Дело в том, что еще в те годы, когда мы подчинялись Хабаровску, там мне выделили двухкомнатную благоустроенную квартиру, в которой уже три года жила моя жена, работающая ведущим палеонтологом в ДВГУ, к тому же ожидающая нашего второго ребенка. А начальником управления был Виктор Андреевич Ярмолюк - мой учитель и друг, усиленно уговаривающий меня перевестись в Хабаровск.

Дмитрий Алексеевич Бубнов и слышать не хотел о переводе. Пришлось пойти на осложнения в работе с рядом аппаратчиков райГРУ. В феврале 1959 года Дмитрий Алексеевич не выдержал и сказал в сердцах:

- Ладно, черт с тобой! Уезжай. Но я уверен, что ты еще пожалеешь и вернешься к нам.

Помни мое слово.

Так и получилось. Но Дмитрия Алексеевича уже не было в живых. Он скоропостижно скончался от инфаркта в июне 1959 года. Для меня это было большой личной утратой и скорбью. Став начальником КТГУ, я старался с большим вниманием относиться к его жене и сыновьям-геологам.

Павел Тимофеевич УСКОВ.

После неожиданной смерти начальника Камчатского Рай ГРУ Д. А. Бубнова, временно исполнял его обязанности главный инженер райГРУ, бывший колымчанин М. Д. Чернов. И только через год, 25 июля 1960 года, приступил к работе новый начальник - Павел Тимофеевич Усков.

Родился он 14 февраля 1915 года в Кировограде, в 1941 году окончил Харьковский государственный университет, геолог. Именно при нем, в январе 1964 года, Камчатское райГРУ стало вновь самостоятельным управлением - Камчатским территориальным геологическим управлением (КТГУ). В сентябре 1966 года Павел Тимофеевич был снят с должности приказом № 83-к от 14. 09. 1966 г. и откомандирован в распоряжение Министерства геологии РСФСР.

Вот как вспоминает его П. А. Головин: "Это был хороший руководитель, такой волевой здоровяк. Отличался особой работоспособностью. Был требователен и справедлив, не терпел разгильдяйства. Строго наказывал лодырей и прогульщиков. Из-за этого и поплатился, стал жертвой коммунистического режима. Его сняли с должности только за то, что посмел уволить И. А. Сидорчука, у которого были хорошие знакомые в обкоме КПСС, в частности, первый секретарь обкома М. А. Орлов был другом отца Сидорчука".

Действительно, Павел Тимофеевич Усков был снят с должности решением Камчатского обкома партии. Но было это все не столь однозначно, как написал П. А. Головин. Вадим Михайлович Никольский, который сменил Ускова на его посту, изучал в свое время это дело и считает, что сняли Павла Тимофеевича совсем за другое. Он, в частности, пишет: "Сидорчук, конечно не подарок, но П. Т. Усков был освобожден в начале мая 1966 года с должности начальника за неудовлетворительную работу управления. И там много всякого... Об этом мне сразу же рассказал М. А. Орлов...".

Соглашусь с Вадимом Михайловичем, что сняли за "неудовлетворительную работу". Но, все-таки, это только итоговая формулировка, а первопричина кроется в другом. Ее четко сформулировал Михаил Григорьевич Патока, когда рассказывал об этой давней истории. Он сказал: "Это был конфликт поколений, борьба нового поколения, воспитанного оттепелью, с поколением сталинским, воспитанным на тоталитаризме". И я бы еще добавил: Усков "полетел" в результате первого на Камчатке бунта молодых, грамотных людей против

отживающих порядков. Но, все по порядку. Излагаю по рассказу Михаила Патоки.

Игорь Андреевич Сидорчук был в свое время исключен из института за аполитичные высказывания. Отработал на Севере, а потом с блеском защитил диплом и приехал на родную ему Камчатку. Работал он в ГСЭ. Все началось с геологической конференции, на которой объявили доклады геологов Сидорчука, Данилеско и Макарова. А их в зале не оказалось. Присутствующий Усков дал указание начальнику отдела кадров экспедиции узнать, где они есть в рабочее время. Через некоторое время она докладывает, что все трое не то пьют, не то похмеляются. Павел Тимофеевич был человеком резким, а потому дал указание уволить всех троих. Макаров не стал возражать - уволился, Данилеско вроде как признал свою вину и был прощен, а Сидорчук пошел на принцип. Пьяными их никто не видел, похмельными тоже, а за отказ читать доклад не увольняют. Находился же он в это время в камералке, работал.

Усков от своего приказа отступать не захотел. Тогда за своего товарища Сидорчука вступились другие геологи. В его поддержку у стен управления три дня собирались митингующие. Раздавались даже выкрики против сталинизма. Для поддержки митингующих начали приезжать геологи из других экспедиций. А перед этим начальник геологосъемочной экспедиции Вдовенко, не оформив отпуска, уехал на гусиную охоту. Была создана специальная комиссия месткома, которая фиксировала каждый день его прогула. Таких дней набралось 11. Геологи стали требовать, чтобы Вдовенко был уволен, а Сидорчук, наоборот оставлен. Еще бы немного, и о митинге могли узнать за пределами области, могли пострадать обкомовские сотрудники и даже руководители. Вот тогда и было принято решение об увольнении Ускова. И Вдовенко тоже.

"В обкоме партии почувствовали, что если поддержать Ускова, значит углубить конфликт, - говорит М. Г. Патока. - Вот так на Камчатке выразился конфликт поколений. Тогда здесь начали работать такие молодые, но яркие личности, как Шеймович, Бабушкин, Хотин, Арсанов, Сидорчук. Они составляли ядро геологосъемочной экспедиции, ее цвет, надежду. Они уже были воспитаны в атмосфере начала 1960-х годов и не могли мириться с методами руководства людей сталинской эпохи. Поэтому сам Сидорчук тут и ни при чем. История с ним была только поводом, искрой. Хотя, как мне сейчас кажется, уже несколько умудренному жизнью, можно было оставить Павла Тимофеевича. Мы, молодые, не во всем тогда были правы, но молодость всегда достаточно жестока. Усков был менее агрессивен, чем протестующие геологи. Он был, конечно, просто мудрее.

Ему делает честь хотя бы то, что он нашел в себе силы, чтобы прийти в экспедицию, которая приложила максимум усилий к его увольнению, и попрощаться с каждым персонально. Он прошел по партиям, и каждому подал руку. Для него, прожившему жизнь в геологии, много повидавшему, было тяжело покинуть работу. Для него это был смертельный удар. Ведь после этого прожил он немного...

Хочу вспомнить один важный штрих. Когда я прибыл в Петропавловск молодым специалистом, меня лично принял Павел Тимофеевич Усков. Не просто так, что отправил в

отдел кадров оформляться, а побеседовал. Полчаса мы с ним разговаривали. Я поведал свою коротенькую биографию и попросился на съемку. Он выпытал, почему именно на съемку, нашел, видимо, мои доводы обоснованными, и направил в геологосъемочную экспедицию".

Последние слова Михаила Григорьевича Патоки увязываются с коротким рассказом об Ускове другого геолога, прибывшего на Камчатку в то же время - Виктора Павловича Романова. Он говорил, что Усков знал в лицо каждого специалиста, лично занимался вопросами кадров.

В каждом человеке намешано всякое - плохое и хорошее. На то мы и люди, чтобы не быть однозначными...

Вадим Михайлович НИКОЛЬСКИЙ

Когда в сентябре 1966 года Вадима Михайловича Никольского назначили начальником Камчатского территориального геологического управления, и он прибыл на полуостров, его встретили как старого знакомого. И действительно, он не был чужаком для камчатских геологов, как специалист и руководитель он вырос среди них, сначала долго работая в полевых партиях, а затем возглавляя Камчатскую геолого-съемочную экспедицию. В 1959 году он уехал работать в Хабаровск, и вот через восемь лет вновь вернулся на Камчатку, чтобы теперь уже руководить ее геологической службой.

Шел третий год, как геология Камчатки была структурно объединена в территориальное управление. Площадь работ управления составляла пол-Европы - от Курил до Чукотки, а силенок было маловато. Надо было впрягаться в большую, кропотливую работу, которая к тому же не сулила славы. Надо было выполнять геологические задания, развивать работы, строить, ругать и хвалить подчиненных, получать нагоняи в министерстве, переживать, радоваться, огорчаться... И Вадим Михайлович впрягся в эту работу. И тащил ее до лета 1973 года, пока не получил отставку и не уехал в Саратов руководить разведочной экспедицией ПГО "Нижневолжскгеология".

А все началось в октябре 1951 года, когда молодой Никольский, только что окончивший геологический факультет Саратовского университета, приехал работать на Камчатку. Здесь его определили в партию уже известного в то время геолога Георгия Михайловича Власова, занимавшегося месторождениями серы. Позже Власов написал в своих воспоминаниях: "В исследованиях вулканических серных месторождений, особенно курильских, активно участвовал энергичный, талантливый геолог Вадим Михайлович Никольский. Он увлекся этой проблемой и обещал разрешить ее до конца. Меня беспокоит мысль, что я напрасно увлек этого впечатлительного, с большими творческими задатками юношу на решение, по существу, узкого, в значительной степени экономического вопроса" (159).

А юноша действительно увлекся этим "узким, экономическим вопросом", несколько лет подряд участвуя в поисках и разведке серных месторождений Курильских островов, Северной и Южной Камчатки. "Работы носили комплексный характер, - пишет В. М. Никольский в автобиографии. - Они включали оценку проявлений руд металлов - ртути, меди, свинца, цинка, олова, а также термальных вод, угля и стройматериалов. В 1955 году занимался геологической съемкой масштаба 1: 1 000 000 в Центральной Камчатке, в процессе которой были открыты рудопроявления и месторождения серы".

Как видим, и здесь сера. Она действительно стала главным увлечением Никольского. В те годы серу для нужд местной промышленности привозили на Дальний Восток из Украины и Средней Азии, хотя ее было в избытке на месте, причем - вулканической, самородной, значительно лучшего качества. Перед геологами стояла задача найти и разведать такие месторождения. Работа не могла не увлечь творческого, любознательного человека с задатками и ученого, и практика одновременно.

С первых лет своей практической работы геологом Никольский проявляет интерес к геологии как науке. Он настолько углубляется в суть изучаемых и сопутных вопросов, что получает избыток информации, которую стремится облечь помимо официальных отчетов о проделанной работе в научные статьи и доклады.

Он активно участвует в работе геологического кружка экспедиции, где делает несколько больших, интересных, масштабных по сути вопросов докладов - "О принципиальных моментах спора в геологии осадочных пород между академиком Н. М. Страховым и членом-корреспондентом Л. В. Пустоваловым (март 1952 г.), "Островные дуги Восточной Азии: Камчатка, Курилы, Япония, Филиппины, Индонезия (март 1953 г.) и "О рациональной классификации пирокластических и родственных с ними пород" (февраль 1954 г.).

Последний доклад был настолько научно обоснован, что его размножили и рекомендовали для практического использования геологами Дальнего Востока, в том числе Камчатки. Чуть позже появляются его публикации в различных сборниках: "К вопросу о поисково-съемочных работах на Камчатке и Курильских островах" (160), "Вулканические серные месторождения полуострова Камчатка" (161), "Стратиграфия Курильских островов" (162), "Вулканы острова Парамушир Большой Курильской гряды" (163).

По всему видно, что Дальневосточный регион с его необычной природой и необычными геологическими формами увлек молодого геолога, и он полюбил его, привязался к нему накрепко. Этого нельзя было не заметить. И коллеги видели, что Никольский быстро растет и как геолог-практик, и как ученый, и как организатор производства. И совсем недаром в феврале 1957 года он становится главным геологом Камчатской поисково-съемочной экспедиции с большим коллективом геологов и рабочих.

В составе Камчатской ПСЭ летом 1957 года было 7 полевых партий - три съемочные по государственному геологическому картированию масштаба 1: 200 000 в южной части Камчатского срединного хребта (М. И. Горяев, А. Ф. Марченко и М. М. Лебедев) и четыре

поисково-разведочные: Анавгайская ртутная (А. И. Шипицын), Кирганикская медно - полиметаллическая (И. Н. Ильченко), Алнейская серная (Ю. А. Шаров) и Парамуширская серная (В. В. Бочкарев). Все лето Вадим Михайлович Никольский не вылезал с поля: прошел пешком с рюкзаком за плечами более тысячи километров, обойдя территории работ всех этих партий за исключением Парамуширской.

А осенью того же года в камчатской геологической службе произошли структурные изменения - было создано Камчатское районное геологическое управление с подчинением Северо-Восточному геологическому управлению в Магадане. В качестве начальника рйГРУ с Колымы приехал Дмитрий Алексеевич Бубнов.

"Я давал основные пояснения комиссии СВГУ по приемке Камчатки, - пишет Вадим Михайлович в одном из писем к автору. - Вскоре меня назначили, не спрашивая согласия, начальником Геолого-съёмочной экспедиции. А в начале января 1958 года Д. А. Бубнов отправил меня в Магадан защищать сразу 32 (!) проекта геологических работ на Камчатке в начавшемся году. Я был там три с половиной месяца, это была целая эпопея, жутко вспомнить...".

Значит, показался, коль назначили руководить одной из ведущих структурных единиц рйГРУ и доверили защиту основы основ всей работы - проектов, под которые выделяются деньги, после чего только и возможна производственная деятельность предприятия.

В период работы В. М. Никольского начальником ГСЭ ведутся поисково-разведочные работы на нефть и газ, Ю. В. Жегалов проводит геологическую съемку масштаба 1:200 000 на Командорских островах, Я. Ш. Геворкян привозит с перевала Оганчи в Срединном Камчатском хребте образцы жильного кварца с золотосульфидным оруденением, которые позже приведут к открытию Оганчинского золоторудного месторождения.

Но, какой бы интересной ни была работа, а в марте 1959 года Вадим Михайлович по семейным обстоятельствам покидает Камчатку и переезжает на работу в Хабаровск, в Дальневосточное геологическое управление.

"В первый год работы в Хабаровске был начальником Золотогорской партии, проводившей геологическую съемку масштаба 1:200 000 в хребте Тукурингра на территории Амурской области в известных золотоносных районах Дальнего Востока, - пишет В. М. Никольский в своей автобиографии. - В 1960-61 годах возглавлял Хехцирскую партию, занимавшуюся комплексной геологической, гидрогеологической и инженерно-геологической съемкой масштаба 1:50 000 в Хабаровском районе Хабаровского края. Работами партии были изучены Хехцирское железорудное, Хабаровское и Базовское бурогольные месторождения и дана оценка подземных вод, стройматериалов и инженерной геологии района.

С февраля 1962 по июль 1963 года работал техническим экспертом по поискам и разведке серных месторождений в республике Индонезия, где разведал месторождения Телага Бодас, Телага Терус, Кова Иджин, Кова Путих и другие на острове Ява и составил прогнозную карту

сероносности территории республики".

После возвращения из Индонезии В. М. Никольский был назначен начальником Поисково-разведочной экспедиции Дальневосточного геологического управления. И вновь для него начались будни руководителя большого, сложного коллектива. Продлились они до августа 1966 года, когда он получил предложение возглавить Камчатское территориальное геологическое управление. Он согласился и вновь вернулся на полюбившуюся ему Камчатку.

Как раз в 1966 году на полуострове начались геологоразведочные работы на Оганчинском золоторудном месторождении, вовсю шла разведка золотых россыпей в бассейнах рек Авачи и Быстрой. Вскоре геологи открыли Агинское и Сергеевское золоторудные месторождения. Таким образом, работы Камчатского ТГУ стали приобретать "золотую" специализацию. Но все так же продолжались работы на нефть, велась геологическая съемка, шли поиски других полезных ископаемых. Планом на 1968 год, например, Камчатскому ТГУ необходимо было дать прирост запасов по ртути, золоту, сере, торфу, передать в эксплуатацию 2 месторождения россыпного золота, дополнительно выявить 2 россыпи. Камчатское управление становится штабом больших и серьезных геологических исследований на огромной территории полуострова.

Но штабу нужны были финансы, материальные ресурсы, специалисты, чтобы всем этим насыщать перспективные объекты работ. Всё это приходилось буквально выбивать в Москве, доказывать чиновникам в министерствах, что Камчатке необходимо уделять гораздо больше внимания, чем оно имело тогда. Этим и занимался, помимо всего прочего, Вадим Михайлович Никольский.

"В марте 1971 года я просил у нового министра геологии РСФСР Л. И. Ровнина открыть для Камчатки новую строку в финансировании по золоту - "рудное золото", специально под Агинское месторождение, - вспоминает В. М. Никольский в письме к автору. - Буквально умолял выделить нам дополнительно 200 тысяч рублей. Но меня не поддержали начальник Главвостокгеологии И. С. Бредихин и замминистра И. А. Кобеляцкий. И, все же, через день удалось "выцыганить" у Льва Ивановича Ровнина (кстати, моего однокашника по Саратовскому университету) 100 тысяч рублей. С этих "несчастных" ста тысяч и начались в 1971 году поисковые работы на Аге".

Вот так: "умолял", "выцыганил"... Доводы и ухищрения в разговорах с чиновниками и министрами были различными, порой совершенно неожиданными и даже экзотическими.

Однажды Никольскому пришлось применить для этого книгу - роман Дмитрия Еремина "Золотой пояс", вышедший в 1971 году в "Роман-газете". В основу романа положена история, имевшая место в 1920 году, когда калифорнийский миллионер Вандерлип просил у российского советского правительства Камчатку в концессию на 50 лет. Он добился встречи с В. И. Лениным, и тот дал согласие на концессию. Так бы Камчатка и ушла до 1970-го года к американцам, но все испортил сам Вандерлип: он слишком долго пробыл в России,

проникся уважением к большевикам, прослыл на родине "красным" и потерял уважение и доверие коллег и президента страны. Сделка не состоялась.

Это очень интересная, не афишировавшаяся у нас история, но интересно здесь и другое: причина, побудившая Вандерлипа просить "попользоваться" территорией Камчатки. А причиной было золото, которого, кстати, тогда еще на полуострове открыто не было. Но Вандерлип, как человек умный и предприимчивый, понимал, что Камчатка - всего лишь противоположный берег "гигантского Северного вулкана", из недр которого уже в современную геологическую эпоху выперли вулканы поменьше - на Аляске, на Камчатке, на Алеутах, в Калифорнии. На всех этих территориях, по кольцу, были найдены месторождения золота. Значит, по аналогии, такие же месторождения есть и на Камчатке.

"Я спекульнул на этой книге, - пишет В. М. Никольский. - Подписал ее от имени камчатских геологов и подарил заведующему сектором геологии и минерального сырья ЦК КПСС Аркадию Андреевичу Ямнову. При этом съязвил:

- Вот, Аркадий Андреевич! Основатель нашего государства и КПСС великий Ленин склонился к тому, чтобы отдать Камчатку в концессию на 50 лет синдикату Вандерлипа. Теперь у Вас нет иного выхода, кроме как поддержать нас в поисках нефти, газа и золота на Камчатке. Или же... сдать ее в концессию. Шучу, конечно...

Жаркий и очень интересный для меня был тогда разговор с Ямновым. К его чести, он позвонил нашему министру геологии СССР А. В. Сидоренко, с которым дружил с 1946 года, и просил усилить геологоразведочные работы на Камчатке. Об этом мне сказал сам министр, вызвавший меня через два дня после этого. Мы поговорили, и работы по золоту были усилены. А в 1972 году Камчатка попала в постановление ЦК КПСС и Совмина СССР по рудному золоту в Охотско-Чукотском вулканогенном поясе. Это было в октябре 1972 года в Хабаровске. На региональном совещании по ртути, олову и вольфраму министр Сидоренко предложил обсудить и вопрос о поисках и разведке золота в Охотско-Чукотском вулканогенном поясе. Объемы работ планировались громадные. Выступали все начальники управлений. Когда очередь дошла до меня, я сказал:

- Александр Васильевич! Охотско-Чукотский вулканогенный пояс "заходит" на Камчатку своим краешком. Там у нас есть, конечно, ряд проявлений золота, в том числе и Сергеевское - наиболее яркое. Но я хочу Вам сказать, что на полуострове есть еще три "своих" вулканогенных пояса (я только что их выделил в своей кандидатской диссертации): Западно-Камчатский, Срединно-Камчатский и Восточно-Камчатский. Наиболее рудоносным из них является, конечно, Срединно-Камчатский, о чем камчадалы говорят уже много лет. И если Охотско-Чукотский вулканогенный пояс, по которому готовится правительственное постановление, характеризуется преобладанием кислого вулканизма, а отсюда и золотосеребряные оруденения, то наш Срединно-Камчатский вулканогенный пояс характеризуется средним вулканизмом, а значит, преимущественно золотым оруденением. Примером являются такие рудопроявления и месторождения, как Агинское и Оганчинское, в том числе рудопроявления на юге Камчатки, куда продолжается этот пояс. Поэтому я прошу

Вас включить в постановление ЦК КПСС и Совмина СССР наш Срединно-Камчатский вулканогенный пояс. А для Агинского месторождения, в котором мы уверены, выделить специальные деньги.

Наступила тишина. И вдруг Д. В. Рундквист - директор ВСЕГЕИ (крупнейшего геологического института СССР), член-корреспондент АН СССР, неожиданно воскликнул:

- А что? Никольский, по-моему, прав. Я полностью поддерживаю его предложение.

Немного подумав, А. В. Сидоренко сказал, обращаясь к начальнику планового управления Мингео СССР В. А. Перваго - всесильному человеку:

- Владимир Александрович, рассмотрите. У нас там есть резерв, выделите ему под Агу на 1973 год, а далее - по результатам работ.

Перваго - бывший камчадал, и с ним мы быстро договорились. Отвалили нам сразу 2 миллиона рублей".

Вот так проходила работа в верхах. Не менее напряженной она была и внизу, на Камчатке.

"Я могу назвать только двух руководителей камчатской геологии, с которыми лично мне довелось работать, которые знали каждого специалиста в лицо, вели собственную, строгую кадровую политику, - Ускова и Никольского, - говорит геолог В. П. Романов, вспоминая прежние времена. - Вадим Михайлович Никольский был всегда за то, чтобы руководителями подразделений назначались только геологи, выросшие как специалисты здесь, на Камчатке".

Действительно, кадрам В. М. Никольский всегда уделял пристальное внимание, участвовал в работе с людьми сам, не перекладывая ее на соответствующие службы. Так, в докладе на партийно-хозяйственном активе КТГУ, состоявшемся 18 февраля 1969 года, Никольский говорил: "Текучесть кадров была недопустимо высокой. А почему уходят от нас люди? Причем не только рабочие, но и ИТР? Главная причина - отсутствие нормальных жилищно-бытовых и производственных условий в круглогодичных партиях. На текучесть кадров влияют, по-видимому, и низкие заработки, отсутствие четкой организации труда, слабая политико-воспитательная работа в коллективах. Выход один - резко улучшать условия труда и быта на наших первостепенных объектах, создавать на них крепкие семейные коллективы, окруженные заботой геологов всего управления...".

При Никольском каждые два года в Петропавловске сдавались жилые дома для геологов. Для Геолого-съемочной экспедиции был построен административный корпус, а рядом возвели прекрасное для того времени общежитие, в котором были не только комендант и уборщицы, но и инструктор по физической культуре. В Елизово были построены 12 обычных домов и дом со всеми удобствами для геофизиков. В поселке Термальном возникла новая база для гидрогеологов, в Мильково было начато строительство базы для геологов,

изучающих Агинское золоторудное месторождение. В Корфе построили базу для разведчиков серы и ртути. У рыбаков был принят на баланс КТГУ поселок Ича, где разместили нефтяников. Там через лиман построили мост, а в поселок провели пресную воду из скважины, пробуренной на морской террасе.

Именно при Никольском началось строительство на берегу Авачинской губы здания химической лаборатории, а в Сероглазке - причала и складов. Флот пополнился судном водоизмещением 3000 тонн.

"Я до сих пор горжусь тем, что обеспечил жильем всех, включая молодых специалистов, - пишет В. М. Никольский. - К строительству домов для геологов подключил тресты "Камчатскстрой", "Облсельстрой", "Моргидрострой". И это не считая собственного стройуправления. Мелкие стройучастки были созданы почти во всех экспедициях. По выполнению строительных работ для геологов маленькая Камчатка занимала в те годы второе место вслед за гигантом Главтюменьгеологией".

Все складывалось хорошо, геологическая отрасль на Камчатке процветала, шла в гору. И результаты работ были хорошими. Но, как признается и сам Вадим Михайлович, и это подтверждают люди, он не смог удержаться внутри жесткой административно-командной системы - она не выносила людей самостоятельных, инициативных, вечно задающих неудобные вопросы, не терпящих бездельников, болтунов и проходимцев.

"Работать приходилось по 12 - 14 часов, нервы не всегда выдерживали, - пишет он. - Ежегодно меня дважды заслушивали на секретариатах обкома КПСС и один раз на бюро обкома. Раз в год приходилось отчитываться на коллегии Мингео РСФСР или же СССР. Прорабатывали меня в облисполкоме, горкоме, горисполкоме, воспитывали в облсовпрофе, ЦК профсоюзов рабочих и служащих геологоразведочных работ, в КЦ КПСС.

В связи с интенсивным ростом геологоразведочных работ на Камчатке сюда приезжало на работу много разных специалистов из регионов СССР. Многие из них были настоящими искателями приключений, а чаще всего - заработков. Это были люди мало дисциплинированные и беспечные. Поэтому резко возросли нарушения охраны труда и техники безопасности. Только за 1968 год в КТГУ погибли 11 человек. На коллегии Мингео СССР совместно с ЦК профсоюзов мне врезали так, что я получил первый инсульт. И это в 40 лет!..

А главный инженер управления и начальник геофизической экспедиции были сняты с работы, как я ни пытался защитить их. До сих пор вспоминаю эту коллегию с содроганием. А из серого здания ЦК КПСС я в 1971 году, после "дружеской" четырехчасовой беседы вышел, хватаясь за стены. Было, было...".

Вообще, отношения Вадима Михайловича Никольского с властью (партийной и советской) складывались в разные годы его камчатской жизни по-разному. В начальники Камчатского территориального геологического управления он был приглашен лично первым секретарем

Камчатского обкома партии Михаилом Анатольевичем Орловым. "В первой же четырех с половиной часовой беседе он дал мне понять, что лично будет заниматься вопросами геологии области, и просил его постоянно информировать о них, - вспоминает В. М. Никольский. - Виделись мы с ним еженедельно, иногда чаще, объездили всю область, побывали вдвоем на всех новых объектах. Но весной 1971 года Орлова неожиданно сняли. Писал он мне письма после этого (3-4 письма в год) 25 лет!

А со следующим первым секретарем Д. И. Качиным дело не пошло. Я нигде с ним не был, ни на одном объекте. И стиль работы его абсолютно иной. Сначала он снял главного рыбака области, потом - главного моряка, затем - главного строителя, ну и... главного геолога области. В чем тут моя вина? Я сам написал заявление и ... уехал с Камчатки. Со слезами на глазах".

Да, было. Как пишет П. А. Головин, который много лет, в том числе и в те годы, возглавлял отдел кадров управления, "у него (Никольского. - А. См.) было много амбиций. То поспорится в министерстве, то в обкоме. У него был большой талант наживать себе врагов".

Увы, со стороны это выглядело так... Но сам Вадим Михайлович уточняет: "Конечно, амбиции были, как у любого нормального человека. Но касались они только чести и любви к Камчатке (подчеркнуто Никольским - А. См.), за что я и боролся на всех уровнях в ущерб своему здоровью, карьере, положению семьи. Ни чванства, ни зазнайства, ни злопамятства во мне никогда не было".

В июле 1973 года карьера Вадима Михайловича Никольского на посту начальника Камчатского территориального геологического управления закончилась. Из его письма: "Покинув Камчатку, точнее сдав свой пост, я поехал сначала в отпуск и побывал в обоих министерствах геологии - СССР и РСФСР. Заместитель министра геологии СССР всесильный А. А. Рясной сказал мне:

- У Мингео СССР к Вам, Вадим Михайлович, никаких претензий нет. Мы довольны Вашей работой, и без работы Вы не останетесь.

Виктору Андреевичу Ярмолюку же он несколько раз повторил:

- Зачем? Почему он подал заявление об уходе? Кто его просил? Он что, не в себе?

На это я спокойно сказал Ярмолюку:

- Странная реакция. Ну не хочет первый секретарь работать со мной. Не хочет, и все тут. Вы что, пойдете против обкома КПСС? Да ни в жизнь!

Мне предложены были должности заведующего отделом (я только что защитил кандидатскую диссертацию) в институтах ДВИМС (Хабаровск) и КИМС (Симферополь), а также нерудного сырья (Казань). Я отказался. Мне предложена была и работа в Москве -

первым заместителем начальника управления по твердым полезным ископаемым Мингео СССР и три должности в Мингео РСФСР. Но я не прошел ... в ЦК КПСС. Впоследствии узнал, что Д. И. Качин, пытаясь избавиться от Никольского и зная, что в Мингео его могут не поддержать, побывал в секторе геологии и минеральных ресурсов ЦК КПСС и вел там разговоры обо мне. Какие?

Уезжая с Камчатки, 19 ноября 1973 года я зашел попрощаться в обком КПСС и побывал у Качина. Я задал ему два вопроса и сам ответил на них:

- Дмитрий Иванович, я не оспариваю Вашего решения по отношению ко мне и не держу на Вас ни обиды, ни злости. Но ведь Вы могли попросить на мою должность в порядке укрепления кадрами в ЦК КПСС любого сильного геологического руководителя. А Вы, на кого же Вы меня променяли? Жалко. Очень. Второе: зачем Вы, Дмитрий Иванович, говорили обо мне в ЦК КПСС? Вы ведь просто со мной могли поговорить. А Вы сделали это через третьего секретаря. Я ушел бы (и ушел) без лишних разговоров. А теперь в ЦК не дают согласия на меня ни на одну хорошую должность. Вы не только сломали судьбу мою и моей семьи, а и потеряли отличного помощника для Камчатки в Мингео. Почему такая жестокость?

Молчит. Так я оказался в Саратове, где мы стали жить у тещи".

В Саратове Вадим Михайлович Никольский начал работать начальником геологоразведочной экспедиции ПГО "Нижневолжскгеология". Экспедиция проводила поисковые и разведочные работы на горючие сланцы, подземные воды, серу, стройматериалы, выполняла региональные съемочные и тематические работы на нефть и газ. И здесь, на Волге, сера осталась главным увлечением В. М. Никольского. У себя в экспедиции он создает специальную серную группу геологов, которая по заданию Мингео СССР выполняет тематические работы по оценке перспектив сероносности территорий, лежащих в долине Волги. "Впервые в практике работ на серу в стране проводилась комплексная оценка различных видов серосодержащего сырья: серы самородной, газовой, в нефти, горючих сланцах и подземных водах, - пишет Вадим Михайлович в своей автобиографии. - В частности, в 1976 г. были подсчитаны запасы газовой серы в газоконденсатных залежах только что открытого Астраханского месторождения, в 1977 г. оценены запасы сульфидной и органической серы в горючих сланцах Волжского бассейна, в 1979 г. открыта и оценена первая серная залежь в Поволжье".

Серной специализацией отмечены и последующие годы трудовой деятельности В. М. Никольского. В 1983 - 85 годах он занимался тематическими работами по оценке перспектив сероносности Прикаспийской впадины. Итогом работ явилась прогнозная карта сероносности обширной территории. В марте 1986 года Никольский приступил к большой работе по прогнозу перспектив сероносности Новоузенской, Эльтонской и Баскунчакской зон соляных куполов Нижнего Поволжья.

Практическую и научную геологическую деятельность Вадим Михайлович не оставляет до

сих пор. "Сию над оформлением трех статей по докладам о геологии Поволжья и Западного Казахстана, сделанным 20 - 22 января 1998 года на Международной геологической конференции в Саратове, - пишет он автору в одном из писем. - Составляю два доклада на Международное вулканологическое совещание, которое состоится 12 - 16 мая в Туапсе. Тезисы докладов уже отправил оргкомитету...".

И далее, в следующем письме, датированном 6. 06. 1998 года, сообщает: "Вернулся с конференции. Оргкомитет разрешил мне объединить два моих доклада, а аудитория позволила говорить 1,5 часа вместо 20 минут по регламенту. Председатель оргкомитета академик РАЕН Е. К. Мархинин - один из крупнейших вулканологов мира - выделил мой доклад особо и наговорил кучу комплиментов. Но особенно приятно было пообщаться с крупными учеными - геологами Грузии, Узбекистана, Сибири, Якутии, Москвы, Краснодарского края, Камчатки. Но с Камчатки и Дальнего Востока вообще были лишь отдельные представители: дорого, немыслимо приехать.

Сразу же по возвращении из Туапсе засел за тезисы доклада "Сера - индикатор вулканического и гидротермального процессов" к российско-японскому полевому семинару 98 года "Минерало-рудобразование в вулcano-гидротермальных системах островных дуг" (г. Петропавловск-Камчатский, 25 июля - 1 августа 1998 г.) и отправил их в Институт вулканологии две недели назад. Не скрою, мне очень хотелось бы побывать на Камчатке, где я не только смог бы выступить с интересным докладом, а и быть экскурсоводом на Мутновский вулкан, куда планируется экскурсия, и где я был первопроходцем в 1954 г., изучая серные залежи и термальные воды Камчатки. Мог бы быть полезен и Бирюкову в чем-то, так как тщательно слежу за развитием геологии в России и в мире. Но "мои финансы поют романсы", а обратиться в оргкомитет семинара, тем более к губернатору области (он должен помнить меня), об оплате такой командировки у меня не хватает смелости. Да и не в моем характере афишировать себя".

Вот уже 25 лет работая вдали от Камчатки, Вадим Михайлович помнит ее, помнит людей, с которыми сталкивала жизнь, помнит геологию полуострова и ту историю геологических исследований, которая произошла здесь до него и при нем. "Я хотел бы Вам напомнить о прекрасной работе на Командорских островах Камчатки в 1903 году геолога Н. Морозевича. Кстати, в те годы русские купцы добыли и вывезли с острова Медного несколько пудов самородной меди, - пишет автору Никольский. - Как ни просил я в 1958 году Ю. В. Жегалова привезти с Командор побольше меди, но, кроме нескольких кусочков и тонких проволочек меди, он на Медном ничего не нашел. Всю вывезли. А может быть, не всю? Не ясно до сих пор...".

Работает Вадим Михайлович и в публицистическом жанре. Им написана вступительная статья к запискам геолога Г. М. Власова "Избранные страницы", опубликованной в девятом выпуске "Краеведческих записок" Камчатского областного краеведческого музея. Написан им большой очерк "Два Юрия", в котором рассказывается о геологах Ю. Н. Гринченко и Ю. Г. Кузнецове, погибших при загадочных обстоятельствах на полуострове Камчатского мыса в 1953 году. Никольский хорошо знал их, дружил с ними, в честь Никольского даже назван

сын Кузнецова Вадим. Оставить в памяти людей этих замечательных геологов - такой была задача Вадима Михайловича.

Когда в 1978 году Вадиму Михайловичу Никольскому исполнялось 50 лет, он жил уже в Саратове. Но камчатцы помнили о нем. От гидрогеологов полуострова из поселка Термального он получил вот такое поздравление:

На Камчатке все в порядке,
То вулканит, то трясет.
Снег лежит покровом гладким,
Из разломов терма прет.
Где-то золото в глубинке,
Где-то нефть под шельфом спит.
Ветер воет под сурдинку,
С кедрача медведь сопит.
Эти кадры Вам знакомы
Наяву, а не в кино.
Вам была Камчатка домом
И не так уж и давно.
Есть места на белом свете -
Неразлучны, как судьба.
Тянут нас они как сетью,
Потому что здесь борьба.
За идею, за удачу,
За великий идеал.
Кто не знал тех мест, тот плачет,
Мало в жизни он видал.
А у Вас была Камчатка -
Уникальная страна!
По долинам, по распадкам
Вся исхожена не зря.
Есть что вспомнить к юбилею,
Чем гордиться - тоже есть.
А Камчатка-мать жалеет,
Что Вы все-таки не здесь.

Рассказывая о том юбилейном дне, Вадим Михайлович пишет: "Вот такие стихи от гидрогеологов Камчатки получил я спустя пять лет после вынужденного отъезда с полуострова. Адреса мне тогда прислали ГСЭ и аппарат КТГУ, геофизики. Съемщики прислали посылку с образцом молодой лавы последнего извержения Толбачика, фотографии.

Писали мне многие. Юрий Иванович Харченко дважды в год отчитывался передо мной в своих письмах, подробно сообщая в них в мае - о планах полевых работ текущего года, в

декабре - об итогах, результатах полевых работ. И так - до конца своих дней. Кипа его писем у меня еще не обработана, ждет своего часа.

В последние годы у меня завязалась переписка с Борисом Константиновичем Долматовым. В мои "руководящие годы" это был один из лучших геологов и начальников партий ГСЭ. Поздравляя меня в 1996 году с Днем геолога в своем большом письме из Ставрополя, где он сейчас живет, он написал в том числе и такие строки:

"Поздравляю Вас с нашим праздником - Днем геолога! Вы единственный из руководителей Камчатского геологического управления, с которыми мне довелось работать, в полной мере являетесь настоящим профессионалом-геологом. Это, как Вы понимаете, не лесть, а мое глубокое убеждение, основанное на общении с Вами и многочисленных отзывах о Вас настоящих ученых. Я никогда не забуду техсовет, который Вы проводили 31 января 1971 года. Я тогда защищал Аянкинский лист 1: 200 000. Отчет окончательный, и писал я его один, затратив на него много душевных сил, почему и запомнил все до мельчайших подробностей... Спасибо Вам.

Свою вину перед Вами я тоже несу тяжким бременем почти 30 лет, да и не я один. Очень многие раскаялись в своем бездумном поступке по отношению к Вам. К сожалению, есть то, что невозможно исправить, а можно только принести покаяние..."

Вот такое неожиданное письмо. Я помню Долматова, его Аянкинский отчет, его работы на Карагинском острове и Усть-Камчатском полуострове. Хорошие работы.

Много лестных для меня писем получил я с Камчатки от бывших камчадалов вообще за последние 25 лет..."

В ноябре 1998 года Вадим Михайлович отметил свое семидесятилетие. И вновь были поздравления, в том числе от камчатцев. "Спасибо всем за поздравления, - написал он. - Печальная все же дата. Особенно в нынешнее время. Живем воспоминаниями о прошлом, прекрасной работе, могучем и великом СССР. Счастливая жизнь была".

Жизнь Вадимом Михайловичем Никольским прожита большая, сделано многое, обо всем не напишешь в очерке. Но главное можно подчеркнуть еще раз: Вадим Михайлович оставил заметный след в истории геологического изучения полуострова Камчатка, вообще в жизни полуострова в большой, далекий теперь уже период 1951 - 1973 годов.

Рем Александрович РЕМИЗОВ

При Никольском Ремизов был главным инженером Камчатского геологического управления. Когда Никольский ушел, Рем Александрович занял место начальника. Это случилось в июле 1973 года.

Наверное, закономерно, что после начальника-геолога (Никольского), пришел начальник-разведчик, бывший главный инженер, организатор производства. Как раз в то время ударил первый фонтан газоконденсата на западном побережье Камчатки, началась предварительная разведка Сергеевского и Агинского золоторудных месторождений. Все это требовало разворота большого, технически насыщенного производства. И Ремизов мог его организовать, к тому же несколько лет жил этим производством, эволюционировал вместе с ним, знал его как свои пять пальцев.

"Рем Александрович - опытный разведчик, умелый организатор производства, - пишет П. А. Головин. - По натуре очень добрый и отзывчивый человек. С ним было легко работать, он полностью доверял подчиненным, развивая этим их деловую инициативу. При нем Камчатское геологическое управление в июне 1980 года стало производственным геологическим объединением "Камчатгеология" и он стал первым его генеральным директором".

"Ремизов оставил впечатление хорошего человека, - говорит Михаил Григорьевич Патока. - Но он был разведчик, технарь, он был главный инженер. А на той стадии развития Камчатского геологического управления руководить им должен был геолог, как Никольский. При Ремизове начались разведки, стала возрастать техническая часть и хиреть геология, как таковая. То есть деньги стали отвлекаться в основном на разведки. Пошли вперед Сергеевка, Ага, затем Асача - дорогостоящие проекты, а геология пошла на убыль вместе с ее интеллектуальной частью. Методическую часть разведки Ремизов поставил. Это и его главный успех и главная неудача. В Хабаровском крае как-то нашли паритет и сохранили высокий потенциал и геологии как таковой, и разведки. Здесь же начались перекосы".

За словами Михаила Патоки чувствуется, что произносит их геолог-съемщик. Геолог-разведчик сказал бы обратное. Жаль, что из нынешних геологов-разведчиков нет таких, кто знал хорошо Ремизова. Все они тогда были достаточно молодыми людьми, жили и работали далеко от Петропавловска, не имели возможности общаться с начальником управления, чтобы понять его, сложить о нем свое мнение. Но зато все они утверждают, что в семидесятые - восьмидесятые годы прошло становление на Камчатке своей разведочной школы, которой следует гордиться. Школа эта дала целую плеяду замечательных геологоразведчиков, таких, как Виктор Хворостов, Вениамин Зайцев и Сергей Зайцев, Рашид Газизов, Людмила Безрукова, Павел Озорнин, В. А. Прозоровский и других.

К сожалению, Рем Александрович не успел подготовить обещанные записи о своей работе на Камчатке к выходу этой книги. Надеюсь, что позже он это сделает.

Виктор Иванович ЛАШТАБЕГ

Виктор Иванович Лаштабег прибыл на Камчатку как гроза, как карающий меч местных, неумелых, неразворотливых руководителей партий и экспедиций, как предвестник

значительных перемен в методах геологоразведочных работ. Он звался генеральным директором, и люди заочно, еще не зная и не видя его, а только прослышав о жесткости разговоров этого человека с подчиненными, о суровости вида, серьезности, прозвали "генералом".

"Летит в Северо-Камчатскую экспедицию", - прошел слух. И многие затрепетали. "Саша, что слышно о новом генерале, как он себя ведет, прилетая в партии?" - допытывался я по радию у центрального, экспедиционного радиста Александра Дьяченко, сидя в своей темной, занесенной снегом палатке на реке Кичаваям.

"Ведет себя как слон в посудной лавке, - поделился информацией радист. - Все крушит, всех снимает. Говорят, у него странная манера задать вопрос и не дать человеку возможности ответить на него. Ты приготовься, он отсюда полетит по северным партиям, вкруговую. Залетит и к тебе".

Кичаваямский поисково-разведочный отряд, начальником которого я был в те зимние дни 1983 года, базировался в предгорьях Понтоней, в среднем течении золотоносной речки Кичаваям. Мы искали россыпи золота, оконтуривали их траншеями. Правда, все это делали минувшей осенью, а в зиму нас оставила в поле не очень умная воля экспедиционного начальства.

Снега в долине Кичаваяма были большими, морозы стояли под 40 градусов, световой день равнялся двум часам. Мы жили в палатках с металлическими печками и занимались единственным делом - готовили дрова. Чтобы на сутки хватило, нужно было потратить час. Оставшийся час работали на шурфах и строительстве склада взрывчатых материалов. Шурфы проходили вручную, ни один из них не добивался из-за крупного валунника. Склад было строить не из чего, поэтому не строили, а мудрили. В общем, бесполезно мерзли в голой тундре, дожидаясь весеннего тепла.

Я был зол на все начальство, к тому же только что перенес воспаление легких, оклемался и опять был послан в тундру, на участок, чтобы "делать то, не знаю чего". Поэтому такой генерал меня устраивал, я надеялся, что он, увидев наше бесполезное сиденье здесь, даст команду вывезти отряд в поселок, или же на действующий участок.

Вскоре пришло известие, что начальника экспедиции он снял. Затем снял главного инженера. Из Корфа его маршрут лежал в Первореченск, где находилась база нашей Пенжинской партии. Там генеральный директор застал пьяным заместителя начальника партии, и тоже немедленно снял. На участке Кондырево он даже из вертолета выходить не стал, увидев, что на посадочную полосу спешит трактор с прицепленными деревянными санями, а из саней вываливается прямо под полозья пьяный начальник отряда. "Немедленно уберите эту пьянь", - брезгливо сказал генерал, и дал команду взлетать. Ко мне на участок он не прилетел - у вертолета не хватило светового времени, и он напрямую ушел на Корф. Хороший чай, приготовленный специально для генерала, я выпил с проходчиками Бобряшовым, Кудряшевым и Анохиным.

Разгром от генеральского визита был полный. Даже в эфире на день-два повисла тишина. Все зализывали раны. Правда, новая жизнь так и не наступила. Генерал улетел, а мы остались. И продолжали жить и работать в привычном режиме. Я так и досидел в снегах до весны, заместитель начальника Пенжинской партии окончательно спился в Первореченске, потому что зимой ему некуда было ехать, а здесь другой работы ему не предложили. Главный инженер экспедиции и начальник Кондыревского участка благополучно перебрались в Петропавловск, потому что там у них были квартиры, устроились на новые, более престижные должности. Лишь начальник экспедиции переместился в геолотдел и продолжает жить и работать на Севере. Всё. Я до сих пор вспоминаю точные слова радиста: "Слон в посудной лавке". Правда, это больше подходило к характеристике разгрома, но не самого Лаштабега.

А сам Виктор Иванович Лаштабег отнюдь не был неповоротливым, толстокожим слоном. Это был стройный, моложавый, энергичный человек. Он даже разговаривал очень быстро. Есть такая манера говорить, как бы с кашей во рту - ничего не понятно. Мысли опережают неловкую речь человека, он пытается их догнать, палит скороговоркой, а слушатели мало что понимают. Так разговаривал Лаштабег.

Его назначили генеральным директором ПГО "Камчатгеология" из Певека, где он был начальником экспедиции. При нем это была очень хорошая экспедиция. Лаштабег был жесткий руководитель, требовал дисциплины, поэтому работа шла хорошо. Его заметили и выдвинули в генералы. Это произошло в августе 1983 года.

Камчатки он не знал. Самыми крупными объектами объединения были Аметистовая и Агинская партии, которые вели разведку одноименных месторождений рудного золота. Свое знакомство с объединением Виктор Иванович начал с них. Вот рассказ Василия Викторовича Кноля, который был в то время главным инженером Агинской партии.

"В августе он с представителями министерства прилетел к нам. Мы собрались в моем кабинете. Сначала сделал доклад главный геолог. Затем стали говорить все. Мысль обозначилась одна: объект самый важный, разведку надо ускорить, поэтому с августа до конца года необходимо в 2,5 раза больше пройти подземных выработок, чем прошли с начала года до августа.

Стал докладывать я, как главный инженер. Рассказал о технических возможностях предприятия, его производственной мощности. Признал, что задача, в принципе выполняема, но при определенных условиях. Когда перечислил условия, тогда первый раз крепко получил от Лаштабега по щекам. Одним из условий был крепежный лес. Породы на Агинском не устойчивые, крепление было практически сплошным, крепили даже в грудь забоя. Расход леса был 1 кубический метр на метр проходки. Следовательно, чтобы пройти до конца года 2,5 тысячи метров выработок, необходимо было запастись 2,5 тысячами кубов крепежного леса. Я показал в окно: "Посмотрите, у нас сегодня нет ни одного бревнышка рудстойки. Из Мильково поступает 16 - 20 кубов, а то и 7 - 8. Как запастись лесом? Причем, скоро осенняя распутица, придется ждать зимника. А там и времени уже не остается...".

Лаштабег разъярился: "Как? Ты, главный инженер, говоришь "нет", еще не взявшись за дело? А почему же ты без крепежного леса сидишь?"

Это был мой первый серьезный спор с ним. Все были в подавленном состоянии. А тут мы еще затеяли ремонт дизелей - они к тому времени выработали свои ресурсы. Из-за этого проходку пришлось приостановить. И вдруг - такая задача. Но приказ неумолим: "Выполнять".

В октябре Виктор Иванович вторично прилетает. Леса как не было, так и нет, такая же, естественно, и проходка. Но дизеля мы подремонтировали. На этот раз разговор был еще серьезней. Лаштабег во всем винил начальника партии Юрия Викторовича Григорьева и меня. Я не выдержал, сказал: "В конце - концов, я лично отвечаю за производство здесь, в партии. За проходку, технику безопасности и так далее. Но я не могу отвечать за то, что сюда из Мильково не отправляют рельсы, взрывчатку, кабель, лесоматериалы. Там - экспедиция, целый штат снабженцев, инженеров. Есть и объединение, которым Вы руководите...".

Лаштабег еще сильнее разгневался: "Что ты говоришь? Снять тебя надо, гнать!" После нашего разговора один ушел на штольни. С бригадирами он любил общаться, старался говорить по-свойски, просто. Начал говорить обо мне. А те возражают: "Виктор Иванович, зря Вы рассердились на главного инженера. Если бы он не крутился, мы бы вообще ничего не делали. Что же, ему ездить в Мильково за рудстойкой?".

Вечером он заходит: "Ладно. Пошли, покажешь, что вы тут понаделали...".

Через несколько дней после его отъезда присылают приказ: начальника партии Григорьева снять, назначить и. о. начальника партии Кноля. В моей практике Григорьев был самым сильным начальником партии. Он полностью держал в своих руках все хозяйство. Мне перед ним было очень неудобно, как будто бы я его подсел. Ничего ему взамен не предложили, мы поставили его начальником пыле-вентиляционной службы, которую он, кстати, отладил, а затем уехал в Якутию, откуда когда-то прибыл сюда".

Во всех экспедициях и крупных партиях, кроме КГСЭ, Виктор Иванович Лаштабег сменил руководителей. Убрал старых, на их место привез своих, из Магаданской области. Они были обучены четкой, жесткой работе, привезли на Камчатку колымско-чукотскую школу организации производства. Жизнь объединения стала меняться.

"Я точно знаю, что Виктор Иванович не стремился стать генеральным директором, - говорит Михаил Григорьевич Патока. - Он мне рассказывал, что для него назначение стало совершенной неожиданностью. Конечно, к нему присмотрелись, как к хорошему начальнику хорошей Чаунской экспедиции, и назначили не случайно. Но для него - неожиданно. Он прилетел в Москву, где впервые об этом и узнал. Только что ушел Ремизов, и Лаштабегу сказали: "Наводи порядок в этом хозяйстве". И он начал его наводить. В меру своих сил и представлений о порядке. Это не всем понравилось, но что поделаешь - нельзя нравиться

всем, не возможно...".

"Я Лаштабега уважаю, - признается Локман Хусейнович Эркенов. - Он был умный, дальновидный руководитель, скоропалительных решений не принимал. Хотя, первое время мне казалось, что уж очень рьяно и жестоко он шашкой машет. Но вскоре понял, что Виктор Иванович оценивает людей по их способности, а не по тому, что они говорят, или представляют из себя внешне".

"Да, он пришел, как гроза, и начал все переделывать, - продолжает М. Г. Патока. - У него был огромный опыт работы на Чукотке, а там работа - не сахар. Но он был разведчиком, не знал геологии, тем более - камчатской. Поэтому ему было трудно. Но я должен отметить одно его редкое качество - он осознавал, что не специалист в геологии, а потому прислушивался к мнениям специалистов, старался понять, вникал. Для него многое было внове, но при всей занятости, а генеральный директор всегда исключительно занятый человек, он находил время разобраться, вникнуть.

В 1987 году я защищал отчет Димшиканской партии. Мягко говоря, это был спорный отчет. У меня было много сторонников, но и много оппонентов. Мнения на техсовете разошлись: или не принимать совсем, или принять с отличной оценкой. И вдруг меня вызывает Лаштабег. Говорит: "Я слышал о противоречивых мнениях о Вашем отчете. Вы не могли бы доложить мне одному?". Я согласился. Он назначил время. Я пришел, развесил графику, он к тому времени прочитал оба тома отчета, и мы с ним два часа проговорили. В результате он сказал: "Вы меня убедили. Мне кажется, Ваши аргументы веские. Поезжайте в ВСЕГЕИ, защитите Ваши представления там". В конце года меня вызвали во ВСЕГЕИ, я докладывал, и в итоге почти все идеи вошли в Российский петрографический кодекс.

Да, у Виктора Ивановича был магаданский почерк, достаточно крутой. Но человек он мягкий. Не был зловредным, мстительным. Приятный человек...".

Василий Викторович Кноль стал главным инженером объединения "Камчатгеология" в 1987 году. Он рассказывает: "Лаштабега все побаивались. И я думал: как сложатся мои с ним отношения? Внутренне даже готов был к отпору. А для себя принял правило: быть откровенным, конкретным и честным. Но с первых же дней Виктор Иванович повел себя очень нормально и по деловому. Отношения сразу стали хорошими. Не без проблем, не без споров и даже легкой ругани, но хорошими. Что меня поражало - он ни разу не назвал меня на ты, хотя с другими это себе позволял. Но и я старался его не подводить, поручения выполнял точно.

Он не вмешивался в мои дела. Только поручал и спрашивал. Если требовалось вмешательство генерального директора, я сам выходил на него. Он умел скоординировать мою работу с другими своими заместителями, делал это четко.

При нем работа объединения коренным образом изменилась. Он прямо шел к цели, заставлял всех идти к ней. На новый уровень стали выходить наши работы по геотермике.

Мутновку разведывали сахалинцы, но мы на прочих работах с 1988 году по ассигнованиям догнали их. Мы приобрели станки нефтяного ряда, готовились к работе на Кошелевском месторождении парогидротерм. Лаштабег выделил в отдельное структурное подразделение Тематическую экспедицию. Он добился того, что мы стали вести капитальное строительство, дома строили, базы экспедиций, целую Пенжинскую экспедицию перевели из Первореченска в Манилы. Пошло на подъем Аметистовое месторождение, в корне были пересмотрены отношения к россыпям, в Пенжинском районе россыпь пошла за россыпью. До сих пор артель "Камчатка" моет еще те россыпи, разведанные в конце 1980-х годов. Задачи перед объединением ставились серьезные, большие. Работать было очень интересно".

"Если бы геологическая отрасль не стала разваливаться, перестраиваться, Виктор Иванович, наверное, до сих пор руководил бы "Камчатгеологией", - итожит Патока. - Стратегия у него была верная".

Родился Виктор Иванович Лаштабег 18 февраля 1939 года в Северо-Осетинской АССР. Окончил Московский геологоразведочный институт, работал на Чукотке, дошел до должности начальника Чаунской ГРЭ. 8 августа 1983 года был назначен генеральным директором ПГО "Камчатгеология", где работал до лета 1992 года. Уехал в Москву работать директором Московского геологоразведочного техникума.

Его жена, Валентина Андреевна Лаштабег - геолог, работала на Камчатке ведущим геологом геолоотдела объединения. У них два сына - Ярослав 1965 г. и Владимир 1960 г. рождения.

Василий Викторович КНОЛЬ

В. В. Кноль - руководитель совершенно иной, новой формации, нежели его предшественники. Он прошел не только большую полевую разведочную школу, но и обучение в академии, и стажировку за рубежом. Правда, ему уже не досталось той структуры камчатской геологии, какой она была прежде. Он принял ее в период развала отрасли, когда практически все нужно было перестраивать применительно к одному - выживанию. Причем - любыми путями, вплоть до резания по живому.

Надо сказать, что на пути к креслу генерального директора "Камчатгеологии" Василий Викторович Кноль сделал стремительную карьеру, как говорится - блестящую. Посудите сами: в 1977 году он приехал на Камчатку после окончания Томского политехнического института и был назначен буровым мастером в Агинскую партию, а в 1992 году, то есть всего-то через 15 лет, возглавил объединение. Его рост внутри Агинской партии показан в очерке об Агинском месторождении. Это был рост отнюдь не карьериста, а человека, естественно поднимающегося по ступенькам управленческой иерархии. Собственно говоря, он мог бы одним рывком сделать карьеру, что ему не раз предлагали, но он сознательно шел от ступеньки к ступеньке, не перепрыгивая ни через одну. И, тем не менее, получилось быстро.

Наиболее значимым этапом в его работе в Агинской партии была должность главного инженера. Именно она высветила Василия Викторовича как специалиста, инженера, руководителя.

В августе 1983 года сменилось руководство объединения "Камчатгеология". Новый генеральный директор Виктор Иванович Лаштабег начал знакомиться со своей вотчиной. Самыми крупными объектами объединения были Аметистовая и Агинская партии, поэтому первые визиты Лаштабег сделал туда. И сразу же стал железной рукой наводить свои порядки. В результате он снял начальника Агинской партии и приметил хорошие деловые качества главного инженера Кноля, которого вскоре и назначил исполняющим обязанности начальника. Но, как оказалось, эта должность была для Василия Викторовича лишь трамплином для более высокого прыжка. И вскоре он состоялся.

В декабре 1983 года его вызвали в Мильково, на базу экспедиции, мотивируя это рассмотрением направлений геологоразведочных работ партии на 1984 год. Удивившись, что для таких дел его вызывают одного, без главного геолога, он отправился к начальству. Была пятница, самый конец рабочего дня. В конторе экспедиции сказали, что его срочно хотели видеть приехавшие из Петропавловска главный инженер объединения Валерий Петрович Маргулис и заместитель генерального директора по кадрам и социальным вопросам Виталий Николаевич Федореев. Они уже ушли к себе в гостиницу, поэтому пришлось идти туда.

Маргулис и Федореев встретили его приветливо. Такая встреча предвещала какой-то серьезный разговор, деловое предложение. И действительно, предложение тут же последовало. Ему показали приказ, в котором значилось, что он, Василий Викторович Кноль, назначен с 5 января 1984 года главным инженером Центрально-Камчатской экспедиции.

- Но так же не бывает, - удивился Кноль. - Меня только что назначили исполняющим обязанности начальника Агинской партии, у меня там еще нет главного инженера, которому я сейчас должен передать руководство, я не сделал там и других кадровых перемещений. В конце концов там очень много дел...

- Соглашайся, подписывай, Василий Викторович, - советовали ему Маргулис и Федореев. - Дадим тебе время на кадровые замещения, не сомневайся. Но сейчас речь идет о целой экспедиции, в которой не только Агинская партия...

Да, в то время уже было ясно, что разведка Агинского месторождения заканчивается. Еще год-два, и все равно, придется куда-то перебираться. А здесь предлагают большую интересную работу. Ну как откажешься? К тому же теперь Василий Викторович чувствовал себя уверенно и в экономических вопросах, поднаторев на посту главного инженера и начальника партии. Как-никак, а ведь ассигнования Агинской составляли почти 90% ассигнований всей экспедиции. Импонировало и то, что должность предлагали инженерную, ведь он именно в ней отшагал все предыдущие ступеньки своего профессионального роста. И он подписался под приказом.

- Всё, - сказал Валерий Петрович Маргулис. - В понедельник состоится совещание в кабинете у начальника экспедиции, приходи туда, мы тебя представим.

В понедельник он пришел в кабинет начальника экспедиции Сергея Юрьевича Рожкова. Шло совещание, которое вел Валерий Петрович Маргулис. Присутствовал почти весь аппарат экспедиции. Рассказав о задачах объединения в новом, 1984 году, Маргулис вдруг оглушил всех объявлением о том, что начальник экспедиции Рожков написал заявление об увольнении и в новом году работать в этой должности уже не будет.

- Исполнять обязанности начальника экспедиции будет ваш новый главный инженер Василий Викторович Кноль, - закончил свое выступление Валерий Петрович.

Сам Кноль настолько растерялся, что по-мальчишески воскликнул:

- Мы так не договаривались!..

После этого он понял, почему нужно было соглашаться на должность главного инженера столь поспешно, в пятницу вечером, в гостинице...

- Василий Викторович, честно скажу, что исполнять обязанности начальника будешь недолго, кандидатура подобрана, человеку осталось только собраться и приехать, - опять успокоил его Маргулис.

Так начался новый этап в жизни Василия Викторовича Кноля. Вместо него начальником Агинской партии назначили Юрия Алексеевича Гаращенко, а сам он с головой окунулся в новую работу, которой было невпроворот. В то время в Центрально-Камчатской геологоразведочной экспедиции кроме Агинской партии были Сухариковская, Бараньевская, Крутогоровская, несколько поисковых отрядов. Их цели и задачи нужно было понять, вникнуть в проблемы.

"Мне всегда везло с учителями, со старшими наставниками, - говорит Василий Викторович Кноль. - И здесь я был молодой, зеленый, многого не знал. Очень доброжелательно ко мне относился и помогал начальник ПТО Александр Михайлович Пантелеев. Подсказывал главный геолог экспедиции Константин Александрович Харькевич, которого, правда, вскоре сместили. С другой стороны, я был своим в экспедиции, знал аппарат, а тот знал меня. В общем, работать было интересно".

В марте 1984 года приехал с Колымы новый начальник экспедиции. Это был Владимир Алексеевич Филиппов, который работал главным инженером Билибинской ГРЭ ПГО "Севостгеология". Вскоре он привез свою семью и вплотную приступил к руководству экспедицией. В. В. Кноль приступил к своим непосредственным обязанностям главного инженера.

Надо сказать, что еще в то время, когда Василия Викторовича назначили начальником

Агинского участка Агинской партии, он стал членом КПСС, потому что должность входила в номенклатуру райкома. Должность главного инженера экспедиции также была райкомовской номенклатурой. И вот в 1986 году компартия "вычислила" Кноля и призвала его к себе на работу.

Василий Викторович рассказывает:

"Как-то в апреле заходит ко мне задумчивый Филиппов и говорит: "Завтра в 10 утра ты должен быть в обкоме партии. Вызывает заведующий промышленным отделом Шилохвост". Я удивился: "В чем дело, зачем?". Филиппов пожал плечами: "Не знаю. Мне сказали, я передал..." Наутро я поехал в Петропавловск. Пришел в обком, привели меня в кабинет Владимира Павловича Шилохвоста.

После недолгих расспросов о семье и планах на жизнь Шилохвост сказал: "Есть мнение назначить Вас инструктором в промышленный отдел, отвечать за геологию, связь, "Камчатбургеотермию".

Для меня партийная работа была совершенно неизведанной сферой деятельности. Я даже в институте не занимался активной комсомольской работой. Поэтому засомневался, нужно ли мне это.

"Идти или не идти в обком - дело, конечно, добровольное, - сказал тогда Владимир Павлович. - Во-вторых, дважды мы никому не предлагаем. В третьих, следующая твоя должностная ступенька после главного инженера экспедиции - уже наша номенклатура, и пойдешь ты выше или нет - зависит от нас. Короче, твое поведение сейчас - твое будущее...".

Одним словом, он вежливо дал мне понять, что я должен согласиться. Правда, он еще добавил, что если я по каким-то причинам не смогу работать в обкоме, то вернусь как минимум на ту же должность, если не выше.

Я попросил на раздумья время. Он дал мне три дня. В Мильково все буквально набросились на меня, советовали обязательно идти. Позвонила секретарь Мильковского райкома партии Раиса Андреевна Сафронова: "Мне сказал Шилохвост, что ты кочевряжишься. Мы тебя двигаем, а ты, такой-сякой...".

Короче, я дал "добро" и в апреле 1986 года перешел на работу в Камчатский обком КПСС".

В обкоме Василий Викторович понял две вещи: первое - взглянул на геологию с государственных высот, понял, что к чему, для чего ведутся работы именно на то, или иное минеральное сырье; второе - убедился, что партийная работа не для него.

В 1987 году у главного инженера объединения "Камчатгеология" Валерия Петровича Маргулиса случился сердечный приступ, он надолго слег в больницу. Тогда главный геолог объединения Виктор Петрович Хворостов на одном из партийных собраний предложил

коллегам обратиться в обком КПСС и попросить направить к ним главным инженером инструктора промышленного отдела Василия Викторовича Кноля. Так и поступили. После необходимых согласований в обкоме и в Министерстве геологии РСФСР В. В. Кноль пришел в объединение главным инженером. Это было в июне 1987 года. В период с 1990 по 1992 годы он прерывал работу для учебы в Академии народного хозяйства (специальность - экономические методы управления) и годичной стажировки в Японии. После этого вновь вернулся в объединение, а после увольнения генерального директора Виктора Ивановича Лаштабега был назначен на его место.

Михаил Григорьевич ПАТОКА

Михаил Патока с большой любовью вспоминает своих родителей. Мать Фаина Григорьевна была учительницей. Отец Григорий Ефимович - инженером-металлургом. В 1936 году отец окончил Донецкий индустриальный институт и был направлен на работу в Пермь, на номерной завод, которому отдал всю свою жизнь. Начал сменным мастером листопрокатного цеха, а закончил руководителем этого завода, который, кстати, был одним из крупнейших оборонных предприятий Урала.

"До конца дней отец сохранил очень острый ум и потрясающие математические способности, - рассказывает Михаил Григорьевич, - которые в полную силу оказались не совсем востребованными. За несколько недель до смерти он на пари обыграл в математические задачи своего внука - выпускника механико-математического факультета. Это был упорядоченный, системный человек, индустриальный, если так можно сказать. Он был хорошим организатором и талантливым инженером. У него все было подчинено работе, заводу, его профессии. Из кармана пиджака или спецовки всегда торчали маленькая логарифмическая линейка и темные очки, через которые он смотрел в печь. Когда я болел, и мать говорила, что у меня высокая температура, отец автоматически протягивал руку к моему лбу и язвительно спрашивал: "Ну какая же это температура?". Мать махала руками: "Это тебе не мартен". Но это была шутка.

У отца было мало свободного времени, но мы с ним частенько выходили на крутой берег Камы, откуда разворачивалась совершенно потрясающая производственная панорама завода. В одном конце стояли мартены, лили сталь, катали листы, волочили проволоку и прут, а в другом уже грузились готовые шагающие экскаваторы и орудия. И все это сочеталось с ширью могучей реки. А дальше виднелись красивые закамские сосновые леса и холмистые уральские предгорья. Я обращал внимание, что отец на все это смотрит с большой гордостью. Он спрашивал у меня, не хочу ли я стать инженером. Мне неудобно было отвечать ему отказом, и я говорил, что мне, конечно, нравится смотреть, как куется металл, но все-таки хотелось бы работать геологом. Жаль только, что я ничего не знаю об этой профессии. Отец уважительно относился к геологам и объяснял мне, что профессия эта нужна и почетна. "Все, что ты видишь вокруг, - говорил он, - было сначала в виде руды. Ее нужно было найти, посчитать количество, определить качество, после этого добыть и

привезти на комбинат. А мы делаем из нее шагающие экскаваторы, драги, другие машины".

Однажды он вернулся с какого-то собрания и принес несколько книг, которые там продавались. В их числе была книга Владимира Клавдиевича Арсеньева "В дебрях Уссурийского края". Я ее перечитал раз двадцать, зачитал. После этого стал интересоваться путешествиями. Примерно в четвертом классе меня уже чрезвычайно привлекала и до сих пор привлекает документальная, эпистолярная литература. Я люблю читать дневники, особенно исследователей и путешественников. Это самое продуктивное чтение".

В детстве закладывается основа человека. В Михаиле Григорьевиче Патоке действительно основы заложены семьей, влиянием родителей и родного дяди - слепого инвалида, который ушел на фронт в 17 лет, был танкистом, дважды практически погибал, но вернулся в 1945 году живым, правда, слепым и с опаленной душой. Он дал племяннику крепость духа, жесткость, отец дал любовь к делу, системность, мать - правдивость, справедливость.

"Мама была достаточно смелой женщиной, - вспоминает Михаил Григорьевич. - Она позволяла себе вслух высказывать недовольствие Сталиным. Как-то при мне она сказала: "Сталину еще припомнятся расстрелы таких людей, как Косиор". Это было в 1949 году. Меня эти слова поразили и заронили первые сомнения в святости власти. Хотя у отца стоял подаренный ему бюст Сталина каслинского литья, но я не чувствовал в семье особого почтения к вождю народов. Но отец был коммунистом и до конца дней оставался им".

В 16 лет Михаил Патока перевелся в вечернюю школу и поступил работать на завод слесарем. Работа очень нравилась, но он для себя уже решил, что будет учиться на геолога. В 1960 году подал заявление в Пермский государственный университет. Конкурс на геологическое отделение был высоким - 4,5 человека на место, но Михаил поступил. С тех пор, как он говорит, "ни дня не было без геологии".

Курс был экспериментальным, необычным. Была, например, только одна сессия - в марте. Затем студенты разъезжались на практику, в экспедиции. Приезжали туда еще до начала полевого сезона, участвовали в его подготовке. Затем работали в поле, возвращались на базы, камералили, собирали материалы для своих курсовых работ и отчетов. В университет возвращались поздней осенью. Из них действительно готовили полевых геологов.

В университете у Михаила Григорьевича окончательно проснулась страсть к путешествиям. "У нас сложилась хорошая компания, и мы здорово путешествовали по Уралу, - рассказывает он. - Причем путешествовали тематически. Прокладывали свои маршруты так, чтобы выйти на какое-то месторождение. Так однажды мы пришли на марганцевое месторождение Полуночное. Мы объехали и обошли весь Урал - от Приполярного до Южного, побывав на нескольких десятках интересных месторождений.

Зимой мы ходили в длительные лыжные походы - достаточно продолжительные и тяжелые. Но особенно любили весенний сплав на плотках или резиновых лодках. Так мы прошли по Печоре, а также от самых истоков Енисея до Кызыла. Мы были крепкими, закаленными

парнями, все умели делать - костер развести под дождем, переночевать под деревом или валежиной, передвигаться в пургу, срубить плот. Я до сих пор поддерживаю связь с друзьями, хотя мы живем в разных местах. Подавляющее большинство из нас сразу сделали начальниками геологических партий, то есть работали в самой почетной и главной должности в геологии".

Распределение по местам будущей работы в университете сделали загодя. Михаил Патока должен был ехать в Забайкалье. Но ему хотелось на Камчатку. "Меня завораживала эта земля, я все время смотрел на нее на карте. К тому же о Камчатке много рассказывали, когда я был на практике в Хабаровском крае. Первый, цветистый такой рассказ я услышал от старейшего геолога, известного в Хабаровске, Эрика Петровича Хохлова".

Но мест на Камчатку не было. Тогда Патока решился на своеобразную авантюру. Он приехал в Москву и занял очередь на прием в управление кадров Министерства геологии СССР. Там, видя настойчивость юноши, сказали: "Если на Камчатке договоритесь, мы Вас перераспределим". Он вернулся в Пермь, через знакомую девушку, работавшую секретарем, выправил пропуск на Камчатку и полетел в Петропавловск. Пришел на прием к начальнику управления Павлу Тимофеевичу Ускову. Тот выслушал молодого человека и вынес резолюцию: берем. С необходимым письмом Михаил Григорьевич полетел в Москву, вновь отстоял очередь в управление кадров министерства. И получил желанное направление на Камчатку.

В марте 1966 года он защитил дипломный проект и, не отгуляв положенных каникул, улетел к месту своей будущей жизни и работы - на Камчатку.

"Был март, пурга, - вспоминает он. - Город казался мокрым, облупленным. На ветру полоскалось между домами белье. Автобус довез меня только до 14 школы, дальше пришлось идти пешком. Пришел в поселок Геолог, нашел общежитие, отгреб ногами снег от двери, вошел. И устроился жить".

Молодого специалиста определили в Камчатскую геолого-съёмочную экспедицию, в Крутогоровскую партию Павла Андреевича Ковалева на геологическую съёмку масштаба 1:200 000. Началась жизнь взахлеб. После работы с Ковалем он долго работал с Валерием Соломоновичем Шеймовичем. Был геологом, затем старшим геологом партии. С его участием снято шесть листов геологической карты масштаба 1:200 000 и множество листов масштаба 1:50 000. Он обошел практически всю Камчатку, открыл Асачинское золоторудное проявление, которое вскоре оказалось хорошим месторождением. Ниже перечислены геологические отчеты, автором и соавтором которых является М. Г. Патока:

1. М. Г. Патока, В. И. Успенская, В. С. Чигаев и др. Геологическое строение и полезные ископаемые Центральной и Северной частей листа № 57-II (Окончательный отчет о геологической съёмке масштаба 1:200 000, проведенной Ичинской партией в 1974-75 гг.). ТГФ, д. 3887;

2. М. Г. Патока, А. Ф. Литвинов, М. А. Соколов. Отчет о геологической съемке и полезных ископаемых масштаба 1:50 000 в пределах листов № 57-4-А-в,г; №57-4-Б; №57-4-В-а,б; №57-4-Г-а,б; №57-5-А-а,в; №57-17-В-в,г (бассейны рек Быстрая Хайрюзовка, Носичан, Морошка, 1 Белоголовая, Большая Кимитина и Малая Кимитина) в 1979 - 1982 гг. Белоголовская партия. ТГФ, д. 4588;
3. М. Г. Патока, В. И. Успенская, М. А. Соколов и др. Геологическое строение и полезные ископаемые бассейнов рек Быстрая, Димшикан, Первая Тополевая. Отчет Димшиканской партии о результатах геологической съемки и полезных ископаемых масштаба 1:50 000, проведенной в 1983 - 1987 гг. ТГФ, д. 5128;
4. М. Г. Патока, А. И. Поздеев. Программа регионального геологического изучения Камчатской области в 1991 - 2005 гг. ТГФ, д. 5579;
5. М. Г. Патока, Г. П. Декин, Ю. Ф. Манухин. Государственная программа развития минерально-сырьевой базы и геологического изучения территории Российской Федерации. Камчатская область. 1992 г. ТГФ, д. 5636.

В 1974 году, когда Михаил Григорьевич работал начальником Ичинской партии, которая проводила геологическую съемку масштаба 1:200 000 в районе Ичинского вулкана, был обнаружен экзотический, неизвестный еще на Камчатке комплекс горных пород. В петрографическом отношении породы были совершенно неизвестными, никем не описанными. Михаилу Патоке это показалось интересным, и он занялся их изучением. В 1975 году сделал доклад об этой находке в Институте вулканологии. Доклад заинтересовал одного из крупнейших петрологов России Олега Назаровича Волынца. Тот предложил Патоке более серьезно заняться этим комплексом пород и написать диссертацию. Сам же взялся быть руководителем темы.

Михаил Григорьевич заочно поступил в аспирантуру Института вулканологии и окончил ее. В 1983 году в Дальневосточном геологическом институте защитил диссертацию по теме "Плиоцен-четвертичные кислые щелочные породы Центральной части Срединного хребта Камчатки. Структурное положение, петрография и проблемы генезиса" (164). Получил ученую степень кандидата геолого-минералогических наук.

"Кроме диссертации я написал вместе с Валерием Соломоновичем Шеймовичем монографию, которая была издана, опубликовал в различных научных журналах около 30 статей. До самой смерти Олега Назаровича Волынца работал с ним над своей темой", - рассказывает М. Г. Патока.

В период 1990 - 1992 годов Михаил Григорьевич работал главным геологом объединения "Камчатгеология". А 27 августа 1992 года был назначен председателем Комитета по геологии и использованию недр Камчатской области (Камчатгеолком). По сути, он создал этот комитет, подобрал его команду. 17 мая 1997 года Камчатгеолком был преобразован в Комитет природных ресурсов по Камчатской области и Корякскому автономному округу

(Камчатприродресурс). Тем же приказом министра Михаил Григорьевич Патока был назначен председателем нового комитета.

Говоря о своем кредо на этом посту, Михаил Григорьевич делит его как бы на две части: сохранить геологическую службу Камчатки, не дать ей окончательно исчезнуть в стихии экономического кризиса, и второе - увидеть зарождение горнодобывающей промышленности на полуострове. "Первую часть я еще как-то выполняю, по мере нынешних возможностей, - признается он. - А вот со второй частью трудно. Этот вопрос, к сожалению, выше моих возможностей. Кризис все дальше и дальше отодвигает нас от этой цели. Но к ней мы придем. Пусть не я, пусть другой председатель на моем месте будет, но золото на Камчатке будут добывать. Камчатское золото будет служить России, я в этом уверен. Думаю, что крупица моего труда в этом будет...".

6. МАРШРУТЫ ОКОНЧЕННЫЕ И ПРЕРВАННЫЕ

Всем Вам, кто жизненный стандарт,
Кто истины затасканных резонов,
Асфальтовый уют и интерьер газонов,
И уважаемый торговый фарт
Сменил на строгость выстроенных карт,
На бесконечность полевых сезонов,
На славу неизвестных робинзонов
И в неудачах познанный азарт.
Всем Вам, кто, свой прервав маршрут,
Впечатал имя в местные названья,
Кто жадно постигал чины и званья
И от друзей не слышал: "И ты, Брут...",
Кто не молился лишь гербам монет,
Всем Вам - мой полевой сонет...

Вениамин Зайцев, камчатский геолог.

* * *

Полевая жизнь геолога проходит в экстремальных ситуациях. Большие физические нагрузки в маршрутах и на переходах, ночевки у костра и в легких палатках, годы, проведенные в резиновых сапогах, пурги и дожди - все это оставляет свой след в организме. С годами след проявляется, перерастая в ту или иную болезнь, которая до срока уносит человека...

Гибель геологов тоже не редкость. То снежный или каменный обвал, то переохлаждение в пургу, то коварство бурной реки или обрушение кровли подземной выработки... Мало ли что поджидает человека, живущего на природе, среди стихий.

Человек был смел, а путь был долог.
Ночью, после перехода длинного,
Мерзнуть приготовился геолог
Около костра - большого, дымного...
Он живет таинственно и древне,
Он забыл про галстуки и запонки,
Растворяясь в шелесте деревьев,
В лунном свете и цветочном запахе.
В жизни нам не так уж много надо.
Людям, чья дорога в звездах светится,
Жажду утолить из водопада,
Голод - из ковша Большой Медведицы,
Просыпаться самой ранней ранью,
Вплавь преодолеть речонку шустрюю,
Чувствовать земные колебанья
Раньше, чем сейсмографы почувствуют.
В смертный час повиснут руки-плети,
В смертный час слова не будут пошлыми:
"Трудно мне шагало по планете -
Магма клокотала под подошвами..."

Это стихотворение Эдмунда Иодковского посвящено памяти геолога Германа Мазурина, трагически погибшего 5 декабря 1966 года в олюторской тундре на севере Камчатки. Герман Константинович Мазурин - один из тех исследователей земных недр, кто умер относительно молодым, так и не успев реализовать свою мечту об открытии месторождения. За него это сделали друзья. И назвали один из перспективных участков Аметистового золоторудного месторождения Мазуринским.

Таких примеров на Камчатке много: Сергеевское золоторудное месторождение, названное в честь Юрия Сергеева, Резниковское оловорудное - в честь Юрия Резника, Ревякинский участок Сергеевского месторождения - в честь Ольги Ревякиной и так далее.

Геологи помнят своих безвременно ушедших. Как и тех, кто ушел естественным путем, отжив отпущенный Богом срок. Помнят и чтят...

ПРЕДСМЕРТНОЕ ОТКРЫТИЕ ГЕОЛОГА МАЗУРИНА

Некролог в газете "Геолог Камчатки" № 16 от 18 декабря 1968 года: *"Отныне о нем скажут:*

"Погиб при исполнении служебных обязанностей..."

Трудно об этом писать. Рука не выводит простые буквы: 5 декабря 1968 года на 32-м году жизни трагически погиб старший геолог Олюторской партии, парторг Пенжинской экспедиции Герман Константинович Мазурин.

Нам, геологам Камчатки, Мазурин известен как неутомимый разведчик и хороший специалист. Работая в качестве старшего геолога партии и начальника поискового отряда, Герман Константинович принимал непосредственное участие в разведке первых ртутных месторождений - Ляпганайского, Нептунского, Бельского и Олюторского...

Он был обязательным человеком, прекрасным семьянином, настоящим товарищем, требовательным к себе и окружающим его людям. Светлая память о нашем дорогом друге навсегда сохранится в сердцах всех, кто имел счастье быть с ним знакомым.

Группа товарищей".

В 1966 году, за два года до гибели Германа Мазурина, с ним вместе работал студент Ленинградского горного института Виктор Романов. Это была Бельская партия Пенжинской экспедиции, район Верхне-Хайрюзова. Партия искала ртуть.

"Мне исключительно повезло в жизни, что преддипломную практику я проходил под руководством Германа Константиновича Мазурина, - признается уже зрелый Виктор Павлович Романов, за плечами которого почти тридцать лет геологической службы. - Ему было тридцать. Он был с усами, серьезный. Тот тип человека, когда шутят без улыбки. То есть юмор без выражения на лице. Только в глазах веселые искорки. И не обидно. Когда он говорил о серьезном, то делал такие вот лукавые вставки, которые разнообразили рассказ, раскрепощали собеседника. Он не был казенным.

В Бельской партии я впервые столкнулся с творческим подходом к работе. Вечером собирались в лагере после маршрутов, ужинали, и сразу же начиналось обсуждение полученных за день материалов. Дружелюбно, с пониманием, заинтересованно. Буквально на ходу мы подправляли и развивали направление поисков. Ведь результаты шлихования и копушения при поисках ртути видны сразу, не надо ждать лабораторных исследований. И мы этим пользовались очень эффективно. В партии работали действительные знатоки ртути. Это начальник отряда Николай Иванович Мерзляков, старший геолог Павел Николаевич Петров. Все мы закончили тот полевой сезон с открытиями рудопоявлений, В частности, у меня был участок Кедровый. Очень жалко было Германа Константиновича, когда я узнал о его трагической гибели под обвалом...".

Герман Константинович Мазурин родился 11 июля 1936 года в Нижнем Тагиле. В 1959 году окончил Свердловский горный институт и по распределению приехал в Пенжинскую экспедицию на север Камчатки. Его сразу же определили в Ляпганайскую партию, где он начал работу старшим коллектором и дорос до старшего геолога. Женился. Его жена Нина

Михайловна Мазурина в 1960 году окончила Пермский университет. В 1963 году супруги уволились и уехали на родной Урал. Но без Камчатки Герман Константинович уже не смог, и они вернулись в мае 1966 года. Тогда Мазурин и возглавил Бельскую партию. А через год его назначили старшим геологом Олюторской партии, где он и погиб 5 декабря 1968 года.

В газете "Геолог Камчатки" №№ 2-3 от 30 апреля 1968 года было опубликовано интервью с тремя сотрудниками Пенжинской экспедиции. Один из интервьюируемых - Герман Мазурин:

"Лично мне хотелось бы назвать несколько имен наших рабочих. Таких, например, как Николай Зиновьев, Иосиф Калиновский, Николай Кузьмин. Эти товарищи отлично справляются со своими обязанностями. В данное время из 1 200 тонн необходимых нам на Малетойваяме грузов они завезли уже 400. И надо учесть при этом трудные условия их работы.

Из геологов следует отметить Ярослава Семенова, который хорошо провел разведку Ушканьинского месторождения россыпного золота".

Это последний публичный голос Германа Константиновича...

В той же газете (№ 3 от 13 февраля 1969 года) было опубликовано письмо, присланное из Алма-Аты доктором геолого-минералогических наук В. Поярковым уже после смерти Мазурина. В письме говорилось:

"Незадолго до своей трагической гибели старший геолог Олюторской партии Герман Константинович Мазурин прислал мне очень интересное письмо с последними новостями об Олюторском ртутном месторождении. Моего ответа он, по-видимому, уже не получил...

В своем письме Герман Константинович сообщил о вскрытии разведочной штольной пологого дорудного надвига. Это единственное подсечение надвига он увязал со старыми данными по изучению поверхности, подверг сомнению интерпретацию документации старых канав, наметил положение линии выхода надвига на поверхности и правильно понял возможности изменения оценки месторождения в лучшую сторону в связи с резким изменением трактовки его геологической обстановки...

Поскольку элементы надвиговой тектоники до этого не отмечались ни в районе Олюторского залива, ни в Корякском нагорье, а они во многих ртутных районах имеют важное рудоконтролирующее значение, следует считать, что Г. К. Мазуриным было сделано предсмертное крупное геологическое открытие.

Этим открытием он завещает геологам Камчатки усилить наблюдательность при геологических съемках и изучении месторождений полезных ископаемых вообще, и ртути в частности.

Он завещает не бояться отказа от устоявшихся геологических представлений под давлением новых данных, тщательно анализировать новые факты, какими бы незначительными они ни

казались на первый взгляд.

Из открытия Г. Мазурина следует, что геологические карты Олюторки и Центральной части Корякского нагорья должны быть в кратчайшие сроки подвергнуты тщательной ревизии и уточнению с применением крупных объемов палеонтолого-стратиграфических исследований. Эти работы могут быстро привести к коренной переоценке ртутных перспектив Камчатки...

Прошу передать семье и товарищам безвременно и трагически погибшего Германа Константиновича Мазурина, что я скорблю вместе с ними...".

НЕДОКУРЕННЫЙ "БЕЛОМОР" БОРИСА ШАПИРО

Нефть держала в напряжении геологов Камчатки много лет. Ей были отданы силы и знания нескольких поколений исследователей и разведчиков. В конце 1960-х стало казаться, что первые фонтаны ударят вот-вот...

Поселок Ича был одной из главных баз нефтяников. Здесь размещалась Западно-Камчатская комплексная геологоразведочная партия под руководством Бориса Айзиковича Шапиро. Геофизики и геологи изучали перспективные структуры и готовились к бурению глубоких скважин. В 1968 году именно они заложили первую параметрическую скважину на Камчатке - Верхне-Низконскую.

В один из последних дней января 1969 года по отработанному геофизическому профилю двигались трактор и тягач. В головном тракторе ехал начальник партии Шапиро. Он не любил тащиться в хвосте, он всегда был впередсмотрящим. Лед под трактором проломился мгновенно...

Когда тело Бориса Шапиро вытащили из воды, на его лице застыла безмятежная улыбка. А из кармана вывалилась мокрая пачка папирос "Беломор". Его последняя в жизни недокурная пачка...

"В тот день в Иче должна была состояться свадьба. Людмилу и Бориса пригласили заранее. Последние слова жены были: "Ты уж пораньше возвращайся. Чтобы успел помыться, переодеться".

Он твердо обещал. И сдержал слово, как всегда сдерживал его. 25-го он вернулся домой, только не сам...

Борис Шапиро беззаветно любил жизнь. Он крепко стоял на ногах, был уверен в своих силах и считал, что в мирное время люди погибают либо от малодушия, либо от глупости. Третьему оправдания не находил. Рассказывают, когда Борис узнал о несчастном случае, произошедшем с его товарищами, он заявил: "Был бы я там, беды бы не было".

Его слова ни в ком не вызвали возражений. Геофизики знали своего начальника как человека сильного, бесстрашного, умеющего найти выход из любого положения. И еще все знали его как большого знатока тундры, навсегда связавшего с ней свою жизнь. Когда мертвого Бориса привезли домой, жена две ночи оплакивала его и в беспомощности повторяла одну и ту же фразу: "На кого ж ты меня покинул, покоритель тундры?"

Борис Шапиро пал в честном бою со стихией, не желающей отдавать своих владений. Пал смертью храбрых, так и не успев перешагнуть 33-летний рубеж, ставший роковым и для его отца.

Погрузилась Ича в глубокий траур. Не стало в ней короля. Одного из тех, кто закладывал основы сейсмической службы на Камчатке, кто отдал ей 10 лет неутомимого труда, кто жил на полную силу, без всякой оглядки и скидки" (165).

Борис Айзикович Шапиро вырос в геологической семье. Отец был кандидатом-геолого-минералогических наук, погиб в Великую Отечественную войну. Мать тоже была геологом, преподавала в вузе. Два брата Бориса были геологами. В 1958 году и он окончил Свердловский горный институт, получив диплом геофизика.

С 1958 по 1964 годы Борис Айзикович работал интерпретатором Богачевской сейсмопартии. После этого перешел на Западную Камчатку. Сначала руководил отрядом в Хайрюзово, затем партией в Ичинском прогибе. Много сил и времени Борис Шапиро отдавал улучшению бытовых условий своих работников. Деятельный, энергичный, он всегда был впереди. "Он умел вдохновить людей, поддержать в трудную минуту, заставить трудиться. Он никогда не повышал голоса. Если выходил из себя, начинал хрустеть желваками и крепко сжимать губы.

"Плохих людей на свете нет, - любил он повторять, - есть плохие руководители".

За глубокое уважение люди платили ему привязанностью. На прием к нему шли охотно, в гости звали постоянно, поручения его выполняли беспрекословно. Он не умел петь, не любил танцевать, но в компании считался самым веселым человеком.

Его манили неизведанные края, а неукротимая энергия требовала активных действий. И еще он считал, что впереди целая большая жизнь, и он успеет сделать все, что только пожелает..." (166).

МОЛЧАНИЕ ПАРАМУШИРА

Как известно, в ночь на 5 ноября 1952 года на Курильских островах и Камчатке случилась страшная трагедия: после сильного землетрясения на берег обрушились волны цунами и начисто смыли целые населенные пункты вместе с людьми. Был смыт и поселок Северо-

Курильск на острове Парамушир. Жертв никто не считал, но, по неофициальным данным, тогда погибло более тысячи человек. Всё лето следующего, 1953 года оставшиеся в живых и приезжие находили по берегам фрагменты человеческих тел - руки, ноги, головы. В большом количестве находили продукты, водку, спирт целыми бочками (167). У жителей острова, как и у жителей юго-восточного побережья Камчатки, было большое горе, но страна об этом не знала - было запрещено сообщать о катастрофе в печати. Никто, кроме родственников (если они были,) не искал погибших. Молчание и еще раз молчание, чтобы не дать повода японцам почувствовать хоть какой-то реванш за потерянные в войну Курильские острова - вот таким был главный аргумент сталинского правительства.

Молчали люди, молчала природа. В том числе молчал остров Парамушир...

В начале следующего лета на остров прибыла геологическая партия № 34 Камчатского геологического управления для продолжения изучения месторождений серы. База партии была размещена в поселке Левашево.

Лето прошло в обычной работе, наступила осень. 3 сентября прораб партии Гладких отправил рабочих А. Н. Балугина, Н. А. Провалова и А. С. Каргапольцева за кузнечным инструментом в бывший японский склад в районе горы Наседкина. Расстояние до склада составляло 9 километров. Дорогу знали Балугин и Провалов, так как за два дня до этого ходили туда на охоту (168).

Погода была хорошая, расстояние небольшое, поэтому рабочие рассчитывали уложиться в два дня. Туда пришли быстро, подготовили необходимый для переноса инструмент, переночевали в пещере и утром, 4 сентября, отправились обратно. Погода к этому времени ухудшилась, в горах появился туман, временами шел дождь.

До вулкана Козыревского, а это примерно половина пути, рабочие прошли по хорошо знакомой им тропе, которая здесь круто поворачивает влево. Рабочим же нужно было идти отсюда вправо, без тропы, по водоразделу. Но они решили продолжить путь по тропе, в надежде на то, что она все равно выведет их к берегу океана, а там уж, по берегу, они дорогу найдут. Но тропа скоро кончилась и, посоветовавшись, они решили вернуться до поворота и в лагерь идти все-таки по перевалу.

Каргапольцев к тому времени устал и почувствовал себя плохо. Он стал отставать от Балугина и Провалова, и те вынуждены были то и дело его дожидаться. На повороте тропы он сказал спутникам, чтобы они шли вперед, а он потихонечку будет идти за ними. Некоторое время он видел их спины, но вскоре они ушли далеко и скрылись в тумане.

Оставшись один, Каргапольцев заблудился и долго плутал, пока не увидел вдали конус вулкана Алаид. Он знал, что вулкан находится в Охотском море, поэтому сумел сориентироваться. Но уже наступил вечер, поэтому ему пришлось заночевать. Весь следующий день он был в пути, но так как шел очень медленно, то пришлось ночевать еще раз, прежде чем он вышел к Северо-Курильску. 8 сентября он приехал на катере в поселок

Левашево, на базу партии. Его спутников не было. С тех пор их уже не видел никто.

Организованные поиски ничего не дали. В поисках принимали участие не только геологи, но и пограничники. Искали долго, до 1 октября, пока землю не покрыли глубокие снега.

В 1954 году был организован специальный поисковый отряд из трех человек под руководством коллектора Федора Петровича Филимонова. Маршрутными поисками осмотрели все места возможного нахождения погибших (в этом уже никто не сомневался) рабочих. Исследовали ледники, трещины, узкие долины рек и ручьев, снежные обвалы, но ни следов пребывания Балугина и Привалова, ни их останков не нашли. Люди как в воду канули.

"Определить направление их следования, характер гибели и уверенно предполагать причину их исчезновения невозможно, - писал автор отчета по поискам Ф. П. Филимонов. - Можно только предполагать, что причины их исчезновения в равной степени могли быть следующие:

1. Более вероятное предположение: к гибели могли привести сложные естественные условия. На острове Парамушир, в том районе, где находились рабочие А. Н. Балугин и Н. А. Провалов, имеется много труднопроходимых участков. В тумане они могли сорваться со скалы или провалиться в трещину ледника, или же быть заваленными обломками обвалившейся горной массы. Не исключено и то, что рабочие заблудились, крылись на ночь между скал и были завалены в результате землетрясения, как раз случившегося ночью 5 сентября 1953 года.
2. С меньшей уверенностью можно утверждать, что причиной гибели рабочих была встреча с медведем или диверсантами. Последнее предположение можно обосновать следующими фактами:
 - а) Начальником отряда В. М. Никольским в 1953 г. в районе вулкана Карпинского были встречены два неизвестных человека, которые, заметив его, скрылись в зарослях;
 - б) В этом же районе, спустя некоторое время, к канаве горнопроходчика Карандаева в тумане подошел незнакомый человек. Когда Карандаев стал его звать, то последний скрылся в кустах;
 - в) В 1954 году отряд Г. М. Власова на склонах вулкана Карпинского на юге острова Парамушир, примерно на высоте 1100 м, видел четырех человек восточно-азиатской нации. Но, так как у Г. М. Власова не было оружия, им пришлось не выдавать своего присутствия.

Дальнейшие поиски пропавших без вести рабочих можно проводить только в том случае, если снежный покров зимы 1953-54 годов растает..." (169).

Но когда ж он растает, если снега обычной зимы во многих местах на Парамушире не успевают таять и копятяся слоями, а высота снежного покрова той зимы была аномальной?

Так ко многим жертвам Северо-Курильска добавились еще две. Парамушир продолжает молчать...

КОРИФЕЙ ГЕОЛОГИИ ЗАБИХ АБДРАХИМОВ

Спросите у геологов, активно работавших на Камчатке в период 1960-х - 1980-х годов о Забихе Абдулхаковиче Абдрахимове. И каждый уверенно скажет, что этот человек - корифей камчатской геологии. И еще непременно добавит, что именно он открыл Агинское золоторудное месторождение. И это открытие бесспорно.

Родился Забих Абдулхакович Абдрахимов 15 мая 1918 года в селе Таваканово Юматовинского района Башкирии. В 1939 году окончил Уфимский геологоразведочный техникум и приехал работать на Колыму, разведывал россыпи золота. В 1955 году окончил Томский политехнический институт и был направлен в Пенжинскую экспедицию, в которой работал начальником ряда партий. В 1966 году переехал в Петропавловск-Камчатский, где работал в геолого-съёмочной экспедиции и вскоре открыл Агинское месторождение, что подробно описано в соответствующей части этой книги.

В газете "Геолог Камчатки" № 4 за 29 мая 1968 г. есть небольшая статья (без указания автора), посвященная Забиху Абдрахимову. Я привожу ее полностью. Называется статья "Человек, труженик, романтик".

"Не каждый геолог, несмотря на романтику своей профессии, способен провести 22 полевых сезона, тем более в условиях Крайнего Севера.

29 лет тому назад, после окончания Уфимского геологоразведочного техникума, молодым пареньком приехал на Колыму Забих Абдрахимов. 1939 год. Суровые и романтические времена. Прошло всего лишь несколько лет после первых колымских экспедиций Ю. Билибина.

Прораб-геолог Забих Абдрахимов разведывает первую россыпь долины Чаурья, ставшую впоследствии колымской знаменитостью. Курунах, Салинек, Хатынак, мыс Святой Нос, Якранай - это тысячи километров маршрутов, скрупулезная обработка собранного геологического материала, рекомендации и проверки выявленных россыпей и рудопроявлений. Забих Абдулхакович во время войны по зову сердца чувствует себя мобилизованным на защиту Родины. Его бои - это успешная разведка месторождений золота. В 1946 году он открывает Спиридоновское месторождение железа, за открытие которого в 1947 году Забиху Абдулхаковичу присуждается премия ГРУ Дальстроя.

В 1952 году З. А. Абдрахимов как лучший производственник был направлен на учебу в Томский политехнический институт. Большой практический опыт поисков и разведки полезных ископаемых, огромное трудолюбие и жажда знаний отличали студента Абдрахимова. После окончания института в 1955 году он был направлен в Пенжинскую экспедицию. С тех пор, вот уже 13 лет жизнь и дела Забиха Абдулхаковича посвящены поискам полезных ископаемых и изучению геологии Камчатской области. Уголь и молибден, россыпное золото Хопкинея и Ушканы, ртуть, золото, полиметаллы, месторождение мышьяка Пылгинских гор и Олюторского побережья, ртуть и золото-серебряные рудопоявления бассейна реки Уннэйваям, проявления золота, полиметаллов и молибдена в районе Ичигинского вулкана и в бассейне реки Пеница - таковы далеко не полные вехи его геологических исследований и поисков.

С 1945 года Забих Абдулхакович Абдрахимов работает начальником партий. 22 полевых сезона, из которых 6 - в качестве прораба-геолога, а 16 - во главе партий. 22 геологических отчетов с хорошей и отличной оценками. Читаешь разделы отчетов З. А. Абдрахимова о результатах разведки россыпей на Чаурье за 1939 - 40 гг. или отчет о рекогносцировочных исследованиях масштаба 1:500 000 в Заполярье, на мысе Святой Нос летом 1947 года, или изданную в 1963 году записку к государственной геологической карте полезных ископаемых масштаба 1:200 000 района Олюторского побережья - и везде узнаешь его, абдрахимовский почерк - убористый, весомый, с таблицами тысяч проанализированных проб и сотней нанесенных на карты и планы поисковых признаков и рудопоявлений. По характеру - молчаливый, по делам - скрупулезный от гвоздя дляковки лошадей до бороздовой пробы и мелкой редкой вкрапленности галенита в кварце. Подход один - делать большое и малое добротнo и наверняка. "Для геолога нет мелочей, - говорит Абдрахимов. - Сегодня вкрапленность сфалерита в штуфе или значок золота в лотке, а завтра, при заверке на глубину, - месторождение".

Много геологических вех установил Забих Абдулхакович за 29 лет работы на севере. С 1966 года он работает старшим геологом Геолого-съемочной экспедиции. Дело чести молодых геологов идти по его стопам. Идите, друзья, не ошибетесь.

Упорный труд Забиха Абдулхаковича Абдрахимова высоко оценила Родина. В 1965 году он награжден орденом Трудового Красного Знамени".

7. СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

АВГИТ - минерал из группы пироксенов. Обычен в основных, реже ультраосновных горных породах.

АДУЛЯР - минерал, водяно-прозрачный, существенно калиевый полевой шпат. Часто образует друзы. Характерен для жил.

АНШЛИФ - штуф горной породы, окаменелости или угля, одна или две поверхности которого пришлифованы и отполированы для изучения в отраженном свете под микроскопом или бинокулярной лупой.

АПОФИЗА - ответвление от жильного рудного тела.

БАЗАЛЬТ - вулканическая горная порода, темноокрашенная, плотная или мелкозернистая.

ГЕНЕЗИС - происхождение геологических образований, в том числе минералов, горных пород, месторождений.

ГЕОМОРФОЛОГИЯ - наука, изучающая многообразие форм рельефа.

ГИПЕРБАЗИТЫ (ультраосновные породы, ультрабазиты) - горные породы с низким содержанием кремнекислоты (менее 45%).

ДЕТАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА - вторая стадия разведочных работ, проводимая только на явно промышленных месторождениях или отдельных их участках, намеченных к освоению в ближайшие годы.

ДУНИТ - интрузивная ультраосновная горная порода, состоящая в основном из минерала оливина.

ЖИЛА - протяженное в двух направлениях тело, в том числе рудное тело, образовавшееся, главным образом, в результате заполнения трещинной полости минеральным веществом.

ЗАПАСЫ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ - количество полезного ископаемого в недрах. Подсчитываются обычно в тоннах, каратах, кубических метрах. По степени изученности запасы полезных ископаемых разделяют на четыре категории: А, В, С1, С2. Кроме того, выделяют прогнозные, или геологические запасы. Запасы категорий А, В, и С1 служат основой проектирования и строительства горнорудного предприятия, С2 - весьма вероятным резервом месторождения. Прогнозные запасы указывают лишь на перспективы выявления промышленных запасов и определять целесообразность постановки поисковых работ.

ИНТРУЗИЯ - магматическое тело, образовавшееся при застывании магмы на глубине, в земной коре. Образующиеся при этом породы называются интрузивными.

КАЛЬДЕРА - циркообразная впадина с крутыми стенками и с более или менее ровным дном, образовавшаяся не в результате активной деятельности вулкана, а после нее вследствие провала вершины, а иногда и прилегающей местности.

КИМБЕРЛИТЫ - горные породы ультраосновного состава с включениями обломочного материала. Являются коренными источниками алмазов. Выполняют трубки взрыва и слагают дайки во многих алмазоносных провинциях мира.

МЕТАЛЛОГЕНИЧЕСКИЙ ПОЯС - термин введен геологом Ю. Билибиным в 1948 г., предложившим именовать так планетарные рудоносные площади, совпадающие с крупнейшими геотектоническими поясами земного шара, в частности, выделенные к этому времени Тихоокеанский и Средиземноморский.

НЕФТЕГАЗОНОСНЫЙ БАСЕЙН - области крупного и длительного погружения в современной структуре земной коры, с которыми связаны многочисленные зоны нефтегазонакопления и питающие их зоны нефтегазообразования.

ПИРОКСЕНИТ - полнокристаллическая ультраосновная горная порода. Характерная особенность - отсутствие полевого шпата.

ПОЛИМЕТАЛЛЫ - свинец и цинк, присутствующие вместе в рудах.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ РАЗВЕДКА - первая стадия разведочных работ, имеющая целью определение промышленной значимости месторождения или его части.

ПРОСТИРАНИЕ - элемент залегания геологического тела, его направление относительно стороны света.

РОССЫПИ - скопления на земной поверхности мелких обломков горных пород или минералов, образующихся за счет разрушения коренных месторождений или коренных горных пород. Если содержат полезные ископаемые, то их различают по виду этих ископаемых: золотоносная, платиновая, алмазная и т. д.

РУДНАЯ ЗОНА - значительная по размерам, линейно вытянутая рудоносная площадь. В ней могут находиться несколько расположенных в одном направлении рудных узлов.

РУДНОЕ ПОЛЕ - сравнительно небольшая рудоносная площадь с несколькими рудными телами или месторождениями.

РУДНЫЙ УЗЕЛ - территория или рудоносная площадь, часть рудных районов и зон, отчетливо выделяющаяся на фоне слабой минерализации или безрудных площадей.

СОДЕРЖАНИЕ ПОЛЕЗНОГО КОМПОНЕНТА МЕСТОРОЖДЕНИЯ - количество компонента

(металла) в руде. Определяется в граммах на тонну, на кубический метр.

ССК - буровой снаряд со съемным керноприемником.

УЗЕЛ РУДНЫЙ - рудоносная площадь, часть рудных зон, отчетливо выделяющаяся на фоне слабой минерализации или безрудных площадей.

ХРЕБЕТ ГОРНЫЙ - горное сооружение, представляющее собой линейно вытянутую возвышенность значительной величины, с хорошо выраженной осью, большей частью в виде единой линии водораздела.

ХРИЗОЛИТ - минерал, относящийся к драгоценным камням. Прозрачный, зеленого цвета.

ХРОМИТ - минерал, содержащий железо и хром.

ШЛИФ - тонкая пластинка руды или горной породы, наклеенная на предметное стекло для изучения под микроскопом в проходящем свете.

ШЛИХ - остаток (концентрат) тяжелых минералов, получаемый в результате промывки рыхлых поверхностных образований, рыхлых или измельченных горных пород.

ЭРОЗИЯ - процесс разрушения горных пород.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ КНИГИ

1. ИЗ ГЛУБИНЫ

1. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. В двух томах. Репринтное издание. С Петербург, "Наука", П-Камчатский "Камшат", 1994, стр. 180.
2. Там же, стр. 187 - 188.
3. Erman A. Reise um die Erde ets. Band III. Berlin. 1848.
4. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851-1855 гг. Карла фон-Дитмара. Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам. Санкт-Петербург, 1901.
5. Там же, стр. 184.
6. Там же, стр. 363.
7. Паллас. "Neue Nordische Beitrage" Bd. V, St. Petersburg. 1793, стр. 271.

8. К. И. Богданович. Очерк деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895-1898 гг. С.-Петербург. 1899. Стр. 2.
9. Там же, стр. 2.
10. Там же, стр. 31.
11. Там же, стр. 35.
12. Там же, стр. 44.
13. Там же, стр. 46-47.
14. А. Шамаро. Братья Рябушинские. В сборнике "Отечество. Краеведческий альманах. №2". Москва, "Профиздат". 1991 г. Стр. 105.
15. А. А. Ивановский. Памяти организатора научной экспедиции на Камчатку Ф. П. Рябушинского. Москва. 1910. Стр. 8.
16. В. Л. Комаров. Избранные сочинения. Т. VI. Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. Издательство Академии наук СССР, Москва, Ленинград. 1950 г. Стр. 13.
17. Н. Келль. Карта вулканов Камчатки. Объяснительный текст с 24 таблицами, содержащими 7 чертежей и 45 снимков, и карта на двух листах в четырех красках в масштабе 1: 750 000 с видами вулканов. Ленинград. Издание Русского Географического общества. 1928 г. Стр. 7.
18. А. А. Ивановский. Памяти организатора научной экспедиции на Камчатку Ф. П. Рябушинского. Москва. 1910. стр. 8.
19. П. В. Чурин. Дневник (на Камчатке). 1912 г. ГАКО, фонд 544, оп. 1, дело 153.
20. Машковцев С. Ф., Чурин П. В. Материалы к геологии и петрографии Северной Камчатки. Труды Главного геологоразведочного управления. Вып. 59, 1931 г.
21. К. И. Гнедин. Краткий обзор геологического строения полуострова Камчатки. ТГФ, д. 147, стр. 5.
22. П. А. Головин. Об истории развития геологоразведочных работ на Камчатке. Машинопись. 14. 05. 1979 г. ТГФ.
23. К. М. Севостьянов. Четверть века в поисках нефти и газа на Камчатке (1950 – 1975). Краеведческие записки, выпуск 9. Камчатский областной краеведческий музей. АО "Камчатская книга". 1995 г. Стр. 103.
24. Г. М. Власов. Избранные страницы. Краеведческие записки, выпуск 9. Камчатский областной краеведческий музей. АО "Камчатская книга". 1995 г. Стр. 86.

25. Отчет о геологических результатах работ Камчатского райГРУ за 1959 г. ТГФ, д. 492, стр. 1-а.
26. И. Н. Карбивничий. Перспективы развития минерально-сырьевой базы Камчатской области и мероприятия по быстрейшему выявлению природных богатств. 1961 г. ТГФ, д.711, стр. 5, 6.
27. П. А. Головин. Об истории развития геологоразведочных работ на Камчатке. Машинопись. 14. 05. 1979 г. ТГФ.
28. Ю. П. Рожков. История и итоги деятельности Северо-Камчатской геологоразведочной экспедиции за 50 лет геологической службы в Корякском автономном округе. Рукопись, любезно предоставленная автору для работы. Стр. 1.
29. А. П. Шпетный. Информационная записка о результатах работ Шайбовеевской геолого-рекогносцировочной партии за летний период 1947 г. Пос. Кушка, 1947 г. ТГФ, д. 1058, стр. 1, 2.
30. Там же, стр. 8.
31. М. Н. Кожемяко. Информационная записка о работах Лево-Пенжинской геолого-рекогносцировочной партии в 1947 году. Пос. Кушка. 1948 г. ТГФ, д. 1058.
32. Н. К. Гулария. Информационная записка о результатах работ Колымакской геологоразведочной партии в 1947 году. Пос. Кушка, 1947 г. ТГФ, д. 1058.
33. А. И. Широков. Специфика политического развития Северо-Востока России в исторической ретроспективе. В журнале "Колыма", №1, 1998 г., стр. 8.
34. Заметка Г. А. Лобосовой в стенной газете Северо-Камчатской ГРЭ к 40-летию экспедиции (1986 г.).
35. Ю. П. Рожков. История и итоги деятельности Северо-Камчатской геологоразведочной экспедиции за 50 лет геологической службы в Корякском автономном округе. Рукопись, любезно предоставленная автору для работы. Стр. 1-2.
36. Там же, стр. 4.
37. Заметка В. К. Рожковой в стенной газете Северо-Камчатской ГРЭ к 40-летию экспедиции (1986 г.).
38. Ю. П. Рожков. История и итоги деятельности Северо-Камчатской геологоразведочной экспедиции за 50 лет геологической службы в Корякском автономном округе. Рукопись, любезно предоставленная автору для работы. Стр. 5.
39. Там же, стр. 5.

40. Заметка В. К. Рожковой в стенной газете Северо-Камчатской ГРЭ к 40-летию экспедиции (1986 г.).
41. Ю. П. Рожков. История и итоги деятельности Северо-Камчатской геологоразведочной экспедиции за 50 лет геологической службы в Корякском автономном округе. Рукопись, любезно предоставленная автору для работы. Стр. 6-7.
42. Там же.
43. Л. Кратковский. Задачи 1968 года. Газета "Геолог Камчатки", № 1, 5 апреля 1968 г.
44. Материалы совещания по развитию производительных сил Камчатской области до 1980 года. 12 - 14 июня 1968 г. Секция геологии и минерально-сырьевых ресурсов (доклады), г. Петропавловск-Камчатский, 1970 г., стр. 3-4.
45. Там же, стр. 8.
46. Там же, стр. 8-14.
47. Там же, стр. 5-7.
48. Богатства недр Камчатки - на службу Родине. ППТИ КТГУ, Петропавловск-Камчатский, 1974 г., стр. 12 - 13.
49. Там же, стр. 12 - 14.
50. О. Панина. "Держись, геолог...", газета "Камчатская правда", 15. 10. 1989 г.

2. КОПЫТА ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА

51. Б. М. Ребрик. У колыбели геологии и горного дела. М., "Недра", 1984 г. Стр. 52-53.
52. В. Г. Лешков, В. П. Михайлов. Золото российских недр. Журнал "Драгоценные металлы и драгоценные камни", № 11, 1997 г. Стр. 30 - 31.
53. В. В. Купер-Конин. Золотые богатства Охотского района. Владивосток, 1923 г. ТГФ, д. 3792, стр. 1.
54. В. Б. Бондаренко. Предварительный отчет геоморфолога Пенжинской комплексной колонизационной экспедиции ДВК научно-исследовательского института. 1930 г. ГАКО, ф. 517, оп. 1, ед. хр. 3.
55. В. Д. Бубнов. Отчет о поисково-разведочных работах Корякской партии, проведенных на россыпном месторождении золота ручья Каменистого, с подсчетом запасов по состоянию на 1 января 1964 г. Камчатское райГРУ, г. П. Камчатский, 1964 г. ТГФ, д. 957, стр.14-15.

56. Там же, стр. 30 - 42.
57. В. П. Белоногов. Отчет о поисково-разведочных работах на россыпное золото в бассейне ручья Каменистого Елизовского района Камчатской области за 1965 - 67 годы. Пос. Елизово, 1969 г. ТГФ, д. 2798, стр. 14-15, 27.
58. М. М. Задорнов. Краткая объяснительная записка к акту передачи месторождений россыпного золота рек Дальней и Средней Гольцовок прииску "Камчатский" в опытно-промышленную отработку. Пос. Елизово, 1967 г. ТГФ, д. 2304, стр. 7-9.
59. Коваль С. С. Отчет о результатах геологоразведочных работ Корякской ГРП за 1963-66 годы с подсчетом запасов россыпного золота по ручью Удачному на 1.03.1966 года. Село Северные Коряки, 1966 г. ТГФ, д. 1935, стр. 56.
60. Коваль С. С., Ежов Б. В. Сводный отчет о результатах поисковых работ на россыпное золото в бассейне рек Быстрой и Авачи, завершение детальной разведки россыпей ручьев Иудумича и Каменистого и поисково-геоморфологических работ на западных склонах Срединного хребта (Ключевская ГРП, 1971-72 гг., Западный поисково-геоморфологический отряд, 1972 г.). ТГФ, д. 3485, стр. 156-157.
61. Б. Д. Бабак, С. С. Коваль. Отчет о результатах геологоразведочных работ Щапинского ГРО, проведенных в 1966-67 годах и подсчет запасов россыпного золота в долине ручья Темного по состоянию на 1. 12. 1967 г. Южно-Камчатская ГРЭ. Елизово, 1967 г. ТГФ, д. 2341, стр. 4-6.
62. Там же, см. протоколы.
63. М. М. Задорнов, Б. Д. Калинин, А. М. Шварцман. Отчет о результатах геологоразведочных работ, проведенных Ольховской ГРП в 1968 году на территории Камчатского полуострова. Южно-Камчатская ГРЭ, г. Елизово, 1969 г. ТГФ, д. 2806, стр. 25-41.
64. Байков А. И., Берсон Г. Л., Грязнов Л. П., Еркин В. М., Карбивничий И. Н., Крылов В. В., Лопатин Б. В., Лукьянов В. Н., Никольский В. М., Тарасенко Т. В., Титов И. Н. Прогнозная оценка важнейших видов минерального сырья Камчатской области и планируемые затраты на разведку 1968 - 2000 годы. Петропавловск- Камчатский, 1968 г. ТГФ, д. 2508. Раздел "Золото" (автор Карбивничий И. Н.), стр. 120 - 166.
65. Там же, стр. 120 - 166.
66. Я. Ш. Геворкян, А. И. Шиш. Отчет о поисково-съёмочных работах масштаба 1:25 000, проведенных Озерновской партией летом 1958 года в Срединном Камчатском хребте в бассейне реки Озерновской. Камчатское райГРУ. ТГФ, д. 465, стр. 3, 77-92.
67. Я. Ш. Геворкян, А. И. Байков, В. В. Радченко. Отчет о геологоразведочных работах, проведенных Верхне-Кирганикской партией летом 1960 года. ТГФ, д. 636, стр. 8, 27.

68. Я. Ш. Геворкян. Отчет о поисково-разведочных работах, проведенных Оганчинской партией летом 1965 года на Оганчинском золоторудном поле. Том 1. ТГФ, д. 1878, стр. 66.
69. Д. Х. Уразуметов. Промежуточный отчет о результатах поисково-разведочных работ, проведенных на Оганчинском золоторудном месторождении в 1967-1968 гг. Оганчинская партия, пос. Елизово, 1969 г. ТГФ, д. 2883, стр. 60.
70. А. Д. Охрицкий, Г. В. Кувакин. Окончательный отчет о поисково-разведочных работах, проведенных Оганчинской ГРП на Оганчинском золоторудном месторождении в 1966 - 1971 годах. Пос. Елизово, 1972 г. ТГФ, д. 3413, стр. 8.
71. Там же, стр. 12 - 13.
72. Там же, стр. 252.
73. Ю. Н. Сергеев, Г. П. Преображенский, Ш. Ш. Гимадеев, А. Б. Кравцев. Геологическое строение и полезные ископаемые средней части листа Р-58-IV. Промежуточный отчет 2-й Чалбугчанской геолого-съемочной партии масштаба 1:200 000 за 1967 год. Пос. Первореченск, 1968. ТГФ, д. 2492, стр. 99 - 100.
74. Г. П. Преображенский, Ш. Ш. Гимадеев, А. В. Кравцев. Геологическое строение и полезные ископаемые листа Р-58-IV (бассейны рек Большого Чалбугчана и Холоховчана). Окончательный отчет Чалбугчанской ГСП масштаба 1:200 000. 1966 - 1968 гг. Пос. Первореченск, 1969 г. ТГФ, д. 2959, стр. 272-273.
75. Там же, стр. 278.
76. Ш. Ш. Гимадеев, Л. Ф. Гимадеева. Отчет о поисковых работах на золото в бассейне реки Кубавеем. Сергеевская ГПП ОКГРЭ, п. Корф, 1971 г. ТГФ, д. 3266, стр. 31-32.
77. Там же, стр. 33-34.
78. Там же, стр. 34.
79. Там же, стр. 35.
80. Там же, стр. 38.
81. Там же, стр. 39.
82. Там же, стр. 40-42.
83. Там же, стр. 57.
84. Г. П. Шипицын, Ш. Ш. Гимадеев. Поисково-разведочные работы на Сергеевском золоторудном месторождении. Окончательный отчет о работе Сергеевской поисково-

- разведочной партии за 1972-73 годы. Пос. Корф, 1973 г. ТГФ, д. 3559, стр. 195 - 197.
85. В. П. Хворостов, Л. Л. Ляшенко, С. В. Зайцев, Р. Б. Газизов, Л. А. Безрукова. Отчет о предварительной разведке и поисковых работах на Сергеевском золоторудном месторождении, проведенных Сергеевской ГРП в 1973 - 1978 годах с подсчетом запасов по состоянию на 1. 01. 1979 г. Пос. Корф, 1978 г. ТГФ, д. 4145, стр. 185.
86. Там же, стр. 22.
87. Там же, стр. 23.
88. Там же, стр. 389-390.
89. Там же, стр. 195.
90. Там же, стр. 389-390.
91. З. А. Абдрахимов, Д. А. Бабушкин, Н. Н. Аврамова, А. К. Боровцов, В. А. Кучуганов. Отчет о работе Ичинской геолого-съемочной партии масштаба 1:200 000 за 1964 г. (южная часть листа № 57-II). Петропавловск-Камчатский, 1965. ТГФ, д. 1665, стр. 163-181.
92. З. А. Абдрахимов, В. А. Кучуганов. К вопросу открытия и дальнейшего изучения Агинского золоторудного проявления. ТГФ, д. 3002, стр. 1.
93. Там же, стр. 2.
94. В. А. Нодия, Б. Н. Черепов, Л. А. Агафонова. Отчет о результатах детальных поисковых работ, проведенных Балхачским отрядом в 1970 г. в верховьях рек Ага, Вьюн и Кетачан-2. КГСЭ КТГУ, 1971 г. ТГФ, д. 3210, стр. 6.
95. З. А. Абдрахимов, В. А. Кучуганов. К вопросу открытия и дальнейшего изучения Агинского золоторудного проявления. ТГФ, д. 3002, стр. 3.
96. Там же, стр. 4 - 6.
97. В. А. Нодия, Б. Н. Черепов, Л. А. Агафонова. Отчет о результатах детальных поисковых работ, проведенных Балхачским отрядом в 1970 г. в верховьях рек Ага, Вьюн и Кетачан-2. КГСЭ КТГУ, 1971 г. ТГФ, д. 3210, стр. 10.
98. Там же, стр. 39.
99. Там же, стр. 68.
100. Там же, стр. 79.
101. Б. В. Гузман, И. Д. Петренко, С. Д. Сергиенко, П. А. Озорнин и др. Отчет о предварительной разведке Агинского месторождения за 1973 - 1977 гг. Мильково,

- 1977 г. ТГФ, д. 4047, стр. 13.
102. Н. Казначеевская. На ладонях геолога. "Камчатская правда", 17. 11. 1973 г.
103. Б. В. Гузман, И. Д. Петренко, С. Д. Сергиенко, П. А. Озорнин и др. Отчет о предварительной разведке Агинского месторождения за 1973 - 1977 гг. Мильково, 1977 г. ТГФ, д. 4047, стр. 15.
104. Там же, стр. 166-167.
105. О. Ю. Рождественский, К. А. Харькевич, С. Д. Сергиенко. Отчет о предварительной разведке участка Перевального Агинского золоторудного месторождения за 1977 - 1980 гг. Мильково, 1980 г. ТГФ, д. 4359, стр. 11-12.
106. Ю. Ф. Волков, О. Ю. Рождественский, П. А. Озорнин, А. Д. Охрицкий, С. В. Зайцев и др. Отчет о детальной разведке рудных тел центральной части Агинского пучка рудоносных зон Агинского золоторудного месторождения за 1979 - 1985 гг. (2 очередь). Мильково, 1985 г. ТГФ, 4951, стр. 45.
107. Т. И. Василенко, Л. Б. Афанасьева. Отчет о поисковых работах в пределах Тклаваямского золоторудного поля. Аметистовая партия, 1975 - 1978 гг. ТГФ, д. 4148/1, стр. 17.
108. Там же, стр. 18.
109. Там же, стр. 18-19.
110. Там же, стр. 19, 20.
111. Там же, стр. 63.
112. Там же, стр. 65.
113. Там же, стр. 212.
114. Деревянко Т. И., Деревянко Н. С., Газизов Р. Б., Л. Б. Афанасьева, Н. М. Эркенова. Отчет о детальных поисковых работах на флангах участка Аметистового Тклаваямского рудного поля. Пос. Корф, 1979 г. ТГФ, д. 4261, стр. 199.
115. В. П. Хворостов, Р. Б. Газизов, Л. А. Безрукова. Отчет по поисково-оценочным работам на южном фланге 3-й группы жил Аметистового месторождения в 1979 - 1981 гг. Пос. Корф, 1981 г. ТГФ, д. 4454, стр. 33 - 34.
116. В. П. Зайцев, М. Е. Федосеева, Ю. П. Рожков и др. Геологическое строение и оценка промышленного значения золотосеребряного месторождения Аметистовое Тклаваямского рудного поля. Отчет по результатам детальной разведки центральной части Аметистового золоторудного месторождения за 1991 - 1994 гг. в 5 книгах.

Книга 1. Палана, 1994 г. ТГФ, д. 5812, стр. 41 - 42.

117. Там же, стр. 45.
118. Там же, стр. 106, 114.
119. Н. М. Большаков. Отчет о результатах детальных поисковых работ на площади Асачинского рудного поля, проведенных в 1978 - 1981 годах. Асачинская поисковая партия КГСЭ. Петропавловск-Камчатский, 1982 г. ТГФ, д. 4534, стр. 16-17.
120. А. П. Игнатов. Отчет о результатах детальных поисковых работ на участках Родниковом и Карбонатном и поисково-оценочных работ на жилой зоне Родниковой, проведенных в 1979 - 82 гг. Петропавловск-Камчатский, 1982 г. ТГФ, д. 4572, стр. 54.
121. Н. М. Большаков. Отчет о результатах детальных поисковых работ на площади Асачинского рудного поля, проведенных в 1978 - 1981 годах. Асачинская поисковая партия КГСЭ. Петропавловск-Камчатский, 1982 г. ТГФ, д. 4534, стр. 17.
122. Там же, стр. 18.
123. В. В. Валов, А. П. Игнатов, В. Г. Белоусова, А. А. Шахов, А. В. Шелакин. Отчет о результатах детальных поисков золоторудных тел на площади Верхне-Паратунского рудного поля. Вилючинская поисковая партия КГСЭ, 1977 - 1980 гг. ТГФ, д. 4329.
124. Там же, стр. 61.
125. Там же, стр. 155.
126. Н. И. Самылов, И. Д. Петренко, В. В. Лаштабег, Л. Г. Буланая, В. В. Печкин. Отчет о результатах поисково-оценочных работ на жилах № 42 и 43 Родникового участка в 1983 - 85 гг. Петропавловск-Камчатский, 1985 г. ТГФ, д. 4871, стр. 39.
127. А. П. Игнатов. Отчет о результатах детальных поисковых работ на участках Родниковом и Карбонатном и поисково-оценочных работ на жилой зоне Родниковой, проведенных в 1979 - 82 гг. Петропавловск-Камчатский, 1982 г. ТГФ, д. 4572, стр. 133-134.
128. Там же, стр. 101.
129. Там же, стр. 112.
130. А. В. Афанасьев, И. А. Суханов, М. Н. Афанасьева и др. Отчет о результатах поисково-оценочных работ на флангах Родниковой рудной зоны и поискового доизучения флангов одноименного рудного поля за 1989 - 1992 гг. Мильково, 1992 г. ТГФ, д. 5659, стр. 19.

131. Н. М. Большаков. Отчет о результатах детальных поисковых работ на площади Асачинского рудного поля, проведенных в 1978 - 1981 годах. Асачинская поисковая партия КГСЭ. Петропавловск-Камчатский, 1982 г. ТГФ, д. 4534, стр. 106.
132. Там же, стр. 113.
133. Н. М. Большаков. Отчет о результатах поисково-оценочных работ на флангах и глубоких горизонтах жильной зоны № 1 Асачинского месторождения, проведенных в 1983 - 1985 гг. Мильково, 1986 г. ТГФ, д. 5040, стр. 26.

3. ПЛАТИНА И АЛМАЗЫ КАМЧАТКИ

134. А. Д. Зубко, Ф. П. Филимонов. Отчет о результатах работ специальной партии по поискам пропавших без вести в 1953 году сотрудников полевых партий в Усть-Камчатском районе и на острове Парамушир. Петропавловск-Камчатский, 1954 г. ТГФ, д. 91.
135. Там же, стр. 60-80.
136. Там же, стр. 30 -31.
137. Там же, стр. 45.
138. Меняйлов И. А., Никитина Л. П., Шапарь В. Н. Геохимические особенности вулканических газов. Большое трещинное Толбачикское извержение. Камчатка, 1975-1976. М., Наука, 1984, стр. 297-305.
139. Г. Г. Кайгородцев. К вопросу поисков алмазов на территории северо-востока СССР. ГУ Дальстроя МВД СССР. Геолого-поисковый отдел. Магадан, 1949 г. ТГФ, д. 2653, стр. 1-4.
140. А. И. Байков. Перспективы рудоносности Камчатки. Рукопись, любезно предоставленная автору для работы.
141. Письмо от 27.05. 1994 г. № БЯ - 20/1418.
142. И. Д. Петренко, М. И. Надежкин, А. С. Авдеев и др. Справка о состоянии минерально-сырьевой базы Корякского автономного округа и перспективах ее развития. Камчатгеолком, Петропавловск-Камчатский, 1977 г.
143. С. А. Щека, А. В. Игнатъев, А. А. Вражисек. К проблеме генезиса карбонадо. Тезисы доклада. Петрозаводск, 1995, стр. 185 - 187.
144. А. И. Байков. Научный поиск алмазов продолжается. Рукопись, любезно предоставленная автору для работы. 1998 г., стр. 2 - 3.

- 145. Там же, стр. 3.
- 146. Там же, стр. 4.
- 147. Там же, стр. 5.
- 148. Там же, стр. 6.

4. ГЕОЛОГИ НА КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВАХ

- 149. Ю. В. Жегалов, В. П. Вдовенко. Геологическое строение Командорских островов. Петропавловск-Камчатский, 1959 г., стр. 93.
- 150. Там же, стр. 114.
- 151. Там же, стр. 118.
- 152. Там же, стр. 119.
- 153. О. А. Шмидт. Перспективы использования минеральных ресурсов Командорских островов. В сборнике "Природные ресурсы Командорских островов", изд-во Московского университета, 1991 г., стр. 30.
- 154. Там же, стр. 31.
- 155. Там же, стр. 32 - 35.
- 156. Е. О. Пономарева, Л. Б. Исаченкова. Общая физико-географическая характеристика Командорских островов. В сборнике "Природные ресурсы Командорских островов", изд-во Московского университета, 1991 г., стр. 19.

5. ГЕНЕРАЛЫ КАМЧАТСКОЙ ГЕОЛОГИИ

- 157. Из стихотворения коллектива геологов СКГРЭ к 60-летию Ю. П. Рожкова.
- 158. К. М. Севостьянов. Четверть века в поисках нефти и газа на Камчатке (1950 – 1975). Краеведческие записки, выпуск 9. Камчатский областной краеведческий музей. 1995 г.
- 159. Г. М. Власов. Избранные страницы. Сборник Камчатского областного краеведческого музея "Краеведческие записки", выпуск 9. Петропавловск-Камчатский, 1995 г.

160. Сборник "Материалы совещания геологов Восточной Сибири и Дальнего Востока по методике геолого-съемочных и поисковых работ". Чита, 1956. Изд-во Министерства геологии и охраны недр СССР.
161. Сборник "Материалы по исследованию химического сырья Дальнего Востока". Владивосток, 1958. Изд-во Дальневосточного филиала АН СССР.
162. Тезисы докладов по разработке унифицированных стратиграфических схем Сахалина, Камчатки, Курильских и Командорских островов. Ленинград, 1959. Изд-во ВНИГРИ Министерства геологии и охраны недр СССР.
163. Тезисы докладов 2-му Всесоюзному вулканологическому совещанию. Ереван, 1959. Изд-во АН СССР.
164. М. Г. Патока. Диссертация на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук, 1983 г. ТГФ, д. 4680.

6. МАРШРУТЫ ОКОНЧЕННЫЕ И ПРЕРВАННЫЕ

165. А. Кузьма. Король тундры. Газета "Геолог Камчатки", № 13, 10 июля 1969 г.
166. Там же.
167. Об этом свидетельствует, например, геолог В. П. Зотов, работавший все лето 1953 г. на о. Парамушир.
168. А. Д. Зубко, Ф. П. Филимонов. Отчет о результатах работ специальной партии по поискам пропавших без вести в 1953 году сотрудников полевых партий в Усть-Камчатском районе и на острове Парамушир. Петропавловск-Камчатский, 1954 г. ТГФ, д. 91, стр. 53.
169. Там же, стр. 58-59.

Александр СМЫШЛЯЕВ родился в 1952 году в краю охотников, геологов и горняков - Горной Шории, на юге Сибири. Живет в Петропавловске-Камчатском, занимается журналистикой. За его плечами не только газетные публикации, книги, телевизионные фильмы и программы, но и почти двадцатилетняя работа в геологии. В 1976 году им открыто перспективное урановое рудопроявление Лоскутниковское в Сибири.

После этого он работал на поисках абразивных кварцитов и корунда для знаменитого Колыванского завода, на разведке золоторудных месторождений и поисках россыпей золота, прошел путь от геолога до заместителя начальника Пенжинской экспедиции на севере Камчатки.

Настоящая книга - плод его исследовательских работ по истории развития геологической отрасли на Камчатке. В этих исследованиях он еще в пути, а потому отобразил в данной документальной книге только небольшую частицу богатой, интересной жизни геологов в одном из самых экзотических регионов России.

* * *